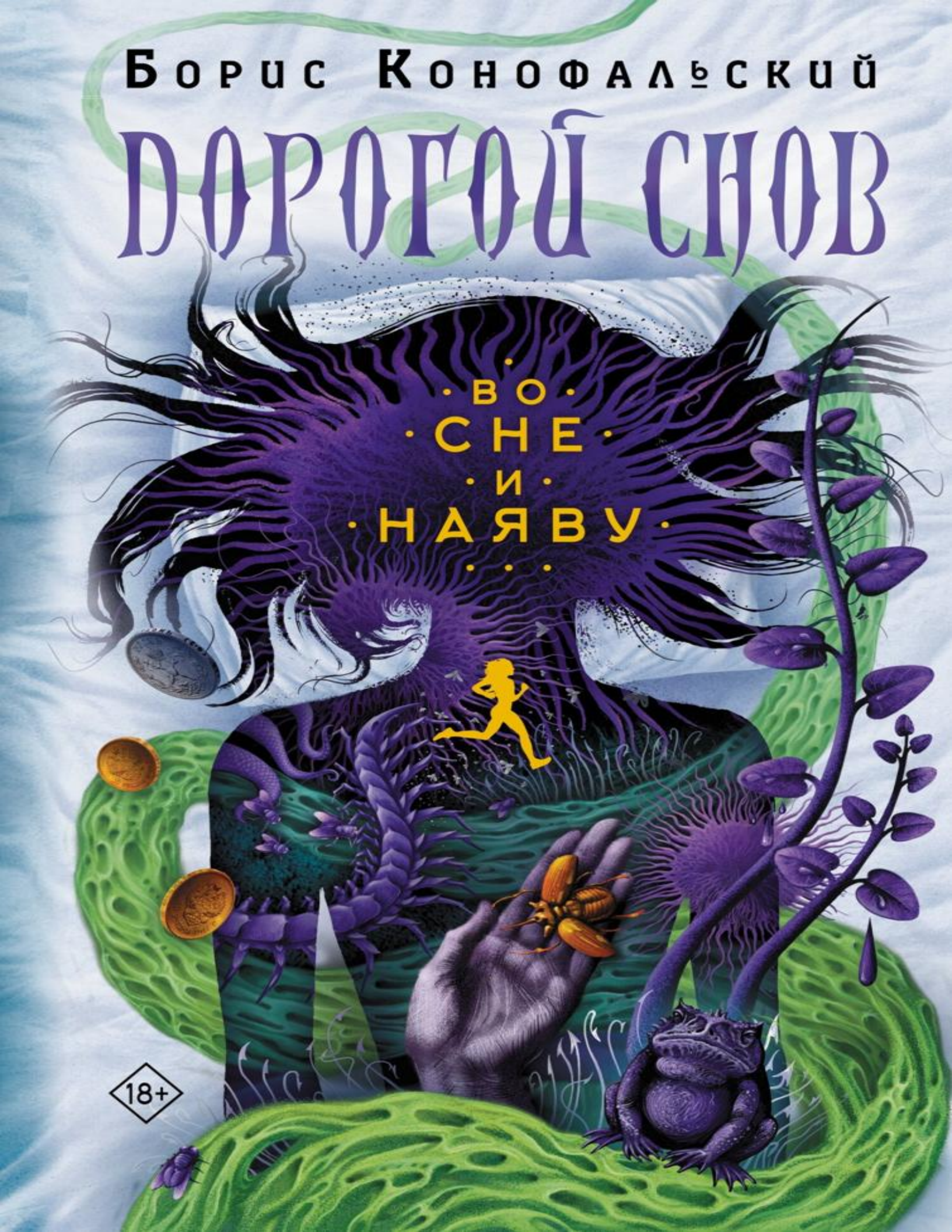
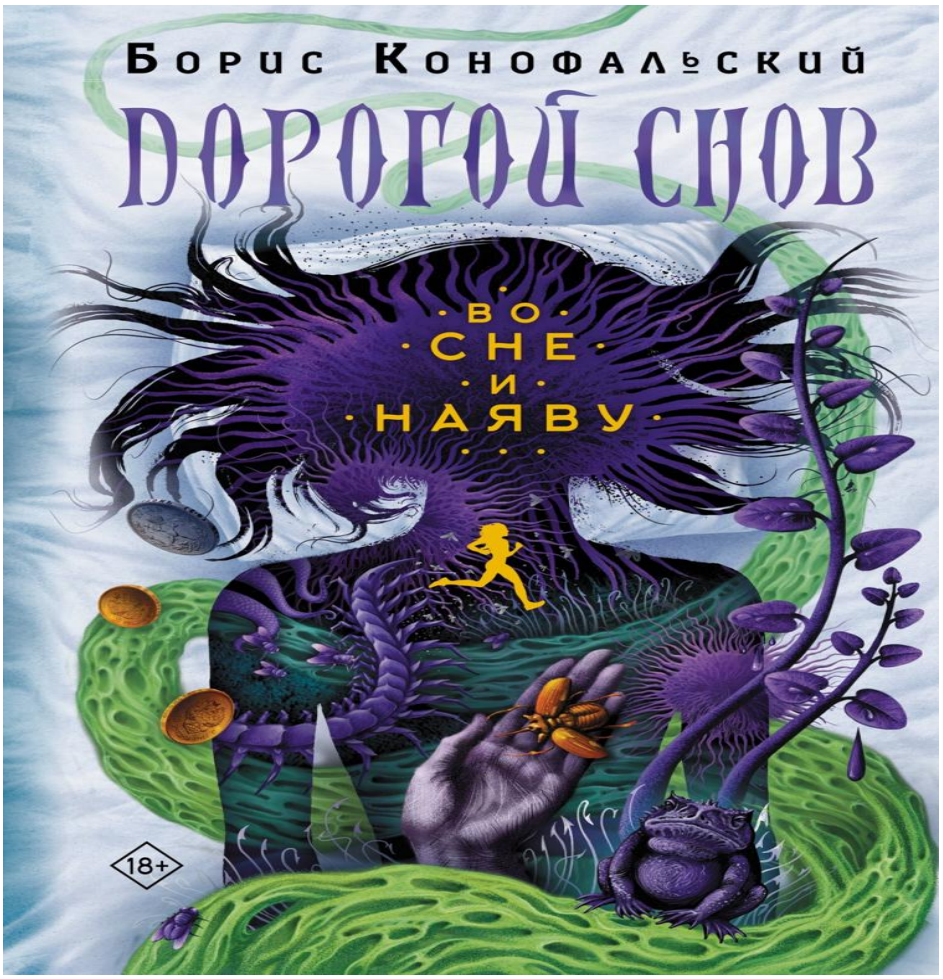
Борис Конофальский

Дорогой сновидец

Во сне и наяву

18+

Борис Конофальский
Дорогой снов
во сне и наяву
18+

Annotation

Беги, или умрешь. Научись давать отпор, или умрешь. Будь в этом ужасном месте самым страшным чудовищем… Таковы правила, которые Светлане придется научиться применять, ведь мир снов не только вполне реален, но и тесно связан с нашим, смерть там означает гибель и здесь. Поэтому девушка постигает непростые уроки выживания, а между тем охота на нее начинается и во сне, и наяву. Кто она и почему с ней происходит все это?.. Света и сама хотела бы знать ответ на этот вопрос.

- Борис Вячеславович Конофальский
  -
  - Глава 1
  - Глава 2
  - Глава 3
  - Глава 4
  - Глава 5
  - Глава 6
  - Глава 7
  - Глава 8
  - Глава 9
  - Глава 10
  - Глава 11
  - Глава 12
  - Глава 13
  - Глава 14
  - Глава 15
  - Глава 16
  - Глава 17
  - Глава 18
  - Глава 19
  - Глава 20
  - Глава 21
  - Глава 22

- Глава 23
- Глава 24
- Глава 25
- Глава 26
- Глава 27
- Глава 28
- Глава 29
- Глава 30
- Глава 31
- Глава 32
- Глава 33
- Глава 34
- Глава 35
- Глава 36
- Глава 37
- Глава 38
- Глава 39
- Глава 40
- Глава 41
- Глава 42
- Глава 43
- Глава 44
- Глава 45
- Глава 46
- Глава 47
- Глава 48
- Глава 49
- Глава 50

Борис Вячеславович Конофальский
Во сне и наяву

© Конофальский Б., 2023
© ООО «Издательство АСТ», 2023

Глава 1

Открыть глаза. Закрыть глаза. Снова открыть. Ничего, абсолютно ничего не меняется. Ничего. Слепота? Ее глаза больше не видят? Она вспомнила еще не очень давний урок физики. Фотоны. Училка по физике, Анна Аркадьевна, говорила про них, что это частицы света, что летят в пространстве. Что эти частицы и есть свет. Так вот, ни один фотон в это пространство, где сейчас она находилась, не залетел. Полная темнота. Непроглядная тьма. Тьма такая, словно у нее попросту не было глаз. А еще влажность, которая пробирает прохладой спину. Прохладная сырость и полная темнота. Да, она чувствовала, как промокли ее майка и трусы со спины. У нее еще и ступни ног, и особенно пальцы, чуть-чуть замерзли. А руки ее, которые она держала вдоль тела, нащупывали влажные комочки. Земля была сырой и рассыпалась под пальцами. И тут ей показалось, что по правой ноге ее что-то… кто-то ползет. Маленькие крючочки цепляются за ее кожу, цепляются и цепляются, настойчиво ползут вверх по ноге. Начали с голени и, цепляясь дальше, приближаются к колену. Девочка больше всего на свете не любила всяких жуков и вообще насекомых. Всех. А тут какой-то жучок, или кто еще там, ползет по ее ноге. Да еще в этом мраке она не могла поглядеть на него. Не могла увидеть ЭТО. Страх вперемешку с омерзением. От УЖАСА девочка закричала, вернее, вскрикнула коротко, встряхнула ногу: сбросить, сбросить, сбросить эту дрянь с себя. Немедля. Она даже попыталась приподняться, чтобы стряхнуть это с ноги… В полном мраке девочка бьется зубами и губами обо что-то жесткое. На лицо сыплется песок и мелкие камушки, их мало, но теперь еще и песок

скрипит на зубах, а во рту мерзкий привкус крови. Но ни песок, ни кровь, ни даже та тварь, что ползет по ее ноге, не вызывают в ней такого ужаса, как осознание того, что в этой кромешной тьме над ней что-то нависает. Большое, тяжелое, каменное. Она даже позабыла на время о том, что по ней кто-то ползает, теперь девочке было нужно… просто необходимо узнать, что это над ней, что под ней и где она вообще находится. И предчувствие чего-то ужасного зарождалось у нее в душе тем больше, чем больше она начинала осознавать себя, свое положение. Кажется, она просыпалась. Приходила в себя от глубокого, глубокого сна, в котором случилось что-то страшное. Мысли ее становились все четче. Темнота, сырая земля, нависающее над ней нечто, какая-то дрянь, ползающая по ноге.

Что это такое? Где она? Почему она здесь? Ведь вчера, девочка это сейчас отлично помнила, она ложилась в свою постель, в своей комнате, которую делила с двумя пятилетними братьями.

А теперь где она? Как она тут очутилась? Что это такое вокруг?

Та тварь уже доползла до колена. Девочку аж затрясло. В попытке стряхнуть ее она захотела согнуть колено и сразу ударилась им о камень, что нависал над ней. В том, что это был камень… ну или что-то такое же твердое и холодное, сомнений уже не оставалось. Девочка, на секунду позабыв про существо, что ползало по ноге, попыталась поднять руку, но опять ударилась, на сей раз костяшками пальцев. Камень, кажется, был повсюду. Она поняла, и для этого ей не нужны были глаза, что лежит на сырой земле под огромным камнем, в полном мраке и сырости. Девочка проглотила слюну с привкусом крови, стиснула зубы, как будто боялась, что ее кто-нибудь услышит, и негромко завыла. Ничего другого она сейчас не могла сделать. Только выть. Но собственный вой еще больше напугал ее. Звук собственного голоса был отвратительным и пугающим, до ужаса глухим. Это был звук могилы. Девочка была уже достаточно взрослой и понимала, что такое смерть и могила. И это место казалось как раз тем, что могло так называться. Она поняла, что погребена. Ужас обрушился на нее горячей волной, да еще та тварь, что ползла по ней, кажется, решила, что ее нога выше колена – неплохая еда, или дом, или место для кладки яиц. Тварь начала весьма основательно, по-деловому, вгрызаться в кожу девочки. Не просто укусила вдруг, а именно стала вгрызаться, крепко и надежно вцепившись в кожу лапами-крючками,

чем-то острым стала ее прокусывать, один укус за другим, один за другим. Помимо того, что ей было больно, это место еще и дико чесалось, но хуже всего то, что ей было страшно.

Страшно от того, что кто-то, хоть и невидимый, но явно мерзкий, настырно и усердно дырявит кожу. Какие-то мысли, попытки что-то понять и так были зыбки, эфемерны от заливающего душу ужаса, а тут и вовсе покинули ее. Она уже не могла ни понимать, ни думать, ни анализировать. Девочку затрясло, выгнуло. Ей надо во что бы то ни стало освободиться, выбраться отсюда. Выбраться, чего бы это ни стоило. Ее мозг разрывал ужас: тьма, прохладная сырость, могильные звуки, какая-то тварь на ноге и этот страшный камень, камень, почти придавивший ее к мерзкой и холодной земле! Девочку затрясла истерика, она сначала выгнулась, закричав что было сил, а от сдавленного и глухого, поистине замогильного голоса ей стало еще хуже, еще страшнее. Она задергалась, лишь бы сбросить эту тварь с ноги. Дважды сильно ударилась лицом о камень, сначала бровью и еще раз зубами. Потом она попыталась дотянуться до въедливой твари рукой, но лишь расцарапала в кровь костяшки пальцев. И лишь разбив о все тот же камень еще и колено, она все-таки сковырнула с себя это существо и, кажется, раздавила эту тварь. Но от этого легче почти не стало. Истерика прошла, вернее, затихла – девочка устала, растратив много сил. Она все еще лежала на влажной земле, и над ней все еще висел проклятый огромный камень. И ужас от осознания этого никуда не делся. Девочка была уже весьма самостоятельной, но тут это ровным счетом ничего не решало. Что ей делать, что? Умереть в этом ужасе?

Заснуть? Звать кого-то? Тут она не выдержала, заплакала и позвала… Конечно же, маму…

– Мама… – И, уже не пугаясь замогильного звука своего голоса, повторила: – Мама… – и больше ничего произнести не смогла. Теперь даже говорить ей не хотелось, она просто лежала без слез и стонов, подрагивала от холода и ожидания, что кусачая тварь вернется и снова вопьется в кожу. Больше ей, кажется, тут ждать было нечего.

Поэтому от того, что произошло в следующую секунду, она вздрогнула.

– Кто здесь? – раздалось в темноте.

Да! Да! Да! Кто-то ее спрашивал! Спрашивал чистым голосом, не приглушенным спертым воздухом могилы, не сдавленным от ужаса. Она даже дышать перестала от волнения.

«Мне это не послышалось, не послышалось», – убеждала себя девочка, собираясь что-то ответить. Но что? Как назло, ничего не шло в голову, а еще она побаивалась, что эти слова ей почудились, ответь она на вопрос, ничего не произойдет и больше ничего она не услышит. И тут снова прозвучали слова, все тот же вопрос сказан был чистым голосом и тоном, которым говорят добрые люди, обязательно добрые люди.

– Здесь кто-то есть?

– Я… Я здесь, – почти закричала девочка, все еще боясь, что ей больше не ответят.

И опять звуки ее голоса были ужасны, а звуки отвечающего чисты и красивы.

– «Я»?.. – Пауза. – А есть ли у вас название? Имя? Вы имеете имя?

Девочку не удивил такой вопрос, ей сейчас вообще было не до удивления. И попытка выяснить название не показалась странной: она поспешила сообщить имя, она почему-то думала, что это важно:

– Я Света, Светлана Фомина.

– Света, Светлана Фомина, – как бы раздумывая, произнес некто тем же чистым голосом. А после опять спросил: – Вы находитесь ниже уровня горизонта, над вами грунт, вы там внизу от кого-то прячетесь?

– Нет, нет, – спешила ответить девочка, – я тут не прячусь… Я не знаю, как тут оказалась. Я не прячусь… Нет…

Она говорила быстро, едва не сбиваясь на рыдания. Светлана очень боялась, что обладатель красивого голоса вдруг перестанет с ней говорить.

– Вы хотите оттуда выбраться? Или мне это кажется?

– Нет, не кажется, не кажется… Я очень хочу отсюда выбраться! – Фомина уже почти кричала, и загробный звук голоса уже не пугал ее. – Я очень хочу! Не могли бы вы мне помочь… Или… Или позвать кого-нибудь на помощь?

– Не уверен, что смогу вам помочь… – Эти слова для Светланы прозвучали страшно. – И уж точно для вас будет только хуже, если кто-то из местных обитателей прознает о вашем существовании.

– Что? – Светлана Фомина готова была снова сорваться в истерику. – Вы не можете мне помочь и не хотите никого позвать мне на помощь?

– Нет, вы не правы, я хочу вам помочь, но чем? Здесь, в месте, где я нахожусь и рядом с которым находитесь вы, лучше никому о вас не сообщать. Там, под грунтом, вы в безопасности.

– Я не нахожусь здесь в безопасности, не нахожусь, не нахожусь, – едва не кричала девочка. – Я хочу выбраться отсюда.

– Выбраться… Выбраться… – повторил голос как-то задумчиво. – Не думаю, что для вас это будет лучше, но я не буду брать на себя смелость и давать советы… – Некто чуть помолчал, еще раз напугав Светлану тишиной, и продолжил: – Мне отсюда не очень хорошо слышно, но поначалу мне показалось, что справа от вас есть полость, она заметно больше той полости, в которой находитесь вы.

– Полость? – Фомина не понимала, о чем ей говорит собеседник. – Полость?

– Да, теперь я могу сказать это с уверенностью, справа от вас есть пространство большего объема, чем то, в котором вы сейчас находитесь. Вам нужно двигаться правее от своей оси, если вы, конечно, не зафиксированы теми обломками, которые над вами. Вы можете двигаться?

– Двигаться? Да, кажется, я могу двигаться. Направо, да?

– Направо от вашей оси, если вы лежите полостью рта кверху.

«Полостью рта кверху»… Девочка не стала долго думать над этими словами и вытянула правую руку вдоль земли и, к своей радости, ни до чего не дотронулась.

– Мне туда ползти?

– Попробуйте. Там объем значительно больше того, в котором находитесь вы.

И Светлана, ударяясь коленками о камень, висящий над ней, стала по сантиметру, по сантиметру просачиваться вправо от себя.

Она все еще очень боялась, что голос исчезнет, и поэтому спрашивала:

– Я правильно ползу, вы меня видите?

– Я вас не вижу, но я слышу колебания воздуха, что вы производите, они становятся отчетливее, я слышу вас, думаю, вы преодолеваете пространство в правильном направлении.

Этот голос в полной тьме, в сырой прохладной могиле был для девочки единственным, что давало хоть какую-то надежду.

Он позволял ей не сойти с ума от страха, граничащего с паникой, и не провалиться в истерику от безысходности. Он для Светланы был словно маяк для корабля в беспросветной ночи, он давал ей направление к спасению. Она ползла лицом вверх, тяжело дышала, протискивалась между влажной землей и камнем, то и дело ударяясь о камень коленками. И один раз даже лбом. Но Светлана была очень рада тому, что все еще ни во что не уперлась по ходу своего движения. И тому, что голос ей отвечал.

– Я правильно ползу?

– Вы двигаетесь в правильном направлении, – слышала она все так же четко и хорошо.

И тут, когда она уже основательно сместилась вправо и случайно согнула колено больше, чем нужно… Колено вдруг не ударилось о камень. Волнуясь, девочка проползла еще немного и смогла согнуть оба колена. Камень теперь был уже не так близок, как раньше, коленями она его не доставала. Девочка с замиранием сердца подняла руку. И, о чудо… рука выпрямилась до конца, и только пальцы смогли прикоснуться к ненавистному камню. Она тут же перевернулась и села на колени, теперь лишь ее голова прикасалась к камню. Наконец-то она могла сидеть, жаль, что голову выпрямить было нельзя.

Светлана перевела дух, да, конечно, стало лучше. Пусть даже тьма так и осталась тьмою, но теперь она уже не была зажата в щели, теперь она могла двигаться. Например, обшарить темноту руками и ничего в ней не найти. Но тут же у нее возник вопрос, который она немедля задала:

– А дальше мне куда?

– Дальше?

Девочка опять обрадовалась, услышав голос.

– Я не очень хорошо слышу, куда вам двигаться дальше, попробуйте повернуться направо, относительно своей оси… Градусов на восемьдесят.

Из всего сказанного девочка поняла лишь «повернуться направо».

Она сразу сделала это.

– Так?

– Да, вибрации стали четче, но попробуйте повернуться еще на двадцать градусов вправо.

– Так? – спросила она, еще чуть-чуть развернувшись.

– Да. Вот сейчас вы заняли идеальное направление, – прозвучал голос. – Теперь двигайтесь в этом направлении. Это путь на поверхность, если, конечно, вы считаете, что вам там будет лучше.

Она даже говорить на эту тему не стала. Что бы там ни было, тут Светлана оставаться не хотела точно. Девочка встала на четвереньки и поползла вперед, одной рукой шаря пред собой. Ей не хотелось налететь головой на камень. И хотя снова пространство перед ней сужалось, а каждые несколько пройденных метров она уточняла правильность своего направления, всякий раз невидимый собеседник сообщал, что звуки ее голоса становятся четче. И она ползла дальше. Единственное, что пугало девочку – под колени и ладони стали попадаться живые, колючие, хрустящие жуки, которых она случайно давила и которые при этом пытались укусить. Это, судя по всему, были те же гадины, что и первая, пытавшаяся прогрызть ей ногу. Они, конечно, пугали Светлану, но точно не могли остановить, она ползла и ползла вперед.

Глава 2

Кусаки становились все больше и все злее. Один из таких, чуть хрустнув под левой ладонью, сначала впился в нее каким-то ее шипом, а потом вцепился в мизинец, да так, что она вскрикнула и остановилась, чтобы оторвать твердую и страшную тварь от руки. Оторвала ее с силой, уколовшись еще раз, и, забыв страх, сжала так, чтобы раздавить кусаку. Кинула колючую тварь куда-то в сторону и всхлипнула от боли в исколотых руках.

Самое ужасное было то, что она их не видела. И поэтому не могла избегать контактов с ними. Девочка опять всхлипнула.

– Вы приостановили движение? – донесся до нее голос.

– Я уже ползу, ползу, – ответила девочка, не без волнения опуская ладони на землю. – Тут просто какие-то жуки… Они колют руки и кусаются.

– Если вы рассчитываете на мою помощь в продолжении вашего пути наверх, то вам нужно торопиться, мое время тут истекает, вскоре мне нужно будет покинуть эту локацию.

«Покинуть локацию, покинуть локацию… это значит уйти?» Страх, который только что, кажется, покинул Светлану, снова вернулся.

– Нет, я прошу вас, не уходите, скажите мне… куда мне ползти. И не уходите… пока… – стала быстро говорить она.

– Вы уже значительно продвинулись вперед, теперь возьмите… градусов двадцать пять левее от вектора предыдущего движения.

– Налево повернуть?

– Да, градусов на двадцать пять. И двигайтесь.

Светлана поползла вперед:

– Я правильно ползу?

– Да, правильно, но вам нужно торопиться, мое время истекает.

И тут ей стало уже не до жуков, которые хрустели под ладонями и коленями. Она ползла вперед, и теперь только одно волновало девочку:

– А когда вы хотите… Когда вы уйдете?

– Когда мои силы закончатся, я буду вынужден вернуться к себе.

– А когда они закончатся?

– Вы еще можете располагать мной какое-то время, я постараюсь быть с вами как можно дольше.

«Какие силы закончатся… какое-то время… как можно дольше…» – это ей ни о чем не говорило. Впрочем, назови он точное количество минут, это Светлане тоже не сильно помогло бы: девочка понятия не имела, сколько она тут находится и как тут течет время. Она просто старалась ползти вперед быстрее, уже не обращая внимания на уколы хрустящих «колючек», которых становилось все больше. Кажется, они еще и шипели. Но ничего, ничего, она старалась не обращать на гадин внимания, лишь спрашивала:

– Я правильно ползу? Правильно?

И с радостью, и с надеждой слышала ободряющее:

– Вы двигаетесь в верном направлении.

Девочка уже смирилась с тем, что руки, колени и даже голени были исколоты, одну тварь, небольшую, Светлана, не останавливаясь, вытряхнула из майки! Как она только туда забралась? Но пусть, пусть, лишь бы не добрались кусаки до лица. Ну и в трусы не забрались. Светлана торопилась, ей было не до кусак. А тут вдруг камень по ходу ее движения пошел вниз и вниз, вниз и вниз: сначала ей пришлось пригибаться, потом она поползла на животе, а потом… Камень опустился так низко к земле, что ей удавалось просунуть вперед только руку.

Она готова была зарыдать… закричать… возмущаться… Она была зла на голос.

– Тут нет пути! Нет прохода! Нет прохода, я тут не пролезу.

– Да, кажется, так и есть, – невозмутимо отвечал голос, – кажется, тот объем не соответствует вашим габаритам. Но вы не должны меня упрекать, я не могу видеть пространство вокруг вас, я лишь слышу колебания воздуха, которые вы производите.

– Но что же мне делать? – кричала Светлана, вытаскивая руку из щели, срывая с нее кусаку и давя его. – Что мне теперь-то делать?

Одна мысль, что ей придется остаться тут, в этой тьме, с этими омерзительными тварями, могла довести ее до самоубийства. Да было бы еще тут чем самоубиться! Но голос опять вселил в нее надежду:

– Мне кажется, область малых объемов перед вами не так уж и велика, вы сможете переместить некоторое количество грунта в обратную сторону от направления вашего движения?

– Что? – не поняла она.

– Грунт, как мне кажется, влажен, – продолжал голос, – его плотность невысока, попробуйте убрать часть его со своего пути. Если это вам удастся, то вы продвинетесь весьма значительно к выходу на поверхность.

– Мне надо рыть? – Светлана снова вытянула руку, согнула пальцы и загребла как можно больше сырой земли.

– Да, попробуйте убрать часть грунта со своего пути.

Светлана никогда до этого не копала землю руками, но, к счастью, земля была влажной и рыхлой. Девочка чуть отползла назад и начала выгребать из-под себя грунт из щели. Это было бы несложно, если бы не кусаки. Она едва начала разбираться с землей, едва уяснила, как ее выгребать на себя, как откидывать в сторону, как снова почувствовала «крючки» на голени правой ноги. Тварь поползла к икре, кажется, ища места, где кожа помягче. Пришлось отвлечься от земли и скинуть эту мерзость с ноги. И сразу снова за дело, снова выгребать землю из-под камня. Она торопилась, ей очень не хотелось, чтобы голос оставил ее. От неловкости и торопливости она ударилась головой о камень, приостановилась, переводя дыхание:

– Я правильно копаю?

– Да, вы продвигаетесь в правильном направлении, но вам нужно поторопиться, мне уже пора уходить.

– Нет-нет, подождите, я копаю, копаю…

Она снова начала выгребать землю, но, видимо, ее активность, а может, запах привлекли внимание подземных существ, или кусак тут попросту было больше. Маленькие колючие твари забирались на нее и куда-то деловито ползли или при первой возможности впивались в руки, в ноги, в пальцы, в любое место, куда могли дотянуться. Это очень осложняло дело. Она протиснулась чуть вперед, стала подгребать под себя землю, чтобы собрать кучу побольше и потом выбросить ее из-под камня, вдруг – резкая боль. В левый мизинец ноги

впились жвала кусаки. Пришлось выползать из щели, отрывать гадину от пальца, а она оказалась еще такой большой! И мизинцу было больно. Светлана от злости, уколов ладонь, раздавила тварь и отшвырнула ее в сторону. И, плача от обиды и боли, снова начала выбирать землю, расширяя проход. И чем дальше копала девочка, тем этих неприятных существ становилось больше. В одном месте, в самом узком, где ее лицо было близко к земле, ловкий кусака запрыгнул ей на плечо и молниеносно перебрался на ухо. Светлана закричала! Быстро поползла обратно, схватила, оторвала эту мерзость от себя и, снова уколов руку, раздавила существо. Девочка всхлипнула, она очень хотела посмотреть на свои руки. Они болели, они были липкими то ли от ее крови, то ли от жидкости из жуков. Ладони исколоты, а некоторые проколы саднили, все-таки это от крови руки были липкими, а еще у нее болело под ногтями – это от земли, которой она уже выгребла немало. И опять кусака пополз по ноге. И опять она услышала голос:

– Если вы рассчитываете на мою помощь, вам следует ускорить продвижение.

Девочке очень хотелось заплакать, но последний год жизни дал ей понять, что слезы почти не помогают делу. Она сорвала с себя кусаку и снова полезла в щель под камень.

– Я правильно копаю? – со всхлипом спросила она.

– Да, вы двигаетесь в правильном направлении. Но вам следует торопиться, я уже почти на пределе своих сил. Мне скоро придется покинуть вас.

Ничего другого, чтобы ускорить работу, ей говорить было не нужно.

Девочка уже не обращала внимания ни на боль в ногтях, ни на кусак, которых становилось все больше: она стала выгребать землю из-под камня не хуже настоящего крота. В мизинец левой ноги впился очередной кусака – от испуга, да и от боли, Светлана закричала, бросила работу на пару секунд, вылезла из прохода, оторвала тварь от пальца, отшвырнула в сторону, во мрак, и тут же поползла обратно за новой порцией земли. Ей нужно было во что бы то ни стало покинуть могилу, увидеть свет до того, как голос исчезнет, оставит ее.

Зрячие люди и люди, которые не были погребены, никогда не поймут того ощущения, которое дает свет. Нет, ей не стало вдруг

светло, и она не смогла оглядеться, когда выгребла под себя и потом вытолкнула назад очередную порцию сырой и рыхлой земли. Но беспроглядная тьма вдруг сменилась глубокой и мутной серостью. Однако уже это заставило и так часто стучащее сердце забиться еще быстрее.

– Я вижу свет… – произнесла она, – кажется…

– И я слышу вас отчетливее, – донесся все такой же спокойный и чистый голос.

Эти слова заставили ее работать еще быстрее, загребать и вытаскивать землю, копать, копать, копать изо всех сил – слава богу, сил у девочки хватало. Хотя теперь ей, кажется, не хватало воздуха. Она молча расширяла проход под камнем, сопела и работала, ничего не говоря. Девочка уже увеличила отверстие, подумала, что уже может протиснуться туда, полезла, уж больно манил ее свет, которого становилось все больше. Там уже было заметно светлее, свободнее, воздух свежее. Это было глупо, нужно еще убрать земли, но она полезла…

Полезла и застряла. Чуть не закричала, когда подумала, что не сможет отползти назад, но, ободрав спину о камень, смогла вернуться и, плача от злости, продолжила выкапывать из-под камня землю. Пока не убедилась, что сможет пролезть. Надо было убрать еще немного земли, но девочке все-таки удалось протиснуться, проползти под камнем и вылезти в пространство, куда – о чудо! – проникал свет. Он падал сверху, и ей пришлось жмуриться, так как он был ослепителен и бел.

– Я вижу свет, – произнесла она.

Ей бы стоило поблагодарить голос, но не хватило сообразительности. На тот момент она ни о чем больше не хотела думать, кроме как добраться до выхода на поверхность.

– Я рад, что вы близки к тому, к чему стремились. Я еще раз упомяну, что я не желаю навязывать вам свое мнение, тем не менее повторю, что для вас будет лучше, если вы останетесь под землей, вам там будет значительно безопаснее, чем на поверхности. Вам просто нужно дождаться своего пробуждения там, под грунтом. И все.

– Дождаться пробуждения? Я не понимаю. Я что, сплю?

– Думаю… Да, вы спите. Скорее всего, это вам снится. И если бы вы остались там, ниже нулевого уровня, вы бы просто проснулись и,

скорее всего, даже не смогли бы вспомнить то, что с вами произошло во сне. Ну разве что удивлялись бы тем ранам, что обнаружили бы на себе с утра.

– Я ничего не понимаю…

– Признаться, я тоже мало что понимаю в этом, кроме того, что это сон, умерев в котором вы умрете и там… В своем естественном пространстве. Это я знаю наверняка.

Сон! Тем более она не будет тут сидеть. Тут ее просто заедят кусаки, их здесь очень много, очень. Перед ней был подъем, что вел наверх, к свету, и когда ее глаза привыкли, она увидела, как земля на этом подъеме шевелится и иногда в лучах падающего света поблескивают твердые панцири мерзких существ. Да и бог с ними, девочка стала карабкаться вверх, уже не обращая внимания на тварей. Она тут больше не останется, нет, нет и нет!

Ей нужен был свет, просто физически необходим. Почти так же, как и голос. И чтобы услышать его приятное спокойствие, она спрашивала:

– А что мне там может угрожать?

– На поверхности вам может угрожать все, – ответил голос.

– Все? – удивлялась она, карабкаясь по влажному грунту вперемешку с кусаками, которые то и дело пытались вцепиться в ее тело.

– Да, вы лакомый кусок для всего, что тут обитает, вы для всего сущего будете являться самой жизнью. Продолжением ее. Каждый кусочек ваших тканей будет для здешних обитателей капелькой, что удлиняет их существование.

Светлана уже почти добралась до верха.

– А когда я проснусь… Если меня тут… Если я тут не погибну, я проснусь у себя дома? Живая и здоровая?

– Да, вы проснетесь в том виде, в каком вы будете тут; если вас убьют, вы не проснетесь…

– А не могли бы вы сказать, кто может меня убить? Кого мне бояться больше?

– Все… Все существа, что тут обитают, представляют для вас опасность, не уходите с этого места, оно относительно безопасно; прячьтесь от медуз, старайтесь не шевелиться без надобности, опасайтесь даже жаб, они очень ядовиты. Не производите шума и

старайтесь не распространять свой запах, здешние существа реагируют на запахи, тепло и на движения. Если вы дождетесь своего пробуждения, то, скорее всего, вы и не вспомните, что были тут. А если ничто вам не напомнит о пребывании тут, то больше вы сюда, скорее всего, и не попадете. Желаю вам удачи.

– Подождите, подождите, – попросила девочка.

Она карабкалась вверх, к свету, упираясь ногами в рыхлый грунт, и уже почти вылезла на поверхность: осталась лишь пара метров, ей очень хотелось, чтобы голос побыл еще хоть немного. Еще хоть чуть-чуть. Но голос сказал, как ей показалось, с сожалением:

– Нет, боюсь, что это невозможно, дальнейшее мое пребывание с вами может обернуться для меня гибелью. Я уже и так здесь задержался.

И все. Ни хлопка, ни прощания. Голоса она больше не слышала.

Глава 3

Девочка торопилась и наконец вылезла из-под земли, из-под камня, она отряхивала руки и колени от прилипшего грунта, щурилась, оглядывалась по сторонам. И почти ничего не видела. Все вокруг заливал тяжелый и плотный туман. Кажется, пока ей ничего не угрожало, она так и стояла у большого камня, который на поверку оказался куском кирпичной стены с облупившейся штукатуркой. Руки болели, от ладоней и до локтей они были исколоты, изрезаны, грязны. Впрочем, как и ноги. А ее белье выглядело ужасно: оно и так не было новым, а тут и вовсе… Растянувшаяся, сырая, ветхая и грязная рванина… Хоть выбрасывай. А еще болело под ногтями. Все-таки немало земли ей пришлось выгрести и переместить. Но с этой болью можно смириться. Девочка стала приходить в себя.

Теперь, когда ужас пребывания под землей отступил, она почувствовала себя лучше. Можно сказать, что девочка почти не устала. Светлана с шестого класса, то есть уже более четырех лет, занималась спортом и фактически выполнила норматив на кандидата в мастера. Тренировалась она теперь редко, но на десяти тысячах метрах все еще легко выбегала из тридцати шести минут. Просто не успела показать этот результат на соревнованиях для официального получения звания. В общем, сил у нее еще было предостаточно. Она стала смотреть по сторонам.

Все тот же густой туман, и был он таким плотным, что уже через пять или семь шагов ничего не было видно. Кирпичные обломки, сырая, серая земля и сплошной туман. Ну, еще справа от нее какое-то растение, почти без листвы – не то низкое дерево, не то куст с мощным стволом. Еще одно деревце, невысокое, прямое, вывороченное с

корнями, валялось рядом с той щелью, из которой она вылезла. Да, а голос-то был прав, когда отговаривал ее вылезать на поверхность. Место это вообще не казалось приветливым. Туман был серым и густым, с явным оттенком нездоровой желтизны – этот рыхлый, почти осязаемый туман, кажется, придавал воздуху неприятный, но знакомый привкус. Она не могла распознать его. Но он точно ей не нравился. А еще тут были звуки. Глухие, как через вату доносились до нее, нехорошие, резкие. Сначала птичий заливистый клекот. Но неестественно низкий и какой-то озлобленный. Эхом ему вторили щелчки, даже через этот туман казавшиеся четкими. И тут же визг, высокий, короткий, захлебывающийся… А потом снова клекот и уханье… Все это прозвучало быстро, закончилось за пять секунд. Звуки показались девочке весьма красноречивыми и неприятными.

Теперь уже и обломки кирпичной стены, что были для нее ненавистным камнем под землей, вдруг стали походить на убежище, к которому захотелось прислониться. А может, и вновь забраться под него, чтобы укрыться от тех, кто издавал такие звуки.

И лишь наличие десятков колючих и свирепых кусак, там, внизу, в щели под камнем, отталкивало ее от мысли вернуться в сырое убежище. Она пока лишь присела возле камня на корточки. Стала прислушиваться дальше. Голос рекомендовал ей скрываться, меньше двигаться и не источать запахов. Да, судя по тем звукам, что доносились до ушей Светланы, нужно было придерживаться его рекомендаций.

Это хорошо, что там, во тьме, она не могла разглядеть кусак. Она бы там перепугалась еще больше. Черная и блестящая тварь в указательный палец длиной ползла по стене. Конус живота из сегментов, как у большого таракана. Мощные щипцы жвал, гадина даже на вид прочная. И длинные, суставчатые, крепкие лапы-крючки. Никаких шипов, никаких усов. Наверное, Света исколола руки об их мерзкие и жесткие ноги. И вот что еще удивило…

Не то чтобы она очень хорошо училась. После того как у нее стало получаться с бегом, с учебой начались проблемы, но даже имея тройку по биологии, она помнила, что у всяких мелких тварей бывает либо шесть ног, либо восемь. У кусаки, что полз по кирпичам, ног всего четыре. Страшила непонятная. У девочки холодок пробежал меж лопаток, ее даже передернуло, когда она представила, что вот такие же

гадости ползали по ней и пытались своими страшными, острыми кусачками прогрызть ей кожу. И опять лезть под камень, в щель, к этим колючим мерзостям, Светлана совсем не хотела.

Никто ей этого не советовал, как-то само все получилось – она, чуть наклонившись, подтянула к себе деревце и стала обламывать с него ветки. Древесина была сырой, влажной, ветки не ломались, их приходилось откручивать, обрывая гибкую кору. Но девочка не сдавалась и даже ускоряла процесс по мере того, как слышала новые неприятные звуки. Услышав новое ужасное уханье, похожее на насмешку, девочка замирала, боясь произвести хоть какой-нибудь шум. Тем не менее ей удалось через некоторое время добраться до корней деревца. Как это ни странно, но от корней она избавилась быстрее, чем от веток. У нее вышел крепкий, сучковатый полутораметровый хлыст, посох в пять сантиметров в основании и два на конце. Гибкий, увесистый и достаточно прямой. Пока Светлана занималась палкой и поглядывала по сторонам, оборачиваясь на каждый неприятный звук, стало заметно теплее. Даже через плотный, как старая вата, туман в небе забелело солнце. А с солнцем появился и ветерок. Сначала он был легкий, едва пробивался через серые клубы, но когда ее палка была готова, девочка с ужасом стала замечать, что ветерок все увереннее закручивает туман в небольшие вихри, закручивает и уносит, словно выдувая туман отовсюду.

– Ой нет, – тихо сказала девочка, вдруг поняв, что видит уже значительно дальше вокруг себя, чем несколько минут назад. Воздух стал прозрачнее. Это было очевидно, а значит… значит, и ее могли увидеть… Те, кто только что кричал в тумане. Снова Света подумала о том, что для нее и вправду будет безопаснее под камнем. А кусаки… ну, придется с ними что-то делать. Ничего, она потерпит, какие-то мерзкие тараканы вряд ли ее съедят. Конечно, ей очень не хотелось туда лезть… Она перевела взгляд на ту щель, откуда вылезла, и… тут же переменила свое решение. Она действительно не очень хорошо знала биологию, так как не смогла определить то существо, что выползло из-под камня. Это был огромный червяк насыщенного цвета вареной сгущенки. Он был толщиной с ее руку – да нет же, еще жирнее, и конец его еще не выполз наружу. По бокам существа, вдоль тела, шевелились тысячи, как казалось девочке, желтых крючкообразных ножек, с острыми, как иглы, окончаниями, а на

голове красовались настоящие клещи, острые и страшные. Червяк приподнял свою переднюю часть и развернул клещи к Светлане. Глаз его она не видела, но была уверена, что тварь смотрит именно на нее. Смотрит и оценивает. А пока эта тварь смотрела на девочку, вдоль приподнятой части ее тела шевелились, как бахрома, отвратительные ноги, шевелились плавно, волнообразно, красиво, чуть завораживающе. Светлана даже засмотрелась на эту бесконечную волну, но опомнилась и… Вообще-то надо было убегать, не смог бы этот червяк ее догнать, но голос сказал, что у этого камня не так опасно, и голосу девочка доверяла. А значит… Света чуть привстала и подняла палку над головой, держа ее за толстый конец двумя руками:

– Даже не думай ко мне лезть… Не лезь ко мне… Стой!

Она сказала это очень тихо, и червяк ее, кажется, не расслышал. Он с неожиданным проворством метнулся к ней, болтаясь из стороны в сторону зигзагом, словно еще раздумывая, откуда на девочку напасть. А она вскрикнула:

– Стой! А-а…

И с силой опустила палку. Никто не учил ее использовать подобное оружие, никогда в жизни она этого не делала, она же не мальчишка. Светлана так, для интереса, на тренировках пробовала себя в метании диска, копья и молота. Девочки из силовых видов даже чуть-чуть учили ее, но это был всего-навсего детский интерес. Поэтому никакого опыта работы с палкой у нее не имелось. Палка от удара спружинила и выскользнула из пальцев. Слава богу, перед тем как выскользнуть, орудие звонко чавкнуло по юркой твари. Прямо по передней ее части. Червяк едва не завязался в узел, обнажив противное брюхо, быстро скрутился в пружину, тут же разжался и со всем своим проворством кинулся в щель под камень. Девочка, боясь, что это чудовище может вернуться и снова кинуться к ней, присела и, не отрывая глаз от черного лаза под камнем, стараясь держаться от него как можно дальше, дотянулась до палки и притянула ее к себе. С палкой было спокойнее… Да уж, кажется, голос ошибся: там, под землей, Света, наверное, умерла бы от ужаса, доведись ей в полной темноте встретиться с этим червяком. Теперь уже никакой речи о том, чтобы спрятаться под камнем, не могло и быть. Никогда! Ни за что! Табу! И лучше уйти отсюда, вдруг червяк вернется, или какой-нибудь его родственник вылезет. Надо было, конечно, уходить. Куда? Девочка

подняла глаза и… Туман рассеялся, и над головой ее было бездонное небо, такое синее, что, кажется, подобного она не видела даже в Турции, где отдыхала с родителями пару лет назад. И солнце было в том небе ослепительно-белое, жаркое, совсем не северное, не петербуржское. Но не солнце и не небо поразили Светлану: ее удивило и испугало другое завораживающее зрелище. Она видела, как в синем небе летали, вернее, парили удивительные создания. Сначала она подумала, что это воздушные шары, в Петербурге в прошлом году как раз был фестиваль воздухоплавания, тогда более десятка шаров одновременно поднялись в небо. Вот и это зрелище немного напоминало тот фестиваль. Ей так показалось поначалу. Но тут же она поняла, что это не шары, совсем не шары.

В небе мимо девочки, метрах в ста, проплывала… медуза. Настоящая, совсем как на картинках, что Света как-то видела в интернете. Огромная, как воздушный шар, только плоская, розово-фиолетово-лиловая, с красивой бахромой по периметру огромного тела, с длинными лиловыми жгутами-щупальцами, свисавшими почти до земли, она проплывала, гонимая ветерком, казалась почти невесомой при всей своей величине. Медуза была очень красива. А за ней плыла еще одна и еще. Всего Светлана насчитала в небе шесть этих завораживающе красивых и величественных созданий. Они медленно улетали от нее вдаль. И слава богу. Девочка вспомнила, что голос, кажется, упоминал их, когда говорил об опасностях, ожидающих ее на поверхности. Он так и советовал ей: «Прячьтесь от медуз». Да, они медленно улетали в сторону. Светлана стала осматриваться. Сначала еще раз щель под камнем, не торчит ли голова мерзкого червяка, а уж потом, убедившись, что червяка нет, посмотрела в небо. Нет, медузы исчезли. Вдруг она поняла, что окружена обломками зданий, некогда крепких, с толстыми стенами и большими окнами. В паре сотен метров от нее высился целый каркас мертвого, пустого дома, от которого, впрочем, осталась лишь пара стен, до второго этажа, проем входа, парадная с бетонной ступенькой, но без дверей, да пустые глазницы окон. О! Поребрик! Непонятно почему Светлана даже обрадовалась. Да, это был бетонный поребрик, почти засыпанный землей. Значит, тут была проезжая часть, улица, движение, светофоры. Только теперь девочка поняла, что камень, из-под которого она выбралась, оказался углом развалившегося дома, с

мощными стенами из красного кирпича и толстым слоем штукатурки. У нее не осталось сомнений, что это место когда-то было городом. Городом? Каким? Нет, это не Петербург. В Петербурге быть не может такого солнца. Здешнее солнце яркое, жгучее, похожее на южное. Тени тут почти черные, очень контрастные, резкие. Нет, это не Петербург. Солнце яркое, в воздухе большая влажность, много зеленой травы и удивительные серо-зеленые лужайки. Скорее даже лужайки были серебряные, с оттенком зелени. Здесь даже… красиво? Да, места вокруг – может, из-за такого синего неба, может, из-за серебряных лужаек – были красивы, ну, во всяком случае, необычны.

Светлана не могла оторвать взгляда от этой красочной местности. Каменные руины, холмы, покрытые зеленью, серебряные лужайки, все это залито ярким, белым солнечным светом, и очень мало вокруг деревьев и кустарника. Да, несомненно, все ей снится. Нигде больше, даже в южных странах, где она бывала с родителями на отдыхе, девочка не видела ничего более яркого и насыщенного светом. Ей даже становилось жарко. Она забыла о червяке под камнем, так увлекли ее виды вокруг. Может, поэтому Света вздрогнула, когда большая птица, громко хлопая крыльями, сорвалась с места недалеко от Светланы и понеслась прочь, зло и обиженно крича. И не успел испуг девочки улечься, как опять же рядом, может быть, сразу за камнем, раздался гортанный клекот, который она уже слышала. И на сей раз клекот, как показалось, имел оттенки раздражения. Она резко повернулась на звук и обомлела: на камне, на ее камне, чуть выше в пяти-шести метрах от нее, сидел на корточках голый старый мужчина. Именно он, запрокинув голову, странно и неприятно дергал горлом, заросшим седой, почти белой щетиной, и издавал эти резкие, неприятные звуки. Он казался тощим, но узловатые суставы, широкие плечи и крепкий костяк говорили о том, что старик, скорее всего, еще весьма силен. Он сидел на самом высоком выступе камня на корточках, и его мошонка касалась камня. Светлана так растерялась от крика и от его внезапного появления, что не успела скрыться, убежать. Она замерла в оцепенении. А старик, закончив орать, опустил голову и уставился на девочку. Уставился. Но… в глазах его не было зрачков. Да, не было. Лишь желтые бельма. Света, как парализованная, стояла и не могла пошевелиться, не могла убежать, может, думала, что он ее такими глазами не видит? А ведь если бы она побежала, он бы ее точно не

догнал, но она лишь сжала свою нелепую палку так, что костяшки пальцев побелели. Ей очень хотелось закричать или снова позвать маму. И лишь парализующий страх не позволял этого сделать. А это существо не торопилось двигаться. Оно разинуло рот – челюсти большие, разеваются широко, а в пасти мощные желтые зубы. Кажется, мерзкий дедок не видел Свету. Смотрел на нее в упор и не видел. Только дышал часто своим страшным ртом. А потом он рот закрыл. И на том месте, где у людей нос, девочка увидела треугольное отверстие. Светлана даже разглядела внутри отверстия пазухи, они были лиловые, насыщенные кровью. А старик стал делать через эту дыру резкие вздохи. Один, другой, третий… Втянет воздух – чуть повернет голову, еще втянет воздух – еще повернет. Ищет источник запаха. А потом развернет в ее сторону свое ухо, заросшее серой шерстью, сначала нюхает, потом еще и слушает. Слепой явно подозревал, что рядом есть кто-то. А Светлана все так же завороженно смотрела на него, боясь пошевелиться.

Этот… Это существо, так ничего и не расслышав, снова начинает нюхать и после спускается чуть ниже с камня, всего на полметра, но еще ближе к девочке и снова начинает принюхиваться.

«Старайтесь не распространять свой запах», – вспоминает девочка наставления голоса. Ага, и как же это сделать? Голос ей этого не сказал. Солнце жарит так, что недавно еще влажные трусы и майка на Светлане уже совсем высохли, испарина покрывает ей и спину, и лицо, а уж про подмышки с промежностью и говорить нечего. Старик чувствует запах девочки, он начинает спускаться с камня, он точно выбрал направление. Слепой очень ловок, движения его вовсе не старческие, на самом деле он силен, он крупнее девочки раза в два, его слепые желтые глаза смотрят на нее. Не видят, но смотрят. Он знает, что она тут. Девочка поднимает палку над головой, но палка… Да ничего она ему не сделает, ни одну его мощную кость такой палкой не сломать… Бежать! Или ударить? Или ударить и бежать…

У нее в жизни никогда не было подобных ситуаций, другие страшные – да, но таких никогда. Ужас вперемешку с напряжением буквально парализует девочку, а до мерзкого старика пять метров… Вот он уже рядом, его крепкие, костистые, заросшие серыми волосами плечи. Три, два метра… Фу… Мерзкий треугольник носа, пустая черная дыра в обрамлении седой щетины – от одного вида тошнит…

«Мама, Господи! Какие страшные у него ногти! Ими кожу можно содрать!»

Ей нужно взять себя в руки, надо бить его… Или бежать. Она сжала палку, замахнулась, закричала и…

Глава 4

– Света-а… Света-а-а… Мы проспали, вставай, мы проспали! – Ее трясут за плечо, и она знает, кто это. – Света-а… Мы на завтрак опоздаем!

Это Колька, один из братьев-близнецов. Но его слова еще не дошли до нее, она их слышит, но не в состоянии реагировать.

– Еще говори, – слышит она голосок второго брата, Макса, – буди ее, скажи, что она в школу опоздает.

Макс всегда руководит Колькой, Максимка тихий, Коля понаглее.

– Света-а-а… – Колька трясет ее изо всех сил.

– Я не сплю… – Она поворачивается к ним. Сознание возвращается, но девочке нужно еще немного времени, чтобы прийти в себя. У нее каждое утро так. Она всегда встает с трудом. Ей всегда хочется поваляться под теплым одеялом.

– Ой, Света… У тебя бровь! – кричит Коля и лезет пальцем к ее лицу.

– Ты ударилась? – негромко спрашивает Максим.

Светлана перехватывает руку брата у своего лица.

– Света-а-а… А что у тебя с рукой? – снова удивляется Коля. – Она вся исцарапана.

– У Даши Пивоваровой из нашей группы так же все руки исцарапаны, у нее кот злой, – замечает Макс.

Света смотрит на левую руку, она вся в порезах и чуть вспухших проколах: кусаки, сволочи.

– Что это, Света? – спрашивает Максим. – Где ты изрезала руку?

И Коле интересно, что произошло с ее рукой, они стоят возле кровати и смотрят на сестру внимательно.

– Идите умываться, – говорит она. Ей не хочется вставать при них. – Надо спешить.

– Мы уже умылись! – кричит Колька. – Давно. Когда будильник прозвенел еще.

– И зубы уже почистили. Давно, – добавляет Макс.

– Одевайтесь тогда, быстрее, – строго говорит Светлана и вылезает из-под одеяла.

Мальчишки отворачиваются, а она, пока они не видят ее трусов и майки, выскакивает из комнаты и бежит в ванную, на ходу прихватив из кладовки чистую пару белья. Там, у зеркала, девочка замирает: левая бровь… на ней запеклась кровь. Теперь она еще рассмотрела и руки. Их точно кошка подрала. Все в порезах от ладоней до локтей. Она начинает мыть их, стараясь вычистить грязь из-под ногтей. И опять смотрит на себя в зеркало. На правой стороне лба темное пятно. Попыталась его смыть – больно. Это не пятно, а синяк. Ноги тоже в порезах и ссадинах, особенно колени. Она лезет в ванну, гибким надломанным душем быстро смывает с себя что может, не вытираясь снова к зеркалу, чистит зубы. Сразу вытирается, натягивает треники и олимпийку. Самое удивительное, что за время утренних процедур девочка так и не смогла толком вспомнить, что ей снилось. Подземелье, жуки, старики с противными мошонками. Расплывающиеся образы, неясные тени, кажется, голос какой-то. Порезы и ссадины на теле, грязное белье на полу возле ванны – об этом она не раздумывала, ни времени, ни желания у нее не было. А если честно, ей не хотелось все это вспоминать. Уж очень в том сне все было неприятно и… Натурально.

Света вышла из ванной, сушиться не стала – на улице еще не холодно, быстро прошла в прихожую: во-первых, торопилась, а во-вторых, не хотела встречаться с сиделкой мамы. Мальчишки уже обувались, они молодцы, самостоятельные, мальчишкам только шестой год, но они почти все могут делать сами.

Им только нужно напоминать.

Она быстро надела старенькие беговые кроссовки «Найк», они самые целые из всей ее обуви, проверила ключи от двери – в кармане. Отворила дверь:

– Выходите.

Колька играет с обувной ложкой, представляя ее мечом или саблей.

– Коля, не балуйся, выходи давай.

Девочка отбирает у него ложку, вешает ее на вешалку и выталкивает братьев за дверь.

– Пошли быстрее, а то опоздаете на завтрак.

Но она не успевает выйти.

– Света!

Это Иванова – одна из маминых сиделок. Она стоит в коридоре, как всегда, недовольная.

– Доброе утро, Ольга Александровна, – говорит Светлана.

– Ты там не задерживайся нигде, мне нужно уйти вовремя, – сухо отвечает сиделка и скрывается в маминой комнате, даже не дождавшись ответа девочки.

Света выходит на улицу немного раздраженная. Иванова грубая, всегда обиженная, девочке иногда хочется сказать ей что-нибудь в таком же тоне, но этого делать нельзя. Папа просил не ссориться с ней. Она может уйти в любую минуту, а другую сиделку с опытом за двести двадцать рублей в час в Петербурге сейчас просто не найти. Он и так едва уговорил ее поработать за эту цену до ноября. До ноября. То есть полтора месяца, а там придется либо платить ей больше, либо искать новую.

Светлана догнала мальчишек, они уже свернули в арку, братья сами знали, куда идти. Семьдесят пятый детсад совсем недалеко, лишь пройти по диагонали большую детскую площадку, и за ней был такой же дом, как тот, в котором жила Света. Можно было бы позволить братьям самим ходить в садик, но папа просил провожать их. Света не возражала. Ей не в тягость.

– Света-а… – начал Колька, и она уже знала, о чем пойдет речь. Она иногда их забирала раньше, но это лишь тогда, когда дома был ужин.

– Нет, – сразу ответила девочка. – До ужина я вас забирать не буду.

Братья, как и все дети, не любили свой садик, они еще немного поканючили, но, видя, что у старшей сестры сейчас не то настроение, смирились. Дальше шли, уже общаясь между собой. В садике многих мам Света уже знала, здоровалась с ними. У Макса на рубашке манжеты совсем обтрепались, да и одежда уже ему мала. У Коли дела

с одеждой обстояли не лучше. Кажется, одна из мамаш обратила на рукава Максима внимание, когда тот обрывал с них нитки, Света перехватила ее взгляд, и та отвела глаза. Девочка и сама все знала. Дома вокруг парка Победы – сталинские, престижные, бедных тут нет, Колька и Макс в группе одеты хуже всех. Это сразу бросалось в глаза. Мальчишки меж тем переоделись и убежали в группу, с ней не попрощавшись. Света убрала их одежду в шкафчики, спрятала туда же их уличную обувь и ушла. У нее еще были дела. Прежде чем вернуться домой, ей нужно купить еды на завтрак себе и папе, он должен был скоро прийти со смены.

Иванова ее уже ждала. Уже собралась. Стояла все с той же недовольной миной на лице и рассказывала:

– Судороги были, рвотных спазмов нет, давление под утро ушло за сто шестьдесят, я сбила. Переворачивала ее два часа назад, еще часа полтора так может полежать, приемники я опорожнила, помыла. Полость рта обработала, нос тоже. Промежность и подмышки обработала, но завтра ее нужно будет мыть полностью.

– Мы с папой сегодня помоем, – отвечает Света. – У него сегодня свободный день.

Иванова подходит к прикроватной тумбочке, на которой лежат все мамины лекарства, стучит пальцем по большой упаковке с ампулами:

– Три ампулы осталось.

Светлана кивает, лекарство дорогое, двенадцать ампул – две тысячи шестьсот рублей. А упаковки не хватает и на месяц. Вообще-то все лекарства для мамы они получают бесплатно, по федеральной программе, но лекарства расходуются быстрее, чем положено, их приходится докупать за свои. На это уходит много денег. Почти столько же, сколько и на сиделок. Они с папой уже не раз садились считать деньги, ища способ сэкономить хоть чуть-чуть, но им уже не на чем экономить. Двух пенсий, маминой и папиной, и того, что папа зарабатывает, работая на двух работах, не хватает. Когда маму перевозили из больницы, пришлось взять кредит, чтобы купить медицинскую кровать. Кровать купили через объявление, хорошую и недорогую, а вот матрас от пролежней пришлось брать новый, дорогой, швейцарский. Ко всему этому еще пришлось купить аппаратуру контроля за состоянием больного. Целая стойка приборов, которые все время урчали и тратили море электричества. Покупали их

тоже с рук. Папа сразу понял, что аппаратура не очень хорошая. Называл ее китайским барахлом. Эти приборчики папиным словам соответствовали. Барахлили. К ним часто приходилось вызывать мастера. Но сейчас все работало, пульс, дыхание, давление, температура мамы были в норме, если температуру в тридцать шесть и один, а пульс в пятьдесят восемь можно считать нормой. Ольга Александровна на приборы сегодня не жаловалась. Она и девочка стояли возле кровати.

Ивановой Светлана годится во внучки, эта крепкая и недобрая женщина считала, что папа пользуется своим тяжелым положением, ее добротой, чтобы недоплачивать ей. Она обещала уйти и дала папе время найти другую сиделку.

Ее губы либо вытянуты в нитку, либо их уголки опущены вниз. Всякий раз, как только это возможно, она демонстрирует Светлане свое неудовольствие. И все время считает дни, когда истечет их с папой договор. Сейчас же она, больше не сказав девочке ни слова, не попрощавшись, поворачивается и выходит из комнаты. В прихожей хлопает дверь. Ушла. Светлана подходит к кровати матери.

Мама все еще красива, только кожа чуть желтая. Но Света к этому привыкла, привыкла и к тому, что мама похудела, к тому, что кожа у нее всегда прохладная. Поначалу, когда с головы мамы сняли повязки, Света испытывала ужас от того, что видела. Девочка не могла смотреть на левую часть головы матери, ту часть за виском и над ухом, что была смята и где кожа стянута грубыми толстыми нитками и вымазана какой-то мазью. Но теперь там снова отросли волосы, росли они клоками, были редкими, но если не приглядываться, то вмятина на голове уже не бросалась в глаза. Светлана заметила, как у мамы под веками движутся зрачки. Нет, Свете не показалось. Она была уверена, что видит это. А еще она здоровалась с мамой. Брала ее правую руку, сжимала и говорила:

– Мама, это я.

Мама всегда узнавала свою дочь и едва-едва заметно отвечала рукопожатием. Вот как и сейчас. Ни папа, ни кто другой маминого рукопожатия не чувствовали и смотрели на Светлану, как на выдумщицу, но девочка точно знала, что мама ей отвечала, просто мама отвечала только ей.

О! Снова зрачки под веками дернулись. Врач говорил, что это хороший признак. Светлана очень злилась на братьев. Тумаками и подзатыльниками загоняла их в мамину комнату, чтобы они хоть иногда навещали ее. Она не могла понять, почему мальчишки почти никогда сами не заходят туда, не говорят с мамой, не прикасаются к ней. Папа объяснял, что они почти ее не помнят, уже второй год пошел, как это произошло. Им тогда было чуть больше четырех лет. Но это объяснение девочку не удовлетворяло, она гнала мальчишек к маме, пусть хотя бы поздороваются с ней. И не дай им бог не послушаться ее. Света, конечно, их любила, но могла быть и строгой. Братья это знали.

Глава 5

Папа пришел, она слышит, как открывается дверь, слышит, как он садится на табурет в прихожей, ставит к стене костыли, разувается.

Он работает в охране крупного сетевого супермаркета, работает сутки через двое. После ДТП папу взял туда его товарищ, Леня Карповский, они служили в одном батальоне. Пришли в батальон вместе из училища взводными, дослужились до ротных и почти одновременно ушли. Теперь Карповский взял однополчанина в охрану, и папа был ему очень благодарен, на «кассах» он не стоял, он бы не смог, у него сильно повреждены обе ноги. Папа «сидел на мониторах», следил за тем, что творится в торговых залах. С этим он справлялся. Он был внимательным и ответственным человеком, и поэтому, а может, и потому, что был товарищем Карповского, работал начальником смены. Папа получал тридцать шесть тысяч рублей за десять дежурств.

Девочка выходит из комнаты встретить отца, он уже разулся, берет костыли, встает:

– Привет, ну как вы тут? – Он обнимает Свету, не выпуская костыли из рук, прижимает ее к свой колючей щеке.

– Нормально, па… – отвечает девочка. – Приборы ночью не барахлили, с мамой все стабильно, мальчишки в садике, Иванова кислая… Все как всегда, па…

Папа садится в кресло рядом с маминой кроватью, тут же прислоняет к стене свои костыли, Светлана идет на кухню за водой. У них уже ритуал. Папа всегда, приходя со смены, пьет свои таблетки,

сидя у маминой кровати. Света всегда приносит ему воду. Отец берет стакан и одну за другой выпивает две таблетки.

– Ты есть не хочешь? – спрашивает девочка. – Я купила сосиски, яйца и доширак.

Она спросила на всякий случай, папа почти всегда приходил с работы сытый, иногда даже приносил просрочку – колбасу или какие-нибудь обалденно вкусные творожки или йогурты, которые она никогда бы не стала покупать из-за их дороговизны. Папа смотрит на нее, чуть удивляется:

– Света, а что у тебя с бровью?

– Ничего… – Светлана машет головой, не говорить же отцу, что это она во сне ударилась, тем более она сама этого не помнит. – Ерунда, так ты есть будешь? Яичницу?

– Спасибо, дочка, не буду. На работе девки накормили.

«Девки!» Девками он зовет продавщиц, что работают в магазине. Отец не догадывается, но Светлане очень не нравится, что какие-то «девки» его там подкармливают. Она не понимает, зачем взрослые, даже старые, на ее взгляд, женщины делятся обедами или просрочкой с ее отцом.

– У тебя деньги еще остались? – спрашивает он, отрывая девочку от неприятных мыслей.

– Тысяча двести шестьдесят семь рублей, – сразу отвечает она. Света последнее время в любой час дня и ночи может точно сказать, сколько у нее денег. Выходя час назад из магазина, она их пересчитала.

– Слушай, Светик, а сможем мы дотянуть до понедельника на твои тысяча двести шестьдесят семь рублей? – спрашивает отец. – У меня в понедельник пенсия.

Света о ней помнит. Они называют ее «армейкой». Это хорошая армейская пенсия, двадцать восемь тысяч триста шестьдесят рублей.

– Протянем? Так, чтобы ни у кого не занимать, – продолжает папа.

Света молча подходит к тумбочке с лекарствами, берет большую коробку, открывает ее и показывает папе. Там всего три ампулы. Может так быть, что это лекарство вообще маме не понадобится несколько дней, а может так случиться, что будет нужно ежедневно.

Оно необходимо при падении ЧСС и падении температуры тела.

Следующую бесплатную коробку они получат только в начале октября. Папа все понимает, лезет в карман за сигаретами.

Нет, он тут, конечно, не закурит, просто будет держать сигарету в пальцах. И думать, где бы занять до получки денег. Но вариантов немного. Будет просить у Карповского. Опять до пенсии. В сотый, наверное, раз.

– Ладно, Света, иди в школу.

Света уже опоздала на первый урок, ей не очень хочется идти туда.

– Может, я посижу с мамой, а ты поспишь? – говорит она. С мамой нужно быть все время рядом, только за лето у нее два раза западал язык, что останавливало дыхание, и еще два раза падало давление до пятидесяти. Девочка знает, что нужно делать в таких случаях.

– Не надо, я на работе подремал, – отвечает папа.

– Па, у нас половина не ходит, мелким так вообще разрешили не учиться, – говорит Светлана. – Эпидемия же.

– Иди, иди, – настаивает отец. – Не нужно прогуливать.

Он упрямый человек, очень хочет, чтобы она училась, видит же, как обстоят дела, и все равно гонит ее в школу, а еще две недели назад говорил с ней о поступлении в Лесгафта. Девочка об этом, конечно, только мечтать может, в этом году она ни разу не делала уроки. Да и в прошлом почти не делала, скатилась на двойки. Она подумывает о том, что как только исполнится шестнадцать, а это уже через два месяца, ей придется искать работу… Какая тут школа.

– Ладно, папа, – говорит Светлана, идет в свою комнату и поднимает с пола у кровати почти невесомый рюкзак. Учебников там нет, всего две тетради да пенал со старыми, изгрызенными ручками. Заглядывает в комнату. – Я пошла.

– Иди. – Отец делает рукой знак, которым еще до беды подбадривал дочь на соревнованиях. В те далекие и счастливые времена, когда она еще выступала.

Пахом. Он вымахал до метра восьмидесяти семи. Он самый высокий в их классе. Света тоже не маленькая, но Пахом выше нее почти на голову. Нога у него каких-то нечеловеческих размеров, любящая мамаша покупает ему дорогие кроссовки размера, наверное, сорок шестого. Этого лося его мамочка зовет Владик. Владик! А этот Владик, как говорят в школе, конченый… Он и в школе ведет себя как

урод, и во дворе. Он всегда был выше и сильнее других, кулаки распускал – не стеснялся. А теперь его даже ребята из одиннадцатых классов побаиваются. Света не заметила его: он жил в соседнем доме, парадная прямо напротив детской площадки, через которую девочка шла к улице Фрунзе. Пахом стоял с двумя мальчиками помладше. Как она могла его не заметить?!

«Урод, тоже не пошел на первый урок!»

И конечно же, он ее видит, ну а как иначе? Молодой человек сразу кричит довольно грубо:

– Э, Фома… Здарова! – Это он ей. И тут же поясняет двум своим приятелям: – Эта стремная со мной в одном классе учится.

Мальчики смотрят на нее, ухмыляются, знают, что Пахом этим не ограничится, ждут продолжения. Света тоже это знает, даже не поворачивает головы, быстро проходит мимо, хотя понимает, что одной фразой их общение не закончится.

– Фома, а ты че лифчик надела, а сиськи че, забыла надеть? – орет Пахомов на всю улицу.

Он сам и два пацана, что стоят с ним, смеются. У Пахома все шуточки такие. Урод, он всегда таким был. Светлана ускоряет шаг, ничего не отвечает, но прекрасно слышит следующее пояснение о себе:

– Пипец она криповая, все время ходит в трениках, кроссы все рваные. На уроках тупит конкретно. Она спортсменка отбитая.

Зачем он все это говорит тем двум пацанам? Вот зачем? Они из другой школы, какая им разница, какое им до нее дело. Пахом просто урод. Просто урод!

Свете слышать такое было неприятно. Очень неприятно. Это даже не ей был укор, а ее папе. А за папу девочке было очень обидно, ведь этот дурак ничего не знает про их беду. Да, у нее нет сейчас приличной одежды, но раньше, до беды, когда папа хорошо зарабатывал, у нее все было: навалом самой классной одежды, телефоны почти последних моделей. Папа покупал маме новую модель, а Светке доставался все еще дорогой мамин телефон. И она запросто могла им похвастаться. И все девочки в классе с ней дружили. Да и грудь у нее нормальная, ну, не такая, конечно, как у Лизы Марфиной, но есть, причем правильной формы и симметричная. Девочки из класса это замечали. Света лифчики как раз не носила. У нее был один хороший для спорта, она

его берегла. А из остальных Светлана за последние полгода выросла. К тому же у нее самые длинные ноги в классе. И у нее нет жира. И она самая быстрая девочка в школе. Но этому дебилу разве что-то объяснишь? Нет, не объяснишь, он же Пахомов. Он всегда был придурком. Светлана лишь прибавляет шаг. Но Пахом не отстает, орет на всю детскую площадку:

– Фома… Ты в школу? Фомина, погоди, я с тобой пойду.

Нет, он точно дебил. Света после тупых шуточек даже видеть его не хочет. Она пошла еще быстрее.

– Да погоди ты! – орет он и идет за ней.

Ей даже оборачиваться не нужно, чтобы понять, что он не отстает. И девочка идет еще быстрее, едва не переходя на бег.

«Ну, недоумок, догонишь?»

Она уже проскочила мягкое покрытие детской площадки и услышала, как бухают его огромные ноги сорок шестого размера по асфальту. Бежит за ней. Сейчас девочка просто ненавидела этого урода, она даже близко не хотела быть с ним, тем более идти рядом. Светлана легко переходит на бег.

– Фома… Стой! Ты че, больная, что ли? – орет Пахом.

Света не останавливается. Она еще прибавляет шагу, она еще много может прибавить, если понадобится; девочка чуть оборачивается, Пахомов не отстает:

– Фома, ты больная?

Но Света его не слушает, она уже выскочила на улицу Фрунзе и легко, как на разминке, побежала к Московскому проспекту. К площади Стругацких, на красный свет перебежав светофор. Урод отстал. Когда, пробежав метров двести, девочка повернулась, Пахома нигде не было. Она перешла на быстрый шаг. Ну, хоть так она ему ответила на сегодняшние оскорбления. Впрочем, Света была удивлена, Пахом до сих пор ни разу не предлагал ей идти в школу вместе. Да нет. Скорее всего он хотел отколоть еще какой-то номер перед теми двумя мальчишками. Вот и кричал ей, а когда она пошла дальше, а не остановилась по его просьбе, это Пахома разозлило, поэтому он и побежал за ней. Но Света быстро о нем забыла, другие мысли, привычные и тяжелые, сразу завладели ею.

Она думала, что пойдет после школы в приход и там поест, так сэкономит продукты, а братья поужинают в садике, папа поест на

работе, он сегодня пойдет в ночь на вторую работу, там можно подкормиться. В общем, ей только нужно будет поужинать и купить пару булок с молоком Кольке и Максу. И на завтра еще останутся яйца и сосиски с хлебом. Папа же на обед съест доширак, десяток яиц и пачку сосисок. В общем, все хорошо, и сегодня денег больше тратить будет не нужно. Тысяча двести шестьдесят семь рублей переходят на завтрашний день. Можно считать, что еще один день до папиной пенсии они прожили.

Она остановилась на светофоре на большом перекрестке Московского проспекта и улицы Фрунзе. Светофор тут долгий, по проспекту катят и катят машины непрекращающимся потоком, а девочка все думала, как растянуть на шесть дней оставшиеся деньги.

И тут слышится адский топот огромных ног, зверский смех, такой дикий, что все стоящие на светофоре люди стали оборачиваться, и кто-то сильно дергает Светлану за рюкзак.

– А-а… – орет Пахом радостно. – Вот ты где! Гы-ы…

Света вжимает голову в плечи, она перепугалась от ора и рывка, а рюкзак слетает с ее плеча. Она быстро поворачивается и видит Пахомова. Он держит ее рюкзак в руке, смотрит на него чуть удивленно. Некогда модный и любимый ее рюкзачок «Вэнс» испорчен, у него оторвана одна лямка. Урод оторвал лямку ее рюкзака, любимого рюкзака, который в модном магазине ей купили папа и мама. Света смотрела на порванную лямку, и на глазах у нее наворачивались слезы. А Пахом, этот ублюдочный дебил, кинул ей рюкзак со словами:

– Да ты, овца, сама виновата. Тупая…

И побежал через дорогу вместе со всеми людьми, которые наконец дождались зеленого сигнала светофора. А Света так и осталась стоять на переходе, держа свой рюкзак и через слезы разглядывая вырванную из ткани правую лямку. Большую такую, с «мясом» рваную дыру.

Теперь ей еще больше не хотелось идти в школу, но папа сказал… вернее, просил, и она пошла. Думая, что хорошо было бы взять камень и разбить уродливую и прыщавую харю этому уроду. Ударить с силой, а лучше несколько раз. Так она и шла, представляя себе в красках маленькую казнь. Что ни говори, а ей очень было жалко рюкзак. Очень. Так жалко, что слезы текли всякий раз, когда она, забыв про эту

неприятность, машинально пыталась рукой найти правую лямку, которая была уже скручена и спрятана внутрь.

Второго урока не было. Вообще, школа почти пустовала. Мелких не было вовсе, средние классы ходили на усмотрение родителей, старшие… на свое собственное усмотрение. Света вошла в класс, народа… и половина не пришла, зря ее папа выпроваживал в школу.

Она поздоровалась:

– Всем привет.

Не так чтобы тихо, но и не так, чтобы всех напугать. Девочки и собравшиеся у стола учителя не обратили на нее внимания. Пацаны тем более, смеются о своем, только Мурат Сабаев, лениво развалившийся сразу на двух стульях за последней партой, произнес:

– Привет, Фомина. Зря приперлась, русского не будет. Тут все уже собираются линять. Может, совсем уроков не будет сегодня.

Классно было бы уйти. Светлана оглядывается:

– А Пахома нет?

– Не-е… Они с Митяем ушли в актовый зал, они там тянок из одиннадцатых классов клеят.

«Клеят». Света чуть улыбнулась. Дурацкое слово. Оно резануло слух, так никто, кроме Мурата, не говорит. Сабаев один из немногих, кто читает книги, он знает много разных слов, смешно издевается над тиктокерами, и у него, как и у Светы, нет соцсети. Девочка села через парту от него.

– А зачем тебе Пахом? – все так же лениво интересуется Сабаев. – Хочешь травы купить?

– Нет, не нужна… Он, этот урод, мне рюкзак порвал, – говорит Светлана.

– Только рюкзак? – Сабаев косится на девочку и добавляет многозначительно: – Тебе повезло.

Света не совсем поняла, что он имеет в виду, но спрашивать не стала, а Мурат и говорит ей:

– Фомина, давай сбежим, пошли ко мне, у меня мартини есть. Почилим.

Светлана сразу напряглась. А Мурат чуть оживился, смотрит на нее внимательно глазами карими. Хитрыми.

– Нет, не пойду, я не пью, – отвечает она твердо, как отрубает.

– Да расслабься ты, я просто так предложил. – Сабаев снова разваливается на стульях. – Я забыл, что ты у нас спортивная. Просто так предложил. На «вдруг».

Тут как раз отворяется дверь, и в кабинет входит их классный, Данила Сергеевич. Все замолкают. Ждут.

– Ребята, не расходимся. Третий и четвертый уроки, физика и алгебра, будут. Готовьтесь.

– О-о-о… – недовольно и разочарованно загудел класс, вернее, полкласса. Особенно недовольны были девочки.

– Не «о», а готовьтесь, вас будут спрашивать, – говорит классный.

Глава 6

Церковь Рождества святого Иоанна Предтечи проще называлась Чесменской, и находилась она в десяти минутах ходьбы от дома Светланы. Церковь была небольшой, но очень красивой, розовой. Говорят, что ее неоднократно посещала императрица Екатерина Вторая по дороге в свою загородную резиденцию. А сейчас она была известна тем, что на маленьком кладбище, что находилось за собором, среди старых елей жили совы. Да, совы жили в городе. Светлана сама их видела по вечерам летом.

Но сейчас девочка шла не в храм – она остановилась у свежевыкрашенного здания прихода, что находился на другой стороне улицы, напротив храма. Остановилась и некоторое время оглядывалась по сторонам. Главное, чтобы никто из одноклассников не увидел, что она ходит в церковь. РПЦ – большой, как говорили пацаны из ее класса, зашквар. Ей не нужны были лишние насмешки. Девочке хватало их по поводу драных кроссовок, старого телефона и того, что ее считали «спортивной», то есть человеком, который так занимается спортом, что не висит в соцсетях. В общем, она полминуты смотрела по сторонам и, лишь убедившись, что никого из ее знакомых нет, быстро нырнула в распахнутые настежь двери прихода.

Даже тут пахнет церковью – это, наверное, от одежды священников.

Как и положено, Света со всеми здоровается. Даже с незнакомыми людьми. Сейчас день, святые отцы тоже тут, в трапезной. Длинный стол, покрытый клеенкой с затейливым узором, на столе подносы с нарезанным хлебом, белым и черным. За столом, кроме священников, несколько прихожан. Одна знакомая Светлане бабка с распухшими ногами и еще пара старушек. В трапезной вкусно пахнет. Настоятеля

отца Александра нет. Он редко обедает со всеми. Но здесь его заместитель, отец Серафим. Это мамин духовник, он и Свету, и близнецов крестил. Светлану он любит, а она его не очень. Потому что отец Серафим… лох. У него на одежде пятна, Света видела у него в бороде яичную скорлупу и крошки желтка. Когда он ее обнимает, то пахнет потом, еще он носит бейсболку с эмблемой «СКА» вместе с рясой, у него нет машины – отец Серафим ездит на велосипеде – и что самое стремное, он носит бежевые носки с черными сандалиями. Если Светлана видела его на улице, то быстренько переходила на другую сторону. Не дай бог, кто увидит, как он ее обнимает при встрече. Увидят одноклассники – все, школу можно будет бросать.

– Светланка! – Отец Серафим махал рукой. – Иди сюда, ко мне, – и, видя, что девочка двинулась к нему, уже говорил кухарке Анне: – Матушка, дай тарелочку для девы.

Ее усаживали рядом с отцом Серафимом, ставили перед ней тарелку, сам Серафим наливал ей рыбный суп с картошкой, с жареной заправкой, с разваренными кусками рыбы. Светлана взяла ложку, кусок белого хлеба и сразу начала есть. Суп был приправлен укропом. Этот привкус что-то тронул в глубине ее души, что-то напомнил – смутное и неопределенное, но лишь на мгновение. Она тут же забыла. Девочка почти не завтракала, а суп был необыкновенно вкусным, но один из молодых попов сказал с усмешкой:

– Душа моя, ты бы хоть перекрестилась перед трапезой.

Света отложила ложку, чтобы перекреститься, она знала, что нужно прочитать молитву перед едой, но отец Серафим, погладив ее по голове, сказал:

– Ешь, ешь, я за тебя помолюсь.

Он, конечно, был… лох. И Света его стеснялась, но прекрасно помнила, что, когда возник вопрос о лишении папы родительских прав из-за инвалидности, папа сказал ей сходить к отцу Серафиму.

Сходить! Да она бежала к отцу Серафиму так, как на соревнованиях не бегала. Прибежала, оторвала его от службы и, рыдая, рассказала о том, что приходили злые тетки, которые сказали, что ей и Кольке с Максом будет лучше в приюте. В приюте! Ее и братьев собирались отправить в приют. А отец Серафим ее успокаивал:

– Тихо ты, тихо, рясу мне не намочи, не плачь, не плачь, я сейчас же пойду к отцу Александру, и он придумает что-нибудь, не отправят

вас в детдом. Не рыдай. Отец Александр всех, кого надо, знает, с кем надо поговорит, не волнуйся.

И вправду, все разрешилось, папу не лишили родительских прав по недееспособности, и он благодаря хорошему физиотерапевту стал ходить лучше. Теперь он даже на двух работах работал и выплачивал кредит за медицинское оборудование и возмещение ущерба по решению суда. Девочка не знала наверняка, может, и вправду настоятель храма устроил так, что злобные тетки из комиссии по делам несовершеннолетних и защите их прав больше в их квартире не появлялись. И это хорошо, от этих суровых баб с каменными мордами у Светы мурашки по спине бежали, а близнецы так и вовсе каменели от ужаса.

– Отлично, с супом покончено, – заглядывал ей в тарелку отец Серафим, – давай-ка котлетку из щуки.

– Отец Серафим, я наелась, – отвечала девочка.

– Хорошо, тогда без риса, – говорил священник кухарке. – Матушка, положи деве одну котлетку.

Но Светлане нравится, как в приходе подают рис, он тут вперемешку с кукурузой. И она просит:

– Матушка, одну ложку риса, пожалуйста.

– Конечно, кушай, доченька. – Кухарка принялась накладывать еду.

Еще ее вынудили выпить компот с пряниками, и из прихода девочка вышла чуть живая.

Дома они с папой поменяли белье у мамы и закинули его в стиральную машину. Потом папа прилег, ему выходить в ночь. Помимо охраны, он еще работал в частном предприятии Алиева. Шинковал овощи для салатов. Эти салаты продавались по всему Петербургу. У Алиева трудилось много инвалидов, всегда в ночь, чтобы к открытию супермаркетов салаты были свежими. Папа не чувствовал себя там каким-то особенным. Там он был как все. Работа была непростой, но давала семье больше двадцати тысяч в месяц.

Отец ушел в свою комнату и лег, а Светлана села возле мамы, включила телевизор.

Нафиса. Папа называл ее освобожденной женщиной Востока, хотя она приехала откуда-то с юга. Света не знала точно откуда, платков Нафиса не носила. Всегда была в юбке выше колена и лосинах. Волосы всегда чистые и распущенные. Ей было меньше тридцати лет, и папа

говорил, что она в поиске. Ее можно было считать привлекательной, но вот ответственной вряд ли. Она приходила к восьми, здоровалась, справлялась о мамином состоянии, но Света всегда чувствовала, что эти вежливость и интерес показные. Нафиса совсем ничего не делала, она даже могла за всю ночь, за двенадцать часов, ни разу не поменять маме позу. Что ни говори, а неприятная Иванова работала намного лучше Нафисы. Ольга Александровна не болтала часами по телефону с мужчинами, пытаясь найти себе мужа, и главное, четко выполняла все медицинские предписания. В общем, если бы надо было кого-то уволить, Светлана оставила бы Иванову. Пусть даже она и противная.

Еще до ухода папы на работу Света забрала братьев из садика. Они там поужинали, и кормить их было не нужно, только молоко с пряниками на ночь дать. Теперь мальчишки уселись за компьютер, играли и непрестанно ругались. Света тоже хотела посидеть в соцсетях, пролистать ленты, но вынуждена была ждать, пока Колька и Макс лягут спать, вот тогда будет ее время. А пока она пошла в ванную.

Там она взяла папину бритву. Посмотрела на нее, лезвие в ней старое, наверное, тупое. Света уже сбривала себе лишнюю растительность. И сейчас хотела сбрить немого. Под мышками, например. Перед соревнованиями все старшие девочки из ее команды так делали. Они брили и ноги, и вообще везде. Она вспомнила, что сегодня Мурат позвал ее к себе домой. Отчего-то это взволновало ее. Хотя Мурат ей не очень нравился. Но все равно, это его предложение… Что он вообще имел в виду? Зачем приглашал? Мартини. Очень красивое название. Наверно, это вино вкусное. Она никогда не пробовала мартини, она вообще никогда не выпивала, так… пиво пробовала разок. А вот одноклассницы уже выпивали, половина из них точно. Дуры, еще выкладывали свои пьяные фотки в соцсети, неужели не боятся, что родители увидят? Нет, Светлана отложила папину бритву, решила помыться.

И уже разделась, уже открыла воду, как в дверь ванной стали яростно тарабанить. Это были мальчишки, они возбужденно орали:

– Света-а, Света-а!..

– Ну что, по лбу кто-то хочет? – разозлилась девочка.

– Света!.. – орал Колька, она узнала его по интонации. – Света-а… у нас в комнате робот!

– Он шебуршит… – добавлял Макс. – И он не робот, он жук.

– Идите, я помоюсь и просмотрю, – отвечала Светлана. – И сколько раз вам, глупым, нужно говорить, чтобы никогда не ломились ко мне в ванную?

– Света, Света… – продолжал Колька, – робот страшный, мы не можем играть.

– Не играйте в эту игру, – посоветовала Светлана. – Играйте в другую.

– Света, он не в игре, он на кровати на нашей, – говорил Максим. – Он ползает по кровати!

Светлана раздраженно надела белье.

– Если я не найду вашего робота, вы оба получите.

Прикрывая грудь рукой, пошла за мальчишками в комнату.

– Это не робот, – поправил Макс, – это жук.

– Это робот! – орал Колька.

– Ты дурак, это жук! – говорил Максим.

– Это ты дурак, сейчас Света его поймает, и ты увидишь! – продолжал орать Коля. – Это просто такой робот в виде жука.

Света, злая, вошла в комнату, остановилась у кровати братьев, губы поджала:

– Ну, где ваш жук, где ваш робот?

На кровати ничего подобного нет, Макс молчал, а быстрый Колька сразу сообразил.

– Значит, сполз. – Он опустился на пол. Заглянул под кровать. И победно закричал: – Вон он, Света! Робот!

Светлана тоже села на колени рядом с братом, заглянула под кровать и сразу увидела робота-жука. Он полз вдоль пыльного плинтуса. Ей и секунды не понадобилось, чтобы понять, кто это такой. Черный и блестящий, как кусочек угля длиной в указательный палец. Длинное брюхо, похожее на конус. Четыре крепких лапы. Жвала – острые клещи. Она узнала эту тварь. Вспомнила и узнала. Ей стало нехорошо, так как она вспомнила свой отвратительный сон. Кусаки. Ночные кусаки. Это один из них.

– Света, скажи Коле, что это не робот, а жук, – сказал Макс, тоже разглядывая существо.

А девочка не отвечала, смотрела на существо, и ее отчего-то вдруг захлестнула такая злость, что аж врезать кому-то захотелось, она

залезла под кровать, уже забыв про неприкрытую грудь, и вымела ладонью кусаку вместе с пылью.

– А, Света! Осторожно… Он тебя укусит, вон какие у него рога! – радостно закричал Колька.

Но девочка не боялась кусаку. Она, сжав свой небольшой кулачок, замахнулась, врезала по твари. Так врезала, та хрустнула.

– Ой, Света! – тихо произнес Макс.

А девочка брезгливо взяла раздавленную тварь за лапу и понесла ее в туалет. Мальчишки бежали следом.

– Света-а… А это жук или робот? – спрашивал Колька.

Светлана швырнула кусаку в унитаз и смыла и, лишь убедившись, что вода унесла эту мерзость в канализацию, ответила с ненавистью:

– Это таракан.

– Тараканы не такие, – робко возразил Макс.

Но девочка его не слышала, она все еще смотрела в чистую воду унитаза и вспоминала то, что ей снилось ночью. Теперь она вспомнила все до мельчайших деталей, все свои эмоции и страхи.

Близнецы настроения своей сестры различали по ее лицу, оба притихли, знали, что сейчас ее лучше не доставать вопросами, и даже нагловатый Колька потихонечку ушел вслед за братом, так и не поняв до конца, почему старшая сестра вдруг стала такой злой. Она прошла в ванную, стала быстро одеваться; желание поплескаться в теплой воде, а тем более что-нибудь сбрить себе папиной бритвой сразу пропало. Девочка уже не вспоминала ни о Мурате, ни о мартини. Все это вдруг стало каким-то далеким и нереальным, не то что сон, который приснился прошлой ночью. В этот вечер она так и не посидела за компьютером. Наблюдала, как близнецы, попивая молоко и поедая шоколадные пряники, ругаются, кому проходить следующий уровень. Девочка даже не дождалась положенных десяти часов, отправила их спать раньше. Они немножко попротестовали, но не сильно, уж больно зла была их сестра в этот вечер. Светлана перебросилась парой слов с Нафисой. Как всегда, та говорила, чтобы Света не волновалась, что она будет следить за мамой и не будет спать. Но девочка знала, что она врет. Однако за те деньги, что папа мог платить, других сиделок с медицинским образованием не найти. Светлана пошла и легла в свою кровать. А за окном еще светло, она подумала, что братья уже спят, а у нее состояние такое, что и не заснуть. Едва не трясется, как вспомнит,

что под камнем очнулась. Какой тут сон. Проклятый, проклятый кусака, появись он еще раз, опять бы раздавила его кулаком. Еще и ногой затоптала бы.

Глава 7

Это был все тот же камень. Все тот же густой туман. Она на прежнем месте. И странное дело, у девочки не было желания плакать. Вдыхая полной грудью туман со знакомым едким привкусом, она присела и стала шарить по земле руками. Это как-то само собой произошло, она как будто включилась. Светлана не причитала и не плакала, присела на корточки и искала свою палку. Она должна быть тут. Не мог же тот мерзкий дедок с глазами без зрачков ее забрать. О! Палка нашлась. Девочка обрадовалась. Сразу сжала палку покрепче. Так ей было спокойнее. Теперь она огляделась. Ну, тут гляди не гляди, но если вытянуть руку с палкой, там, где она кончится, уже ничего не видно. Туман. За камнем кто-то закричал. Кажется, она слышала этот звук, похожий на крик обиженной птицы. Хорошо, что далеко, – или это туман так приглушает звуки? Она вспомнила, что из-под камня может вылезти страшный червяк с лапками, ей очень не хотелось, чтобы его желтые жвала впились ей в лодыжку. А в этом проклятом тумане разве его разглядишь? Подползет незаметно, червяк-то на самом деле был весьма проворен.

Она, медленно ступая, чтобы не шуметь, подошла к камню поближе, наклонилась и увидела черную дыру, из которой сама недавно вылезла. У входа мельтешила пара кусак, но их Света уже не боялась. Она выпрямилась и замерла. Ей нужно пересидеть тут какое-то время. Это же сон. Вот она и подождет, пока проснется. Камень вполне бы ее устроил. Если не придет тот дедок, то можно остаться и тут. Она на всякий случай огляделась, стараясь рассмотреть все, что не скрывал туман.

На деревце, которое почти не имело листьев и росло рядом с камнем, сидело существо. Оно сильно походило на… кошку-сфинкса. Только раза в три крупнее. Да, на нем не было шерсти, и величиной оно было с огромного кота, но это не кот, совсем не кот. Кожа того же цвета, что и у Светланы. Но вот головы как таковой у существа не было: огромный рот, огромные уши торчком, длинные ноздри – все это помещалось на конце туловища. Уши и нос, ноздри – все ярко выраженное, пасть большая, чуть приоткрытая, хоть и зубов в ней не заметно, тем не менее выглядело неприятно. Особенно неприятны его совсем не кошачьи ручки-лапки, с пальцами и черными крупными когтями на них.

Зато глаза у существа были очень малы – это были прорези, которые сделали в коже, как будто впопыхах. Маленькие дыры на всякий случай. Помимо прочего, существо имело длинный хвост, который замотался пружиной вокруг крупной ветки. Девочка подумала, что существо еще похоже на хамелеона, она видела таких в передвижном зоопарке. И тут неожиданно – Светлана даже чуть не вскрикнула – это существо легко перепрыгнуло с ветки на камень, весьма быстро пробежало пару метров и что-то схватило своею лапой с цепкими пальчиками. Света поняла, оно схватило кусаку. И поступило с жуком очень ловко. Существо быстро отгрызло жуку длинное коническое брюшко, а грудь, лапы и голову со жвалами просто выбросило, и эти останки скатились по камню вниз. А зверь, разинув свою страшную пасть и собравшись с силами, издал резкий и пронзительный звук. Звук был высокий и неприятный, почти визг, от которого девочка поморщилась. И тут же откуда-то донесся ответ. Такой же писк, только чуть сглаженный, ослабленный туманом. А потом еще один, но уже с другого места. И еще один, и еще. А противный крикун тем временем нашел еще одного кусаку и расправился с ним так же, как и с первым. Сожрал, собрался с духом и опять мерзко проорал в туман. Крикун не показался очень страшным – но, когда из тумана на камень выскочил еще один, а через несколько секунд вылез третий, а потом и четвертый, Светлана захотела отсюда уйти. Кажется, зря голос говорил ей, что это место безопасное. Один крикун, может, еще и не страшен, но этих ловких животных… уже пять! Света потихонечку начала отходить. Спиной вперед, держа палку наготове и стараясь не выпускать крикунов из поля зрения. Но в поле

зрения она держала их недолго, пять-шесть шагов и все – туман. Она остановилась и присела. Не издавать звуков и не источать запахов. Кажется, так говорил ей голос. Напротив ее камня в прошлый раз, когда жгучее солнце растопило туман, она видела высокую стену с окнами, остатки бывшего дома. Развалины.

Девочка подумала, что там ей будет безопаснее, вот только сейчас, в тумане, да еще и отойдя от «своего» камня, она не могла точно найти нужное направление. Хорошо, что крикуны все еще вопили за спиной. Хоть какой-то ориентир. Их даже через туман было слышно. Все-таки оставаться тут, на открытом месте, она не хотела, нужно подыскать какое-то убежище. Светлана, аккуратно глядя себе под ноги – обуви-то у нее не было – пошла туда, где, по ее мнению, должны быть развалины дома и еще не рухнувшая стена. Она видела осколки разбитой пивной бутылки, валяющиеся на коричневой, глинистой земле, видела ржавый и погнутый самокат без колес. А еще увидела ржавые, вмятые в грунт прутья маленького заборчика, которым обычно огораживают газоны. Они что-то напомнили ей, сначала она даже не поняла что. Но, как выяснилось, шла девочка в правильном направлении. Уже вскоре, поранив обо что-то ногу, она разглядела через туман темное пятно. Стена. Тут нужно было идти еще аккуратнее – кучи битого кирпича, гнилые доски с большими коричневыми гвоздями, осколки стекла.

Ей пришлось выбирать место для каждого следующего шага, чтобы не поранить ногу. Но останавливаться она не хотела, ей почему-то казалось, что у этой стены, в этих развалинах, ей будет безопасно – почему она так думала, сама не понимала. Оказавшись у стены, она остановилась. Да, желтая стена, пустые окна, даже без рам, выше второго этажа уже ничего не видно, туман. Тут ей стало не по себе. По стене весьма бодро пробежал такой же червяк с лапками, как тот, что напугал ее в прошлый раз, когда вылез из-под камня. Только этот был раз в сто меньше. Всего с ее палец. Светлана уже не была так уверена в безопасности этих развалин. Она стала осматривать стену и увидела… табличку. Такие темно-синие эмалированные таблички с названиями улиц и номерами домов она видела на многих зданиях. А эта табличка была облупившаяся, но Светлана без труда могла прочесть надпись на ней: «ул. Гастелло д. 28». Света раскрыла рот от удивления. Она знала этот дом. Она жила совсем рядом, в трех сотнях метров отсюда.

Гагарина – Фрунзе – Гастелло – Ленсовета, это квадрат, в котором она родилась и выросла. Голос говорил, что это ее сон. Теперь Светлана была в этом уверена, вокруг все разбито, разрушено, но еще некоторое время назад она ложилась спать в свою постель в своем доме. В целом доме, не в разрушенном, а до этого шла домой из Чесменского прихода как раз по улице Гастелло. И все дома вокруг были целы. И двадцать восьмой тоже. Нет-нет, это точно сон, и ничего другого быть не может. И тут раздался рев у нее за спиной, настоящий, гортанный, с хрипом. И ревел кто-то немаленький. Она быстро обернулась, выставив вперед свою спасительную палку. Но кричали не так близко, чтобы можно было достать палкой. И сразу на рев отозвались крикуны, дружно, зло и громко загалдели. Там, у ее камня, явно что-то происходило. Какая-то возня и снова рев. Крикуны как с ума посходили, орали так, что Светлане захотелось заткнуть уши, она даже присела. И сразу раздался визг, заливной и обиженный, и она даже разглядела, как в клубах тумана мимо нее пронеслось что-то темное и большое. Пронеслось так быстро, что туман, кажется, за ним завихрялся. Крикуны еще поорали немного, а потом вверху, в воздухе, несколько раз крякнула птица, как бы завершая кутерьму. И снова стало тихо. Нет, ей точно нужно какое-то укрытие. Девочка встала и, снова выбирая место для каждого следующего шага, пошла вдоль стены.

Девочке очень повезло – а может, везет тому, кто ищет. Обойдя стену, она нашла сохранившийся лестничный пролет, что шел вокруг шахты лифта и вел на второй этаж, на небольшую лестничную площадку с окном над ней. Место было очень выгодным, добраться туда можно лишь по ступеням или по отвесной стене. Только вот место это было занято. Там, на такой хорошей лестничной площадке, среди отбитой штукатурки и обломков кирпичной кладки, сидела огромная жаба, этакий серо-желтый невзрачный бугор, который и не сразу заметишь среди мусора. Была она так велика, что не влезла бы в небольшую сковороду, свисала бы с краев по всему периметру. И хорошо, что вокруг было много битого камня, кусков бетона с вывороченной арматурой и всяких других острых предметов. Светлана шла медленно. Медленно и тихо, и поэтому первая заметила это почти круглое, неприятное, серое в желтых пятнах существо. Заметила девочка жабу как раз в тот момент, когда та охотилась. Сначала жаба брызнула откуда-то из морды прозрачной, тонкой струей на стену. А

затем лениво и неуклюже подползла к стене поближе и выбросила из пасти большой и тяжелый белый язык, слизнув что-то со стены. Язык упал на бетонный пол, и она его втянула в себя вместе с мелким мусором, прилипшим к нему, – зрелище малоприятное. Да, тут даже жабы и те ужасны. Светлана вспомнила, что ей говорил голос. Он как раз упоминал жаб как весьма опасных существ. Но Света не собиралась уступать этому мерзкому существу такое удобное и безопасное место. Интуитивно девочка поняла, что под прозрачную струю жабы лучше не попадать. А еще она поняла, что своей палкой-выручалкой это мощное существо ей с одного удара не убить. Палочка показалась девочке слишком легкой для такой мощной твари. Ударь такую, попробуй, так она в ответ брызнет, а на девочке даже одежды нет кроме трусов и майки. Света немного подумала, надеясь на то, что жаба так и будет сидеть мордой к стенке, а не к ней. И решила. Она своей палкой скинет жабу вниз с площадки, вот и все. Идея показалась хорошей. И Света стала потихоньку протягивать палку вдоль стены, чтобы оттуда резким движением смахнуть животное вниз. Жаба, может, и не видела девочку, но вот палку она разглядела сразу. И сразу тонкая струя вылетела в сторону оружия Светы. Все, теперь можно было не прятаться, Света, уже не стесняясь, старалась палкой сгрести жабу с лестничной площадки. Но торопилась, нервничала, боясь, что брызги струи попадут на нее, делала лишние движения, промахивалась. Тонкий конец палки проскакивал то под животным, то поверх спины жабы, то девочке просто мешал мусор, в общем, ей с трудом удавалось толкать животное к краю площадки, тем более что жаба не хотела двигаться и все время пыталась остаться на месте, поливая конец оружия Светланы своей жидкостью. В общем, и та и другая прилагали заметные усилия, чтобы выиграть поединок. Но Светлана оказалась сильнее, она все-таки сдвинула жабу ближе к шахте лифта, а у той закончилась жидкость, да еще и палка ловко ее перевернула на спину. Жаба сдалась, устала. Так и лежала на спине, обнажив блеклое пузо. Почти не двигаясь, отдыхая. А девочка, уже не торопясь и обдуманно, подковырнула ее и скинула вниз. Светлана даже порадовалась, что она победила это мерзкое животное. Теперь пролет и площадка ее. А жаба… Света подошла к краю и заглянула вниз. Жаба сидела на большом куске бетона как ни в чем не бывало.

Вообще-то Светлана, как и большинство ее сверстниц, любила животных, котиков всяких, собачек. Особенно ей нравились бордер-колли: посмотрев в интернете, что вытворяют эти умные псы, она в шутку говорила, что такие собачки могли бы учиться в их классе на твердые тройки. Но вся ее любовь к животным никак не распространялась на здешних существ. Света думала, что прячется она здесь, может быть, не в последний раз, и соседствовать с такой мерзкой тварью, что плюется неизвестно чем, ей вовсе не хотелось. Девочка поставила свою палку, подняла из кучи мусора кусок стены из слепленных цементом двух кирпичей. Не без труда подняла, поднесла их к краю площадки, прицелилась, тяжело дыша, и отпустила. Хорошо, что она не стала бить жабу палкой. Огромный камень лег точно на спину животного, но оно не сдохло сразу от страшного удара, а стало быстро, даже судорожно, раскидывая задними лапами мусор и крошево, прыгать на месте. Затем свалилось куда-то за куски переломанного лестничного пролета, а оттуда заползло в какую-то щель, в темноту. Девочка была очень удивлена живучестью этого неприятного животного. Она надеялась, что жаба все-таки сдохнет там, под камнями, уж очень Свете не хотелось делить с ней свое убежище.

Глава 8

Девочка огляделась. Да, место удобное, но его нужно было почистить. Слишком много битого камня и мусора. Но сейчас, после схватки с жабой, ей хотелось чуть передохнуть, оглядеться.

Фу! Вот на кого охотилась жаба. По стене ползали… кажется, папа называл их мокрицами. Они давно, до ремонта в их квартире, под ванной жили. Но те были мелкие, а эти здоровенные, серые, величиной с мизинец. Тут, в неразрушенном углу дома, в тумане, им было хорошо, сыро. Светлана взяла свою палку. И взгляд упал на тонкий ее конец. Девочка удивилась. Вся кора, гибкая и крепкая, с палки слезла или распушилась на нитки, а белая сердцевина, что была под корой, потемнела. Она смотрела на еще влажный конец своего оружия, а потом ради интереса прикоснулась концом палки к крупной мокрице, что ползла по стене. Прикоснулась и чуть прижала ее, но прижала легко, так, чтобы не раздавить. Почти сразу мокрица сжалась, выскользнула из-под палки, свалилась на мусор, но не убежала в какую-либо щель, а стала сворачиваться и разворачиваться, выгибалась и снова скручивалась в комок. Сделав так несколько раз, она развернулась и у-мер-ла. Светлана, чуть подумав, выбрала на стене еще одну крупную мокрицу и повторила действие. И опять смотрела, как та выкручивается, падает и тоже умирает.

– Офигеть, – тихо произнесла Светлана, разглядывая потемневший конец своего оружия. И думала о том, что ей повезло, что эти жабьи слюни не попали на нее. Главное, самой за тонкий конец не схватиться. Девочка опять огляделась, теперь надо бы навести порядок на площадке. И вдруг…

– Это вы? – раздалось… кажется, прямо над головой. Она даже голову задрала, но, кроме тумана, ничего не увидела. – Вы вчера выбирались из-под земли?

А-а-а… Как девочка была рада этому голосу. Она чуть не закричала от счастья, чуть не запрыгала на месте.

– Да, да! Это я, я, – быстро заговорила Светлана. – Вы меня видите?

– Вижу, – ответил голос чуть погодя. – Но я могу видеть вас только в том случае, если вы находитесь на одном месте не менее десяти секунд, или я вижу ваши движения, но с задержкой. Но я хорошо вас слышу. Я просто узнаю вас по тембру голоса. Звуки я разбираю даже в тумане, но и они от вас доходят до меня через десять секунд.

– Что? – не поняла Светлана. Почему? Почему десять секунд? Впрочем, ее это сейчас не сильно заботило. Девочку интересовал другой вопрос. – Почему я опять вижу этот сон, вы говорили, что я больше об этом месте и не вспомню. А я опять тут… Ну, это… В смысле, мне опять это снится…

– Боюсь, что моя оценка ситуации с вами не была взвешенной, – спокойно и с задержкой отвечал голос.

– Не была взвешенной? – переспросила девочка.

– Да, я думал, что вы тут случайно. Многие люди ищут, как сюда попасть, мне же, в прошлую нашу встречу, показалось, что вы тут оказались случайно. Вот я и подумал, что больше вам тут бывать не придется. Судя по всему, я ошибался.

Светлана опешила. Замерла, задумалась. Даже рот раскрыла. Она ничего не понимала. Какие люди, да еще и многие, хотят попасть в ее сны. Но едва подумав об этом, она снова вернулась к вопросу, который волновал ее больше всего:

– А вы не скажете, как мне проснуться?

– К сожалению, я не знаю ответа на этот вопрос, – донеслось до нее с задержкой, к которой она начинала привыкать.

– Может, мне будильник ставить? – робко предложила она.

– Я не уверен, что это вам поможет. Боюсь… ну, если вы сюда проникаете не по своей воле, то вас призывают.

– Что значит «призывают»? – удивилась Света. – Кто это меня призывает в мои же сны? Как такое может быть?

И тут в глубине ее сознания, далеко-далеко, в самом потаенном уголке души, всплыл вопрос: может быть, это… мама?

На сей раз задержка была намного длиннее, чем обычно, видимо, голос размышлял. И наконец ответил:

– Вам нужно выслушать меня внимательно, и уж если вам придется иметь дело с этим местом, то просто необходимо кое-что знать. Дело в том, что это не ваш сон. Это место я называю Истоки.

– Истоки… – тихо, почти шепотом, и удивленно произнесла она, продолжая слушать.

– Это всего лишь точка в потоке времени, точка, в которой начинается и ваше личное, ваше персональное время. Но эта точка не только ваша, так как она напрямую привязана к точке вашего пространства, того, в котором вы непосредственно обитаете. То есть это Исток для миллионов подобных вам существ, что сейчас живут с вами в вашем времени и в вашей локации, в вашем трехмере.

Светлана молчала. Все то, что произнес голос, просто не укладывалось в голове. Да и не могло это уложиться в голове девочки, которой не исполнилось и шестнадцати. Которая училась на тройки и до беды, что приключилась с их семьей, ничем, кроме бега, любимого спорта, и аниме, почти и не интересовалась. А тут тебе потоки времени, точки, локации всякие, непонятные трехмеры, глупости, глупости неприятные и непонятные. Не о том она хотела слышать. Нет… Скорее всего, это точно какой-то забубенный и дурацкий сон. Но среди этого непонятного сна неожиданно появилась одна вещь, которая Светлану заинтересовала. Папа смеялся над ней частенько, ну, в те времена, когда он еще умел смеяться. Смеялся, когда она, вытаращив глаза, прибегала к нему обсудить какую-нибудь дикую новость, прочитанную в интернете. Как было с новостью, что с какого-то там года обучение в десятых и в одиннадцатых классах будет платным. С этой новостью она прибежала к папе. А он, выслушав ее, улыбался и говорил:

– Светка, в военной науке есть незыблемое правило, а именно: любая информация должна быть осмыслена и проанализирована. – Он поднимал палец вверх, повторяя: – Любая информация. И первым пунктом анализа значится источник информации. Источник! Кто тебе эту дурь сказал?

– Одна тетка… Блогерша.

– Я так и думал. А на сайте Министерства образования такая информация есть?

– Да откуда я знаю, я ту тетку послушала и к тебе пришла, – отвечала девочка.

– То есть достаточно какой-то шаболде что-то там пробубнить в интернете, и ты все, что она скажет, готова принять на веру?

– Ну, не знаю, па… У нее полтора миллиона подписчиков.

Он покачал головой:

– Ничего ровным счетом это не значит. Полтора миллиона слабоумных, не будь такой, как они. Все всегда проверяй, ничего не бери на веру. Особенно источник информации – ищи подтверждения из других источников, иначе будут потери в личном составе Проверь данную информацию на официальном сайте и, если не найдешь там подтверждения, отписывайся от этой тетки.

Папа был умным… Ну, так мама считала. Света всегда запоминала то, что он говорит, вот и сейчас захотела кое-что выяснить. И поэтому она не стала спрашивать ни про локации, ни про потоки времени, ни про еще что-то там, а спросила лишь:

– А можно на вас взглянуть? – И, чуть помолчав, добавила: – А то мы все говорим, а я вас так и не видела.

– Боюсь, что сейчас это не представляется возможным, – отвечал голос. – Дело в том, что я в своем физическом состоянии тут пока появиться не могу. Мы находимся в разных рукавах времени, вы ведь слышите, что мои слова доходят до вас с запозданием, по сути, вы говорите не со мной лично, а с моей проекцией.

«Ну да, ну да…» Светлана так почему-то и думала. Рукава времени, проекции… Еще чего-нибудь умного скажи… Она даже улыбнулась незаметно. И продолжила:

– А как же ваша проекция меня видит, как же она со мной говорит, что это такое – проекция?

– Это очень сложно объяснить, но сейчас я нахожусь почти в таком же состоянии, что и вы, я тут существую на тех же физических принципах, только, в отличие от вас, я это свое состояние перемещаю сюда сам, хотя это мне дается так же нелегко, как вам нырнуть в воду на глубину в двести ваших шагов без какого-либо оборудования. Только свое физическое естество я оставляю там, в своем трехмере, точно так же, как и вы свое.

Светлана едва не фыркнула. Едва сдержалась. Ничего из того, что говорил голос, она не поняла. Зато убеждалась, что это все какой-то дурной и неприятный сон. В этом теперь она не сомневалась. И почему-то доверие к голосу, еще вчера такое крепкое, сегодня таяло на глазах. Может, потому, что она сидит в развалинах дома, который в реальности цел и невредим?

«Он какой-то мутный. Он из тех, кто за умными словами хочет скрыть какой-то развод. А может, его и вовсе нет. Может, это сон, который скоро закончится», – думала Светлана. И какой-то бесенок внутри стал словно подбивать ее: выведи, выведи его на чистую воду. Она спросила:

– А раз вам тут так тяжело находиться, зачем вы сюда… приходите или спускаетесь? Не знаю, как вы это называете. Зверушек местных изучать, что ли?

На этот раз пришлось подождать подольше, прежде чем она услышала:

– Нет, местные существа мне мало интересны, меня интересует время. В таких точках его легче изучать. Тут заметны его нюансы, которых в сплошном потоке не разглядеть.

– А зовут вас как? – сразу спросила девочка.

Опять ожидание. И после:

– Скорее всего, первое мое имя будет звучать для вас как Ль. Меня можно было бы назвать Любопытный. Но думаю, что сокращение будет уместным.

– Что? Ль?

«Любопытный. Глупость какая!» Светлана очень жалела, что не может на него взглянуть. Тогда этот «Ль» во взгляде девочки точно увидел бы весь ее сарказм.

– Возможно, что в вашей транскрипции это будет звучать скорее как Лю. Да, Лю, так будет лучше, – произнес голос, как обычно с задержкой.

– Лю, ну хорошо. А меня зовут Светлана. Света.

– Светлана, Света, – повторил голос, – вы мне уже называли свое имя, но раньше я звал вас «высокий беспокойный и встревоженный голос, который доносился из-под земли».

«Очень приятно! Офигенное имя!» – подумала девочка с некоторой обидой. И тут же спросила:

– Лю, так вы точно не знаете способа… ну, это… как бы мне проснуться?

– Если у меня появятся мысли на этот счет, я вам сразу сообщу. Но вы не первая, кто у меня спрашивает об этом, и пока я никому не смог помочь.

И вот тут всякий скепсис покинул девочку, тема была интересна. Она быстро и, как ей казалось, правильно сформулировала вопрос, но задала лишь первую его половину.

– Так я не первая… не первая, с кем вы тут встречаетесь, Лю?

– Нет, далеко не первая, уже встречал здесь представителей из вашего трехмера.

– И где они сейчас? – Вообще-то Свету интересовал другой вопросе – что с ними стало. Но она отважилась только на такую форму.

– Я не могу ответить на этот вопрос. В той области, в которой я могу коммуницировать, а она весьма невелика, вам подобные появляются нечасто; те, кто попадает сюда по своей воле, те уходят на север, подальше от черты, там спокойнее, там меньше агрессивных существ. А те, кого призывают сирены, уходят либо к черте, либо на запад. Каждый идет туда, откуда доносится зов сирен, которые его зовут.

– А сирены – это… как у пожарных машин? Такие громкие звуки?

Опять голос, вернее Лю, молчал дольше обычного. Свете даже показалось, что он не понял вопроса, наконец она услышала:

– Нет, сирены – это существа, что призывают сюда таких, как вы. Сирены способны своей песней вырвать вас из вашего трехмера. Разве вы не слышите их? Это, насколько я могу судить, протяжный монотонный звук, который вы должны слышать почти все время.

– Песня, которую я должна слышать почти все время? – удивилась девочка. Нет, никакой песни она не слышала.

– Да, мне рассказывали, что она монотонная и непрекращающаяся, она мешает комфортному существованию всякого, кто ее слышит, зов сирены разбалансирует психику и даже выводит из себя. Люди приглушают этот звук при помощи специфических химических компонентов. Вы слышите такой звук?

Светлана замерла. Кто-то шебуршал внизу, возможно, все та же жаба. Птица опять крякала где-то вдали. Нет, никакого звука она не

слышала. Она забыла, что Любопытный, скорее всего, ее не видит, и покачала головой:

– Нет. Не слышу ничего подобного.

– Нет-нет, не пытайтесь услышать его вашими внешними органами слуха. Зов сирены – он звучит внутри вас, так же, как и мой голос.

Только тут Света впервые обратила внимания на это… А ведь и вправду, голос Лю звучал все время с одинаковой силой и частотой. И да, он звучал внутри нее. В голове? Нет, не в голове. Или в голове? А теперь, когда она вдруг сделала для себя это открытие, а Лю продолжал молчать, ничего другого она не слышала. Кроме естественного фона. И этот фон звучал вовсе не внутри. Это были те самые простые звуки, которые она слышала ушами.

– Нет, я ничего не слышу, кажется, меня никто не зовет, – наконец произнесла девочка.

– Это удивительное дело, – отозвался Лю. – Вы первая на моей памяти, кто попадает сюда не по своей воле и не по воле сирен. Значит, в вашем существовании все гармонично? У вас нет трудностей в проживании отпущенного вам времени?

«Как же нет?» Свете сразу вспомнилась мамина рука, провода, датчики, капельницы, круглосуточно шуршащие вентиляторами приборы контроля. А потом папины костыли и две его работы, огромные счета по кредиту и выплаты по суду, злые тетки из комиссии, готовые в любой момент забрать ее и близнецов от папы и посадить их в детдом, сверстники в школе, драные кроссовки, Пахом-придурок. «Ну как же – нет трудностей?»

– Трудности есть, – наконец ответила она, заметно помрачнев. – У меня их много.

А Лю продолжал все так же спокойно и все тем же красивым голосом:

– А вы когда-нибудь задумывались о прекращении своего существования?

«Это о чем он спрашивает?» Светлана напряглась, она даже взяла палку, что до сих пор стояла прислоненная к стене. «Это он про что? Про смерть? Про смерть ее спрашивает? А зачем?» Она, конечно, не раз думала о смерти, о своей смерти как таковой и о том, что в этом случае будет с ее родными. Девочка знала, что нужна отцу, он просто

без нее не справится, она знала, что нужна и близнецам, они ее любят, и особенно нужна маме, ведь мама только на ее прикосновение отвечает рукопожатием, только от ее голоса мамины зрачки шевелятся. Но все-таки Света думала о своей смерти.

А Лю, не дождавшись ответа, продолжал:

– Сирены ищут тех, у кого тяжесть существования превышает радость от него. Ищут тех, кто задумывался о прекращении своего бытия. Сирены зовут именно их.

– Меня никто не зовет, – ответила Светлана сразу и как-то зло. – Я ничего такого не слышу, ясно вам?

Но в глубине души она почувствовала после слов Лю беспокойство. То беспокойство, что раньше в себе не замечала. Ведь, что ни говори, а жизнь ее протекала от утра до вечера лишь с одной мыслью: прожить этот день. Она давно позабыла, чему еще можно радоваться кроме покупки хорошей картошки по скидке. Она молчала, а голос опять заговорил:

– Я рад был с вами опять пообщаться, я узнал кое-что интересное для себя, спасибо вам, мои силы на исходе, мне пора, прощайте. Желаю вам того, чего бы вам самой хотелось.

«„Прощайте“? Как „прощайте“?» Светлана оживилась.

– Подождите, Лю. А я… А что же делать мне? – Она подняла голову, забыв, что все равно не сможет его увидеть.

– Ну, вам нужно идти на север. Тут все дома разрушены, а всего в двух сотнях метров на север есть целые дома, там вам нужно поискать себе одежду и обувь. Берите самую крепкую, самую прочную, найдите себе оружие, то, каким сможете владеть. Возможно, хорошая одежда поможет вам выжить здесь. Прощайте.

– Подождите, Лю. Мне идти на север? – Она пыталась понять. – А север где? Вы тут, Лю?

Но ей уже никто не отвечал.

Глава 9

Тут из-под кучи битого кирпича выполз червяк с ножками и щипцами на голове, хорошо, что маленький, сантиметров десять – теперь, после того гиганта под камнем, он был не очень страшный. Червяк получил пару раз тонким концом палки, но не сдох, а проворно залез под камни обратно. По стене все ползли мокрицы, на одной из них девочка еще раз испытала палку, палка еще работала. За стеной, вдалеке, снова заорали крикуны, становилось теплее. Как голос попрощался и умолк, Светлане стало одиноко, а еще с Лю ей было спокойнее, словно он оберегал ее. Тут, в развалинах, она чувствовала себя лучше, чем у камня, но Лю советовал ей найти одежду. Пусть она и с недоверием относилась к его последним пояснениям, но одежда ей нужна. И, главное, обувь. Здесь столько всего, что может повредить ноги, и живого, и неживого – в общем, придется выйти из убежища. Пока она размышляла, сами собой появились тени, и стало еще теплее – девочка заметила, что туман почти рассеялся. Да, он тут исчезал очень быстро. Света начала спускаться по лестнице, все так же аккуратно, чтобы не поранить ног. А еще она помнила, что там, внизу, в кучах ломаного бетона, кажется, еще живая, пряталась жаба. Девочка дошла до выхода из развалин. Остановилась. Все, туман закончился. Пространство вокруг заливал белый, белый, жаркий свет. С громким жужжанием прилетело и плюхнулось ей на майку, прямо на грудь, отвратительное насекомое. Вскрикнув, девочка смахнула его на землю, оно было большое и неуклюжее, похожее на крымскую цикаду. Упало, копошилось в крошеве кирпича, Света, все еще перепуганная, прижала его к земле палкой.

Кажется, палка уже высыхала, теряя свои магические возможности. Насекомое вывернулось, тяжко зажужжало, с трудом взлетело и унеслось прочь.

«Сколь же тут всяких мерзостей». Девочка перевела дух и огляделась. Камень. Ее камень был хорошо виден. «Если это двадцать восьмой дом по Гастелло, то там… проспект Гагарина, а там Фрунзе». И там, в той стороне, она видела не развалины, а хорошо сохранившиеся дома. Они были желтые и яркие в свете обжигающего солнца. Совсем как живые. В них должно найтись то, что ей нужно. Над развалинами пронеслись две птицы. Снова мимо нее басом прожужжало какое-то насекомое. Стоять тут и бояться не было смысла, в случае опасности она просто убежит. Решив так, Светлана вышла из развалин двадцать восьмого дома. Взяв свою палку двумя руками, она пошла к камню, прошла, огибая его с юга, и направилась дальше к виднеющимся впереди домам. Стоящие еще кое-где стены, горы битого кирпича она обходила, стараясь не приближаться к ним. Птица, проклятая, проорала почти над головой, напугала Свету резким кряканьем – девочка задрала голову, проводила ее недобрым взглядом. Птица еще и уродливая. Светлана снова двинулась к домам, там, за ржавыми остовами гаражей, она увидела красивый… Ковер? Нет, лужайка, которая белела на солнце. А цвет у нее был не белый, а серебристый. Когда она подошла ближе, то поняла, что серебро цвета отдает зеленью. Это… это был мох. Целая поляна серебристо-зеленого мха. Посреди которого кто-то позабыл пластиковое ведро. Ведро от времени вросло в мох, оставив на поверхности лишь круглый обод и белую ручку. Девочка, позабыв, где она находится, даже не оглядевшись толком, присела и провела рукой по серебру. Ах, как он был мягок, этот мох. В «Икее» она пробовала на ощупь некоторые покрывала, которые там продавались, из флиса, кажется; так вот, этот мох был такой же нежный. Да, именно нежный. Жаль, что нельзя лечь и полежать на нем. Погреться на солнце, которое уже печет так, что можно даже позагорать, не хуже, чем в Турции. Но нужно идти. Света поднялась и поставила ногу на серебро лужайки. Какой он все-таки мягкий, удивительно… И тут ее ступню словно обожгло. Подошва запылала в одно мгновение. Или, может, это был не огонь, а десятки, сотни иголок одновременно проткнули крепкую кожу ноги девочки.

– А-а! – От боли, а еще и от страха и неожиданности закричала Светлана и тут же попыталась убрать ногу с серебряного ковра. Но нога словно прилипла. Ей даже пришлось приложить усилие, чтобы вырвать свою ступню из этого страшного мха. Вырвала, уселась на попу, поглядела на бурый след, что остался на серебре, еще переживая боль. Бурый след! Отчего он такой? И только тут девочка рассмотрела ногу, чуть вывернув стопу к себе. О! Вся подошва от пятки и до пальцев была испещрена мелкими круглыми отверстиями, из которых сочилась кровь. Кровь стекала к пятке и большими медленными каплями падала на рыжую, уже высыхающую на солнце землю. А Света еще раз взглянула на лужайку. И ее осенило. Там, посреди лужайки вросло в мох… Никакое это не ведро. Это был не белый край ведра с белой ручкой, а ребра какого-то существа, может быть, даже… человека? Только тут у девочки заработала голова. Как можно было не заметить и другие кости, что валялись на лужайке?

«Фомина ты тупая!» Она даже чуть всплакнула, скорее от обиды, чем от боли. Ведь теперь ей придется не идти к домам для поисков, а вернуться назад, в убежище. Сейчас, когда жгучее солнце сушило слезы на щеках, а со ступни падали капли крови, она не поставила бы под сомнение ни одно слово Лю. Теперь она бы все слушала внимательно и еще переспрашивала бы, стараясь запомнить. Сны-не сны, потоки времени, трехмеры, сирены… Как было бы здорово опять услышать этот спокойный и красивый голос у себя в голове.

– Лю, вы меня слышите? – на всякий случай позвала девочка.

Голос не ответил, а сидеть тут, на открытом месте рядом с лужайкой, было нельзя. Девочка стянула с себя майку, все равно нет никого вокруг, как-то обмотала ею ногу… Майка сразу покраснела. Ну как… как можно было спутать ведро с ребрами, да еще и запах не почувствовать… Тут же смердит тухлятиной, невыносимо смердит… Как она этого не заметила или это солнце так припекло, что запах усилился? Девочка встала, теперь она старалась быть внимательной, поглядела по сторонам. Опираясь лишь на пятку раненой ноги, пошла обратно, ей очень хотелось побыстрее попасть в развалины двадцать восьмого дома, которые она уже считала своими. Солнце жгло невыносимо, оно-то и спасло девочке жизнь. Неожиданно потемнело. Свет, зной, обжигающие плечи лучи и вдруг… тенек. Света удивилась, на небе она не видела ни облачка, а тут вон как… Девочка обернулась

и увидела, как со спины ее догоняют веревки-жгуты, тянущиеся с неба. Некрасивые, серые, в потеках, даже на вид липкие, а на их концах – лиловые расширения, похожие на крупные мужские ладони, только все в присосках. И летят-шевелятся эти липкие мерзости прямо на нее, летят быстро, своими «ладошками» едва не касаясь земли, еще и растопыриваясь в стороны, чтобы охват был побольше. Присоски на «ладошках» уже рассмотреть можно. И рядом уже – вот они. Вот она, «ладошка», липкая, слюнявая! Девочка и про больную ногу позабыла, чудом увернулась, вывернулась едва-едва, чтобы не коснуться жгутов. В десятке сантиметров, может, в двух десятках от ее локтя, пронесся один из жгутов. Уворачиваясь, она чуть приподняла палку, и конец палки как раз оказался на пути липкого жгута. Была палка – и нет, жгут в мгновение ока обвился вокруг нее петлей и вырвал оружие девочки с необыкновенной легкостью, поцарапав ей сучками руку выше локтя. Но было уже не до царапин и даже не до такой отличной палки, пора самой спасаться.

Даже не подняв глаз, она кинулась бегом к развалинам двадцать восьмого дома. Уже ни боли в ноге не чувствовала, ни дороги не разбирала, удлиняла шаг, увеличивала скорость, перепрыгивала кучи битого кирпича и, рискуя налететь ногами на что-нибудь острое, долетела до входа в развалины и лишь тут остановилась. Повернулась, чтобы понять, что же это было. Она догадывалась, но хотела убедиться. И ее догадка оказалась верной – там, где она недавно была, медленно и величественно парила огромная, намного больше парашюта, розовая медуза с лиловой бахромой по краям тела. Она была даже красива и, кажется, плыла в сторону девочки. Медуза стала лениво делать те сокращающиеся движения, что позволяют медузам перемещаться. Она передумала лететь прочь, двумя рывками изменила направление. Эта красота двинулась в сторону девочки, волоча к ней свои страшные жгуты-«ладошки». Глаза у нее, что ли, были?

Светлана раздумывать не стала, кинулась внутрь, за стену, и вверх по пролету лестницы в отвоеванный у жабы угол. Ей было страшно, по-настоящему страшно, ведь крыша-то отсутствовала, только стены углом и все. А вдруг эта красивая и огромная тварь скинет к ней свои липкие, похожие на мертвечину жгуты? Что делать? Девочка уже заглянула вниз. Придется бежать туда. Палка! Как ей дальше без палки? И майка, ее окровавленная майка слетела с ноги во время бега.

Света стояла в своем убежище в одних трусах, с больной ногой, без палки и задрав вверх голову. Ждала, появится над ней медуза или нет. Со страхом, с замиранием сердца смотрела на угол неба, что был виден.

– Ну Света-а… Уже будильник два раза звонил. Просыпайся! – Кто-то пальцами разжимает ей веки на левом глазу. – Света-а-а…

Это может быть только один человек. Она открыла глаза. Так и есть. Колька стоит рядом с кроватью, да еще склоняется к ней, пытается говорить в ухо:

– Мы опаздываем, Света-а…

Надо бы его осадить, но Светлана находилась в каком-то непонятном состоянии. Она в оцепенении, и это от того, что между ее нынешним миром и тем, что происходило во сне, нет никакой черты. Медуза и жаба были так же реальны, как ее нудный братец. И если вчера она проснулась, почти ничего не помня, то сегодня она помнила все. Все, все, все до мельчайших подробностей. Вплоть до тактильных ощущений, которые испытывала, когда гладила серебряный мох мертвой лужайки. Она чувствовала, что на ней нет майки, она не испытывала боли, но знала, что пододеяльник прилипает к высыхающей крови на ее ноге.

– Света, нам надо идти. Мы опоздаем на завтрак, – говорит Максим, даже он волнуется.

О! Нет! Это уже серьезно. Это приводит ее в чувства. Опаздывать нельзя, или придется отдать папин завтрак близнецам.

– Вы зубы почистили? – спрашивает она, пытаясь дотянуться до стула, где висит одежда. Берет олимпийку.

– Да все мы почистили! – кричит Колька. – И умылись!

Мальчишки даже уже одеты.

– Идите обувайтесь, – говорит девочка и, позабыв про кровь, вытаскивает ноги из-под одеяла.

– Света! Смотри! Кровь! – не унимается Макс, который обычно спокойнее Кольки. – Света, ты порезалась! У тебя вся нога в крови!

– Идите уже… обувайтесь! Сказала же вам, сейчас приду! – в ответ орет она.

Сама встает и натягивает треники. Кровь на самом деле уже подсохла. Девочка быстро идет в ванную, надо ее смыть, взять носки.

Хорошо, что нога почти не болит, только когда наступаешь, и то немного. В ванной она была недолго, когда вышла, мальчишки стояли в прихожей уже обутые. Стояли, молчали и смотрели на нее.

– Ну, что ждете? – говорит она, беря ключи. – Открывайте дверь.

Глава 10

Ступня не болела, пока на нее не наступали, а как Света пошла, так заныла. И хорошо, что она не поленилась надеть носок, кажется, он промок. Но девочка старалась не хромать. Рядом шли близнецы, оба серьезные, даже Колька молчал. Они поглядывали на сестру, в глазах детская, честная тревога. Максим берет ее за руку, заглядывает в лицо:

– Света.

– Чего?

– А ты не заболела?

Светлана старается улыбнуться. Обнимает брата. Прижимает его голову к себе:

– Нет, не заболела.

– Света, а почему у тебя нога в крови, ты пошла, а на полу следы? – задает следующий вопрос Коля, берет ее за другую руку и тоже заглядывает в лицо.

– Потому что порезалась, – отвечает она.

– А сейчас тебе не больно ходить? – спрашивает Максим.

– А как ты порезалась… Ночью? Обо что? – засыпает ее вопросами Николай.

– Так… Идите быстрее, опоздаете на завтрак, до обеда будете голодными, – заканчивает разговор сестра и ускоряет шаг.

Пришла домой, первым делом поглядела на носок. Он промок от крови, в кроссовке тоже чуть-чуть есть. Папа был уже дома, и девочка быстро прошла в ванную. Там, достав аптечку, нашла зеленку и смазала всю ступню. Страшно получилось, зато кровь перестала сочиться. Поискала новый носок, но почти все носки были рваные, пришлось надеть разные.

Если на «охране» папа может подремать ночью, то на «резке» спать не приходится. Он всю ночь режет продукты, упаковывает салаты, клеит этикетки, собирает салаты в ящики, каждому заказчику свой. Там он устает. Но все равно, отпустив Нафису, он не идет к себе, а садится в комнате у мамы, включает телик.

– Па, иди ложись, поспи. А я побуду с мамой, – говорит Света.

– Нет, я тут посижу, подремлю, а ты иди в школу, как вернешься, я лягу спать.

«В школу, в школу». Папа все время гонит ее в школу, а Светлане там плохо, у нее больше нет подруг, с ней никто из девочек давно не общается. Раньше, в младших классах, они приходили к ней в гости толпами, потом, когда Света стала бегать, их интересы разошлись, но они все равно хоть как-то общались в классе: уже тогда девочки ее перестали звать с собой, если собирались у кого-то в гостях. Но в те времена Светлана сошлась с девочками из команды, многие из которых были постарше ее. И они ей были интереснее одноклассниц. Ну а после беды на тренировки она стала ходить очень редко, а одноклассницы и вовсе перестали ее замечать, теперь все общение сводилось к «приветам». И вопросам типа: «Какой у нас сейчас, литература?» Ну а с пацанами она почти не общалась, все пацаны были либо уроды, типа Пахома, либо те, что на Светлану внимания не обращали. Да еще учителя. Учителя ее не очень любили, Светлана, занявшись спортом, запустила учебу. И с твердой хорошистки скатилась в троечницы.

– Па, у нас все равно уроков почти нет, в школе пусто, учителя болеют, что мне там делать? Давай я дома побуду, а ты выспишься, – предложила Света.

Нет, папа все думает, что ей нужно будет поступать в институт, он все надеется на это:

– Нет, Светка, иди. Нельзя бросать школу, понимаешь, нельзя.

Кажется, для него эта школа была тем последним делом, что связывало Светлану с нормальным миром. Хотя для себя Света давно все решила, она уже не делала уроков, не старалась на контрольных: все равно, какую оценку поставят. Она просто отбывала в школе время.

– Ладно, па… Поем и пойду.

Она собиралась долго есть, чтобы даже на второй урок не успеть.

Парк Победы в Петербурге считается местом престижным. Дорога на юг, близко до центра, на Московском проспекте много магазинов и ресторанов, дома вокруг парка – респектабельные сталинки, во дворах дорогие машины: «кайены», «мерседесы» и БМВ последних моделей, попадаются «ягуары». Публика здесь небедная. Но эта женщина бросалась в глаза даже на чистой и зеленой улице Фрунзе. Светлана остановилась на перекрестке, ожидая зеленого сигнала, смотрела по сторонам и увидела ее. Девочка и сама была немаленького роста, вторая в классе после Ксюхи. А эта дама намного выше Светы. Одета в бежевый плащ с поясом, черные замшевые сапоги до колен, что рановато для теплого сентября, и черные кожаные перчатки, которые тоже еще рано носить. На голове красный платок. Глаза прятались под большими солнцезащитными очками – это в сентябрьском Санкт-Петербурге, а нижнюю часть лица закрывала никого сейчас не удивляющая антиковидная маска черного цвета. Элегантность, тайна, опасность. Света постеснялась долго рассматривать эту даму. Или побоялась. И самым удивительным было то, что она шла за Светланой почти до самой школы. Только у школы зашла в магазинчик в доме напротив.

Но и это было еще не все: когда после уроков девочка возвращалась домой и уже свернула с улицы Ленсовета во дворы, она, случайно повернув голову в сторону, опять увидела эту женщину. Это было так странно, что Света непроизвольно ускорила шаг. А перед тем, как войти в подъезд, даже обернулась. Не идет ли женщина за ней? Нет, во дворе элегантной дамы не было.

Ну и ладно, у девочки и без того хватало забот и тревог.

Ей, например, нужно вымыть полы в квартире, так как на них остались грязные следы от ее кровоточащей ноги. О! Нога! Света позабыла про нее, так как нога не болела. Девочка уселась на свою кровать, стянула почерневший, кажется, от зеленки носок и осмотрела ногу. Ранки больше не кровоточили. Зеленка сделала свое дело. Ну и славно. Света сварила себе две сосиски и яйцо. Доширак трогать не стала, очень хотелось, но не стала. Близнецы иногда вечером не ограничиваются печеньем и молоком и просят есть. Впрочем, дешевые сосиски с яйцом, с майонезом, со «Столичным» хлебом были очень

вкусны. Она бы и еще столько же съела. Последнее время есть ей хотелось почему-то больше и больше.

Весь оставшийся день она мыла полы, стирала постельное белье, а на ужин решила пожарить картошку, ведь нашелся хороший кусочек сала в морозилке. Пока суетилась, заходила к маме сказать ей что-нибудь. Мама должна слышать голоса, должна знать, что она не одна. Так доктор велел.

Еле успела до папиного пробуждения все дела поделать. Когда встал папа, она сбегала за братьями в садик и, вернувшись, сразу стала жарить картошку. Картошка у девочки получалась, папа хвалил блюдо. Светлане было приятно. Вот и сейчас он сел есть, перед этим выпив свои таблетки. Взял вилку и спрашивает:

– Светланка, ну а у тебя как дела?

От такого вопроса девочка даже растерялась. Как у нее дела? А как у нее могут быть дела, если папа инвалид, а мама уже почти год как лежит, не вставая и не приходя в сознание. А еще ей снятся странные сны, в которых она получает вполне реальные раны. И у нее есть знакомый голос по имени Лю. Он ее… наверное, друг, который помогает выживать в ужасных сновидениях. Рассказать об этом папе? Ей очень, очень хотелось поделиться с ним всем тем, что с ней происходило, но разве можно это делать?

У него, что, мало забот, чтобы еще и о ее снах и ночных голосах думать. Нет, пока она ничего ему рассказывать не будет. Это лишнее, папа и так выбивается и сил.

Светлана подошла к отцу и обняла его:

– Да все нормально, па.

– Я в том смысле, – продолжал отец, накалывая горячую, румяную картошку, – что тебе через два месяца шестнадцать исполнится. Вот думаю, что тебе подарить. Что тебе нужно? Что бы ты хотела?

Что бы она хотела? Одежду, телефон, кроссовки. Да ей просто белье нужно, носки. Все ее белье старое и изношенное, она давно из него выросла, а последнюю приличную маечку потеряла во сне, когда бежала от летающей медузы. А еще Света вспомнила, какое белье носят некоторые одноклассницы. Она видела их в раздевалке перед физкультурой. Ну, о таком она даже не мечтала. Ей бы просто новое.

– Мне нужно белье, па.

– Да я не про такой подарок, – говорит отец, – я про нормальный.

– Па… – Светлана смотрит на него. – Мне сейчас нужно только белье, ну и носки еще.

Отец молча кивает. Он такой уставший в последнее время, Светлана опять его обнимает.

Папа, как всегда, выкурив сигарету после ужина, ушел на работу. Ему нужно быть там к девяти, но он уходил в половине восьмого. Света смотрела на него из окна. Папа ходит медленно, без костылей ноги почти не слушаются, он без них только стоять может, поэтому даже до остановки на проспекте Гагарина, до которой Света добежит за минуту, ему приходится идти минут пятнадцать.

Поглядев, как отец скрылся за углом, девочка подошла к матери уже который раз за день, пожала ей руку и сказала:

– Папу я накормила, картошку пожарила. Он на работу пошел.

Кажется, мама ответила ей движением зрачков под веками.

Света села в кресло, включила телевизор. Все как всегда. Братья ругались за компьютером в своей комнате. Встать, пойти подзатыльников раздать? Нет, она сидит и нажимает кнопки на пульте, даже не пытаясь понять, что по какому каналу идет. Если честно, то ей было… немного страшно. А если быть еще честнее, то и не немного. Когда она бежала от медузы, то не испытывала страха, а вот после и сейчас… да, страх весьма реальный. Он перемешивался с чувством беспокойства и неотвратимостью нового испытания. Что уж там, она заметно тревожилась и отдавала себе в этом отчет. Аж руки вспотели. Совсем как перед ответственным забегом когда-то. Но к соревнованиям она готовилась, готовилась серьезно. Точно! Сейчас она думала о том, что ей надо подготовиться. Если ночью она снова окажется в этом сне, то ей нужно быть во всеоружии. Очень, очень не хотелось Светлане снова оказаться там, но почему-то не было и намека на сомнение, что она сегодня снова увидит вязкий желтоватый туман, а потом и обжигающее солнце.

«Да, нужно приготовиться ко сну».

Как забавно это прозвучало. Только вот смешным не показалось. Она встала, бросила на кресло пульт и, оставив маму, пошла к кладовке, где лежали ее вещи. Вытащила беговой костюм, в котором тренировалась в непогоду. Кроссовки старые, совсем рваные, но это лучше, чем босиком. Те, в которых ходила в школу, было жалко, мало ли что. Она вернулась к маме в комнату и разложила костюм с обувью

на полу. Осмотрела и стала мерить. Конечно, все оказалось мало. И куртка узка, и брюки коротки, и кроссовки – пальцы впритык, она за год заметно подросла. Но ничего другого у нее не было. И пусть, перед кем ей, перед медузами красоваться или перед крикунами? Немного неудобно, но будь на ней кроссовки, даже эти рваные, серебряный мох ей ногу не раскровенил бы. Она чуть-чуть постояла, подумала. Точно! Ей нужно оружие. Пошла в костюме на кухню, нашла большой нож для резки мяса, которым не пользовалась, он казался неудобным. А вот теперь он как раз подходил. Еще она обнаружила в столе кусок капронового шнура, тоже может пригодиться. И ее опять осенило! В кладовке нашла папин ящик с инструментами. Там был молоток с красной резиновой ручкой и с загибом-гвоздодером, он с детства казался ей страшным. Она взяла его в руку. Он был удобен и теперь не казался таким тяжелым, как раньше. Светлана решила взять его с собой. Задвинула инструменты на полку и подумала, что еще может потребоваться зажигалка. У папы их было много. Она пошла в его комнату со всем, что нашла, и с ножом, и с молотком, но тут позвонили в домофон. Девочка выбирала зажигалку из тех, что лежали на тумбочке у папиной кровати, а домофон тем временем разрывался. Света, разозлилась, схватила зажигалку и выскочила в коридор.

– Мелкие уродцы, вы что, не можете открыть?

Братья, только что шумевшие, почти дравшиеся, притихли, но от компьютера не оторвались, только смотрели на нее чуть удивленно. Света открыла дверь: пришла Иванова, чтобы заступить на дежурство возле мамы на ночь.

Девочка влетела в комнату к братьям, отобрала у одного из них мышку.

– Что, тяжело оторваться от этой фигни?! – спросила Света зло. – Никто не может встать открыть дверь сиделке? А? Все я должна делать?

Мальчики молчали. Она обычно позволяла им сидеть до десяти, но тут разыгралась злость, а еще больше волнение.

– Чистить зубы и спать! Быстро! – закричала она.

– Мы еще молоко не пили, – напомнил Максим.

– Пошли на кухню, быстро попили и чистить зубы.

Она подзатыльниками и пинками погнала братьев на кухню, налила им молока, дала по одному прянику. Братья принялись

торопливо есть и пить, а сами смотрели на сестру поверх стаканов, удивляясь, что она в беговом костюме, с ножом и молотком в руках. Макс сделал брату замысловатый знак, Колька понял его без слов и спросил:

– Света, а ты снова бегать будешь?

– Буду, – зло ответила девочка. – Допивайте.

– А нож тебе зачем? – не отставал Николай.

– А молоток? – присоединился к нему Макс, допивая молоко.

– А ты сейчас побежишь? – продолжал Колька.

Света ничего не хотела им объяснить.

– Допили? Все? Стаканы в мойку – и в ванную, через минуту я приду, чтобы были в постели! – закончила разговор сестра.

Мальчишки убежали, а она помыла за ними стаканы. Мыла, а у самой руки подрагивали. Сентябрь, за окном уже темнеет. Ночь скоро. Ей тоже пора ложиться. И тут ей пришла в голову мысль: а если не ложиться спать до утра? Что будет?

Эта мысль ей очень понравилась. Точно, нужно попробовать. Сейчас уложит братьев, а сама посидит в интернете, там можно зависнуть надолго. Иногда она просиживала во Всемирной паутине до утра.

Глава 11

Такое впечатление, что туман стал в два раза плотнее. И еще… он был липким. Света помнила, что всего на мгновение опустила голову на стол перед компьютером. И все, уже туман липнет к коже. К коже. Ведь на ней нет ни костюма, ни кроссовок, ни носков. Ничего, кроме трусов. Ей хочется плакать. Тем более хочется, что внизу, в тумане, среди строительного мусора, шевелится, шуршит кто-то – она очень надеялась, что это жаба. Непонятно, почему она так думала, ведь уже знала, что слюна жабы очень опасна, а палки у Светы не было. Все, что она могла сейчас сделать, так это просто плакать или звать на помощь, и она позвала:

– Лю… Лю, вы тут?

Девочка замерла, выжидая положенные секунды… Тишина… Тишина… Любопытный не отвечал. Мерзкий туман и такая унылая тишина, что захотелось нарушить ее хоть каким-то звуком, закричать что есть силы, лишь бы не завязнуть в этом тумане, похожем на старую вату. Только теперь она вспомнила слова Лю про сирен, про их песни, которые призывают людей, у которых нет надежды или которые думают о смерти. Она думала о смерти? Девочка не успела ответить себе на этот вопрос. Совсем недалеко, кажется, за стеной, пронзительно взвизгнул крикун. О, он так орет, что его даже через туман отлично слышно. Ну и как ей тут не плакать? И заплакала бы… Если бы не услышала такой красивый, спокойный и даже родной голос.

– Постарайтесь не издавать звуков, – сказал Лю. – Эти стайные существа прекрасно организованы и отлично ориентируются в тумане. Одно из них от вас недалеко.

Но Света тут же позабыла про предупреждение и уточнила:

– Вы про крикунов?

– Судя по всему, да, мы говорим об одних и тех же существах. Крикуны… Вы нашли им правильное название, но еще раз повторяю, не издавайте звуков, у них отличный слух, это разведчик, он чувствует жабу и не станет приближаться к вам, если не услышит чего-то необычного. Имейте в виду, после медуз они самые опасные существа в тумане. Солнца они избегают.

Света замерла в своем углу. У нее был десяток вопросов, не меньше, но она не могла их задать. Нужно ждать. И хорошо, что она молчала, опять невдалеке заорал крикун. А Лю произнес:

– Это был разведчик, он уходит, его, кажется, отпугнул запах жабы, кстати, вам тоже нужно быть с ней аккуратней, я не уверен, что вы выживете, если ее токсин попадет на вашу кожу.

Светлана до этого и сама додумалась. И даже была чуточку этим горда. Но гордость гордостью, а палку-то у нее отобрала медуза.

– Я вчера наступила на серебряный мох, и меня чуть не схватила медуза, – произнесла она тихо. – Я потеряла свою палку.

– Лишайник, что растет во влажных местах, весьма опасен, я забыл предупредить вас, но я видел, как некоторые ваши… соплеменники в момент опасности забегали на такую лужайку, они там скрывались от преследователей. Это эффективная тактика.

– Они были обуты! – догадалась Света.

– Да, у них на нижних конечностях были приспособления для комфортного передвижения.

– Я тоже пыталась одеться и обуться, подготовиться, взять с собой оружие, но тут я оказалась без всего.

– Это любопытно, любопытно, – медленно, словно размышляя, говорил голос. – То есть как бы вы ни готовились, сюда вы все равно попадете в своем естественном виде. Вы мне многое объяснили, Светлана-Света. Но это всего лишь один случай, слишком мало данных для законченной гипотезы. Раньше я считал, что невозможно вернуться в свой трехмер с местными предметами, а оказывается, нельзя проделать и обратную операцию.

Света с трудом понимала, что он там говорит, и, как только голос умолк, спросила:

– А что делать мне?

– Думаю, для выживания вам все-таки нужно добраться до тех домов, что не разрушены. И там найти себе одежду и устройства для комфортного передвижения, вы называете это обувью. А также привычные для вас орудия, которыми вы сможете обороняться. Так вероятность вашего выживания в этой локации значительно повысится.

– Лю, а вы мне будете помогать? Без вас я тут умру, кажется… – произнесла девочка.

– Светлана-Света, я буду прилагать для этого все силы. Вы мне очень интересны, вы одна из немногих представительниц вашего вида, с которой мне удалось установить такой хороший контакт, я с удовольствием буду наблюдать те метаморфозы, что будут с вами происходить в этих местах. Я предоставлю вам все имеющиеся у меня знания для скорейшей вашей адаптации к местным условиям.

Света не все поняла. Речь голоса всегда была слишком ученой для нее. Но главное девочка уловила: Лю будет ей помогать. Она уже думала о том, что все, о чем говорит ей голос, нужно запоминать, ничего не пропускать мимо ушей.

– Лю, а что значит мето… мето… какое-то там, что со мной будет происходить?

– Метаморфозы. Это значит изменения. Если вы не погибнете в ближайшее время, а сирена не отпустит вас и продолжит сюда призывать, то вы в процессе адаптации начнете меняться. Будет меняться и ваша физиология, и ваш личностный конструкт. А мне очень хочется видеть, как вы будете меняться. И значительную часть времени, что я провожу тут, я буду проводить с вами.

Свете бы порадоваться, но у нее в голове родилась одна интересная мысль.

– В позапрошлое мое тут… Ну, когда я тут была, на меня напал, вернее, хотел напасть, один дедок, такой, с незрячими глазами… Без носа. Сам голый был.

– Дедок? – Кажется, Лю не понимал, о чем она говорит.

– Ну, старый такой человек, голый и со слепыми глазами.

– Ферокс. Я понял, о чем вы говорите. Да, именно эти метаморфозы я имел в виду. Часть попадающих сюда идут по пути примитивизации, они быстро приспосабливаются, прячутся от солнца, живут в тумане, улучшают слух и обоняние, но утрачивают зрение и

навыки работы с инструментами, получают заметные физические преимущества, умение переваривать падаль, ядовитую и малосъедобную пищу, но утрачивают умственные возможности, попросту становятся дикими, фероксами. Это большая часть проникающих сюда. Но некоторые сохраняют свой разум и умение работать. Они здесь гости, искатели. Я называю их оптиматы. Их мало, но они есть. Есть призванные, которые просто идут к своей цели, к своей сирене, и, как правило, погибают. А есть супримы, но этих совсем мало.

Света растерянно молчала, обдумывала услышанное, стоя в своем углу над лестничным пролетом. Вот как, оказывается. Люди тут дичают, доходят до такого состояния, в котором был тот дедок! До состояния зверя? Как такое возможно? А Лю, видимо, думая, что девочка испугана, попытался успокоить:

– Вам нечего бояться того ферокса, он уже мертв, его поймали и съели, как вы их называете, крикуны. Ближайшая видимая мною местность будет относительно безопасна, как только выйдет солнце и крикуны уйдут в свое логово.

Да, это все было, конечно, здорово, дедка сожрали, крикуны скоро уйдут прятаться, Лю хочет наблюдать метаморфозы, а ей… Что делать ей?

– Лю, а что делать мне? Что делать мне, ведь мне нельзя идти к сирене. Пусть она меня хоть зовет, хоть обзовется. У меня мама в коме, а папа инвалид, а еще два маленьких брата, я не хочу к сирене. Я не хочу, чтобы она меня сюда призывала, что мне делать, Лю? – намного громче, чем нужно, говорила, вернее, почти кричала девочка.

Молчание длилось дольше, чем обычно, но Света чувствовала, знала, что Лю еще с ней, и она дождалась ответа:

– Возможно, вам придется избавиться от сирены или избавиться от тех тягот, что не дают вам наслаждаться существованием в вашем трехмере.

– Да как я от нее избавлюсь-то? – Светлана готова была зарыдать. – Я тут-то боюсь стоять, я не знаю, смогу ли выйти отсюда, меня вчера медуза напугала. Чуть не до смерти. Какая она, эта сирена, чем мне ее убивать? Этих сирен хоть кто-нибудь убивал?

Она говорила с упреком, словно этот голос, этот Лю виноват во всем, что с ней происходит. Ей нужно было найти виновного, хоть

кого-то. Хорошо, что Лю был невозмутим. Он все тем же красивым и поставленным голосом отвечал бесстрастно:

– Я никогда не видел сирен, я знаю о них понаслышке, от таких же людей, как и вы, знаю, что это немаленькие существа, живущие на острове. Как их убить? Я этого тоже не знаю, но я знаю, что местная фауна и флора настолько смертоносны, что при желании способ можно будет найти. Что вам делать с вашим страхом – вам нужно его преодолеть, в этом вам никто не поможет. Это зависит только от вас. Я бы попытался стабилизировать ваше эмоциональное состояние, но мое время уже на исходе, я скоро должен буду покинуть вас.

– Лю, Лю… – Света сдерживалась, чтобы не зарыдать. – Так что мне делать? Сейчас и вообще… Что делать?

– Первое: стабилизировать свое эмоциональное состояние. Второе: найти себе одежду, обувь и инструмент, типа палки, что у вас была. Третье: изучить маршрут к острову, где живут сирены. Четвертое: собрать о них информацию и разработать средство против них. Пятое: применить к ним разработанное средство.

– Это… Это все очень сложно… – Она всхлипнула и поднесла руку к лицу, ей казалось, что все-таки она не удержала слезу.

– Да, сложно, но сделайте хотя бы первый шаг. Напоминаю: одежда, обувь, инструмент. Все, я оставляю вас.

– Лю, Лю… – звала девочка, но ответа так и не услышала.

Как хорошо, как спокойно было, когда голос с ней разговаривал. А теперь тишина, где-то заорал крикун. Туман стал блекнуть. Она подняла голову. Кажется, посветлело небо. Внизу шебуршала жаба. Светлана начинала к ней привыкать.

Вот и свет, девочка не торопясь спускается вниз, к выходу из развалин. Ей очень не хочется, чтобы жаба на нее плюнула, но внизу тихо. Жабы не слышно. Становится заметно теплее. Уже скоро будет жечь солнце. Высунув голову из прохода, она оглядывается по сторонам. Никого, ничего необычного не видит. Груды битого кирпича, строительный мусор – и все. Она делает первый шаг.

Глава 12

Она сначала даже не узнала свою майку, та была грязна и порвана чуть ли не на ленты, кто-то рвал ее зачем-то, наверное, ему не давал покоя запах крови. Майка и раньше была ветхой, а сейчас просто превратилась в грязную тряпку, но Света зачем-то подняла ее. Ей бы палку найти… Но палку утащила медуза. Медуза. Точно. Она стала озираться. И слава богу! В двух сотнях метров от нее и, кажется, по направлению к ней плыла как раз такая же, а может, и та, что была вчера.

Вот уж нет, Света сразу побежала, но у нее хватило смелости бежать не в свое укрытие, а, наоборот, от него, к камню. Бежала, аккуратно выбирая безопасное место для каждого следующего шага. Пробежав метров сто, остановилась около большого обломка стены с помятой железной дверью, за которой, в случае чего, можно было спрятаться. Обернулась. Да, это ужасное существо явно летело за ней, но вот в чем она теперь не сомневалась, так это в том, что медуза движется весьма медленно. От нее всегда можно убежать… Если, конечно, ее видишь. А вот в тумане… Да, Лю был прав, в тумане ее не рассмотреть, в тумане она очень опасна, ведь никогда не угадаешь, откуда прилетят жгуты с липкими «ладошками».

Она пробежала мимо серебряной лужайки и еще дальше. Обернулась. Да, медуза ее потеряла. Теперь она медленно плыла, резко сокращаясь всем своим гигантским зонтиком, куда-то в сторону. Светлана перешла на шаг и огляделась: кругом горы битого кирпича, обломки толстых стен. О, здесь росли одуванчики. На кирпичах кое-где желтели эти маленькие цветы. Ей нужно быть осторожной, везде острые предметы на земле, куски железа и стекла. Еще одна серебряная

лужайка между двух куч кирпича. Надо смотреть под ноги все время. И на небо тоже. Она подняла глаза. Медуза уплывала вдаль, еще одна висела далеко-далеко, в небе кружили две большие птицы. С басовитым жужжанием ей на грудь со шлепком упало неприятное насекомое и стало деловито готовиться ее есть, Света с отвращением тряпкой-майкой смахнула его на землю. И пошла дальше к целым домам. Те выглядели хорошо, были как «живые», даже все стекла сохранились, и до них было уже близко.

Подойдя к первому целому дому, Света осторожно заглянула за угол. И увидела… какого-то мужика. Все его тело, кисти рук и шея, даже лицо, было вымазано черно-синей краской. Да, настоящий мужчина, заметно старше папы. Одет в грязные белые трусы и крепкие ботинки, за спиной у него был большой рюкзак, на носу черные некрасивые очки, почти невидимые на черном же фоне лица, а в руках он сжимал длинную палку, на конце которой красовался крепко примотанный изолентой нож. Он остановился и скорчился, по его лицу было видно, что боль нешуточная. Спазм прошел, и он выпрямился. Вздохнул и, чуть пошатываясь, пошел дальше. Озираясь, подошел к допотопной машине, что стояла у подъезда. Такие машины Светлана видела только в кино. Двери, капот и багажник настежь, а стекол в машине не было. Мужчина заглянул в нее и стал что-то искать, копаться, прислонив свою палку с ножом к крылу автомобиля. И тут новый приступ боли скрутил его, он выпрямился и… увидел Светлану. Мужик сразу схватился за оружие, про боль позабыл. А девочка вышла из-за угла в надежде поговорить. Света прикрыла грудь тряпкой-майкой, а правую руку приподняла вверх: привет. Она не успела ему ничего сказать, мужчина закричал первый:

– У меня ничего нет! – Он явно был напуган. – У меня пустой рюкзак.

Он стал пятиться, выставив вперед копье. Девочка хотела крикнуть, что она просто хочет поговорить, но мужчина, измазанный краской, продолжал орать:

– Не подходи! Я буду драться, я распорю тебе брюхо! Стой там, у меня все равно ничего нет, и я намазан соком фикуса! Видишь, видишь, я синий? – Он поднял руку, чтобы девочка ее рассмотрела. – Я весь в соке фикуса. Будешь блевать…

Он пятился, пятился, а потом повернулся и неуклюже побежал прочь, болтая рюкзаком на спине из стороны в сторону. Быстро побежал, для его-то возраста. И, оббегая препятствия, скрылся за углом следующего целого дома. Поговорить не вышло.

Света была растеряна и напугана поведением мужчины. Что он там ей кричал? Что у него ничего нет? И еще что она будет блевать, кажется. Пока она думала, одно за другим прилетели два противных насекомых, пытались сесть ей на кожу. Она стряхивала их и вдруг поняла, что кожа-то у нее горит, на плечах, на груди, так горит, как на юге, когда с непривычки первые дни слишком много бываешь на солнце. И вправду, солнце пекло немилосердно. Надо поискать тень. У машины появились какие-то зверьки, вылезли из разбитого канализационного люка, небольшие, может, с кошку, но это были не кошки, спроси ее кто, что это за зверь, она бы не смогла его даже описать. Светлана решила для себя, что это крысы. И были зверьки даже на вид весьма неприятные. Да, ей нужна новая палка, а в идеале – палка с крепко прикрученным к ее концу ножом, как у сбежавшего мужика. Стараясь не обратить на себя внимание крыс, она прошла вдоль стены и подошла к первой попавшейся двери. Светлана не была человеком опытным, она не думала о том, что будет, окажись на двери панель домофона. Она просто подошла к двери и удивилась. Домофона не оказалось, мало того, дверь была деревянной, а не железной. И ручка, большая деревянная ручка на большой деревянной двери. Света потянула дверь на себя, и та, на удивление для такой большой двери, поддалась весьма легко. И ее чуть не оглушил звон одновременно взлетевших огромных мух, она даже прищурилась от этого звука, десяток мерзких созданий кинулись на свет, врезаясь в девочку, а вместе с ними на нее из подъезда обрушился густой, омерзительный запах. Смесь фекалий и полностью разложившегося мяса. Одного взгляда девочке хватило, чтобы не идти в этот подъезд. Там, сразу за порогом, в двух шагах от лестницы, лежало свернувшееся калачиком черное тело. Светлана даже не смогла разобрать по его ногам, по ступням, человек это или нет. Кажется, в теле было больше человеческого. А на нем, кроме мух, ползали десятки хорошо знакомых крепеньких и блестящих кусак. Свету замутило, да тут от одного запаха умереть можно, она отпрянула от парадной, даже не подумав закрыть дверь, и пошла прочь, едва сдерживая рвотные позывы. Обернулась

только один раз и увидела, как те противные зверьки, которых она считала крысами, весьма проворно кинулись к открытой двери, видно, на запах.

В следующей парадной никаких тел не лежало, горели лампы, но стойкий запах фекалий и застарелой грязи присутствовал и здесь. Зато не было такого свирепого солнца. Она огляделась. Странное дело, но тут все было другое: другие перила, двери, плафоны, звонки на дверях другие. Девочка тихонечко, прислушиваясь ко всякому шуму, пошла вверх по прохладным и липким ступенькам, осматриваясь. Но все двери на первом этаже оказались закрыты.

Одну из дверей она даже подергала. Нет. Заперта. Светлана поднялась на второй этаж. Там, на площадке, она увидела допотопный трехколесный детский велосипед, стоящий у одной из дверей. Выше, этажа на два, зло закричала птица, громко захлопала крыльями, но этих птиц Светлана не боялась, они кричали в небе. Она пошла дальше, на третий этаж. Птица не птица, а обувь и одежда ей очень нужны. И на третьем этаже она нашла открытую дверь. В этой квартире не было ничего, мусор да высохшие испражнения, которые даже уже не воняют от старости. На полу в одной комнате она нашла древний музыкальный аппарат, на котором проигрывают пластинки в пожелтевших конвертах.

«Клавдия Шульженко», – прочитала девочка надпись на одном из конвертов. Она даже не могла вспомнить такого имени, и в этой квартире все ей казалось чужим. Паркет, сломанная мебель, эмалированный бидон, желтый с красными вишнями, даже витые провода и черные уродливые выключатели. Все было не такое, как у нее дома. Она, перешагивая через мусор и остатки мебели, подошла к окну, из которого в комнату вливались до боли в глазах белые лучи солнца. И сразу узнала то место, которое увидела из окна. Проспект Юрия Гагарина.

А если взглянуть чуть левее, знакомый с детства перекресток Гагарина и Бассейной. Весь проспект был отлично виден. В ее мире… там, не во сне, проспект не видно из-за больших деревьев, что растут вдоль дороги, а тут деревьев нет. Он весь как на ладони. А чуть левее она увидела СКК. Да, тут он еще стоял, а в реальности его снесли почти год назад. СКК был большим, серым, тяжелым зданием, но в ярком солнце казался абсолютно белым, и огромная площадь вокруг него тоже казалась белой и еще горячей, и над всем этим светлым местом почти

неподвижно висели три медузы. Большая и две поменьше. Неприятное место. Но сразу за ними она увидела в дымке большую и хорошо знакомую красивую вывеску «Радуга». Это был один из любимых торговых комплексов: сколько фильмов она там посмотрела, сколько всего купила, сколько съела вкусного на фудкорте. Вспомнила – и сразу есть захотела, странно, раньше она здесь о еде не думала, а тут вдруг захотела, от гриль-чикенбургера она бы сейчас не отказалась, да и попила бы чего-нибудь. Но это все мечты, а пока ей нужно искать одежду и оружие. Тут, среди старого хлама, ничего стоящего найти она не смогла. Девочка на всякий случай зашла в ванную, вдруг там есть швабра. Нет, тоже ничего, только хлам. Она вдруг поняла, что найти что-нибудь полезное будет непросто. Кажется, до нее в этом доме побывало много людей. Она вышла из квартиры и пошла на следующий этаж. А там царил полный хаос, обнаружилось гнездо уродливой птицы, которая разбила окно и поселилась прямо на лестничной площадке, загадив все вокруг, засыпав серой чешуей и переваренными скелетами каких-то зверьков. Птица лежала в гнезде, и снизу девочка ее не сразу заметила. Зато птица ее увидела, когда Света почти поднялась. Она выскочила из гнезда, зашипела так яростно, что девочка отшатнулась, тем более что птица была немаленькой, побольше чайки. Она захлопала крыльями и кинулась на Светлану, но девочка отмахнулась и весьма удачно сбила ее на загаженный бетон. И ужасная птица стала взлетать, яростно бить крыльями, поднимая с пола весь сор, и оглушительно орать. Второй раз кинуться на девочку она не решилась, вылетела в окно, но не улетела, а кружила возле окна и орала, орала, орала. Светлана даже уши заткнула. Она случайно заглянула в гнездо и увидела там нечто бесформенное, жидкое, в прозрачной пленке, с круглым птичьим глазом под ней. Мерзость! Да еще и жуткий ор птицы в паре метров от окна. Света не стала подниматься дальше, а быстро побежала вниз, позабыв про осторожность. Лишь бы побыстрее уйти от орущей на всю округу птицы.

Света выскочила на почти белый и на удивление целый асфальт во дворе. Из прохлады и полумрака парадной и сразу на солнце – ей пришлось сощуриться, иначе бы потекли слезы из глаз. Она повернула к следующей парадной, дверь которой была приоткрыта…

Ни боли, ни страха девочка не почувствовала. Кто-то просто схватил ее за волосы, дернул сильно… Она упала на очень горячий асфальт, даже не понимая, что происходит. А после поняла: ее крепко держат за волосы, и очень сильная рука тащит ее, стирая кожу на бедре и коленке об асфальт. Она еще не пришла в себя от неожиданности, не заплакала, не закричала – все произошло слишком внезапно, страх еще не пришел, боль еще была терпимой, но вот удивление, удивление овладело девочкой, тем более что она слышала бормотание:

– Наглость… Наглая… – Затем смешки. – Бродит тут наглая… Аглая не любит этого… Не любит…

А еще был запах пота, резкий и едкий. Запах сильного тела. Но голос… Это не голос «синего» мужика с палкой и рюкзаком, голос был женский. Светлана попыталась схватить руку, что сжимала ее волосы, но ее пнули в бок под ребра и потащили дальше, и вот только сейчас ей стало страшно и больно…

Но все закончилось; когда боль на ободранном асфальтом бедре усилилась, ее втащили в тенек дома, отпустили, и она увидела лицо женщины. Волосы черные, над губой полоской черные волоски усов и оранжевые веснушки по всей коже. Она схватила Светлану за щеки пятерней – пальцы сильные, как щипцы, под ногтями грязь, – повернула к себе, заглянула девочке в глаза:

– Что? Ты тоже слышишь вой? Эта тварь воет и зовет меня, и зовет… А тебя зовет?

Светлана даже не успела и подумать над ответом, как женщина продолжила:

– Я его слышу все время, когда не пью таблетки, она воет и воет, днем и ночью. – И тут женщина заорала прямо в лицо девочке: – Я не могу спать: закрываю глаза, а она воет…

Света опять ничего не успела ей ответить. Женщина чуть успокоилась, самую малость, и спросила:

– А тебе врачи дают таблетки, у тебя есть таблетки? Мне дают, я их все время пью, даже на ночь, иначе вой меня изводит, без таблеток я слышу, как она кричит, все время слышу. Все время, все время… – Женщина вдруг стала бить себя ладонями по ушам, а потом схватила Светлану за трусы и дернула за них, заорав с тоской и отчаянием:

– У тебя есть таблетки, есть? Нет? Арипипразол есть? Феназепам есть? Что есть? Ничего нету? Нет? Конечно нет, ты их сама бы уже

сожрала…

Она вдруг вскочила, теперь Света видела только ее поросшие черными волосками голени и страшные, натоптанные, все в черных мозолях ступни. И одна из этих уродливых ступней вдруг полетела девочке в лицо, Света едва успела закрыться руками, но удар был такой сильный, что ей все равно как следует встряхнуло голову. И тут же безумные глаза женщины снова сверкнули, ее злобное лицо было близко и закрывало все вокруг. Света даже видела, как в ее запутанных космах ползают насекомые.

– Ходишь тут, ходишь… Это моя территория, я тут живу, а ты думала, твоя? Да? Твоя? – И заорала так, что Света почувствовала ее дыхание: – Это не твое место, ты здесь сейчас и сдохнешь!

«Она долбанутая! – с ужасом подумала Светлана, видя в глазах сумасшедшей абсолютную осатанелость. – Она реально долбанутая!»

– ЭТО МОЕ МЕСТО! МО-Е! – проорала чокнутая и тут же перешла на спокойную речь: – Я тебя скушаю, самое вкусное у тебя – это печень! – Женщина ткнула Светлану в правый бок, под ребра, ее отвратительный ноготь как бритвой рассек кожу на пару сантиметров, но Света это почувствовала, лишь когда капля крови побежала по животу из раны. – А потом я съем твое сердце и мозги, потом я разобью твои кости, там тоже есть вкусное. Мне нужно много сил, много… Я хочу пойти на остров и заткнуть этот вой… А ты… ты сдохнешь…

Она сидела рядом со Светланой. Даже самые сильные девочки, с которыми тренировалась Света, не шли с этой чокнутой ни в какое сравнение. Крепкие руки, плечи совсем как у мужчины, широкие, мощные, такие же мужские икры и накачанные бедра, почти отсутствующие груди, пресс на животе, чуть выше заросшего лобка, и страшные, страшные ногти на пальцах, они даже на вид были такими крепкими, что, казалось, снимут, соскоблят с девочки кожу, если их обладательница этого захочет. Света сглотнула слюну… Что? Что нужно сделать, вскочить? Бежать? Да, это может сработать, но даст ли эта чокнутая ей встать… А крепкая ладонь этой бабы уже тянется к ней, тянется… Ну, что, что? Ей хочется зажмуриться. Надо что-то делать, а не закрывать глаза. «Света! Очнись же!»

– А как вас зовут? – спросила девочка быстро, даже поспешно.

«Что? Что за глупость? Света, ты тупая? Зачем это спрашивать у того, кто собирается сожрать твою печень?»

Сумасшедшая остановила руку, которая тянулась к девочке, а потом и убрала ее, произнесла:

– Аглая меня зовут. А что?

Она была похожа сейчас на истеричного ребенка.

Что могла сказать на это Светлана? Ведь говорить что-то нужно, нужно, нужно, она и продолжила:

– Ой, какое красивое имя. Это, наверное, вас мама так назвала?

– Нет, – вдруг снова разозлилась сумасшедшая. – Мать назвала меня ублюдочным именем Манана, Манана Гванца, как тебе такое имя? Манана, Манана. Нравится тебе?

Света по ее тону все поняла:

– Аглая, конечно, красивее… Звучит так приятно. А где вы живете, Аглая… там, в реале?

При этом девочка лихорадочно соображала, что ей делать дальше, но ничего не могла придумать, лишь повторяя про себя:

«Мамочка, мама, как же мне проснуться?» Больше ничего в голову не шло. Совсем не шло.

Аглая, может, и была долбанутой, но не тупой.

– А зачем ты говоришь со мной? Тянешь время? Зачем, зачем, убежать думаешь от Аглаи? – Она вдруг открыла рот, закатила глаза и стала хлопать себя по ушам, как будто что-то в них ей мешало. – А-а-а!.. – И продолжила как ни в чем не бывало: – Думаешь заговорить меня, заболтать. Зачем тебе встречаться со мной там, где нет этого солнца?

Света ответила первое, что пришло в голову.

– Аглая, я найду таблетки, что вам нужны. У меня много таблеток, у меня мама фармацевт… – сказала Светлана, а сама думала: «Мамочки, как же мне проснуться, уже пора, пора…»

Но это не сработало, сумасшедшая оскалилась и снова заорала:

– У меня там хватает таблеток, хватает… Мне дают врачи, я их пью, чтобы не слышать вой… Ты ведь тоже здесь из-за него… Ты ведь тоже слышишь? Да? – В ее глазах просто пылали костры раздражения.

«Пора, просыпайся, близнецы, где вы, будите уже меня, будите!»

А Аглая продолжала на нее смотреть:

– Я знаю, зачем ты говоришь со мной, сначала ходишь по моей земле, а потом хочешь меня заболтать и сбежать? У тебя не выйдет. – И тут же ее тон переменился, глаза округлились, а рука со страшными

ногтями потянулась к руке девочки. Сумасшедшая Аглая заорала зло: – Стой, дура проклятая, стой… Обманула.

Света видела ее руку, ее ногти с грязью возле самых глаз, совсем, совсем близко слышала разъяренный крик этой бабы:

– Обманула, дура, найду тебя и разорву, разорву… Дура…

Глава 13

Сентябрь в Петербурге обычно теплый, но в эти дни похолодало. Ночью было всего десять, и Светлана проснулась от того, что замерзла. Девочка лежала в спортивном костюме для бега, старых кроссовках и с молотком в руке поверх одеяла, рядом лежал нож для резки мяса. Тихо шуршал в углу старенький компьютер. Она его не выключила ночью. Дура, теперь счет придет за электричество, впрочем, он и так огромный приходит, всегда за три тысячи, мамины приборы контроля работают круглосуточно. Света разжала пальцы, кажется, молоток она сжимала изо всех сил, аж рука болит. Взглянула на братьев. Те спали, значит, будильник еще не звонил. Значит, семи еще нет. Девочка попыталась встать и поморщилась от саднящей боли под правым ребром. Точно, как она могла забыть, на зеленом костюме большое черное пятно. Эта долбанутая распорола ей кожу. Света все-таки села на кровати. Да что же это такое?! У нее уколы и порезы на руках болят от поганых кусак, нога едва зажила, а теперь еще и это. Она подтянула одежду. Кожа была распорота весьма глубоко. Какой же страшный ноготь был у этой долбанутой Аглаи, Мананы Гванци.

Светлана пошла в ванную, разделась. Помимо распоротой кожи под ребром – ссадины на левом бедре и колене, долбанутая ее по асфальту тащила, синяки, порезы на обеих руках, еще кожа горит на плечах, как от солнечного ожога. Она поглядела на себя в зеркало – ужас. А трусы! Можно выбрасывать, они и раньше были ветхими. Папа спрашивал, что подарить ей на день рождения. Да, ей нужно белье. Еще носки. И тут одна неожиданная идея пришла в голову. Света стала быстро мыться, ни на секунду не расставаясь с

посетившей ее мыслью. Она ей нравилась. Быстро умывшись и почистив зубы, девочка нашла средство обеззараживания и залила им рассечение под ребром. Стояла, морщась, и дышала сквозь зубы, пока не стихла боль, залепила рану пластырем, потом вышла и оделась. Первым делом после пробуждения она шла к маме, такой утренний ритуал. Она открыла дверь в ее комнату… Телевизор работает, а Нафиса, дрянь, конечно же спит, сидя в кресле, даже телефон выронила из руки. Света подошла и сказала зло:

– Нафиса, спать нельзя. Тебе уже говорили об этом.

Та открыла глаза, испуганно забормотала, хватая телефон:

– Я не сплю, не сплю… Глаза только закрыла.

Она врет, и это бесит девочку еще больше. Спать нельзя, у мамы иногда начинаются судороги, один раз из-за спазмов остановилось дыхание. Поэтому папа и нанял сиделок, отдавая им кучу нужных для семьи деньжищ. Света больше ничего ей не говорит, гладит маму по лицу, а потом, в наказание Нафисе, выключает телевизор. Нечего электричество тратить. Так сиди.

Пришел со смены папа, он после резки и упаковки салатов всегда уставший. Светлана повела его кормить: жареная картошка с зеленым соленым помидором, хлеб, чай с пряником. Папа неприхотлив. Впрочем, как и все в их семье. Нафиса смылась, Света не стала говорить отцу, что застала ее спящей, зачем ему лишние расстройства, у него и своих немало. Пока папа не лег, она отводит близнецов в детский сад, возвращается. Теперь отец не гонит ее в школу, кто-то должен остаться с мамой. Хоть это хорошо. Света не очень любит Нафису, Иванова, конечно, лучше как медицинская сиделка, хотя характер у нее намного хуже. Света сама перевернула маму на бок, сделала обтирание, контейнеры были чистые. Девочка все делала тщательно, рана под ребрами саднила, но это ей почти не мешало. После, поговорив с мамой, она пошла на кухню, взяла себе еды и села возле матери есть и смотреть телевизор. Но что бы Светлана ни делала, мысли о ночных путешествиях не покидали, следующей ночью ей, возможно, придется вновь встретиться с этой сумасшедшей. И если она не хочет, чтобы мерзкие ногти Аглаи сдирали с нее кожу, то нужно будет встать и убежать. Если, конечно, Аглая окажется на том месте, где поймала Свету. Сумасшедшая сильна, но она слишком мускулиста, по-мужски тяжела, чтобы хорошо и долго бегать. Но она способна на

рывок, поэтому будет опасна в первые минуты. Это тревожило девочку, а кого бы не тревожило?

Около двенадцати в домофон позвонили. Это оказался отец Серафим.

При всей нелюбви к попу Света была ему все-таки благодарна. Он вошел в прихожую, снял свои знаменитые сандалии. Ряса, как всегда, в пятнах, в бороде, как всегда, крошки. Под мышкой книга. Какой-то Пруст.

– А мне отец Александр говорит, иди к хворой, помоги, а я за тебя службу проведу.

И тут поп замечает на брови у Светланы запекшуюся кровь. Он бесцеремонно подтягивает девочку к себе и разглядывает ссадину:

– Та-а-ак… Это у тебя откуда?

Света освобождается из его рук:

– Да я сама ударилась.

– Сама? – Кажется, священник ей не верит. – Точно?

– Сама, сама.

– Дева моя, если тебя кто обижает, ты приди ко мне и сразу скажи, слышишь? – назидательно говорит Серафим, еще и пальцем указательным шевелит.

И вот что она должна ему сказать? Что во сне проснулась в могиле, где ее ели черные жуки, что ее чуть не схватила летающая медуза, что сумасшедшая Аглая порезала ее ногтем?

Светлана молчит, а приставучий поп снова спрашивает:

– Точно тебя никто не обижает?

– Точно, точно, – пытается закончить разговор девочка.

– Хорошо, но имей в виду, если кто-то… кто угодно обидит, сразу беги ко мне, и все мы уладим, со всяким обидчиком разберемся. Или даже просто нужно будет поговорить, приходи, о чем угодно поговорим, хоть о матушке твоей, хоть о горе твоем великом, а хоть о мальчишках. Или о тех, кто тебя в школе притесняет. Если есть такие, то и на них управу найдем.

«В школе меня не замечают, я там пустое место. И что, вы это тоже уладите? Все со мной общаться начнут и перестанут прикалываться над моими рваными кроссовками?»

Но спорить с попом она не хочет, как и объяснять ему что-либо, девочка просто соглашается:

– Хорошо, отец Серафим, я сразу вам скажу, если кто меня обидит.

Он кивнул и пошел в ванную мыть руки, это Свете нравилось. Она подала ему полотенце. А священник продолжал:

– Вот, пришел к вам, думал, твой батька пусть поспит, я его утром видел, когда он со смены усталый шел, а тут ты. Значит, отец спит. Но я все равно могу с матушкой твоей посидеть, на три часа получил благословение от настоятеля, а ты в школу сбегай.

Светлана обрадовалась, отец Серафим не раз уже с мамой сидел, приборы понимал, инструкцию от отца выслушивал, ему можно было доверить маму, уж он-то спать не будет.

– В школу поздно уже, я по магазинам пройдусь, – говорит Света.

– И ладно, и ладно, иди, куда надо.

– Я вам сейчас чай сделаю и пойду, – вспомнила о гостеприимстве Светлана.

– Будь так любезна, душа моя, сделай, сделай, я не откажусь.

Света побежала на кухню греть чайник, доставать кружку для гостей, а когда было все готово, принесла чай гостю и, увидев, что он уже читает, спросила из вежливости:

– Интересная книга?

– О! Пруст. – Священник взглянул на обложку будто первый раз ее видел. – Великий писатель, прелюбопытнейший, большой демагог, сам пустой, как барабан, душонка махонькая, кроме себя никого не любившая, зато всю свою пустоту смог так красочно описать, что не оторваться. Не Достоевский, конечно, и не Шолохов – те писали о том, о чем душа у них болела, а этот как через бинокль все видит и описывает от нечего делать, от лени, да философствует помаленьку. В общем, великий писатель.

Света ничего не поняла, только кивнула. И пошла в прихожую обуваться. У нее есть дело.

В ТЦ «Радуга» она бывала… наверное, сотню раз. Раньше, когда у Светы еще имелись подруги, девочки заходили сюда частенько – посмотреть кино, съесть что-нибудь вкусное, просто пошататься по магазинам.

Понадобилось совсем немного времени, чтобы не спеша добежать до ТЦ. Она даже не успела как следует разогреться. Секундомер на руке показал шесть тридцать семь, когда она вбегала на большую

стоянку «Радуги». Пока отец Серафим сидел с мамой, у нее есть время, чтобы все осмотреть еще раз. Может, что изменилось. Охранник на входе указал пальцем на свое лицо. Ах да… Она забыла… Ей пришлось надеть маску.

Она сразу направилась в свой любимый магазин, в «Спортмастер». Давно там не была, с удовольствием зашла, огляделась. Прошла в женский отдел. Столько всего красивого, классного. Розовые джемпера для бега, облегающие, по фигуре. Почти невесомые треники. Такие же невесомые и красивые маечки цвета персика. Обалденные кроссовочки, носочки, перчаточки, шапочки. Она повертелась, посмотрела ценники. Маечка – восемьсот рублей, приглянувшийся джемперок «Пума» на молнии – три девятьсот девяносто. Остальное даже смотреть не стала. Расстроилась. Но она знала, что лучше поискать в туристическом отделе. Вещи «Аутвенчер» как раз подходили ей, крепкие эластичные брюки, написано «антиклещ», такая же толстовка с капюшоном, перчатки, дождевик. Ну и что, что солнце жгучее, она потерпит. И главное – крепкие, на мощной шнуровке, с отличным протектором, туристические полуботинки фирмы «Соломон». Да, ей все это приглянулось, она даже померила ботиночки, идеально сели. Жаль, что нельзя пробежаться в них.

На выходе остановилась около стенда с защитой для езды на скейте. Конечно, ей было нужно это все – и наколенники, и налокотники, и шлем, и наголенники. Рядом стоял стенд с клюшками, вот и отличная палка, а дальше еще стенды с инвентарем для фитнеса. Тоже есть то, что может пригодиться. В общем, девочка осталась довольна своим походом. Она уже решила, что как только окажется во сне, сразу пойдет сюда. Добежит, ей для этого нужно всего семь минут. Около СКК она видела трех медуз, место там большое, открытое, тем не менее ей казалось, что она легко уйдет от них, ведь та медуза, с которой она встретилась, вовсе не показалась быстрой. Светлана даже не думала о том, что что-то может не получиться, например, магазины ТЦ давно разграблены или в «Радуге» просто не будет электричества. Девочка была уверена в успехе, и единственным серьезным препятствием своей затеи она считала Аглаю. Только эту страшную женщину.

Света покинула «Спортмастер» и пошла дальше по торговому центру, и почти сразу ей на глаза попался магазин, о существовании которого она почти никогда не вспоминала. Сто раз проходила мимо его некрасивой вывески, но теперь остановилась и прочитала: «Солдат удачи». За стеклом какие-то пистолетики, автоматики, ружья. Светлана знала, что все это оружие ненастоящее. Ну, игрушечное, что ли. Никогда бы не пошла в такой магазин, но там внутри, за стеклом, висела одна штука, о которой девочка кое-что слышала. Она даже помнила, как эта штука называлась – арбалет. Света нерешительно вошла в магазин. Покосилась на продавца, тот поглядел на нее:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте, – ответила она.

– Интересуетесь чем-то конкретным? – спросил мужчина, вставая.

– Ну, так… – Более определенно она ответить не могла.

– Подарок ищете для кого-то?

– Нет… Я просто посмотреть.

Продавец сразу утратил к ней интерес и сел на свое место, уткнулся в телефон. А она подошла к арбалетам. Нет, Света не очень понимала, как эта штука кидает стрелки. Должна как-то, но как? Непонятно.

И тут на соседнем стенде она увидела то, что ей было нужно на сто процентов: огромный черный нож с веревочкой на ручке и удобным футлярчиком, который можно было пристегнуть к поясу.

«Мачете туристический „Рубака“ шестьдесят два сантиметра, с кордуровыми ножнами. Цена две тысячи двести шестьдесят рублей».

Сам черный, с одной стороны остро заточенный, а с другой стороны лезвия-пила. Да, эта штука даже на вид была страшной. Света вышла, запомнила местонахождение полезного магазина и пошла дальше.

Зашла в «Интимиссими». Девочки из класса покупают белье тут. Поглядела, все такое классное, особенно маечки и топики понравились, офигенные расцветки и принты, но ценник, как говорит папа, конский, ей такое белье не по карману. Даже на день рождения дорого. Пошла на фудкорт, но там тоже ничего не купила: если она возьмет гамбургер в «Бургер Кинге», то один день ее семье нечего будет есть. Светлана вышла из торгового центра немного расстроенная

и весьма голодная. И побежала в магазин «Верный», что был рядом с ее домом, посмотреть скидки. И хлеба купить.

Вечер. Папа давно ушел «на салаты», пришла Иванова, братья уже спали. Света все не могла решиться и лечь. Знала, что если не ляжет, то будет так же, как вчера, то есть она даже не вспомнит, как ложилась, просто проснется на кровати. Тем не менее сидела за компьютером. Волновалась. Набрала имя «Аглая». Ничего не нашла, тогда набрала в поисковой строке Яндекса имя «Манана Гванца». Яндекс никакой Мананы не знал, но знал Ираклия Гванцу.

То был лысоватый дядечка постарше папы, ресторатор, имевший в Петербурге два ресторана грузинской кухни. Девочка еще немного посидела, бесцельно пролистывая ленту новостей в одной из социальных сетей. Что ни говори, но она боялась эту сумасшедшую Аглаю. Нет, нужно было решаться. Это как на соревнованиях, волнение сразу пропадает после выстрела стартового пистолета. Нужно начинать. Девочка выключила компьютер, улеглась в свою кровать и укрылась одеялом.

Глава 14

Чокнутой не было. Света стояла в тумане возле стены дома. Надо действовать. Страшно? Конечно, но как бы ни было страшно начинать такое предприятие, еще страшнее оставаться тут. И девочка пошла вдоль дома. Хотелось перейти на бег, но пока… пока она не выйдет из арки, просто будет быстро идти. В арке туман такой густой, что и на пять шагов ничего не видно, Светлана вспомнила слова Лю: не издавать звуков, не источать запахов. Так и пошла, а тут за спиной резкий звук! Пронзительный и тонкий. Крикун. Недалеко где-то орет. Но в тумане она не могла точно угадать, откуда доносится звук.

Она свернула направо, там должен быть проспект Гагарина. И только здесь перешла на легкий бег. Так как боялась повредить ногу, наступив на камень или еще на что-нибудь. Сквер, что шел вдоль проспекта, был зачем-то уничтожен. Большие деревья срублены, земля перекопана – это Светлана видела из окна, поэтому она побежала по асфальту к перекрестку. Асфальт в хорошем состоянии, и она за минуту добежала до пересечения Бассейной улицы и Гагарина. Тут она остановилась. Из-за этого дурацкого тумана она не могла видеть, что происходит на той стороне проспекта. И уж тем более что происходит над ним. Снова заорал крикун в тумане, не так близко, ему ответил другой. Кажется, их тут много. Ждать новых криков девочка не захотела. Побежала по проспекту в сторону СКК, которого в реальности нет уже год как. За спиной снова кричали, она перешла на шаг и на всякий случай обернулась… И вовремя. Света увидела, как из тумана ее догоняет что-то большое и темное. Никаких сомнений не было – медуза. Конечно, девочка видела только нижнюю часть, липкие жгуты с ладонями, свисающие с неба, но и этого было достаточно. Бесшумная, огромная, опасная тварь наплывала на нее из тумана.

«Вот так вот сразу!? Даже и проспект не дали перейти?!»

Она, не раздумывая, побежала. Побежала быстро, но при этом старалась смотреть, куда ставить ноги. Оступиться или наступить на что-либо могло означать для нее… смерть!

Пробежав метров тридцать, обернулась. Через туман не сильно, конечно, разглядишь, но вроде бы медуза подотстала.

Проспект Юрия Гагарина без светофора пересечь непросто, движение здесь почти всегда оживленное, но сейчас Света бежала по проспекту, не пытаясь заскочить на поребрик. Бежала, оглядывалась по сторонам и уже на перекрестке увидела еще одну большую тень, что летела на нее со стороны парка Победы.

Только тут она заскочила на поребрик и взяла правее, в сторону торгового центра. Стараясь не терять из вида приближающиеся жгуты. Здесь асфальт кончился, пошли бетонные плиты. Это, с одной стороны, хорошо – значит, СКК уже близко. С другой стороны – между плитами растут какие-то неприятные растения. Жесткие и колючие. О которые можно споткнуться или поцарапаться. И Светлане стало еще сложнее. Оглядываться, смотреть по сторонам – и тут же под ноги, оглядываться – смотреть под ноги. А не оглядываться нельзя, еще одна медуза пыталась ее догнать. Светлане пришлось прибавить шаг. Кажется, медузы нападают только сзади.

«Наверное, они видят или чувствуют все, что движется в тумане. И догоняют это».

Бетонные плиты кончилась, слева от девочки темной махиной нависало огромное здание спортивно-концертного комплекса. Снова пошел асфальт, но это была всего-навсего узкая дорожка, по краям которой лежала вздыбленная, перекопанная земля, заросшая редкой некрасивой растительностью, соскакивать на эту землю босой ногой девочке очень не хотелось. И она поняла, что ошибалась, когда думала, что медузы нападают только со спины. На нее летели жгуты, и они были близко, так близко, что Света кое-какие различала, даже «ладошки» на них видела. Жгуты разлетались в стороны, закрывая пространство перед ней, словно руки для объятий, в которые Света никак не хотела попасть.

А-а-а… Вот теперь она испугалась, мурашки по коже, но все равно она была быстрее медуз. Пришлось спрыгивать с дорожки на землю. Теперь попробуй разбери в тумане и перекопанной земле, куда ставить

ногу. Но делать нечего, она, буквально увернувшись от одной «ладошки», вынырнувшей из тумана, прибавила шаг почти до максимума.

«Главное, главное – не напороться, не наступить на что-нибудь острое и не споткнуться», – думала девочка, делая большие шаги по влажной рыжей земле и при этом еще успевая оборачиваться налево, чтобы не упустить из виду жгуты и «ладошки». Царапала голени о колючие черные кустики, что росли тут, утопала в мягком грунте, но довольно легко бежала в сторону торгового центра. И как раз в тот момент, когда ей стало казаться, что медуза отстает, прямо перед ней зашевелились эти страшные, упругие, разлетающиеся для объятий жгуты. Еще одна! Сколько же их тут? Вчера она видела лишь трех, или это были одни и те же медузы? До этого мгновения она еще могла контролировать свой страх, а сейчас закричала.

По наитию, не думая, резко, утонув ногой в мягкой земле по щиколотку, затормозила и, сменив направление на девяносто градусов, снова побежала и тут уже включилась на всю свою девичью мощность.

В три огромных шага выскочила на асфальт, пришлось пригибаться, так как на нее летело сразу две «ладошки»; перепрыгнув удобную для бега дорожку, она снова прыгнула на мягкий грунт, тут ее почти догнала та медуза, что шла по следу, снова пришлось прилагать усилия. Но адреналин заливал ее молодой организм, поэтому и намека не было на усталость, Света ее не чувствовала, хотя бежала изо всех сил. А тут и земля закончилась. Она ступила на асфальт, обернулась еще раз. Огромные тени парили в воздухе, но они уже отставали. Света снова побежала.

Она знала, что уже почти у цели. Вскоре из тумана показалась сетка, ограда парковки торгового центра. На входе девочка опять обернулась, она не могла быть уверена, но, кажется, одна медуза еще плыла за ней потихоньку. Светлане полегчало, она перевела дух. Медуз рядом не было. Все-таки она молодец, ловко оббежала все расставленные медузами «ладошки». Девочка даже была горда собой, и она пошла по парковке, все время оборачиваясь. Оказалось, что на парковке есть машины. Вот только целых среди них не осталось, все измяты, у всех выбиты стекла, оторваны бамперы, продавлены крыши. Половина из них валялась на боку или вовсе вверх колесами. Битое автомобильное стекло, острые куски пластика, всякие опасные

железяки валялись повсюду. Тут нужно быть очень внимательной. Поранить ногу… Лучше сразу умереть. Она пошла шагом, прошла немного и снова остановилась у одной из машин, что еще стояла на своих колесах. Рано она перевела дух и успокоилась. Света кинулась бежать, снова тварь летела за ней, и как только девочка отбежала от машины, «ладошки» проползли по ее измятой крыше. Медуза хватать машину и не думала, она плыла дальше за Светланой. Девочка ускорила шаг, когда раздался страшный рев. Шум был такой сильный, такой насыщенный, как будто где-то рядом пролетел на бешеной скорости товарный поезд. Девочка просто не могла не обернуться и увидела, как в тумане пронеслось что-то огромное и шумное, как грузовик. Ну, как «газель», например. Это существо было настолько велико, что даже туман за ним пошел завихрениями.

«Мамочки!» Девочка едва перевела дух. Но, слава богу, неслось ЭТО не на нее. Ей вовсе не хотелось, чтобы оно изменило свой маршрут. Света побежала к темнеющему в тумане торговому комплексу, напуганная новым существом, она торопилась и впервые допустила оплошность. Чтобы не наступить на битое стекло, взяла чуть левее и ближе к одной из разбитых машин. И на всем бегу поставила правую ногу во что-то холодное, влажное и скользкое. Нога сразу уехала вперед, не дав и намека на опору, Света со всего маха упала на спину, ударилась попой – больно, правым локтем – очень больно, да еще и затылком тюкнулась. Вот тебе и одна маленькая неосторожность. Маленькая! А медуза-то, наверное, летит. Девочка начала подниматься с земли, молясь лишь о том, чтобы с ногой все было нормально. Ну да, конечно. Молись не молись, а в ступне боль. Не сильная, но есть. Потянула. Бежать можно, но недолго и не интенсивно. Как теперь через СКК, через кучу медуз возвращаться назад? А тут еще дошел запах, который сразу, из-за боли, она не уловила. Острый запах ядреных человеческих фекалий. И это воняла она. Света была перемазана этим, обе ноги, спина, даже… О! Ее сейчас вырвет. Даже голова с волосами. Но за ее спиной, разворачивались какие-то события, там опять страшно ревело огромное существо, раздавался еще и грохот, видно, оно ворочало машины.

Вонь не вонь, но нужно было бежать, быстрее скрыться, вдруг медуза ее еще не потеряла, или этот великан захочет узнать, кто тут благоухает. И Светлана опять побежала, вернее, пошла быстрым шагом,

стараясь не напрягать поврежденную ногу. При этом пытаясь стряхнуть, хотя бы с руки, холодную и вонючую субстанцию.

Девочка обернулась – нет, кажется, жгутов медузы нигде не видно, и она, чуть успокоившись, быстренько пошла к торговому комплексу, пытаясь вспомнить, где поближе вход. А за спиной снова заревело огромное существо. И опять, и опять до нее стал долетать грохот, там, в тумане, происходило то, в чем Света никак не хотела принимать участие. А здесь, уже у самого торгового центра, ее ждало еще одно испытание. Вся земля перед входом была завалена осколками витрин и стеклянных дверей так густо, что ногу некуда было поставить. Но зато она нашла один из входов. Кое-как, кое-где на цыпочках, выискивая себе место для каждого шага, она подходила все ближе к такому близкому и манящему зданию. Ах, как забилось ее сердце, когда она поняла, что там, внутри, кажется, есть свет. И… ей не послышалось, там играет музыка. Да, тут где-то рядом ревел какой-то ужасный зверь, круша автомобили, а там внутри играла музыка.

Выбирай, девочка: музыка и свет – или туман, медузы, рев чудовища и грохот разрушений.

Естественно, ей хотелось побыстрее убраться из тумана, тем более что через каждые три-четыре шага на нее накатывал рвотный позыв. Да ничего другого ее нынешний запах вызвать не мог. Девочка кривилась, давилась слюной, но шла и шла вперед.

Конечно, конечно, ей нужно срочно попасть туда, и уже смелее и быстрее она стала пробираться через битое стекло и вошла наконец в торговый центр.

Света из тамбура заглянула в зал, на галерею. А вот и первая за день удача. Витрина одного магазина разбита, одежда свалена на пол в кучу, а другая витрина цела, освещена, в ней еще стоят манекены, а на вешалках висит одежда. Освещения, конечно, было мало, под потолком едва одна лампа из десяти горела, но лучше полумрак, чем тот ужас, что творился на парковке. Света сделала первый свой шаг. Да, до «Спортмастера» далеко, он в середине второй галереи, но она надеялась, что дойдет. А не дойдет – так вон сколько разных магазинов, витрины которых не разбиты, она точно не уйдет отсюда без добычи.

У нее уже выработалась привычка оборачиваться. Она сделала несколько шагов. Какой-то знакомый звук привлек внимание. Нет, не музыка, музыка была приятной. Этот звук иной. Она прислушивалась,

смотрела вдоль торговой галереи вдаль и вдруг поняла. Это журчала вода. Точно, напротив узкого прохода во вторую галерею, был музыкальный фонтан, который очень любили мамочки с детьми. Вот! Это именно то, что нужно. Она, конечно, придышалась немного, и почти прошли приступы тошноты, но она все еще была перемазана вонючими и едкими, а теперь высыхающими на ней фекалиями. Фонтан был очень кстати.

Глава 15

Приятная тихая музыка, журчание фонтана. Там светло. До такой желанной воды всего двадцать метров, не больше. Вокруг фонтана, вплотную к нему, скамейки. В жизни эти скамейки облеплены детьми, которые лезут руками в изящные струи воды. Сейчас тут никого. И Светлане немного страшно.

Двадцать метров по темному пространству, где не горит ни одной лампы, все магазины и справа, и слева целы, но за их неразбитыми витринами ничего не видно. За спиной у нее серый свет, проникающий с улицы, впереди свет нескольких ламп над фонтаном. Боязно… Но ей все равно нужно идти к воде, именно там, напротив фонтана, есть проход, что ведет к нужной торговой галерее. Тихая музыка, журчащая вода, темный пролет галереи. Даже с улицы уже не доносится ни грохота, ни рева. Светлана делает вздох… Фу… Лучше бы не делала, ей нужно, ей просто необходимо помыться. Она решилась и пошла по галерее через неприятную темноту. К свету. Пошла не спеша, прислушиваясь и разглядывая, что впереди. На полу коробки и еще что-то. Она даже раскрыла рот от удивления. Рядом с фонтаном была торговая площадка компании «Самсунг». Да, на земле валялись белые коробочки и даже сами телефоны. Свете папа покупал хорошие телефоны, даже за двадцать тысяч, его потом украли в раздевалке на тренировке, но там, на полу и на стендах, могли быть телефоны и по сто тысяч рублей. Впрочем, что от них толку, нельзя же взять дорогой телефон во сне и похвалиться им в школе, наяву. Или можно? Она медленно прошла еще несколько шагов, пытаясь разглядеть телефоны на полу, и увидела кое-что еще. Увидела и остановилась. В двух метрах от фонтана стояла человеческая ступня, словно потерянная кем-то впопыхах обувь. Нет-нет, Светлана прекрасно видела, никакая это не

обувь, а точная копия человеческой части тела. Или не копия. Сама нога была темно-серой, а пальцы почти черными, и сверху из ступни торчала… белела кость. Девочка замерла, разглядывая… это. А когда разглядела, поняла – никакой это не муляж. Это оторванная гниющая нога. Ведь в этом мерзком сне муляжей гниющих ног не бывает, тут все гниющие ноги настоящие. И тут краем глаза она заметила, что за фонтаном в темном пролете что-то пошевелилось. Точно, она не сомневалась в этом, там что-то шевелилось, девочка перевела взгляд с ноги на темноту за фонтаном. Ничего. Музычка, водичка журчит. Никто больше не шевелится. Тихо, спокойно, но страшно. Светлана еще раз взглянула на ногу и стала потихонечку отступать назад в свой темный пролет, из которого пришла. Света больше не собиралась идти в «Спортмастер» в глубину торгового комплекса. Нет, нет, нет. Даже думать об этом страшно. Что-нибудь из одежды она подберет себе здесь, у входа. Девочка ускорила шаг, стараясь пройти темный отрезок пути побыстрее, и опять новая привычка оборачиваться помогла ей. Она снова заметила движение, темное пятно загородило свет у фонтана. И как только она повернулась, пятно резко ушло в сторону, прильнуло к стене, слилось с ней, исчезло. И опять музыка, фонтанчик журчит, тишина, и никого нет. У нее не осталось никаких сомнений в том, что кто-то или что-то зачем-то за ней идет. А если еще вспомнить оторванные ноги… Светлана, не раздумывая, побежала к свету. Выскочила к выходу и замерла. Прямо у тамбура, хрустя осколками разбитого стекла, ходило то самое огромное существо, рев которого она слышала. Это существо имело тело человека, ну, почти человека, задние ноги были похожи на мощные тумбы, а передние ноги-руки, Света не знала, как назвать это… Стояло оно на четвереньках. Огромное, свисающее, наполненное чем-то жидким, колышущееся при движениях брюхо. Мощные руки в два раза длиннее ног. Существо ходило, опираясь на кулаки. Белая его кожа иссечена на боках лиловыми полосами, которые, кажется, причиняли существу боль, а само оно было огромным, как грузовичок «газель», не меньше. Великан повернул лохматую голову к ней, его лицо походило на небритое лицо раздраженного ребенка с приоткрытым ртом, ребенка, готового сорваться на крик в любой момент. Он всматривался в темноту тупыми обиженными глазками, при этом шумно и тяжело сопел. Великан

смотрел прямо на нее. Она была еще в полумраке, у стены, еще не выскочила на свет. Ей могло повезти…

«Видит? Не видит? Мамочки! Хоть бы не видел!»

Ей совсем не хотелось бежать от него. Да и куда бежать, если он кинется через тамбур к ней. Куда? Обратно в темноту? К отгрызенным ногам? И тут великан отвернул от нее свою голову, прорычал хрипло и стал медленно уходить от входа. Светлана сразу, бочком, бочком, переместилась к широкому входу в один магазин. Нет, выходить на улицу она и не думала, но и стоять тут ей тоже не хотелось. Это был, как она до сих пор считала, мужской магазин «Тимберленд». Свет в него попадал. Ну, немного. Внутри все было перевернуто, одежда, обувь вперемешку на полу. Она протиснулась между опрокинутыми прилавками и присела за ними. И сразу увидела это. Трудно было понять, кто это или что это такое. Но на фоне скудного, серого света, проникавшего через разгромленный вход в здание, Светлана отчетливо видела черный, абсолютно черный, чернейший из всего возможного спектра, бесформенный силуэт. Он, кажется, был ниже ее ростом, да и вообще меньше девочки, но даже вид этого существа привел ее в оцепенение. Чернота той самой могилы, в которой она очнулась первый раз, и то не была так черна, как это существо. Казалось, оно вообще пожирает все частицы света, что попадают на него. Бесформенное косматое нечто, живое пятно непроглядной черноты. Без единого намека на звук, прямо с места, существо вдруг легко прыгнуло и, словно было нематериальным, ловко устроилось на краю перевернутого прилавка, непосредственно над Светланой. Она даже почувствовала, как пахнуло на нее теплом от него. Оцепенение только усилилось, она просто смотрела на это черное нечто, сидящее над ней и загораживающее собой почти весь попадающий сюда свет. Она видела только косматую, живую, опасную темноту. Вернее, видела лишь контуры черныша, который уже тянулся к ней. Да, он, несомненно, тянулся к ней, этого она видеть не могла, но чувствовала. Ей казалось, что это ее… нюхает? Да, точно, Светлана уловила на лице, на левой щеке, едва заметное дыхание. И это не прекращалось, эта живая чернота нюхала и нюхала девочку, как будто не могла в чем-то разобраться, как будто что-то черныша смущало. А потом к лицу Светланы медленно и абсолютно беззвучно подплыла еще одна косматая часть черноты, и, наверное, в единственном, каком-то

отраженном луче серого света, девочка увидела едва различимый отблеск чего-то гладкого. Гладкого, закругленного и, кажется, острого, похожего на толстый рыболовный крючок. Коготь! Светлана в этом не сомневалась, а чернота все нюхала ее, но не поняв, что перед ней, решила попробовать это своим страшным крючкообразным когтем. Вот он, едва-едва блестевший в темноте крючок. Вот он у ее лица, в десяти сантиметрах, и приближается. Приближается. Пять сантиметров до глаза. Она даже дышать перестала. И тут на улице, но совсем близко от входа, заревел великан, заревел так громко, так яростно, что, казалось, толстые стекла витрин задребезжали. Коготь от лица тут же убрался, а девочка от напряжения опустила голову, пискнула и зажмурилась, полностью смирившись с тем, что могло произойти. Так и замерла и не шевелилась какое-то время. Секунды шли, шли, шли, но ничего не происходило, а Света не могла поднять голову, только начала тихонечко дышать. Боялась. Боялась увидеть черныша снова. Так и сидела, пока там, на улице, опять не заревел великан, но на этот раз уже заметно тише, видно, отошел подальше от входа. Лишь тогда она решилась поднять голову, а когда подняла, увидела, что черныш над ней уже не сидит. И Света, наверное, от облегчения, стала плакать, но тихонечко, глотая слезы, и, пытаясь встать, нащупала рукой что-то на полу. Тряпка. Нет, не тряпка, вещь из хорошей материи. Из крепкой материи. И тут же рядом еще одна, она стала шарить руками по полу. Что-то твердое, веревки, шнурки… Обувь. Добротная, но большой размер. Она сразу престала плакать. Как раз то, что ей было необходимо: одежда и обувь, теперь нужно найти что-нибудь для себя. Не может же она ходить в ботинках большого размера. Стараясь не шуметь и все делать быстро, Светлана стала хватать то, что находила на полу, и поднимать это, подносить к свету. Куртка, большая. Очень. В сторону. Еще куртка, уже меньше. Может быть, оставила. Майка, любая пойдет. Еще одна, тоже пойдет. Надевает ее на себя, прямо на вонючую грязь. Штаны, огромные. В сторону. Джинсы, огромные. В сторону. Куртки, толстовки. Нет, нет, нет. Снова штаны, кажется, небольшие. Она влезает в них. Два размера лишних, три? Даже ширинку не нужно расстегивать. Зато очень крепкий на ощупь материал, и по длине почти подошли. Дальше, дальше, нужно искать. Рюкзак! Отличная вещь, вот это называется – везение. Запасная майка летит в рюкзак, а рюкзак за спину. Но обуви нет, все размеры, что она находит, огромные. Тут что,

нет женского совсем? Светлана поглядывает на выход, на свет, торопится, она не хочет уходить отсюда без обуви, но еще больше она не хочет встречаться с этим без всяких оговорок, ужасным черным существом. Девочка ползает по полу в углу, там совсем темно, но именно там находится ботинок… Она не может рассмотреть, но этот ботинок не кажется ей огромным. Светлана засовывает в него ногу – как она была перемазана нечистотами, так и сует. Вонь опять дала о себе знать, но ей уже все равно. Девочки из ее класса и даже из ее команды, наверное, наблевали бы тут, но у нее сейчас и позывов нет. Все, забыли, речь идет о жизни… Время! Время! Нужно убираться отсюда, пока черныш не вернулся и все-таки не проверил ее своим острым когтем. Плевать ей на запахи. Ботинок сел идеально, он высокий, крепкий, удобный, у него длинные шнурки, а вот второго она найти не могла, как ни шарила. Так и ползала в темноте в одном ботинке, пока не ударилась головой о распахнутую дверь. Подсобное помещение, склад? Она пробралась туда, не вставая во весь рост. Да, так и есть, стеллажи с коробками. Света хватает первую, вторую, третью: мокасины, мокасины, все не то, размеры на взрослых мужчин. Она бросает коробки на пол, но так, чтобы они не гремели. Потом уже не берет коробки, она просто запускает туда руки, опять не то, опять. Лишь бы не вернулся черный. Ей все равно страшно, и опять от нее исходит отвратный запах, но это все ерунда, страх, запах… Надо найти обувь! И вот они. Кажется, она нашла нужный размер. Да, это такой же ботинок и такого же размера. Девочка вытаскивает его из коробки, на грязную и потную ногу он лезет плохо. Надев второй ботинок, быстро обмотав вокруг нее длинные шнурки, потопталась. Да, ей сейчас, после бега по грязи и колючкам босиком, любая обувь понравилась бы, а это… Эти ботинки были просто чудо, очень удобны. Все, нужно уходить отсюда. Она, не глядя, схватила еще какую-то вещь в руку – пригодится, и пошла, спотыкаясь, на свет выхода.

А света заметно прибавилось, он уже не серый, а желтый. Теперь прямые лучи пронизывают, заливают весь вход в ТЦ. Туман ушел. Девочка задержалась, высунула голову из-за витрины, с опаской поглядела в темный проход галереи. Но ничего там разглядеть не смогла. Вышла из магазина на улицу. И тут, у разбитых и искореженных дверей тамбура, опять остановилась. Кому охота попасть под огромные кулачищи великана? Здесь все было тихо, гигант куда-то убежал.

Стоянка завалена перевернутыми и помятыми машинами, а тамбур – новыми и старыми осколками стекла. Но ничего, теперь у нее есть роскошные ботинки «Тимберленд». Светлана опустила глаза… Ну не дура? Один ботинок, который она нашла первым, был настоящего желто-коричневого цвета, а второй, тот, что она нашла в подсобке, гламурного розового цвета.

Впрочем, фигня все это, тут нет и быть не может ее одноклассников, а если ее поймает Аглая… то этой долбанутой будет все равно, какого цвета ботинки у девочки.

Аглая. Как только Света вспомнила про нее, настроение, чуть улучшившееся после того, как она оделась, сразу испортилось. Ну, от черныша и великана девочка сейчас уйдет, от медуз убегать она вроде как научилась, но что делать с Аглаей? Ведь сумасшедшая, по сути, считает своим то место, где у Светланы укрытие. Как им двоим ужиться на одной территории? Да никак. Девочка решила, что нужно поговорить с Лю.

Лю. Да, Светлане весь сегодняшний день его очень не хватало. Он мог подсказывать, давать советы, ведь он слышал или видел через туман. Значит, и в темноте видел.

– Лю, – тихонечко позвала она, пока никакой опасности вокруг не ощущалось.

Нет, никто ей не ответил.

– Лю, – повторила девочка чуть громче, понимая, что и на этот раз ничего не услышит в ответ.

Да, он говорил, что область их взаимодействия ограниченна, просто ей так хотелось услышать его, прежде чем она двинется в обратный путь. Она вышла, и битое стекло захрустело под разноцветными ботинками. Теперь хоть прыгай по нему. Ботинки удобные, в них даже нога, что она потянула, не болела. Новая майка почти по размеру, она оторвала мешающую этикетку, штаны на три размера больше, их придется придерживать, если понадобится бежать, в рюкзаке куртка и еще одна майка. Было страшно, очень страшно, но кое-что ей удалось. Девочка поморщилась от собственного запаха. На солнце он приобретал новые, яркие оттенки. Она, конечно, воняла фекалиями, но все равно была молодец.

На небе ни облачка и только одна медуза, высоко, высоко в небе, над самым СКК. Ей уже было жарковато и первый раз, за все сны,

хотелось пить. И есть! Это было странно. И Светлана сделала первый большой шаг в своих новых ботинках.

Глава 16

А к ботиночкам еще нужно привыкнуть, это совсем не легкие кроссовки для бега. И они очень «громкие», отдельный минус. Она пошла быстрым шагом. Ей приходилось придерживать брюки. Придется потом придумать что-нибудь. Туман рассеялся. Она не спеша шла по парковке, рассматривая битые автомобили, и тут, среди мелкого стекла и ломаного пластика она увидела то, отчего вокруг промок и почернел асфальт. Светлана сразу поняла, что это такое черно-лиловое лежит на земле среди мусора, длинное и мокрое. Она узнала по «ладошке» с присосками. Да, это длинный, метров десять, мощный жгут медузы. Девочка даже остановилась, чтобы посмотреть на «ладошку». Мерзкая, все еще липкая. Присоски похожи на черные вытянутые губы. Интересно, кто это отважился оторвать жгут у медузы? Скорее всего, тот, кто разворотил все автомобили вокруг. Ей находиться здесь больше не хотелось, и она, поправив рюкзак, пошла к СКК, а потом взяла чуть левее и перешла на бег.

Перед ней темнел парк, ограда, а за ней заросли. Кустарники, деревья, все как настоящее. Девочка обернулась, ну так и есть, за ней увязалась некрупная медуза. Пришлось снова бежать. Ботинки, конечно, топают, но все равно в них лучше, чем босиком. Пробежав немного, Света опять обернулась. Медуза отстала и плыла уже в другую сторону. Девочка отметила: медузы медлительны и серьезную опасность представляют лишь в тумане. Отлично. Ей захотелось узнать: в этом парке те же растения, что и в настоящем? А еще ей хотелось пить и помыться, в парке было много прудов. Нет, конечно, она ни в коем случае не собиралась перелезать через ограду, слишком много там растительности, ничего не видно, кто угодно может

притаиться за любым кустом, но поглядеть через ограду… Почему бы и нет? Солнце светит, все вокруг видно на сотни метров, у нее есть ботинки, бегает она быстро, а ужас, который Светлана пережила в магазине за перевернутым прилавком, теперь казался ей весьма далеким.

От парка отделяло большое пространство и проспект Гагарина. Пространство открытое, ей все видно, но и ее видно отовсюду. И девочка пошла от СКК не налево, к своему разрушенному дому, а прямо к проспекту Гагарина и виднеющемуся за ним парку. Пошла к столбу, что одиноко стоял у дороги. Еще не дойдя до проспекта ста метров, она увидела высохшие фрагменты останков какого-то мелкого животного. После ноги в ТЦ все мертвое сразу настораживало. Даже разорванная крыса. Или это был крикун? Неважно. Валяющиеся куски мертвой плоти – опасность! Девочка пошла помедленнее и обнаружила еще кое-что неприятное. На сей раз голову какого-то зверя. Более крупного, чем крикун, и к тому же клыкастую. Страшную. Все, хватит любопытствовать. Желание идти к парку испарилось. Если здесь кто-то рвет на части существ с такими зубами, то лучше отсюда убраться. И побыстрее. До поребрика проспекта, до кривого столба, метров тридцать, но она уже изменила маршрут, повернула налево. Ближе к своему убежищу – а теперь она считала развалины двадцать восьмого дома своими.

Девочка остановилась, еще раз огляделась. Нет, медуза, что гналась за ней, где-то высоко в небе, далеко. Ничего такого, что Светлане могло бы угрожать, вокруг не было. И Света пошла к себе, решив, что перейдет проспект южнее, ближе к убежищу. Серый, старый, деревянный двухметровый столб, стоящий у дороги, привлек внимание. Ему тут не место. Зачем он тут? Странный, весь кривой и какой-то… Облезлый или… Лохматый? Она шла мимо этого столба, не отрывая от него глаз. А тут и ветерок налетел вдруг и взъерошил на столбе… Перья? И вдруг от верхушки столба отделяется длинный, размером с руку, острый клин-кинжал, а над ним появляется отвратительный круглый глаз. У «столба» были глаза, и «столб» видел Свету. И зашевелился. Это огромная двухметровая птица… Бежать! Думать нечего, а эта серая фигня, прохрипев что-то, кинулась за ней. Побежала быстро, переставляя голенастые ноги, причем помогала себе набрать скорость, громко хлопая куцыми крыльями. Светлана

понеслась по бетонным плитам вдоль проспекта, топая новыми ботинками. Рюкзак за спиной, ботинки. Штаны! Чертовы штаны нужно было придерживать руками, а ведь руки очень важны в беге, особенно при ускорении. А голенастая тварь со страшными длинными ногами орет, хлопает крыльями и летит за ней, развив очень высокую скорость. Кажется, что птица догоняет ее. Света еще прибавляет, как перед финишем, уже не экономя сил, работая на максимуме. И, пробежав так почти до улицы Бассейной, она слышит, что крики за спиной и хлопки крыльев стихли. Света оборачивается. Птица отстала, остановилась.

– Что? Сдох, урод? – Светлана переводит дух. Она вдруг вспомнила название птицы, на которую похож этот бегающий «столб». Ту птицу, которую она видела в зоопарке в детстве, называли смешным словом «марабу». Слово смешное, а птица была противной. Так вот, эта птица, что сейчас гналась за ней, была раз в десять отвратительнее той, которую она видела в зоопарке. Света наблюдала, как марабу на своих огромных ногах, со своим клювом-кинжалом не спеша возвращается на место. Убедившись, что птица ушла далеко, Светлана перешла улицу Бассейную и после проспект Гагарина, остановилась. Перед ней лежала огромная поляна серебряного мха. Целое футбольное поле. Ослепительного мягкого мха, который так и манил к себе. Ей очень хотелось кое-что проверить. Вернее, посмотреть, как это будет выглядеть. Как этот приятный на вид мох может наносить раны? Она огляделась, нет ли кого. Убедившись, что она одна, девочка аккуратно поставила ботинок на мох и присела. Но почти ничего не увидела. Кажется, что мох чуть-чуть приник к подошве. Но так могло случиться из-за того, что ботинок продавил мягкий грунт. Она подняла ногу, и едва заметные нити потянулись за подошвой. Ей показалось это забавным. «Что, тупой мох, пытаешься есть резину?»

Она решила пройтись по мху и сделала шаг, а затем еще один, в глубь серебряной поляны. О, оказывается, под этим красивым ковром влажная и мягкая почва. Она еще шагнула. Мох стал злее, даже не наклоняясь, девочка могла видеть, как к крепкой коже ботинка цепляются белые нити, тянутся, извиваются, слепо ища себе цель, и, прикоснувшись, сразу приникают, прилипают к поверхности. Света поняла: чем дальше она уходит от края ковра, тем глубже в мох погружается ее ботинок. Это было неприятно, тем более что повсюду

торчали незаметные поначалу кочки. Светлана сделала еще один шаг, а после решила поставить ногу на бугорок, и почти сразу, с легким и неприятным хрустом, нога провалилась внутрь.

«Мамочки». Девочка поняла, что хрустело под ботинком, она отчетливо видела белую, переломанную ее ботинком решетку грудной клетки какого-то бедолаги. Света быстро вытащила ногу, ей бы уже привыкнуть ко всяким мерзостям, но нет… Она поспешно выбралась с серебряной поляны. Рассматривая испачканные ботинки и оглядываясь по сторонам, пошла к домам, которые были уже рядом.

У первого дома она остановилась, заглянула за угол. Большая стая крыс в два десятка особей пересекла двор, спешили по каким-то своим крысиным делам. Убежали. Проорала птица. И все, вроде никого нет. Света быстро вышла из-за угла и поспешила за крысами. Теперь ее волновала Аглая. Встретиться с ней еще раз девочке не хотелось от слова «совсем». И, к счастью, она быстро добралась до своего камня, а после и до своего двадцать восьмого дома по улице Гастелло. Она еще не вошла в развалины, но сначала тихо, а потом погромче позвала:

– Лю… Лю, вы тут? – Подождала нужное время и повторила: – Лю!

Первый раз за все это время она проснулась у себя в постели, и у нее не текла кровь и не болели порезы. Новых ран и синяков на ней не было, зато запах… Пусть даже субстанция на ее коже засохла, запах все равно был ощутимым. Братья спят, она вскакивает, быстро собирает простыню, наволочку, вытряхивает одеяло из пододеяльника и бежит в ванную. Нога чуть-чуть болит, но это ерунда, она с подобной травмой, вопреки указаниям тренера, даже бегала немножко. Закинула все белье в машинку, сама села в ванну. И мылась, и мылась. А настроение у нее было отличным, как и когда два года назад Света выиграла «зоналку» на пять тысяч метров. А второй раз чуть больше года назад, когда она на десяти тысячах метров «выбежала» из тридцати шести минут, в пятнадцать лет выполнив таким образом норматив на кандидата в мастера спорта. Казалось бы, ну нашла одежду, ну побежала, добыла себе ботинки со штанами, и что? А пусть кто-нибудь другой попробует побежать и добыть. Вон от одного такого добытчика только нога сгнившая осталась у фонтанчика.

Так и сидела, наслаждаясь мылом и горячей водой, пока в дверь не начал ломиться Колька:

– Света-а, Света-а-а… Открой, Макс в туалет просится.

Ее приподнятое настроение близнецы заметили, болтали с ней всю дорогу до самого детского сада. На обратном пути она забежала в магазин, купила две «свердловские» булки, себе и папе на завтрак.

Дома с удовольствием съела одну – съела бы и другую, аппетит разыгрался, но оставила ее папе, удовлетворившись вареным яйцом с майонезом.

Посидев и поговорив с мамой, дождалась отца, а он, придя со смены, сказал, что не устал и подежурит у постели больной, пока Светлана не вернется из школы. Как всегда, девочке не хотелось туда идти, но с папами не спорят.

– Эй, Светка, – окликнул ее отец перед уходом, – а что у тебя с рюкзаком?

Он протянул руку.

– Порвался, – ответила Светлана. Конечно, она не будет говорить, что рюкзак порвал придурок-одноклассник.

– Сегодня возьму его на работу и все поправлю, – сказал папа.

Да, папа мог все поправить. Кроме здоровья мамы.

– Фома! – Придурок орал так, что люди из окон выглядывали узнать, кто такой этот «Фома».

Света даже не обернулась. «Господи, да как же сделать так, чтобы не встречать этого урода каждое утро?» Она развернулась в другую строну и ускорила шаг.

– Погодь… Фома! – орет Пахомов и топает сзади своими дорогими башмаками сорок шестого размера.

Девочка переходит на бег, сворачивает на улицу Гастелло, до Московского проспекта можно добежать и так. А придурок снова несется за ней. Она оборачивается. Пахом бежит резво. Но он вейпер, Света знает, что его надолго не хватит.

Так и есть, она пробежала до перекрестка, а у бани Пахомов отстал, только крикнул вслед обиженно:

– Фома… Овца ты кринжовая!

Но Светлану это не задело, она даже посмеялась про себя и, не останавливаясь, добралась до Московского проспекта.

– Всем привет, – тихо сказала она, войдя в класс.

Как обычно, прошла к своей парте, кинула рюкзак, рухнула на стул. И вдруг поняла, что две классные заводилы, Бельских и Катаева, смотрят на нее. Что-то не так? Чего им нужно? Девочка напряглась, а Люба Бельских спрашивает:

– Фомина, а что у тебя с лицом?

– У меня? – Светлана даже растерялась немного. Сами девчонки с ней давно первыми не заговаривали. – А что у меня с лицом?

– В солярий ходишь, – догадалась Оксана Катаева.

– Я? Нет. Не хожу, – ответила Света все еще чуть растерянно. Но внимание одноклассниц было ей приятно.

– Понятно. – Бельских поджала губы. – А загораешь ты под жарким петербургским солнцем.

Но тут в класс ввалился Пахомов, он, ни с кем не поздоровавшись, сразу идет к ней.

– Фома, овца тупая, ты че, не можешь остановиться, когда тебя просят? – Пахом навис над ней всем своим огромным ростом и попытался дать щелбан, уже руку протянул к ее лбу, но Света перехватила.

– Отвали, Пахомов. – Света смотрела на него снизу вверх, но без какого-либо намека на страх.

Пахомов очень сильный, рука у него как из бетона, и согнутый для щелчка палец все ближе к ее лбу, и он еще ухмыляется, видя, что Светлане удержать его руку нелегко. Наконец он пересилил, щелкнул по лбу. Щелкнул и засмеялся. А у Светы на глазах навернулись слезы. И хорошо. Ей очень не хотелось смотреть на одноклассников.

– Овца стремная! – Пахомов вырвал руку, но больше лезть не стал, отошел от ее парты и плюхается, довольный, на свой стул.

Весь класс молча смотрит то на Пахомова, то на Свету. А девочки, которые только что разговаривали с ней, отворачиваются и начинают говорить о своем.

«Пахом – урод». Настроение Светланы испорчено. А так хорошо все начиналось. Она хотела встать и уйти, но тут пришла учительница.

Девочка сбежала с уроков на следующей перемене, протиснулась мимо охранника на выходе, когда тот отвернулся. Ей было тяжело. Тоскливо. У нее нет в классе друзей. Ни одного друга, ни одной подруги. Раньше были, а сейчас нет. Никто не хочет даже общаться с девочкой, у которой проблемы с родными и которая второй год ходит в школу в одной и той же спортивной одежде и рваных кроссовках. Ну, дружить пусть не дружат, но хотя бы…

Когда Пахом лез к ней при всех, никто из девочек за нее не вступился. Не одернул этого дебила. Ну, с мальчишками все ясно, никто с этой каланчой ссориться не захочет. Пахом не дурак подраться. Его даже одиннадцатиклассники побаиваются. Но девочки… Даже не крикнули ему ничего, хотя все видели. Наверное, им по фигу.

Прийти домой и сказать папе, что сегодня отменили уроки? Нет, он поймет, что она сбежала, и расстроится. Нужно погулять немного. В богатом городе без денег делать нечего, пойти особо некуда. Она с удовольствием выпила бы чашку капучино. В кофейной сети «Этлон Кофе» можно было купить стакан отличного капучино всего за сто тридцать рублей. Но сто тридцать рублей – это половинка «Столичного» и два килограмма хорошей картошки.

С кофе придется подождать, пока у папы не улучшится положение с деньгами. Папа ждет февраля, в феврале у него будет последний платеж по кредиту, что он взял на медицинскую кровать и остальное оборудование для мамы. Света этого тоже ждет. Лишних семнадцать тысяч в месяц. Это хорошие деньги. Можно будет купить новую одежду близнецам, они из своей уже выросли. Лишь бы папа выдержал, Светлана видела, как за последние полгода устал отец. Человек, который не может передвигаться без костылей, работал на двух работах почти без выходных. На сколько его еще хватит? Дотянет ли он в таком темпе до февраля? Девочка об этом даже думать не хотела. Впрочем, ей скоро шестнадцать, и она тоже сможет работать, хоть немного, например в «КФС». Света слышала, что там платят копейки, но можно выбирать время работы, поэтому берут студентов. И она хотела там поработать. Размышляя об этом, она вышла на Московский проспект и пошла в сторону центра. Прошла библиотеку и площадь Чернышевского с памятником ему самому. Она знала, куда шла. У нее не было какой-то определенной цели, просто она хотела дойти до сто пятьдесят первого дома по Московскому проспекту.

Зачем? Ну… Девочка не могла ответить на этот вопрос однозначно. Просто в этом богатом доме, за охраной, за камерами, за забором с пиками, проживал человек по фамилии Мельник. Мерзкий человек. На всем белом свете не было человека, которого девочка ненавидела так же, как его. Это он на своем огромном «ленд ровере» ударил папину «мазду». И даже попытался убедить полицейских, что правила нарушил папа. Что в столкновении он, Мельник, не виноват. Хотя сам при этом пересек сплошную. Это было зафиксировано камерой видеонаблюдения. Но у этого урода есть деньги и знакомства. И судья, подкупленная им мерзкая тетка, вынесла решение об обоюдном нарушении. Обоюдном. Может, папа и поборолся бы, но тогда он еще даже ходить не мог, ему по кускам собирали кости в ногах. Суд состоялся без него. И этим дело не ограничилось. Мельник, его страховая и лизинговая компания, которой принадлежал разбитый «ленд ровер», подали на папу в суд еще раз. И этот суд, приняв во внимание, что нарушение ПДД было обоюдным, решил разделить лизинговый платеж за машину, не подлежащую восстановлению, между виновниками ДТП. И теперь папа должен был платить каждый месяц тридцать шесть тысяч двести двадцать рублей. Маминой и папиной пенсии по инвалидности, да еще зарплаты с двух работ семье Светланы хватало бы на все, даже на кредит, не будь этого огромного ежемесячного платежа. Иногда Света приходила к богатому дому урода, чтобы увидеть его хотя бы из-за ограды. Она даже мечтала, что когда начнет работать и заработает денег, то купит себе пистолет с глушителем. Подстережет его тут, около автоматических ворот, и застрелит. Главное в этом деле – не попасть в полицию. Этого она, конечно, боялась, случись такое, кто тогда будет помогать отцу, кто будет разговаривать с мамой? Что будет с близнецами? Тут ей нужно было все обдумать. Дело непростое. Но сделать его Света очень хотела, этот Мельник, урод… Ведь это он виноват в том, что мама так болеет. Что папа стал инвалидом. Конечно, он, ну а кто, не папа же, в самом деле?

Света прошлась вдоль забора, постояла немного и пошла домой: лучше она посидит с мамой и даст отцу лишний час поспать. А про школу что-нибудь соврет.

Когда переходила Московский, чуть ускорилась, чтобы успеть на зеленый сигнал светофора, случайно посмотрела в сторону и увидела

ее. Это была та самая элегантная высокая женщина в больших солнцезащитных очках, антиковидной маске, в красном платке и черных перчатках. Она тоже переходила проспект и шла чуть позади. Света немного удивилась, но с другой стороны… Просто эта дама живет где-то рядом.

Глава 17

Ее одежда все еще реально воняла… Тем же, чем и вчера. Запах никуда не делся. Но Света стала к этому привыкать, странно, запах она все еще чувствовала, а вот соответствующих реакций на него не испытывала. Ну запах, ну воняет, но терпеть-то можно.

Девочка забралась на свое место на лестничной площадке. Сидела, пережидая туман. Только появившись здесь, она сразу позвала Лю, но голос ей не отвечал. Это было очень неприятно. Он же обещал помогать. Может, с ним что-то случилось? О нет. Только не это. Ей очень не хотелось бы остаться без его советов. Без поддержки. Светлана надеялась, что Лю все-таки появится. Но начала тревожиться. Чтобы чем-то себя занять, достала из рюкзака куртку. По низу этой отличной крепкой куртки шел затягивающий шнур, вот его-то она попыталась вытащить. Он пригодится для штанов как ремень. Иначе на бегу их приходилось все время придерживать. Ей бы еще носки, все-таки хоть и хороши были ботинки, но без носков натирали ноги. За стеной звонко заорал крикун. Света остановила свою работу. Стала прислушиваться. Лю считает их опасными. Честно говоря, девочка не понимала, почему слепое существо чуть больше кошки может быть опасно. Они ведь не ядовиты. Крикун опять заорал, и на этот раз ему сразу ответил другой. О, собираются. Света снова принялась за работу. Шнур никак не хотел выходить из куртки. Кажется, он там пришит.

И тут девочка чуть не подпрыгнула от радости, когда услышала:

– Светлана-Света. Я вижу, вы обзавелись рядом необходимых для путешествия вещей.

– Лю, – тихо произнесла девочка, – ну наконец-то вы пришли.

– Я вас вижу, – продолжал голос, – у вас весьма крепкие приспособления для передвижения.

– А, ботинки, – догадалась Света, – да, крепкие. А вы меня сейчас видите, Лю?

– Да, я вам говорил, что наше с вами время протекает не совсем синхронно, мы существуем в разных временных потоках, но если вы находитесь на одном месте больше десяти секунд, я вас вижу, иначе вы представляетесь мне лишь смазанными пятнами.

Девочка не очень хорошо понимала, о чем говорит голос, но была рада, очень рада его слышать. Она произнесла:

– Лю, я вчера кое-что узнала. Кое-где была, кое-что видела… Но многое мне непонятно.

– Я буду рад, если смогу вам помочь, Светлана-Света. Вся информация, какой я располагаю, в вашем распоряжении.

– Угу… – Света немного подумала и начала с того, что волновало, вернее, пугало ее больше всего. – Тут живет одна… Аглая. Она… Ну, страшная. Очень сильная.

– Как выглядит это существо? – поинтересовался голос.

– Это не существо, – опять чуть подумав, ответила девочка, – это женщина, она говорила со мной, она тоже слышит вой. Она… показалась мне сумасшедшей.

– Я понял, кого вы имеете в виду. Это местная суприм-особь, что обитает в этой локации. Вы смогли с ней договориться о совместном существовании? Это было бы разумно. Эта особь не позволяет многим сильным и опасным существам тут появляться. Если вы заметили, здесь живут только обитатели тумана, которых она не видит, всех остальных она уничтожает.

– Договориться с ней? Но она чокнутая. Она хотела меня убить и съесть мою печень.

– Да, скорее всего, она бы так и поступила, но я считаю, что было бы разумным попытаться еще раз поговорить и обсудить с этой особью ваше совместное пребывание в этой локации.

Света даже чуть-чуть расстроилась, когда после уже привычной задержки на десять секунд услышала подобный совет. Нет, не потому что совет был плох, а потому что Лю, глядя из какого-то там своего

мира, не совсем понимал, что тут происходит. Он вовсе не был таким умным, как до этого казался.

«Обсудить с этой особью!.. Да она меня просто сразу убьет».

Ей стало не по себе, девочка поняла, что далеко не на все вопросы она найдет ответы у Лю, кое-что ей придется решать самой. Самой!

Она сделала паузу, привыкая к этой неприятной мысли.

Вздохнула и произнесла:

– А еще я видела мужчину, который был вымазан синей… фиолетовой краской с головы до ног. Он орал на меня и говорил, что он намазан фикусом.

– Да, мне известно это явление, многие из тех, что сюда попадают, используют одно растение, смазывая им себя. Насколько я мог судить, это растение защищает их от нападений других особей.

– Точно, он кричал, что я буду блевать, если попробую есть его мясо.

– И еще, мне кажется, они применяют его как стимулятор, он повышает их физические возможности. Не могу судить, настолько это соответствует действительности, но это растение пользуется у посетителей временного Истока большой популярностью.

«Временные Истоки». Это Светлана пропустила мимо ушей, теперь ее интересовал лишь один вопрос. Но Лю предвосхитил его:

– Я знаю, где растет одно такое растение. Оно выходит за пределы радиуса моего функционирования, но я его видел. Я могу показать его вам, Светлана-Света.

Именно на это девочка и рассчитывала, раз она тут… ну, в этом опасном сне, то нужно использовать любую возможность защитить себя. Но прежде, чем радостно согласиться, она спросила:

– Лю, а можно как-нибудь увеличить этот ваш радиус? Ну, радиус, как там вы говорили…

– Мой радиус функционирования? Да. Да, можно создать здесь для меня опорную точку, точку концентрации моих ресурсов, базу временного пребывания. Такая точка позволила бы мне значительно увеличить мои наблюдательные возможности, я контролировал бы большую площадь, и еще такая база увеличила бы время моего пребывания, но сам я создать подобную точку не смогу, я не обладаю физическими инструментами, которые функционировали бы в этом временном потоке. Ими обладаете вы, Светлана-Света, но полагаю, что

вы еще не готовы к тем сложным задачам, которые необходимо решить в процессе создания подобной опорной точки.

Но Свету этот ответ не удовлетворил, ей нужен был Лю. Например, вчера в ТЦ он ей точно не помешал бы, и она сказала:

– Лю, а что нужно сделать, чтобы вы тут со мной были подольше?

– Для этого необходимо найти место, где я смогу создать одну из моих физических проекций. Проекция при этом не должна испытывать давления местного временного потока, иначе она будет быстро разрушаться, и мне придется постоянно тратить ресурсы на ее восстановление. В общем, нужно найти место, в котором мы сможем синхронизировать ваше время и мое.

«Ну так бы сразу и сказал». Светлана вздохнула, она ничего не поняла из этой тарабарщины. Но не хотела отступать:

– А что для этого нужно сделать?

– Первым делом нужно найти закрытое помещение. Тут недалеко есть одна конструкция, которая могла бы подойти для этого. Она как раз напротив большого здания, что отсюда недалеко на юге.

– На юге… – Девочка еще недавно не очень хорошо разбиралась в сторонах света, разве что знала от папы, что Московский проспект вел из города ровно на юг, но теперь, общаясь с Лю, она все чаще пыталась определить, где юг, а где запад. – Это там? – Света указала в сторону большого, еще не до конца разрушенного здания больницы, едва различимое через туман.

– Да, вы верно указываете направление, нужное нам здание находится в той стороне, – ответил голос.

– Я схожу посмотрю его, когда…

Света вздрогнула – совсем рядом, прямо за стеной, резко заорал крикун, и тут же ему ответили криками два или три сородича.

– Не волнуйтесь, ваша жаба все еще жива, я ее вижу, она под вами, в завалах, крикуны никогда не сунутся сюда, пока тут живет это ядовитое животное, – успокоил ее Лю. – Тем более что туман скоро уйдет, крикуны не любят солнца.

– Хорошо… Ну, я потом посмотрю тот дом, о котором вы говорите, я хочу вам помочь сделать эту вашу точку, – произнесла Светлана.

Следующий вопрос голоса ее удивил.

– А почему вы хотите мне помочь? – спросил Лю.

Она не нашла правильного ответа, потому сказала честно:

– Ну, вы помогаете мне, я буду помогать вам.

Молчание длилось дольше обычного, наконец голос произнес:

– Отныне будем считать, что наши отношения переходят с уровня банального любопытства на уровень обдуманного симбиоза. Можно считать эту нашу беседу договором. Вы согласны, Светлана-Света, быть моим симбиотом?

Девочка знала это слово. Помнила из биологии.

– Да, я согласна, теперь у нас договор с вами.

Света была очень рада, ей показалось, что слово «договор» для Любопытного – это не пустой звук. Он это слово произносил серьезнее, чем другие. А слово «симбиот» для девочки вообще звучало почти как слово «друг». Ну, или ей так казалось.

Глава 18

– Так как мне скоро придется вас покинуть, – продолжал Лю, – пойдемте, я покажу вам, где растет то растение, соком листьев которого натираются многие представители вашего вида.

– Представители… они называются… мы называемся людьми, – пояснила Светлана. – Это в множественном виде. Или человек, если речь идет об одном.

– Прекрасно, я уже слышал подобные названия, впредь буду использовать их. А завтра я провожу вас до места, где недавно группа пятнистых животных напала и растерзала одного такого человека. За спиной у него была тряпичная полость для переноски предметов, а в руках какое-то орудие, возможно, там есть то, что вам может пригодиться, человек Светлана-Света.

– Они его убили? – спросила девочка. Вещи вещами, но человека ей тоже было жалко.

– Обездвижили, разделили на фрагменты и поглотили их.

– Поглотили? – Света все еще не привыкла к тому, как формулирует свои мысли Любопытный.

– Поглотили все, оставили лишь фрагменты внутренней кальцинированной структуры ввиду ее низкой энергетической ценности. Но его вещи еще никто не нашел. Полагаю, что некоторые из них могут вам пригодиться.

Девочка потрясла головой, ей, конечно, нужны вещи, ей все было нужно, начиная с простой веревки для подвязки штанов и заканчивая носками, поэтому она сказала:

– Может, до фикуса я потом дойду, а сегодня до этого… человека?

– До растения, которое вы называете фикусом, у меня хватит времени вас довести, до вещей идти дольше, и место там менее

безопасное, я бы хотел, чтобы вы находились там только со мной, иначе с вами может произойти что-либо для меня неприемлемое, – отвечал голос.

Это объяснение ее устроило. Свете понравилось, что Лю о ней заботится, и она произнесла:

– Хорошо, тогда покажите мне, где фикус.

Розовая церковь, в которой не раз останавливалась императрица Екатерина Вторая, стояла среди руин, как новая. Призывно чернел распахнутый проем. Но голос вел ее дальше, еще и подгонял:

– Человек Светлана-Света, вам можно двигаться быстрее, ваше внимание к незнакомой дороге и окрестностям меня радует, но сейчас оно чрезмерно, я не вижу ни одного существа поблизости, которое вам могло бы угрожать.

И девочка, слушая его, переходила на бег, надеясь, что Лю побудет с ней подольше. Но с этим ничего не вышло.

– Вон ту темную конструкцию видите?

Она видела величественное и мрачное здание, что возвышалось абсолютно целым над руинами вокруг.

– Это Ленсовет, – сказала девочка.

– Восточнее его – поле мха. И на самом краю того поля растет фикус, – объяснял Любопытный. – На восточном краю поля он и находится. Не задерживайтесь там, у летящей вверх воды, на западе, живут сильные и опасные существа. У воды и в воде всегда живут опасные существа. Через поле мха они к вам не побегут, но они умны, они могут устроить вам засаду, когда вы будете возвращаться. Не теряйте времени, берите листья растения и уходите. Мне кажется, это растение имеет ценность среди людей, что тут появляются, – сказал Лю, прежде чем исчезнуть.

У Светы оставались вопросы к нему, она, не снижая темпа, спросила у него что-то в надежде на ответ, но голос пропал.

Фикус. Ну… она представляла себе его совсем не как квелый, фиолетовый, растущий на краю серебряной лужайки стебель в метр высотой с парой небольших, только что пробившихся из него листьев. Цвета они были черно-фиолетового, каждый в пол-ладони Светланы, и ничем не пахли. Света сорвала оба листочка. Толстые, гладкие, плотные. Ну и что с ними делать? Девочка разглядывала листья, как

вдруг у большой кучи разбитого кирпича, поросшего черными кустиками, шумно захлопали крылья. Она поправила рюкзак, огляделась. А птица, взлетая, еще и начала орать изо всех сил.

Уродливые, горластые, Светлана уже познакомилась с этими здоровенными птахами, знала, что просто так они не орут. Делать тут больше нечего, она оглядела окрестности и потихоньку, все время оборачиваясь, пошла обратно.

Когда она увидела, как из развалин весьма проворно выбирается немолодой сгорбленный человек на костылях, то еще раз убедилась, что птицы здесь не орут понапрасну. Этот был такой же неприятный голый дедок, как и тот, со слепыми глазами, которого она видела в первый раз. На вид – так же крепок, только сгибался вдвое под большим заплечным мешком на спине, сгибался, но, наваливаясь на костыли, спешил как раз ей наперерез. Но разве какой-то старый калека с мешком за спиной мог ее догнать? Чтобы не менять направления, не искать нового пути среди развалин, Светлана сразу перешла на бег. Хотела пробежать этого чудика побыстрее, пока он спускается с большой кучи битого кирпича. Затопала своими разными ботиночками по еще сохранившемуся кое-где асфальту. И старик еще больше заспешил, стал быстрее переставлять свои костыли… Костыли? Света, пробегая мимо, поравнялась с ним и поняла, что это никакие не костыли. Это кости дедка, растущие поверх кистей рук, прямо из кожи предплечий. Белые, чуть искривленные, как клинки, на которых дедок ходил, как на костылях. А мешок на его спине – огромный горб, полупрозрачный нарост, в котором колыхалась в такт его движениям желтоватая жидкость. Он был на удивление уродлив, но девочка не боялась, его проворство не шло ни в какое сравнение с ее скоростью. Света даже не прибавила шага.

А старик, так до конца и не спустившись с кучи битого кирпича, вдруг остановился, выпрямился и поднял большую уродливую голову с маленькими глазками и огромными серыми губищами.

Девочка, пробегая мимо, видела его колючий неприязненный взгляд. Видела, как открывается серый бездонный рот, похожий на раструб громкоговорителя. И когда она уже собиралась отвернуться, чтобы следить за дорогой перед собой, старикан звучно рыгнул на всю улицу. Фу. Света все отчетливо, в мелочах. Хоть она и привыкла к местным запахам и видам, но это зрелище ее покоробило. Как только дед рыгнул, из его пасти появились… Мухи? Фу, блин… Мухи,

огромные, жирные, откормленные. Даже не мухи, скорее цикады с красными глазами. Такие же мерзкие… но все-таки… мухи, просто очень большие. Светлана таких уже видела тут. И сразу пара этих мух сорвались с мокрых губ старика и с гулким тяжелым жужжанием понеслись к девочке.

Мамочки! Хорошо, что она не отвела взгляда от старика, когда он рыгал. Скорость на максимум! Она даже мысли не хотела допустить, что какая-то из этих жирных жужжащих тварей прикоснется к ней. А мухи-цикады именно это и собирались сделать, гудели в жарком воздухе своими крылышками, неслись к ней. А старик еще раз звучно рыгнул, потом еще. Света все слышала и знала, что каждый подобный звук добавляет ей вслед еще несколько мерзких насекомых. Она быстро обернулась. Одно движение головы. Несколько? Да за ней летел уже десяток, а то и больше, тошнотных созданий. В лучах жаркого солнца этих толстух отлично было видно. А уже по дороге, на удивление быстро, на своих длинных костяшках ковылял за ней повелитель мух, муходед, и еще успевал размахивать костылем-костью, словно подгонял своих питомцев, мол, давайте, давайте, поднажмите, догоните ее. Догоните! Пасть разинута, глаза злые, с азартом.

Жужжание. Она слышала его, несмотря на топот своих ботинок. Какой же отвратный звук, девочка раньше и не понимала, насколько неприятным бывает гудение летящей стаи мух.

– Света, вкладывайся, вкладывайся, – кричала Светлане ее тренер Татьяна Станиславовна, стоя за круг до финиша с секундомером в руке. – Давай, давай…

Вот сейчас был как раз такой момент, она уже не думала, громко ли стучат ее разноцветные ботинки по асфальту. Уже плевать. Главное – удержать спадающие штаны и выдать при этом максимальную скорость. Вот она и вкладывалась. Выдала хороший отрезок, настолько хороший, что большинство отвратных насекомых отстали, видно, потеряли ее, и до девочки добрались всего две мухи. Скорее всего те, что вылетели из пасти муходеда первыми. Ту, что села на майку сзади, рядом с лямкой рюкзака, на плечо, она почувствовала и сразу, не останавливаясь, стряхнула рукой, чуть раздавив ее, а вот вторую согнать не успела. Эта тварь плюхнулась ей прямо на шею, залетела под волосы и сразу как иглой проколола кожу. О, как это было больно, боль электричеством пронзила ей шею до правой руки, она едва не

остановилась. Девочка выгнулась, но все-таки не закричала и продолжила бег. И бежала еще достаточно долго, перешла на шаг и восстановила дыхание, когда ни мух, ни деда уже не было видно. Шея, как ни странно, не болела, она, все еще оглядываясь, быстро шла мимо церкви к улице Гастелло. Ей не давала покоя мысль: вдруг эта муха ядовита или заразная? Светлана нащупала укус, маленький бугорок, и стала пальцами сдавливать его, пытаясь хоть что-то выдавить. Она уже видела свое убежище, шла к нему, и ей хотелось заплакать: жалела, что не убила эту муху. Хоть какое-то облечение было бы.

Впредь ей нужно носить куртку и со штанами что-то сделать. Все-таки нельзя бежать быстро, если тебе все время приходится придерживать штаны. Она снова поднесла пальцы к месту укуса и… ничего не почувствовала. Шея словно затекла, мышцы не хотели слушаться, чтобы в очередной раз обернуться, ей пришлось поворачивать все тело. Ну как тут не заплакать?

Господи! Да что же это такое? Она терла укус, щипала кожу, пальцы послушно выполняли приказы, но ни одного ответного сигнала на раздражение мозг девочки не получал. В кожном покрове шеи словно не осталось ни одного нерва, который мог подать сигнал, что шея еще принадлежит ей. Света довольно неосмотрительно, позабыв про жабу, вошла в развалины, взобралась на лестничную площадку. Села на груду ломаного бетона. Уже не только шея, уже и затылок, и верхняя часть спины потеряли чувствительность. Нет, руки работали, ноги тоже, но все равно было страшно. Она вспомнила. Точно такие же ощущения девочка испытывала у дантиста, когда женщина-врач сделала ей обезболивающий укол в десну. Десны словно не стало. Но то было явление временное. Света очень надеялась, что и эта «заморозка» шеи со временем отойдет. И тут она почувствовала что-то влажное, маслянистое в левой руке. Пока она бежала от мух, сжимала это в кулаке. Разжала кулак. Взглянула. Как она могла забыть про это? В черной ладони лежали два раздавленных листочка фикуса. Она зачем-то взяла их в правую руку и стала натирать себе шею. Ну мало ли, вдруг поможет. Вдруг листья спасут. Потом она намазала обе руки соком фикуса, от запястий до локтей, ну не выбрасывать же то, что осталось от листьев. Руки приобрели синеватый оттенок. Совсем не черный, какой имела левая ладонь, наверное, сока оставалось мало. Полюбовавшись руками, девочка подумала, что если бы надела куртку,

то, возможно, воротник помешал бы мухе укусить. Девочка решила, что впредь станет носить куртку, как бы жарко ни было. Она полезла в рюкзак за этой нужной одеждой.

Глава 19

– Света-а… А что у тебя с руками? Глянь, Макс… Это у нее наколки.

Девочка не открывает глаз, у нее нет сил, она сегодня совсем не выспалась. Кто-то трогает ее руки, едва прикасаясь к ним пальцами. Это сто процентов Колька. Он все всегда трогает.

– Нет, это похоже на синяки. У меня были синяки.

А это уже говорит Максим. Он никогда не спешит с выводами.

– Нет, не синяки, у меня тоже были, и что… Это наколки, это так иголками колют для рисунка…

– Да я знаю, что такое наколки, это не наколки…

– Дурак, говорю же, наколки… Света сделала наколки.

– Сам дурак, откуда у нее деньги на наколки. Денег в семье нет!

Девочка наконец открывает глаза. Прячет руки под одеяло, смотрит на братьев и спрашивает зло:

– Зубы почистили?

– Нет, только встали и увидели твои руки, – говорит Николай. – Света, а это наколки?

– Марш в ванную, оба! – И понимая, что сейчас будет попытка продолжить разговор, сестра прячет руку под одеяло и предупреждает братьев: – Резко, я сказала. Не дожидайтесь…

Братья, что-то бурча, уходят, а девочка с удовольствием закрывает глаза, еще можно поваляться, эти мелкие умываются и чистят зубы пару минут каждый, не больше, у нее всего пять минут, и они вернутся. Но глаза Света не закрыла. Руки. Точно. Она вытащила правую руку из-под одеяла. Кажется, рука чуть-чуть потеряла цвет и теперь уже не была синей, часть краски осталась на пододеяльнике,

теперь она стала скорее серой. Светлана плавно провела рукой, словно дирижировала хором. Движение рукой, простое движение… Ей показалось… Это было приятное чувство… Света вытащила из-под одеяла и вторую руку. В руках этакая легкость. Они как будто невесомые. Особенно чувствовалось в левой кисти, которая все еще черна от сока фикуса. Эту легкость, плавность трудно было объяснить, но легко почувствовать. Просто водить рукой из стороны в сторону приятно. Сжимать и разжимать кулаки, чувствовать в них силу, а в пальцах крепость – классно. Странно, но приятно. Вот только длилось это недолго. Братья провели утренние процедуры с молниеносной быстротой и вернулись, они все-таки собирались выяснить у сестры: отчего ее руки за одну ночь радикально поменяли цвет. Ждать от них вопросов Светлана не стала, убежала в ванную и там еще немного поводила руками, чтобы еще раз почувствовать удивительную легкость в них.

Смыв с рук сок растения, она оделась и вышла к братьям, показала руки:

– Вот, никаких наколок, никаких синяков.

Но Колька парень непростой, смотрит на сестру: допустим, руки чистые, но…

– А чего они у тебя исцарапаны все? Кошки у нас нет.

Свете нечего ответить, разве что:

– Хватит болтать, обувайтесь, на завтрак опоздаете.

Когда папа уходит на «охрану» в магазин на сутки, Света сидит дома с мамой. То есть не идет в ненавистную школу. Да, ей очень нравятся эти дни, когда она одна в квартире, когда можно поговорить с мамой. Света решила сменить маме постельное белье. Конечно, лучше это делать вдвоем, но Светлана была в себе уверена, тем более что не впервые. И Света принялась за дело, а заодно стала рассказывать маме о своих новых снах. О приятеле из сновидений, который называет себя Любопытным или просто Лю. Ну, не стала, конечно, говорить про ужасных существ, зачем беспокоить маму, но рассказала о том удивительном случае, когда из ее сна в их квартиру проник жук-кусака. И самое странное, что мама, кажется, ее слушала. А когда сменила белье, взяла на кухне картошки и вернулась в мамину комнату, села, начала чистить ее, и тут левую руку скрутила судорога. Да такая, что Светлана выронила картофелину на расстеленную для очисток

рекламку. Все знают, что такое судорога, а спортсмены знают это лучше других. Большой палец левой руки свернуло и прижало к ладони, остальные пальцы вытянулись в струнки и собрались в кучу, ладонь так напряглась и закостенела, что Светлана почувствовала в ней острую, колющую боль. Никогда в жизни, даже в дни самых интенсивных тренировок перед соревнованиями, с ней ничего подобного не происходило. У девочки на лбу выступила испарина, она ждала, раскрыв рот и жадно хватая им воздух, что судорога вот-вот отпустит, но вместо этого у нее в правом предплечье неприятно, самопроизвольно задергалась какая-то мышца. Раз дернулась, два, четыре, а потом и все предплечье стало подергиваться, пока его не скрутила еще одна судорога. Но эта судорога не шла ни в какое сравнение с первой. В ней, как казалось Свете, мышцы просто рвались потихоньку, причиняя сильную боль. Такую боль, что она даже сползла с кресла на пол. Света сдерживалась изо всех сил, чтобы не заорать, не напугать маму, она едва встала и, качаясь, сгибаясь, прижимая руки к животу, пошла в ванную. Дошла, даже смогла открыть воду. Слезы, пот по вискам, мокрота из носа. Она старалась не смотреть на себя в зеркало и держала руки под водой, думая, что это может помочь. Держала и держала, но боль и не думала отступать, правую кисть судорога просто ломала, сжимала и выкручивала. Она уже начала думать, что нужно как-то позвонить папе, сказать, что с ней беда, чтобы он приехал, спас ее, но как? Как с такими скрюченными пальцами достать телефон и набрать папин номер?

И тут в первый раз ее левую руку отпустило, всего на пару секунд, затем опять скрутило, но уже не так крепко, как поначалу. Потом это произошло и с правой рукой. Она все еще держала руки под водой, но уже думала о том, что мысль о звонке папе была преждевременной. Света провела в ванной минут десять, поэтому, как только мышечные спазмы стали терпимыми, она поспешила в комнату мамы. И там свалилась в кресло от изнеможения. Руки гудели и были ватные, она едва смогла взять пульт от телевизора, кое-как, неслушающимися пальцами, умудрилась нажать кнопку включения. Какая тут чистка картошки, ей бы с пультом справиться, чтобы переключить канал. Света стала успокаиваться, и к ней стали приходить мысли. И первая мысль была о том, что эти судороги – последствия синих листьев.

«Пипец… Это все фикус долбаный!» Она переключала каналы ватными вальцами, не останавливая внимания ни на одной передаче. А под ногами у нее была расстелена рекламка с картофельными очистками, на ней лежал нож, а под креслом и вокруг валялась картошка.

«Долбаный фикус». Руки ее слушались, конечно, плохо, но зато про укушенную шею девочка совсем не вспоминала.

Светлана не могла понять, ей кажется или вправду она проводит во сне с каждым разом все больше и больше времени. Нет, ложилась и вставала она почти всегда в одно и то же время, плюс-минус… Раньше ей приходилась ждать Любопытного совсем немного, а теперь ожидание длилось, как ей казалось, часами. Сегодня она дожидалась его, чтобы он показал растерзанное тело человека, около которого еще лежат вещи, ему принадлежащие. Может, ей что-то пригодится. Она очень на это надеялась. Было бы хорошо, если бы Лю появился, пока еще туман не ушел. Лю, кажется, видит в тумане, он может быть глазами девочки. Света не хотела встречаться с Аглаей. Из всех опасностей, что девочка здесь видела, эта чокнутая казалась ей самой большой. Но у Аглаи были глаза, а значит, туман – это не ее время. В общем… На пять ступенек ниже, там, где через туман еще можно было что-то разглядеть, – движение. Появилось темное пятно. Света встает, делает шаг, приглядывается. На светлом бетоне ступенек круглое, темное: старая знакомая, мало ты получила огромным кирпичом по спине.

– Ты все не угомонишься, зараза такая, – тихо произнесла девочка. Так говорила ее мама, разозлившись на кого-то из своих детей, в те времена, когда она еще не болела.

Света тихо делает два шага вниз. Так и есть, жаба. Нужно с ней быть аккуратной. Но жаба развернулась мордой к стене, опять ловит мокриц. Девочка, конечно, более быстрая и ловкая. Прежде чем жаба успела понять, что происходит и брызнуть на нее своей слюной, Светлана подковырнула ее ботинком и скинула вниз. Пошла вон отсюда! Здесь, на площадке, им двоим нет места. Светлана была довольна собой. Она собиралась вернуться, когда услыхала:

– Человек Светлана-Света, ты уже тут, я рад этому.

– Лю… – Она тоже была ему рада.

– Значит, у меня будет время проводить тебя до того места, где ты сможешь найти для себя что-то полезное.

– Лю, а вы же видите в тумане?

– Отчасти… как правило… Я неплохо вижу даже в густом тумане, если он неподвижен, если стоит. Если он меняет форму из-за потоков воздуха, временные искажения портят картину. Мне все видится смазанным. И еще, не забывайте, человек Светлана-Света, я вижу то, что вы видели десять секунд назад.

«Он постоянно говорит о времени. И всё непонятное. У него пунктик какой-то по поводу времени».

– Но сейчас вы хорошо видите в тумане, Лю?

– Да, вы можете начать движение прямо сейчас, крикуны ушли к большой дороге и медуз поблизости нет, а других опасных существ тумана уничтожила местная суприм-особь.

«Ну хоть какой-то прок от этой сумасшедшей».

Куртка была на ней, жарко, но зато мухи не покусают шею; она надела рюкзак и стала аккуратно – жаба-то все еще тут – спускаться по лестнице. Девочка выбралась из развалин.

– Триста ваших шагов на запад и девятьсот шагов на юг, – произнес голос.

Еще недавно Светлану такая задача поставила бы в тупик, но сейчас она сразу прикинула: запад – это туда. А юг – туда. Ага, понятно.

– Мы идем к зданию Ленсовета, к фикусу, мы вчера там были.

– Да, но теперь ваш путь пройдет еще дальше, вы уйдете еще южнее. Значительно южнее.

– Вчера меня там подстерегал муходед, там плохое место, – сказала Светлана. Выбравшись из развалин, она пошла направо, на запад, к улице Ленсовета.

– Муходед… Муходед – это?.. – Лю не понимал.

– Ну… – Света подумала, как объяснить. – Ну, это такой дед, в котором живут мухи. Он рыгает ими, и они летят за тобой, я вчера еле убежала от этих мух. И одна меня догнала и укусила. Вот. – Девочка показала Лю укус на шее, как будто он мог его увидеть.

– Я понял, о ком вы говорите, Светлана-Света, это симбиот, который использует насекомых для охоты, – догадался Лю. – Я видел его вчера, но мне показалось, что подобные особи не представляют для

вас серьезной угрозы. Они слишком медлительны для вас. Я не стал вам сообщать о нем.

Светлана чуть не остановилась, ей даже захотелось на него поглядеть, на этого умника, она даже задрала голову вверх, ведь голос всегда звучал откуда-то сверху. Ни фига вчерашние мухи не показались ей медлительными.

– Лю, говорите мне про всех опасных… которых видите… Даже если вам они кажутся неопасными…

– Хорошо, – сразу согласился голос. – Буду вам сообщать. – И тут же оповестил: – Четыреста метров отсюда на север, две медузы, плывут на север.

«То есть улетают от меня», – отметила для себя девочка. Да, так ей было спокойнее. В тумане неплохо иметь глаза, которые видят на сотни метров.

Она сама нашла поворот на улицу Ленсовета и повернула, не дожидаясь голоса. И, пройдя чуть дальше, услышала:

– Отдельно стоящее здание, слева от вас, большое и удобное для убежища.

«Чесменская церковь», – сразу догадалась Света. Больше с той стороны ничего быть не могло.

– Удобное для убежища? – спросила девочка.

– Да, весьма удобное, но там живут две особи, которые могут длительное время оставаться неподвижными. Их контуров я не могу рассмотреть. Они всегда прячутся в темных углах. И не покидают сооружение, постоянно находятся внутри.

Светлана не видела распахнутых дверей храма из-за плотного тумана, но ей стало неуютно при мысли, что лишь этот туман отделяет от ужасного существа, о котором она подумала…

«Черныш? Если это он… Да если их еще двое!» Ну нет, в списке ужасов черныш из ТЦ Радуга уверенно занимал второе место после Аглаи. Ну, сумасшедшую хотя бы видно было. А этот… Темнота с когтями-крючьями… Он мог еще и за первое потягаться с чокнутой. Нет-нет, такое укрытие ей точно не подходит, если там черныши по углам прячутся, она и близко к этой церкви не подойдет. Девочка пошла дальше.

Она чуть-чуть не дошла до Ленсовета, до той серебряной лужайки, у которой рос фикус, когда Лю сказал:

– Слева от вас, Светлана-Света, муходед, он, кажется, все время прячется в этих кучах битого камня, там его лежанка. Сейчас он неактивен.

«Точно не активен?» Девочка немного волновалась, но вслух уточнять не стала, она не хотела ставить под сомнение слова Любопытного. Впрочем, муходед глазаст, а кругом туман – скорее всего, дед ждет солнца, в тумане не охотится. Но дальше она старалась идти еще тише.

Ей пришлось остановиться, не дойдя до фикуса.

– Там человек, сто шагов до вас, он выражает эмоции, кажется, он недоволен чем-то, – сказал Лю. – Он крупный и импульсивный.

Девочка подумала, что знает причину недовольства и импульсивности этого человека. И, скорее всего, она к этому имела прямое отношение.

– Нам лучше переждать, или придется обходить его по развалинам, – продолжал голос.

– Мы подождем. – Девочка присела на корточки там, где остановилась; лезть в неизведанные и даже отсюда кажущиеся мрачными развалины не хотелось. Что ни говори, а Лю не все видит. Ну, он сам говорил, что только в неподвижном тумане его зрение безупречно.

– Человек быстро удаляется, – сообщил голос.

И тут же через туман до Светы донесся отдаленный звук. Резкий, такой, который проникает через самый плотный туман.

– Он уходит от стаи крикунов, – продолжал Лю.

Но Светлана и сама об этом догадывалась.

– Придется еще ждать? – спросила она.

– Скорее всего, вам лучше уйти, это большая стая, два десятка особей, не меньше. Давайте искать укрытие.

Глава 20

Прятаться долго не пришлось, стая крикунов ушла к воде, за огромное здание Ленсовета, туда, к еле слышным фонтанам.

– Они сейчас попробуют напасть на стаю тех пятнистых животных, что охотятся на большом пространстве. Возможно, это будет противостояние за место у воды, – говорил Лю, и в его голосе девочке послышался интерес.

Ей это не понравилось. Никаких схваток и противостояний: собрались же найти клад мертвеца, какие еще схватки. Светлана произнесла серьезно:

– Лю, я хотела бы добраться до места, пока не рассеялся туман.

– Да, конечно, – сразу согласился голос. – Мы можем выдвигаться, я не вижу препятствий для продолжения пути. Двигайтесь по этой открытой магистрали на юг, Светлана-Света.

Вот теперь Свете понравилась его реакция. Да, дело есть дело, и к нему нужно относиться серьезно, так же как Светлана относилась к своим тренировкам.

И снова тишина и лишь ее тихие шаги в тумане. Но девочка не боялась, у нее были «глаза».

– Стая крикунов, двести шагов на запад от вас, – оповестил Лю.

Света старалась идти тише, хотя криков этих существ не слышала. Она прошла опасный отрезок.

– Существо в развалинах справа от вас. Вас не видит. Продолжайте движение.

Путешествие стало казаться ей бесконечным, они шли и шли среди развалин и еще целых домов, один дом был совсем близко к дороге, он

удивил девочку тем, что прямо из его стен торчали некрасивые растения. Света стала узнавать местность.

– Две медузы перед вами, летят на запад, нужно переждать некоторое время.

Светлана останавливается. Ждет, приседая на корточки.

– Можно двигаться дальше.

Они добрались до окрестностей станции метро «Звездная». Светлана шла по асфальту, с вросшими в него трамвайными рельсами. Она уже начала волноваться, уж очень далеко они ушли от убежища. Мало того, девочка заметила, что туман стал рассеиваться. Через него стали проступать видимые объекты.

– Это что темнеет справа? – спросила она, а сама вдруг вспомнила, что Любопытный сегодня провел с ней больше времени, чем когда бы то ни было.

– Огромное сооружение, – ответил Лю. – Нам нужно свернуть к нему. Мы почти добрались. Но нам надо спешить, в этом здании живет много летающих, хищных и весьма опасных организмов, они активизируются, как только туман рассеется.

– Куда идти? – быстро задала вопрос Светлана. Она уже не очень рада, что отправилась в такое долгое путешествие.

– Сворачивайте направо. Идите вдоль этого здания.

– Мы идем к церкви? – уточнила она, вспоминая, что дальше, за магистралью, должна быть большая церковь с синей крышей.

– Нет, мы почти пришли, вам нужно будет пройти сто-сто двадцать шагов, и вы на месте. Вещи человека будут лежать у пораженной коррозией передвижной конструкции, там, где и его останки.

Это девочку насторожило:

– Мне одной нужно будет туда пройти?

– Да, дальше я вас сопровождать не смогу, я уже далеко ушел от точки своего фокуса.

– Хорошо, я пойду, – сказала девочка, заметно волнуясь.

Ну вот, теперь ей одной идти в туман, вдоль большого дома, где «живет много летающих, хищных и весьма опасных организмов». Офигеть!

– Идите, пока вам ничего не угрожает, но напоминаю вам, нужно торопиться, скоро выйдет солнце, да и мои силы уже на пределе.

Быстро, быстро… Она поправила рюкзак и почти бегом кинулась, страшно остаться в этом тумане без Лю. Страшно… Но бояться нельзя, что она, зря шла сюда целый час? Минуты не прошло, как у обочины слева из тумана выплыла припаркованная машина. Вот о чем он говорил. Грузовичок для перевозки мяса. Скособоченный от старости, с поникшей, ржавой и без стекол «мордой». И сразу у правых сдувшихся колес увидела черные тряпки, грязные лохмотья.

И первая удача – еще пара шагов, и обнаружилась отличная палка, длинная, в рост Светланы. Света сразу подняла ее.

Грязная и липкая – ерунда, зато легкая, гладкая и прямая. Да еще хорошо заостренная с одного конца. Уже удача, но времени нет, Любопытный говорил про мешок. Она приближается к машине вплотную. Вот о чем говорил Лю, человека разорвали на части, кости не лежат вместе, обломки разбросаны вокруг, только ребра и части позвоночника около у машины. Ребра обглодали дочиста, их даже перекусывали, чтобы не мешали жрать легкие. Вокруг все черно от запекшейся старой крови. Другие кости тоже грызли, ломали. Даже самую толстую кость из ноги сломали, рядом валялись ее острые обломки. Она бы растерялась, стоя над останками несчастного человека, если бы не страх. Страх остаться без глаз Лю. Нужно было действовать. Девочка присела и начала ковыряться в месиве черных лохмотьев, воняющих мертвечиной, только что найденной палкой. И не сразу додумалась заглянуть под машину. Заглянула и увидела веревку с узлом. Подцепила ее и потянула к себе, а за веревкой вместе с ребрами, остатками обглоданной ключицы, вонючими грязными тряпками и вылез пузатенький, завязанный сверху мешок. Вот он. А мешочек-то тоже грызли, жевали, рвали. Пытались сожрать?

Светлане бы схватить его и бежать обратно к Лю, но она стала развязывать узел на мешке. Узел тверд, на нем засохла кровь. И после того, как узел поддался, девочка поняла, что усилия прикладывала не напрасно. Сразу из мешка вывалилась веревка. Крепкая, толстая, капроновая. Целый моток. В карман куртки ее. Отлично, но нужно торопиться. Светлана переворачивает мешок и высыпает его содержимое на землю. Непонятные перчатки. Рыжие, огромные, из толстенной резины. На них кто-то поставил печать фиолетовыми чернилами: «Защита. Класс 2. ГОСТ». Дальше железные пассатижи или

плоскогубцы. Света не знала, как правильно называть эту вещь. Инструмент и большие печатки летят в ее рюкзак. Дальше, дальше…

Какая-то стеклянная банка с крышкой, в крышке пробиты дырки, а в банке большой, мерзкий, даже на вид кусачий четырехлапый жук. Банка тоже может пригодиться. Жука она выбросит потом. Странная железная вещица… Старая какая-то, что это? Зазубринка на ней – это для ногтя? Кажется, она знает, для чего это! Точно! Еще одна удача. Маленький складной нож с палец длинной, лезвие и вовсе с ее мизинец, еще и вихляется, но зато острое. Нужно, нужно… В карман, чтобы под рукой был. Дальше… Пластиковая бутылка на литр жидкости, видавшая виды. На треть заполнена чем-то. Тоже пригодится. Сверток из грязной бумаги. Светлана разворачивает ее. Кусочки хлеба? Три почти засохших куска, а один даже обкусанный. Девочка еще никогда здесь во сне не испытывала особого голода. Странно. Вода, хлеб, какой-то жук, дурацкие резиновые перчатки. Зачем? Но размышлять над всем этим было некогда. Выбрасывать не стала. В рюкзак. Света никогда не видала такого коробка. Спички! А коробок из фанеры, что ли… Ладно, тоже в рюкзак, потом разглядит. Маленький узелок из тряпки. О, тяжелый. Света разворачивает его. А там монеты! Старинные, из белого металла, их штук десять, копейки всякие. И две небольшие. Из желтого металла. Золото? И тут за ее спиной заголосила птица, противно, хрипло. Девочка оторвала взгляд от монеты, подняла глаза. И увидела синюю крышу большой церкви. Туман-то уже почти развеялся. Узелок с монетами в рюкзак, быстрее, что там еще, маленький рулончик старой изоленты, кусок медного провода, жестяная коробка из-под чая, тоже не глядя за спину, потом поглядит, что там. Все, Света встает с земли, прихватив свою отличную палку. Обратно, к Лю, бегом. А рюкзак-то потяжелел. Бьет по спине на бегу. Но ничего, надо бежать, а то опять орут птицы. Девочка их уже видит в нижних разбитых окнах и на перилах балконов. Это попугаи! Огромные, черные. Вперевалку ходят по перилам и орут, словно после сна прочищают глотки или перекликаются. Один такой попугай, огромный, с ужасным клювом, выпрыгнул из окна на перила балкона, и за ним потащился длинный… кабель? Черный провод, шланг? Светлана даже думать не хотела, что там за ним тащится, она уже добежала до перекрестка.

– Лю… Лю… Вы тут?

– Да, я жду вас, но мои ресурсы на исходе, я скоро вас покину, вам нужно уходить побыстрее.

«Мамочки? Мне, что, до дома одной идти?» Девочка даже не подумала, что развалины двадцать восьмого дома по улице Гастелло она назвала своим домом, сейчас ей было не до этого. Потому что Любопытный сказал ей все тем же красивым и бесстрастным голосом:

– Ускорьтесь, одно из существ из большого дома летит к вам, за вами. Будем надеяться, что остальные вас не заметили.

Девочка выскочила на улицу, она узнала место, улица Ленсовета, в пяти минутах бега за ее спиной станция метро «Звездная». Если вложиться, то через пятнадцать минут она будет в своем квартале. Только вот бежать с рюкзаком, когда с тебя сваливаются штаны, которые нужно придерживать одной рукой, потому что в другой у тебя длинная палка, дело непростое.

– Существо близко, – спокойно констатировал Лю. – Пока оно одно, лучше его нейтрализовать. Попытайтесь использовать свое орудие, так как оно передвигается быстрее вас.

«Мамочки, мамочки! Существо близко?» Что же ей делать? Светлана быстро развернулась. Орудие? Ах да, у нее же есть палка. Вообще-то она не сторонник убийства животных, но… Этот попугай огромен. Он больше… индюка? Да еще и страшен, черен, и за ним шланг или кабель длинный вместо хвоста. Большие крылья в стороны, и летит абсолютно беззвучно, беззвучно и стремительно. Света подняла палку. Вот он уже… Вот он, вот он! Три шага до него!

Этот индюк пикирует на девочку, и та встречает его палкой от всей души, бьет… То есть пытается ударить, она не поняла, получилось ли у нее попасть. Она просто испугалась, что эта черная туша со свисающим кабелем врежется ей в лицо, и в последний момент повернулась к птице спиной. Раздался звонкий щелчок, попугай, кажется, ударил ее крылом по голове, а потом заорал дико и свалился на разбитый асфальт, отлетев от Светы на несколько метров.

Светлана не поняла, что произошло, все случилось слишком быстро и непонятно. И растерялась бы, если бы не услышала все тот же четкий и спокойный голос:

– Продолжайте наносить ему повреждения, не дайте взлететь снова, он опаснее, чем я предполагал, он едва не убил вас.

«Не убил?» Девочка не все поняла из сказанного, но слово «убил» услышала прекрасно. Света подняла палку, занесла ее над головой и кинулась на попугая. Тварь почти взлетела, когда палка переломила ей крыло, и птица закувыркалась на земле, огромными крыльями поднимая тучи пыли, и при этом орала и орала, словно звала на помощь, а Света стала лупить ее палкой, била по ней, глядя с ужасом, как извивается упругий и черный хвост птицы, похожий на змею в палец толщиной. Била поначалу быстро, но неумеючи: то неточно, то несильно. Раз… И палка бьется об асфальт. Раз… Попала. Хорошо. Еще взмах палки, опять по земле, еще взмах, снова попала… А попугай закидывает голову, пытается своим клювом ухватить палку, а клюв у него адский, огромный, тоже черный, кривой и весь в мерзких серых наростах, и еще попугай орет, орет так, что хоть уши затыкай. На пятом попадании птица наконец заткнулась, сникла, распласталась по земле и едва держала голову с налитыми красными глазами. Смотрела на девочку яростным взглядом да подергивала хвостом-шлангом. И дышала с хрипом. Светлана остановилась. Что, тварь, получила?

– Заканчивайте, нужно уходить. Сюда прилетят его сородичи, – сказал Лю.

Да, страха теперь Светлана не испытывала… И жалости тоже, она подняла палку и ударила птицу прямо по голове. На сей раз ударила и точно, и сильно. Отличную она нашла палку. И пошла сразу дальше. Оборачиваясь взглянуть, не летят ли за ней еще попугаи. А они летели, сразу два. Девочка прибавила шаг и, отбежав метров на пятьдесят, опять обернулась. Попугаи уже не летели за ней. Они сели возле своего сородича и длинными шагами ходили возле него, склоняли к нему головы, рассматривали.

Да-да, посмотрите и запомните. Попугаи ведь птицы умные, все запоминающие.

Трамвайная остановка из стекла. Целая. Только теперь она почти не прозрачная из-за толстого слоя древней пыли. Отлично, хоть какое-то укрытие. Светлана полезла в карман, достала моток веревки и маленький ножичек, начала отрезать кусок.

– Вам необходимо произвести эти манипуляции именно сейчас? Это не может подождать? – спросил Лю и тут же пояснил: – Тумана почти нет, нужно торопиться. Нужно идти на север, к вашему ареалу, побыстрее. По пути вас еще ждет медуза.

– Вы скоро уйдете, Лю, – ответила Света как-то иначе, чем всегда, как-то серьезнее, – и мне придется добираться до дома в одиночку, я хочу быть готова. А медузу я оббегу.

Хоть нож был и острый, но крепкую веревку он резал с трудом, девочка пыхтела, но не сдавалась.

– Лю, а вы сказали, что попугай чуть не убил меня? Как? Я даже не заметила.

– Он ударил вас задней, гибкой частью своего тела, – ответил Любопытный.

– Задней, гибкой частью своего тела? – не поняла девочка. И тут же догадалась, вспомнив про черный длинный шланг попугая. – Это называется хвост.

– Возможно, эта часть тела того существа так и называется. В общем, он нанес вам ею очень сильный удар, вы были очень предусмотрительны, когда развернулись к нему вашим приспособлением для переноски вещей, иначе вы получили бы сильное рассечение своих покрывающих тканей, а возможно, и внутренних частей своего организма.

Света уже отрезала кусок веревки нужной длины и подпоясалась ею, завязав на животе крепкий узел.

– Он, что, испортил мне рюкзак? – спросила девочка, уже не без раздражения.

– Да, ваше устройство для переноски вещей получило заметное повреждение, – бесстрастно продолжал голос.

Времени мало, но она не поленилась скинуть рюкзак. Боже, как ей было жалко этот классный, крепкий еще новый рюкзачок.

Так и есть, на нем красовался разрез в ладонь длиной. Удар еще и разрубил пластиковую бутылку, из которой теперь выливалась вода. Ублюдочная птица!

А еще ей все это надоело. Надоел этот сон, в котором ее все время пытаются укусить, ударить, убить, напугать до смерти. Надоело! Но делать-то нечего. Девочка вздохнула. Она переложила вещи так, чтобы они не выпали в появившуюся дыру. Взяла в руки палку.

Теперь Света чувствовала себя увереннее, теперь штаны с нее не сваливались. Теперь она могла бежать как следует. А еще она разозлилась из-за рюкзака, и ей совсем не было жалко попугая.

– Лю, я готова, – произнесла Света.

– Двести пятьдесят ваших шагов, и перед вами будет медуза, сейчас она прячется за тем целым зданием, что по правую сторону от вас. Вы увидите ее.

– Хорошо, – сказала девочка и вышла из-под стекла остановки.

Глава 21

Медуза была там, где и сказал Лю, но она улетала. Свете подумалось, что эти красивые и величественные создания не очень любят охотиться на солнце. Она побежала дальше. Палку она держала двумя руками на груди. Рюкзак, честно говоря, мешал, к нему нужно еще приноровиться. Если придется бегать как следует, вкладываться, как говорит ее тренер, он будет мешать. Как и штаны не по росту, как и палка, как и отсутствие носков. Ну, отсутствие носков – это проблема скорее больших дистанций, чем рывков. В общем, ей было к чему готовиться и было над чем работать.

У Ленсовета, у поляны мха, там, где рос несчастный, ободранный до чистого ствола фикус, Лю углядел каких-то существ и рекомендовал Светлане свернуть направо. И девочка свернула на восток, на улицу Типанова. Она дважды проходила рядом, но не замечала, что все дома тут были целыми. Половина стекол в окнах и витринах тоже. Даже один из светофоров на пешеходном переходе работал! Светлане здесь нравилось: дома, поребрики, асфальт, целые стекла. Сюда бы еще непрерывный поток машин с проспекта Славы и пешеходов, и почти нормальная петербургская улица вышла бы. Она не чувствовала здесь острой опасности, безнадеги, от которой хотелось плакать.

– Лю, а может, мне поискать себе убежище тут? – спросила девочка, оглядываясь по сторонам и не замедляя при этом шага.

– Мне не кажется это удачным решением, – помедлив чуть больше обычного, ответил Любопытный. – Там, за большим зданием, много чистой воды. – Фонтаны на площади, догадалась Света. – А еще огромная магистраль с большим количеством пищи. – Московский проспект, вспомнила девочка. – Это локация с высокой конкуренцией

различных групп существ, не думаю, что вы готовы к конкуренции подобного рода.

Почти всегда Лю оказывается прав. И Света не спорит с ним. И без происшествий добегает до перекрестка Типанова и Гагарина. А там, как всегда, без долгих прелюдий Любопытный произнес в свой манере:

– На сегодня мой ресурс исчерпан, я оставляю вас, человек Светлана-Света.

– Что, уже? – воскликнула девочка.

До убежища было недалеко, но она боялась встретить где-нибудь по дороге Аглаю, думала, что Лю предупредит о ее появлении. Но голос в этот день больше с ней не разговаривал.

Картина, открывшаяся перед ней, когда девочка свернула на проспект Гагарина, поразила. Снова развалины по левую руку, ломаный асфальт, битый кирпич. Прямо холмы из кирпича и бетона. Они тут даже поросли разной растительностью. И местной, и нормальной. Она остановилась. Неприятные места. На любом таком холме, бывшем когда-то домом, может притаиться опасность. Муходед, например, какой-нибудь.

Бульвар, что раскинулся вдоль почти всего проспекта, там, в ее мире, засажен деревьями, клумбами и красивыми кустами, а тут… насколько хватало взгляда, зарос серебристым мхом, как мехом. Среди мха попадались странные черные деревья. И этот мох просто сиял на ярком солнце, отливая зеленью. Вдалеке, набрав высоту, парили три перламутровые медузы. Синее небо, белое солнце, серебряная равнина, парящие в небе медузы. Если, конечно, не смотреть на развалины сбоку, тут было на удивление красиво.

Полминуты удовольствия и восхищения, и, осмотревшись, девочка пошла быстрым шагом на север. К своему убежищу. Теперь, без Любопытного, ей нужно быть настороже. Впрочем, это только издали медузы кажутся такими красивыми, да и прекрасный мох… Ну да, только дай ему шанс.

Она сразу заметила его. Противный марабу стоял неподвижно у поребрика, опять прикидывался столбом. Нет, Свету он уже не проведет. Их разделяла поляна мха шириной в бульвар. Светлана хорошо помнила, что марабу на дистанции отстанет, сдуется, но вот рывок у того, что бежал за ней, был неплохой. Надо с ним внимательней. Вот и думай, как лучше двигаться, – или по краю

развалин, откуда может кто-то выскочить, или поближе к проспекту, где стоит этот «столб». Все-таки видимая опасность лучше, чем вероятная. Девочка побежала по самому краю мха, лишь бы быть подальше от развалин, да и к тому же там, на мягком грунте, башмаки почти не слышны. Не то что на остатках асфальта и битых камнях. Марабу ее не заметил, и Света продолжила свой путь. И теперь она поняла, что не зря человек, чьи вещи она нашла, носил с собой воду в старой грязной бутылке. Жара, куртка, рюкзак, бег, палка в руке. Девочке было непросто, даже несмотря на ее тренированность. На проспекте, чуть дальше, еще один столб. На этот раз марабу притаился на другой стороне проезжей части. Понятно. Они охотятся на дороге, на открытых пространствах из засады. Этот был не опасен – далеко. Она перебежала небольшую улицу Авиационную, в том месте, где раньше был перекресток. Пошла дальше осторожнее, до ее убежища оставалось несколько сотен метров. По правую руку от нее находилось маленькое одноэтажное здание. Конечная остановка трамваев, или, как ее еще называли, «депошка». Депошка была на удивление в хорошем состоянии, стены чистые, стекла больших окон целы, закрыты изнутри пластиковыми раздвижными жалюзи и в пыли, то, что две старые березы росли рядом, говорило: тут все тихо. Вот только железная дверь чуть приоткрыта. Впрочем, вряд ли кто мог прятаться внутри, ведь депошка стояла почти посреди серебряного поля, мох которого был ярким, густым, насыщенным. Разве что птица туда могла забраться.

Мальчик. После перекрестка развалины закончились и пошли целые здания, окруженные высокими красивыми заборами с пиками. И на одном заборе что-то висело. Светлана остановилась. Нет, не что-то. Кто-то. С головой, с руками, с ногами. И висел он там, как показалось Светлане, не по своей воле. Он зацепился спиной за верхушки пик. Видно, неудачно спрыгнул. Спрыгнул… и повис? Странно, зачем ему было прыгать, когда в ста метрах от него открыта калитка? Он был синий. Фикус? Висел неподвижно, голову уронив на грудь. Мертвый? Девочка еще немного подождала. Все, что странно – опасно. Поглядела по сторонам, послушала и лишь после этого двинулась вперед. Пошла медленно, стараясь держаться подальше от висящего человека, шла почти по мху. Приблизившись, увидела под телом черную лужу. И его длинные ноги были в крови. Это был голый человек, его серое лицо опущено вниз. Конечно, он мертв. Ужасно. А кто выживет, если под

лопатки тебе вонзятся такие страшные и толстые пики забора. Зачем он только перелезал? И только когда она почти поравнялась с телом, девочке все стало ясно. Этот совсем молодой безволосый мужчина, ничем не измазан, как ей поначалу показалось. Просто руки, живот, ноги, голова правильной круглой формы – все было синее.

Да и бог бы с ним, может, он от смерти посинел, но вот его руки и ноги… измяты, вывернуты, изломаны во многих местах, на левой голени, на месте перелома, даже кость из-под кожи пробилась, словно их топтал кто-то большой или сильный… Сам вроде весь целый, а ноги с руками как специально переломали. Она даже не додумала свою мысль до конца, даже не сформулировала вопрос, но уже сама на него ответила: «Аглая».

Повесила специально. Кому-то что-то показать хотела? Кому? Ей, Светлане? Что показать? Что Аглая тут главная? Зачем? Девочка и не думала это оспаривать! Надо будет сказать Лю, чтобы подыскал ей новое место. Нет, от этой больной бабищи нужно убираться. Она пошла дальше, хоть теперь ей вовсе не хотелось идти в развалины двадцать восьмого дома. Светлана с удовольствием бы убежала отсюда… Куда? Да куда угодно. Лишь бы бежать прямо сейчас, но она боялась, что потеряет контакт с Любопытным, ведь он будет искать ее в убежище. А вдруг они потом не найдутся. И поэтому пошла к себе. Тем более что до убежища всего ничего. И в то мгновение, когда девочка уже проходила мимо повешенного, тот… поднял голову! Это было лицо ребенка, мальчика лет двенадцати. У него были большие серые глаза почти без белков. Взгляды их встретились. И если Светлана была напугана и обескуражена, то взгляд мальчика ничего не выражал. Он будто просто засыпал. Девочка остановилась, не зная, что делать. Помочь ему? Но как? Она опять огляделась: вдруг это ловушка? Кажется, никого вокруг не было. А голова висевшего мальчика снова упала на грудь. Все, теперь он точно умер. Вон сколько под ним крови, и она все капает и капает с его длинных, вывернутых ступней. Густая и почти коричневая. Это, наверное, она от солнца такая. Девочка почувствовала некоторое облегчение, теперь ей не нужно спасать синего мальчика, и она могла заняться своими делами.

Жаба нашла себе новое место между кучей битого бетона и сохранившейся стеной. «Вот там и живи». Девочка уже спокойнее относилась к ней. Пусть ест мерзких мокриц и червяков с ножками, но

там, внизу, а сюда, наверх, не лезет. Света забралась на свою площадку, прислонила палку к стене, с удовольствием сняла рюкзак и расправила затекшие плечи: проклятый попугай распорол такой классный рюкзачок, надо же, как ножом разрезал. Светлана сняла куртку. Фу, жара. Мухи жужжат. Она вся мокрая, хорошо, что солнце сюда не попадает.

Девочка уселась на свой любимый камень и стала доставать вещи из рюкзака. Там, у дома с попугаями, она не рассмотрела все как следует. Конечно, в первую очередь девочка хотела взглянуть на монеты в узелке. Но первым делом ей под руку попалась бутылка с остатками воды. Бутылке тоже досталось от попугая. Да, ей очень хотелось пить, но пластиковая бутылка была старой и грязной, и вода в ней, наверное, такая же. Еще инфекцию какую-нибудь подцепишь. Девочка отставляет бутылку к стене. Лезет в рюкзак. Перчатки из резины, баночка с жуком… Она не может найти узелок, неужели потеряла, вывалился в дыру на бегу? Нет, узелка не было. Она уже почти расстроилась, когда решила поискать в карманах куртки. Ура! Нашелся. Светлана вытаскивает его, развязывает. Вот они, монеты. Девочка никогда не видела таких. И, не взглянув на беленькие монеты, Света сразу взяла из тряпочки одну желтую. Это ж золото, сразу видно. Монета оказалась на удивление тяжеленькой. На одной стороне чья-то голова с трудно читаемыми словами, а на другой орел и надпись: «Десять рублей 1911 г.». Золото. Скорее всего, но какой от него тут толк? Тут, что, магазины есть? И еще одна монета такая же, различались лишь последние цифры: «Десять рублей 1904 г.». Но этот несчастный, которого растерзали у заржавевшей машины, зачем-то таскал с собой эти монеты. Зачем? И тут одна мысль пришла в голову Светлане, от которой она даже немного заволновалась. «А вдруг… Может, эти монеты можно как-то… Ну, каким-то образом брать с собой туда… В реальность?» Ох как понравилась ей эта мысль. Сто процентов, что монетки дорогие, это будет реальная помощь папе, вдруг хватит, чтобы выплатить кредит? А высвободившиеся деньги можно будет давать Ивановой. А может, еще купить какой-нибудь одежды близнецам и ей подарок… Точно, ей уже давно нужно новое белье. А тут как раз и день рождения. Все удачно складывалось, вот только как эти монетки забрать с собой? Ведь, кроме трусов и майки, с ней ничего сюда и отсюда не перемещается. А вот и решение, оно само собой пришло ей в

голову. Конечно же, трусы. Девочка развязала веревку на брюках, расстегнула замок, взяла монету и, приложив ее к резинке трусов, несколько раз провернула ткань, закатывая монету в эластичный жгутик. Получилось отлично. Монета никуда не могла деться. Она быстро застегнула брюки, собрала все вещи в рюкзак, взяла палку в руки и села на камень, ждать пробуждения.

Глава 22

Она проснулась от того, что ей очень хотелось пить. Дома тихо – братья спят. На будильнике шесть часов сорок одна минута. Она встала с кровати и не одеваясь, в надежде еще поспать, пошла на кухню и тут поняла, что с нее сваливаются трусы. Едва успела рукой их поймать. Это что? Она опускает глаза и видит: трусы разорваны от резинки до самого низа. Ах да… Монета. Золотой монетки она не находит. Не попив воды и в рваных трусах Света возвращается к кровати, откидывает одеяло и начинает искать золотой на простыне. Но и там его нет. Все перерыла, даже встряхнула одеяло, зная, что это напрасный труд. Блин, трусы порваны, денег нет. Можно посмеяться. Но девочке не смешно. Это ее предпоследние трусы. Да еще и грустно, так как она уже начала рассчитывать на эти деньги. В таком нехорошем настроении она пошла на кухню, попила воды и спать уже в этот день не легла.

Папа принес с работы деньги на лекарства. Ура. В школу она сегодня не пойдет, побежит в аптеку. Света сразу села за компьютер, чтобы по специальному приложению посмотреть, в какой аптеке на нужный препарат самая низкая цена. Нашла отличную цену на Ленинском проспекте, можно сэкономить восемьдесят шесть рублей, до той аптеки час пешком, отлично, она добежит за двадцать минут. Заодно и потренируется. Девочка легко позавтракала: перед забегом нельзя переедать, выпила пол-литра воды. Оделась. На улице моросит дождик – осень в Петербурге. Надела старую ветровку с капюшоном и, крикнув папе: «Пока, я убежала», выскочила за дверь. Она бежала и снова думала о монете. «Интересно, а сколько такая тут стоит? Тысяч

сто, наверное, монета же старая». Она даже представить не могла, сколько можно купить всего нужного на такие деньги.

Дождик не прекращался, она надела капюшон. А вскоре у нее промокли ноги, кроссовки-то очень легкие, но это ее заботило мало, петербуржские девочки к дождю привычные. Забыла маску, долго стояла в очереди за бабульками и волновалась, дадут ли ей без маски лекарство. Дали, она радостно спрятала коробку в большом внутреннем кармане ветровки. Вышла из аптеки и увидела вывеску «Белорусский трикотаж». Девочка сэкономила почти девяносто рублей. Ну… Можно приглядеть себе белье. Она же хочет его не для удовольствия, а потому что ничего не осталось. Долго выбирала и нашла то, что нужно. Трусы красивые, всего за сто двадцать рублей. Довольная, выбралась из магазина. Дождь не кончился, она стала натягивать капюшон… и мельком увидела ее. Девочка даже замерла от неожиданности. Она снова поглядела на женщину, теперь внимательно. Никакой ошибки. В пятидесяти метрах от магазина стояла та самая элегантная женщина. Просто стояла под дождем, никуда не шла и не пряталась от капель. Все в том же своем плаще, в тех же сапогах, в том же платке, перчатках. Даже солнцезащитные очки не сняла, несмотря на дождь. Дама лишь сдвинула на подбородок антиковидную маску, которую, кажется, носила все время. Она курила, чуть развернувшись в сторону от Светы. И это почему-то показалось девочке неприятным. Светлана заволновалась и начала что-то подозревать. Ну не могло, не могло же такое случаться так часто. Не могли эти встречи быть совпадениями. Плечи плаща, полы плаща, рукава у дамы промокли. Она, что, не на машине? Такие, как она, ездят на «мерседесах», а не гуляют под дождем по лужам, чтобы испортить дорогие сапоги из черной замши. А если машина есть, то почему она не сидит в ней, а мокнет? Женщина курила, не меняя позы, стоя к Светлане вполоборота, но девочка готова была поспорить, что дама смотрит на нее из-за стекол своих дорогих очков. Вдруг девочку толкнула злая бабка в спину, пробурчав что-то про «загороженный проход».

«Ладно». Света прячет новые классные трусики в большой внутренний карман ветровки. Выходит под дождь и почти сразу бежит. Сразу берет хороший темп, пробежав метров сто, быстро оборачивается. Пешеходы, зонтики, дождь, машина привезла товары в

магазин, даму Света не увидела. Дама ушла. Все удовольствие от покупки у девочки развеялось. Что-то в этой даме, в этих встречах с ней напрягало. Все это явно неспроста. Может, поэтому она как следует вложилась и весь обратный путь прошла в хорошем темпе, не хуже, чем на тренировке. Когда Света добежала до своего двора, она остановилась, чтобы пропустить грузовик «Почта России», выезжающий из арки. Остановилась и поняла: у этой дамы есть машина. Элегантная незнакомка как ни в чем не бывало шла по улице, все в том же мокром плаще, платке, в тех же очках.

Теперь она не смотрела на Свету, зато Света во все глаза смотрела на нее. Ну какое это может быть совпадение? Девочка дождалась, когда почтовый грузовик проедет, и кинулась к подъезду.

– Ты чего такая? – удивленно спросил папа.

– Какая? – Света скинула мокрые кроссовки.

– Взъерошенная или тебя напугал кто?

Напугал? Ну вот и что сказать папе? За ней следит неизвестная модная тетка? Бред! Папа еще волноваться начнет, но не по поводу какой-то женщины, а что у дочери кукуха отлетает.

– Нет, па, просто ноги промокли. – Она достала коробку, отдала папе, а сама в мокрых носках прошла в квартиру.

Улыбнулась, мол, все хорошо, и пошла мыться и примерять обновку.

Проклятый туман. Прямо тут рядом, за стеной, заорал крикун. Ему тут же стали отвечать сородичи. Мерзкие твари. Крикун, кажется, стал карабкаться на стену, которая разделяла его и девочку. Света поежилась и поглядела вверх: она не хотела, чтобы на нее из тумана свалилась это когтистое существо. Она сжала палку. Это хорошо, что у нее под лестницей живет жаба. А то крикуны еще и через вход лезли бы. Если и было место, в котором она хотела находиться меньше, чем в школе, то это здесь, во сне. Так, с палкой в руках и все время настороже, и приходилось ждать Любопытного.

А вот монетка-то нашлась, она скатилась по ноге внутри штанины и упала в пыль на ступеньке. Девочка была этому рада, подняла червонец и спрятала его в узелок с другими монетами, а узелок – в застегивающийся карман рюкзака. Ей нужен был Лю. Она хотела знать его мнение по поводу монеты. Можно ли отсюда забрать с собой что-

нибудь? Ведь в первый раз кусака как-то умудрился оказаться в ее комнате. А еще она хотела попросить его подыскать ей новое место. Тут опасно, слишком близко Аглая. Если крикунов она боялась не очень сильно, то эту сумасшедшую по-настоящему. А как ее не бояться, вон как она вчера повесила мальчика на пики забора. Вменяемый человек разве такое делать станет? Она измаялась сидеть и прислушиваться к шастающим по округе крикунам, пару раз звала Любопытного, но тот заговорил первым:

– Человек Светлана-Света, очень рад, что вы добрались до своего убежища, признаться, я волновался, сможете ли вы сделать это. Я оставил вас далеко отсюда.

– Да, Лю, я добралась без происшествий. – Девочка обрадовалась, услыхав ровный и спокойный голос, и сразу спросила о том, что ее волновало: – Лю, я в мешке того человека нашла деньги, они бы мне пригодились там, в моем реале.

Лю не ответил сразу, он, кажется, думал:

– А что значит слово «деньги»?

– Деньги? – Светлана сначала удивилась, ну как можно не знать этого, а потом вдруг поняла, что не может толком объяснить Любопытному такую простую вещь. – Ну, деньги – это монетки, или там бумажки, к примеру, или они могут быть на карточке, – в общем, что бы она ни говорила, только запутывалась и никакой здравой информации сообщить о названном предмете не могла. «Это потому, что ты, бестолочь, в школе спала на обществоведении». – Ну короче, когда ты работаешь, что-нибудь делаешь полезное, тебе за это дают деньги, на которые ты можешь что-то купить для себя, еду какую-нибудь, одежду, убежище.

Она проворно достала из рюкзака узелок, развязала его и приподняла на ладони, ей все время казалось, что Лю где-то там, вверху, и для убедительности Света взяла желтую десятирублевую монету и покрутила, чтобы помощник увидел разные ее стороны:

– Вот, это монета. Деньги.

– Разнокалиберные кусочки, диски из неокисляемых металлов, с разных сторон диска отпечатаны изображения и символы. Судя по всему, они ценны для вас, раз тот человек их с собой носил, и вам они тоже нужны. В вашем трехмере они являются эквивалентом

затрачиваемых усилий относительно приобретаемых общественных и персональных благ. Правильно я понимаю?

– Да, кажется, правильно. – Ее, честно говоря, не интересовали все эти умные формулировки, ее интересовало другое. – Ну так как вы считаете, смогу я взять эти деньги с собой? Ко мне в реальность. Есть такой способ?

И как же ей неприятно было услышать ответ.

– Полагаю, это невозможно, – сказал Любопытный. И тут же развил свою мысль: – Время никогда не позволит сделать подобное. Суть времени – это непрерывное его течение, Поток. Поток не должен терять своей монолитности. Для Времени даже то, что вы сама попадаете в Исток, уже нарушение Потока, но пока мелкое, не замечаемое им, а уж если вы начнете перемещать физические тела из прошлого в свое настоящее, это будет вопиющим эксцессом.

Опять Лю понес околесицу про время, поток, прошлое, настоящее… Света и половины из сказанного не поняла, ей было ясно лишь одно: эти классные монетки в свой мир перенести не удастся. Но она не хотела с этим соглашаться, как ни крути, а кусака-то перенесся отсюда прямо в ее комнату. Перенесся! А чем он лучше монеток? Что же тогда поток не нарушился? И, чуть подумав, девочка спросила у голоса:

– А как же я переношусь туда и обратно каждую ночь?

– Мне кажется, – сразу заговорил Любопытный, как будто ждал этого вопроса, – это нечто похожее на спин-эффект, спин-импульс. Тут присутствуете не совсем вы, а просто одна из ваших физических проекций.

Девочка не знала, какой вопрос нужно задать Лю, чтобы стало хоть чуть-чуть яснее. И по долгой паузе Лю понял ее растерянность и продолжил:

– Вы только что показывали мне небольшой диск из неокисляемого металла, у него разные оттиски на разных сторонах, но если ему придать высокий импульс, силу, которая его закрутит относительно его же диаметра, то два наблюдателя с разных точек будут в один момент времени видеть сразу обе стороны вашего диска, то есть ваши близкие и я могут вас видеть из разных точек времени и пространства. Все зависит от импульса.

– И кто же мне придает этот импульс? – спросила Света, все равно ничего не понимая.

– Я вам об этом уже говорил, я всегда думал, что это сирены, – ответил Лю. – Это они находят способ вытаскивать людей сюда. Но есть и иные способы, о которых мне ничего не известно.

«Опять сирены?» Если бы все это ей рассказывали на уроке, она бы эти уроки записала в один список с геометрией и химией, то есть в самые скучные и непонятные. С этим занудным умником хоть не заводи разговор. Она вздохнула:

– Лю, я, кажется, нашла подходящее помещение для вашей… Ну, для этой точки…

– Вы нашли для меня опорную точку?

– Ну да, нашла, но вам нужно глянуть, подойдет ли она вам, – сказала Света без особой радости. – Там хорошее место, посреди мха, туда никто не будет ходить, здание цело, стекла в окнах целы.

– Это очень интересно, – тут же отозвался Любопытный. – Мне льстит, что вы помните обо мне и тратите свое время мне на пользу.

«А на кого мне тут его еще тратить?»

– Я могу вам показать это здание, но здесь шастает Аглая, вчера она повесила какого-то мальчика на заборе, – говорила Света так уверенно, как будто видела это собственными глазами, – я не хочу с ней лишний раз встречаться. Я вообще хочу найти себе новое убежище от нее подальше.

– А вы не думали, что моя точка сможет быть и для вас убежищем? – спросил Лю.

– Аглая повесила мальчика прямо напротив того помещения, что я нашла. Мне вовсе не улыбается висеть там рядом с ним.

– Хорошо. Я вас понял. Как только мы сможем увеличить радиус моего наблюдения, я сразу займусь поиском нового убежища для вас. А пока я осмотрюсь. Думаю, что со мной вам ничего угрожать не будет.

«Ну, хоть так». Светлана стала собираться.

Глава 23

А мальчика было уже и не узнать. Он все еще висел на пиках забора, но вот ног у него по колено уже не было. Сам он почернел от запекшейся крови и десятков хорошо известных девочке мух, что сидели на нем. Из бедер мальчика торчали лишь толстые бедренные кости чуть выше коленного сустава. Их оторвали, Света увидела разгрызенные кости голени, обглоданные ступни. А еще кто-то, уже не с такими мощными челюстями, обгрыз несчастному весь верх. Съел уши, нос, выел куски из шеи, обглодал ключицы и щеки. Даже прокусил кожу на голове, и на темени хорошо была видна большая рваная дыра, через которую белел череп. Света не могла отвести взгляда от этого отвратительного зрелища, шла и смотрела, словно завороженная. Любопытный сказал, что не видит ничего опасного, вот она и не озиралась по сторонам, вот и нашла себе интересное зрелище. Пока чуть не потеряла сознание, когда вдруг обгрызенная голова мальчика поднялась с груди и поглядела на девочку единственным уцелевшим глазом. ОН БЫЛ ЕЩЕ ЖИВ! Мухи, напуганные его движением, взвились и недовольно жужжали рядом, тут же возвращаясь на свои места, чтобы продолжить трапезу. Света не смогла больше на это смотреть, она почти шепотом произнесла:

– Мамочки, он еще жив!

А Лю ответил спокойным и ровным голосом, будто ничего ужасного не происходило:

– Судя по всему, но, полагаю, его существование вот-вот прервется. Его гидросистема почти пуста, из нее все вытекло, скоро существо перестанет функционировать, – и тут же продолжил тоном, в

котором послышался интерес: – Светлана-Света, вы имели в виду вон то здание на моховой поляне, что слева от вас?

– Да, то. – Девочка повернулась к дому, чтобы не видеть мучения мальчика. Она опять думала о том, чтобы снять его с пик забора, но понимала, что даже не сможет его приподнять.

– Хорошо, я взгляну, что там, – произнес Любопытный.

Света нехотя подошла к поляне, потрогала мох палкой. Присела, посмотрела, как мох реагирует на прикосновения. Растение сразу приникало к предмету, мелкие ворсинки словно пытались обнять его, ну, или вцепиться.

Да, это было интересно. Потом она встала и сделала первый шаг. Как и в прошлые разы, подошва прилипала к мягкой поверхности. Но Светлану это не остановило, она, медленно ступая по мху, пошла по направлению к дому.

«Горэлектротранс. Конечная остановка». Вот что было написано возле входа. А на углу домика – адрес «Пр. Ю. Гагарина д. 29А».

Приоткрытая дверь из толстого железа, на двери засов.

– Лю, вы тут? – спросила она, остановившись у входа. Дальше идти ей было немного боязно.

– Да, можете входить, внутри вам ничего не угрожает, – ответил голос.

Ничего не угрожает! Да там умереть можно было, духота адская. Видно, стеклопакеты хорошие. И это когда туман едва рассеялся – что будет, когда солнце начнет печь как следует. И никакие жалюзи от жары не спасут. А еще кто-то тут устраивал себе туалет, правда, давно. Все следы этого уже почернели от старости. А еще тут жили мухи. Их была, кажется, целая тысяча. Как только она вошла, эти насекомые дружно принялись летать, все одновременно. Света даже руку подняла к лицу, боясь, что они будут на нее садиться. В общем, полный ужас, из которого хотелось сбежать на воздух. А Любопытный и говорит ей:

– Идеально. Я вам благодарен, Светлана-Света, вы нашли как раз то, что мне было нужно.

Ну, ладно. Идеально так идеально. Хорошо, что голосу понравилось. Но как дочке, которую мама с детства приучала к порядку, ей захотелось тут прибраться. Она и дома следила за чистотой. А так как домик был разбит на две комнаты туалетом, она поинтересовалась:

– Лю, вам все помещение понадобится?

– Нет, всего один сектор, тот, где проемы с прозрачными стенами выходят на юг, на солнце.

– Проемы с прозрачными стенами? – Девочка на секунду задумалась. – А… Окна, что ли? Понятно.

– Там еще лежит мертвое животное, – продолжил Любопытный.

Она осмотрела все помещения, две комнаты и туалет с разбитым унитазом, все вещи и мебель отсюда вывезли, и в одном углу лежала почти съеденная червями и мухами птица.

– Этот отсек мне нравится, – продолжал Лю.

Света поглядела на почерневшие от старости фекалии у стены. Тут, видно, кто-то жил, когда еще не было мха. Она поморщилась, отмахнулась от наседавших мух и произнесла:

– Я сейчас здесь все почищу.

– Не нужно, в этом нет необходимости. Если хотите, уберите все, что вам мешает, в других отсеках этого помещения, а здесь оставьте все как есть.

– И птицу оставить? – на всякий случай уточнила девочка.

– Пусть все так и будет.

Странно это. Света скинула рюкзак, куртку, поставила к стене палку, нашла на полу металлическую табличку с номером сорок пятого трамвая и стала ею, как совком, сгребать грязь с пола, одновременно спрашивая у Любопытного:

– Ну, помещение мы идеальное нашли, а что еще нужно, чтобы вы тут могли отдыхать, ну… или что тут вы собирались делать?

– Не отдыхать, а скорее переводить дух, здесь, в этом Истоке, я испытываю постоянное напряжение, и мне бы хотелось иметь место, где отсутствовали бы деструктивные воздействия. Для этого нужно в первую очередь создать периметр, в котором я бы мог синхронизировать ваше время и мое. Я вам говорил, что мы живем в разных временных потоках.

Света сгребла грязь к порогу своей комнаты и остановилась, отгоняя надоедливых мух:

– А что будет нужно… чтобы сделать вам этот периметр?

Пауза, которая обычно следовала перед ответом Любопытного, затянулась, и Света уже собиралась продолжить уборку, как он наконец заговорил:

– Этот трехмер ограничен Чертой. – Голос сделал на слове «Чертой» ударение, и слово сразу показалось девочке важным, едва ли не зловещим. – И за этой Чертой время уже не течет так, как везде. Вам, Светлана-Света, нужно будет сходить за Черту и набрать там немного самой простой пыли. Если, конечно, вы согласитесь на подобное путешествие.

Вот тут Свете стало не по себе. Ко всему, что тут происходило, она начала уже как-то привыкать, но серьезность, с которой говорил Лю, настораживала.

– А там, за этой Чертой… что? – спросила она.

– Там? Там начинается распад материального мира, в котором время утрачивает свое течение.

– Распад? А я… Я не начну там распадаться? – медленно спросила девочка.

– Нет, нет, нет, – уверенно ответил Лю. – Вам там практически ничего не угрожает, хотя я соглашусь с тем, что место там не очень приятное. Но дезинтеграция вашей молекулярной системы точно невозможна. Вы там пробудете всего несколько секунд. Единственное, что может угрожать, так это страж. Но он медлителен, а вам не придется долго там находиться. Вы просто соберете пыль в первом попавшемся месте и вернетесь. Пыли потребуется немного, она уместится в вашей ладони. Хотя держать ее в руке вы не захотите, вам для этого потребуется емкость. Потом из этой пыли мы создадим периметр, в котором я буду балансировать свои возможности и накапливать какие-то ресурсы, после чего я смогу находиться с вами значительно большее время и «проходить» с вами значительно дальше, чем могу сегодня. Я увеличу и свой радиус, и свое время. Уверен, что для вас наше сотрудничество станет еще выгоднее.

Конечно, Светлана ему верила. Но вот эта Черта… Все-таки это было как-то… Ну, опасненько… Даже сам Лю говорил о Черте, заметно меняя голос. Это неспроста.

– Значит, это несложно? – еще раз спросила девочка, надеясь еще раз услышать заверения в безопасности.

– Непосредственно в сборе пыли нет ничего сложного, вряд ли это займет у вас больше тридцати секунд, но вот путь до Черты займет времени гораздо больше, но и это не самое сложное. Чтобы пересечь Черту, вам понадобится жук-могильщик, только эти жуки видят

проходы в Черте. А на поиски жука может уйти много времени. На это могут потребоваться дни, недели. Найти жука – это самое сложное в предстоящем деле.

Лю говорил так уверенно, как будто он уже не раз искал этого жука и не раз провожал за Черту кого-то, кто приносил ему оттуда пыль для периметра. Света подумала об этом, но как-то мельком. Она, чуть подождав, отложила металлическую пластину, которой сгребала мусор к выходу из комнаты, пошла к своему рюкзаку и достала из него банку. Ту самую банку, в которой шебуршал мерзкий жук.

– Случайно не такого жука нам надо найти? – Она подняла банку, как бы показывая ее.

И теперь она знала интонацию удивления Лю.

– Откуда он у вас, Светлана-Света? – произнес тот, и теперь его голос не был спокоен. – Где вы его поймали?

– Я нашла эту банку в том мешке, к которому вы меня водили, – отвечала девочка и снова стала разглядывать противного жука, который уже заметно измазал стенки банки какими-то желтыми выделениями.

– Нет сомнения в том, что тот человек тоже ходил за Черту, – заметил после паузы голос. – Через то место как раз проходит ближайшая дорога к Черте. Локация, жук – сомнений быть не может. Тот человек ходил туда. Но зачем?

– Может, его попросили… Ну, кто-то такой же, как и вы? – предположила Светлана.

– Вероятность подобного весьма мала, – задумчиво согласился Лю. – Светлана-Света, а не могли бы вы показать мне другие вещи, которые были найдены вами в том мешке?

Ну конечно, она может; Света отставила банку с жуком и стала доставать вещи из рюкзака и карманов, ничего не вызвало интереса у Любопытного, ни провод из меди, ни перчатки из резины, ни веревка с ножом… кроме жестяной коробки из-под чая «Гринфилд».

– А что в этом контейнере? – спросил голос.

А Светлана и сама не знала, она вчера так увлеклась золотой монеткой, что на коробку ее любопытства просто не хватило. Девочка взяла коробочку – легкая. Пустая, что ли?

«Надеюсь, там нет никаких мерзких жуков».

Она ее открыла. И увидела сначала пропитанный жиром кусок газеты. Девочка приподняла ее:

– А, тут этот… фикус.

Да, под газетой был большой, больше ее ладони, фиолетовый маслянистый листок фикуса. А под ним еще слой газеты, и там следующий лист. Всего Светлана насчитала четыре крупных листочка этого растения.

– Судя по тому, как это упаковано, части растения представляли для его хозяина большую ценность, – заметил Лю. – Я недавно видел, как два существа дрались за обладание подобными листьями.

Может, и так, но Светлана помнила страшные судороги, которые ее донимали несколько минут после того, как она намазала соком этого растения свои руки. Так потом руки еще и болели, да и до сих пор мышцы не отошли.

Она снова уложила листочки в коробку, ей было непонятно, что делать с ними. Она помнила судороги, но и не забывала удивительную легкость в руках. Ладно, она решит позже. К другим вещам Лю не проявил интереса, и девочка разложила все по местам. Кроме разрезанной бутылки, из которой вытекла почти вся вода. Света ее выбросила в кучу мусора. А Лю заметил:

– Судя по моим наблюдениям, вода представляет для вашей биологии ценность. Но я заметил, что вы, Светлана-Света, никогда ей не пользуетесь.

– Это потому, что у меня ее нет, – ответила девочка. – Когда жарко, то очень хочется пить, но где ее тут взять, воду-то?

– Я знаю, где есть жидкости для употребления, они не похожи на воду, но они там стоят в таких же переносных резервуарах, как и тот, что вы только что выбросили.

– В переносных резервуарах? А, в бутылках, что ли? – не сразу поняла девочка. – Да, мне нужна вода.

Она подумала, что если даже вода будет плохой, то хорошая пластиковая бутылка ей точно не помешает.

– Завтра я вам покажу то место, если мы пойдем к Черте, то нам как раз его проходить, – произнес Лю.

У Светланы как-то сразу потребность в бутылке и отпала. Она даже подумала о способе отказаться от похода. Вся эта затея отчего-то ей уже не нравилась, но отказаться она боялась. Вдруг Лю перестанет помогать ей. О, эта мысль была еще хуже, чем мысль о походе к Черте и за Черту. Она даже собиралась переселиться сюда, в депошку. Поближе

к Любопытному и под защиту серебряного мха. Только мысль о том, что прямо напротив, в двух десятках метров от здания, будет бесноваться и вешать разных существ на заборе Аглая, останавливала ее. Впрочем, Аглая была босой в тот раз, когда она поймала девочку. Может, все-таки… Нет, Света не могла тут оставаться. Если чокнутая ее увидит, ни мох, ни Лю никак не смогут помочь. Так что лучше держаться отсюда подальше.

Когда Лю сказал, что ему пора, она немного загрустила, но потом решила, что сегодня останется тут, не пойдет к двадцать восьмому дому и закончит с уборкой.

Она сгребла грязь из своей комнаты и выбросила ее за порог. Пыль стояла невыносимая и жара тоже, но вот отвратных мух стало поменьше, вот теперь бы девочка с удовольствием попила. Она села в углу, достала из рюкзака монеты. Стала снова их рассматривать, вспоминая слова Любопытного: «Это будет вопиющим эксцессом». Время – то, время – се, Поток – не Поток. Она считала, что Лю просто зациклен на своем времени, и ко всем этим россказням относилась весьма скептически. Нет, Любопытный, конечно, умный, но… «А кусака-то взял и попал в мою комнату. И плевать ему было на время. И времени на него, судя по всему, тоже. И кусака-то был побольше монеты».

Она завернула монеты в узелок. Все, кроме одной золотой. Спрятала узелок в рюкзак, а монету в карман. Прихлопнула наглую муху, что собиралась укусить ее в потную щеку, достала коробочку и раскрыла… Она хотела еще раз посмотреть листья фикуса.

Но от этого занятия оторвал шум с улицы. Шум был такой, что перекрывал нудное жужжание мух в депошке. Она встала, подошла к окну, что выходило как раз на больничный забор, и совсем немного приподняла пластину жалюзи. А на улице, у висящего мальчика, она увидела трех странных животных. Сначала показалось, что это тощие и горбатые пятнистые собаки, высотой ей до пояса. Опасные, сразу видно. Девочка сразу оценила их, от таких не убежишь. Ей захотелось взять палку в руки. Потом она разглядела их получше, головы у них оказались не собачьи – круглые, скорее кошачьи, только челюсти не как у кошки, а мощные.

«Кошки. Тощие, огромные кошки». Животные стали, подпрыгивая, виснуть на обгрызенных ногах мальчика. Крутиться, отрывая от них

куски. «Когтей у них нет, зато челюсти… Вот кто обгладывал ему ноги и разгрызал кости. Это в придачу к Аглае. Пипец!»

Светлане стало не по себе, как только она представила, что где-нибудь встретится с парой-тройкой таких кошечек. Нет, здесь ей точно не нравилось. На большой железной двери, конечно, был засов, но вот окна… Окна тут огромные. А вдруг кошки отважатся пробежаться по мху?.. Хотя нет, не отважатся, да и стекол они, наверное, не разобьют. Но все равно соседство неприятное. Она вспомнила про странного мужика, которого встретила перед тем, как ее схватила Аглая. Мужик был вымазан фикусом. И орал что-то про это… Девочка все еще помнила про судороги, но теперь они уже не казались такими страшными. Светлана достала коробочку и вытащила оттуда один листок. Не раздумывая долго, сдавила, сжала его в кулаке. И фикус сразу выдал много маслянистого сока, так много, что он сквозь пальцы закапал на пыльный пол. И Света стала наносить сок на свои руки. Он очень хорошо размазывался, и того, что она выжала, хватило на обе руки до рукавов майки. Но в листке оставалось масло. Светлана уселась на пол и, завернув брючины, стала размазывать сок по голеням до самых коленей. Затем сжала листок что было силы и тем, что осталось в руке, намазала живот и бока. И лишь после этого выбросила выжатый лист фикуса в угол. Надела куртку, несмотря на то, что в депошке стояла жара, и уселась в углу.

Теперь ей казалось, что кошки ее точно жрать не захотят. Что там кричал странный мужик: «Я намазался фикусом, блевать будешь». Что-то в этом роде.

Она стала ждать пробуждения, зажав в фиолетовой от сока фикуса ладошке золотую монетку. Пусть Лю что угодно рассказывает про время, про поток, но кусака-то попал в ее комнату, почему монетка не сможет?

Глава 24

Светлану разбудил Макс. Колька еще спал.

– Света, – брат стоял рядом с кроватью и говорил тихо, – у тебя опять руки грязные.

А она, не обратив внимания на него, сразу достала из-под одеяла правую руку. Нет. Монеты в ней не было. Разочарование. Она, конечно, пошарила под одеялом по простыне, но без всякой надежды. И ничего не нашла. Встала и, несмотря на удивление брата, вся измазанная сине-фиолетовой краской из фикуса, пошла в ванную. Девочка позабыла про монету. Свету переполняло странное чувство легкости. Она не шла, а летела над полом, ее ноги едва касались его, и то скорее для вида. Светлана зашла в ванную комнату и взяла зубную пасту и щетку, но зубы чистить не торопилась. Решила испытать свою легкость и подпрыгнула на месте. И еще раз, и еще, и еще… Она просто обалдела от того, как высоко удавалось подпрыгивать. И главное, как легко это у нее получалось.

Десять прыжков, двадцать… И всякий раз ее ноги взлетали выше уровня ванны. Девочка остановилась, переводя дыхание. Взглянула на свои ноги, выкрашенные в синий цвет. А еще ей казалось, что она так сможет прыгать полдня без остановки. Ее даже посетила одна неправильная мысль. Девочка подумала о том, что будь у нее эти листья в нужное время, она запросто бы выполнила норматив на звание мастера спорта, причем на любой дистанции. Может быть, даже на спринтерской.

В дверь начали ломиться. Это Колька. Бесцеремонный и всегда считающий, что сестра должна уделять ему столько внимания, сколько

потребуется.

Сейчас еще полегче стало, а раньше он спать не хотел ложиться, пока Светлана не сядет рядом на кровать. И не возьмет его и Макса за руки. Так, как это когда-то делала мама. Сейчас хотя бы сами ложиться стали, вставать, одеваться-раздеваться.

– Света-а… – И стук кулачка в дверь. – Света…

– Отстань, Коля! – кричит девочка. – Дай мне помыться!

– А ты там моешься?

– Да, – раздраженно отвечает она.

– А почему вода не течет?

– Коля, отойди от двери, а то сейчас получишь… – обещает сестра.

– Нам тоже нужно мыться, – бурчит Колька. И конечно же, никуда не уходит.

Света раздевается и лезет в ванну, смывать с себя синий сок фикуса.

Иванова огорчила девочку. У мамы ночью был приступ, начались судороги, а потом упало, буквально рухнуло давление. Хорошо, что в эту ночь дежурила Иванова, а не глупая Нафиса. Ольга Александровна стала колоть маме нужные препараты и звонить лечащему врачу. Валерий Сергеевич сказал, что делать, и через час давление стабилизировалось.

– Но судороги были сильные, – говорила Иванова. – Я три месяца таких уже не видела. Камаев сказал, что зайдет сегодня после дежурства.

Огорчение. Камаев Валерий Сергеевич – это мамин врач. Свете он нравился своим позитивом. Он всегда говорил что-то типа:

– Не горюй, Светлана, я вам выпишу этот препарат, колите пока его, а если через пару месяцев состояние мамы не улучшится… Посмотрим… Попробуем еще кое-что. Я пока почитаю, подумаю…

Папа говорил, что он слишком молод, но девочка совсем не считала это недостатком. Ей очень нравился оптимизм Камаева:

– Ничего, твоя мама должна проснуться. Ты, главное, с ней почаще разговаривай.

Она отвела братьев в садик, вернулась, отпустила Иванову, стала проводить с мамой гигиенические процедуры и ждать папу со смены, когда в домофон позвонили. У папы был ключ. Пришел отец Серафим.

– Ну а чего ты не заходишь в трапезную? Отец Александр про тебя спрашивал вчера. Чего, говорит, Светлана не ходит обедать?

Поп опять был в сандалиях и серых носках. Опять у него ряса чем-то закапана. Под мышкой какая-то книга. Он почти всегда ходит с книгами. От него пахнет луком. Он садится в кресло рядом с мамой.

– Сегодня приду, – обещает Светлана. Ей нравится, как кормят в приходе, да плюс еще экономия. Отчего же не прийти?

– А батька твой где? – спрашивает отец Серафим.

– Так он только через полчаса придет, – говорит девочка.

– У меня есть часик свободный, хочешь, беги в школу, а я с мамкой твоей посижу, – предлагает поп.

Э, нет. Света лучше сама с мамой посидит вместо школы. В школу ей совсем не хотелось идти.

– Нет, у мамы ночью криз был, лучше я тут побуду, – говорит она. И пока отец Серафим ничего не произнес, спрашивает о том, о чем начинает задумываться все чаще: – Батюшка, а что такое «время»?

Отец Серафим как раз стал разворачивать книгу и от такого вопроса опешил:

– Чего? Время? Это что, вы в школе проходите, что ли?

– Да нет, я сама интересуюсь.

– С чего бы вдруг тебе таким интересоваться? Нормальной деве твоего возраста такое неинтересно должно быть.

«Ну, нормальной, может, и неинтересно. А мне с моими снами самое то».

– Так знаете вы или не знаете? – уточняет Светлана.

– Хех! – Поп смеется. – Так об этом, душа моя, никто ничего не знает. Время… Сие предмет, человеческому осмыслению не подлежащий. Все, чему мы научились, работая с ним, так это измерять равные его промежутки с большей или меньшей точностью. Вот и все. Только Господу подобные материи обдумать под силу.

– То есть вы не знаете, может ли быть у времени исток? – спросила девочка.

– Исток? – Поп опять удивился. – Исток, в смысле исходная точка? – Он задумался. Положил книгу на подлокотник кресла и стал подергивать себя за бороду, смотря при этом куда-то мимо Светланы. – Угу… Угу… Ну, давай допустим такую гипотезу… Знаешь, был один такой жулик от науки, по фамилии Эйнштейн, ловкий такой плагиатор,

но вот одну вещь он подметил, кажется, сам – угадал, что возле сверхтяжелых тел пространство и время, так как они неразрывны, искривляются. То есть ежели время мы представляем как переменную величину, которая еще может и искривляться, значит, что… – он указал на Светлану пальцем, ожидая, что она продолжит его мысль.

Но девочка с трудом понимала попа и не могла закончить фразу. Она лишь качнула головой в ответ.

– Если время – величина постоянно изменяемая и меняющаяся в одном направлении, значит, мы с уверенностью можем сказать, что время – это поток. А раз это поток, то мы с большой вероятностью можем предполагать, что у него есть точка «ноль», от которой оно и начинается. Значит, исток у времени есть! Что и требовалось доказать.

Отец Серафим улыбался, он был собой доволен. Произвел на девчонку впечатление, не зря его в семинарии с науками заедали. Но Света не удовлетворилась его блестящим ответом. И спросила опять:

– А исток, он для всех один? Или у каждого свой исток?

– Конечно, у времени исток должен быть один, – начал было поп, но тут же осекся. – Погоди, а что ты имеешь в виду?

Светлана вздохнула, она и сама не очень хорошо понимала, что имела в виду:

– Ну, может, у каждого человека свой отсчет времени, ну… не знаю, как сказать.

– Что не знаешь? – уточнил священник.

– Да ничего не знаю. – Света отмахнулась и уже хотела закончить разговор. – Так, в голове всякий… Всякая дичь.

– Нет, ты погоди, погоди… А ты чего вообще этот разговор про время завела? – не отставал отец Серафим. – В школе, что ли, проходите? Теорию относительности?

Если соврать и сказать «да», он может и дальше докапываться, а она про эту теорию только в кино слышала, так что Света и говорит:

– Да нет, приснилась какая-то муть. Хожу и думаю.

– Ты, дорогая моя, давай-ка берись за ум, давай-ка нормальные сны уже смотри. Какие в твоем возрасте нормальные девы смотрят.

– А нормальные – это какие? – немного обиженно спросила девочка.

– Ну, нормальные – это про пылких юношей, про поцелуи, про свидания. Еще там про всякое… – Поп засмеялся.

– Откуда вы это знаете? – Света уже злилась. Ей казалось, что отец Серафим придумывает, не может он про это знать.

– Да как же мне не знать, – продолжал ухмыляться священник, – ко мне девы младые и твоего возраста ходят, и те, что старше… Да исповедуются, и все у них одно. Половина всего, что их волнует, так это любовь. Думают про женихов, про отношения, и сны им такие же снятся. А ты про время философствуешь. К чему это? Не ровен час, еще голоса слышать начнешь и привидений видеть.

Тут Светлана совсем на него обиделась. Подумала, что не пойдет сегодня к ним в приход обедать. Ничего не сказала, пошла в ванную, мыть контейнеры за мамой. В это время и папа вернулся.

Глава 25

Света даже не могла передать, как легко бежалось в школу. Вот бы так на соревнованиях. Мастер спорта у нее был бы в кармане. Ноги едва касались земли, шаг огромный, она летела, боясь сбить какого-нибудь зазевавшегося пешехода. И главное, силу в себе девочка чувствовала такую, что могла свернуть сейчас на Московский и, как следует вложившись, долететь до самого Невского. Пролететь шесть станций метро, даже не устав.

А еще было бы неплохо встретить сейчас придурка Пахома. И дать ему в тупую морду. Она в спортивном комплексе не раз видела ребят-хоккеистов, и вот у одного мальчика лет шестнадцати был сломан нос. Это бросалось в глаза. Света подумала, что у нее, быть может, хватило бы сил, чтобы и Пахому сломать нос так же. Дать ему кулаком – раз, и готово! Она даже засмеялась, представив, как Пахомов будет орать, когда она ему врежет. А если кинется драться, она сто процентов сможет убежать. В общем, до школы девочка добежала за пару минут. И настроение у нее было отличным. И к судорогам, которые начались к середине третьего урока, девочка оказалась готовой. Как только почувствовала первый спазм, сразу подняла руку и попросилась выйти. Химичка как раз проходила мимо:

– Что, Фомина, хочешь ответить?

– Нет, – поспешно ответила Светлана. – Можно выйти?

– Что у тебя случилось? – спросила учительница недовольно.

– Мне по-женскому, – ответила Светлана тихо.

Едва добежала до туалета – и у нее стало крутить ноги, да так, что сиди она на дереве, ее ноги смогли бы обхватывать ветки, как лапы обезьяны. И икры превратились в канаты, что натянуты дальше некуда и вот-вот лопнут. Она влезла на подоконник, скинув кроссовки, и

сидела там с выпученными от боли глазами, губы закусывала. Какая-то девочка заглянула в туалет, на Свету смотреть побоялась. Самое интересное, что руки так сильно уже не крутило, а вот ноги… И ей казалось, что мышцы вот-вот будут рваться. И когда она подумала, что лучше позвать кого-нибудь на помощь, боль стала отступать. К звонку судороги кончились. И теперь у нее все болело так, как будто на тренировке ОФП она взяла на себя мужские нагрузки, не меньше. Света не пошла на следующий урок. Смоталась из школы, шла по улице, едва переставляя ноги. Особенно болели икры. А еще ей зверски хотелось есть. И девочка пошла в церковный приход, до обеда еще далеко, но она знала, что там ее хоть чем-нибудь покормят. Так и случилось.

Врач Камаев пришел к ним, когда папа собирался на работу. И Валерий Сергеевич был не так жизнерадостен, как обычно. Сказал, что смена получилась тяжелой. Понятно, ковид. Врачи работают больше всех. Он посмотрел маму, послушал Светлану и обещал прислать медсестру, чтобы взяла анализы. Он уже не светился оптимизмом, уходя, только похлопал девочку по плечу и не сказал обычного: «Ты держись, Светланка, все будет ОК». Просто ушел. А девочка покормила братьев и загнала их в постель. Сама села за компьютер. Но ее беспокоила правая нога, она задрала штанину и поморщилась. На икре обнаружилось длинное пурпурное пятно вдоль мышцы.

Все-таки депошка была местом страшным. Она слышала, как заливаются крикуны возле забора. Через туман их не видно, но было ясно, где они находятся. Эти твари доедали то, что осталось от мальчика на заборе. Светлана тихонечко прошла к двери и проверила засов. Он закрыт, дверь железная, если за что ей и нужно волноваться, так это за окна. Эх, были бы на них решетки. Света вернулась в убранную комнату и сразу нашла монету. Взяла ее в руку: тяжеленькая, как же тебя забрать с собой? Она смотрела на монету, вертела ее в пальцах, а сама уже думала о другом.

Черта. Скоро должен появиться Любопытный. И они, как понимала девочка, сразу по туману пойдут на юг к этой самой Черте. Сколько туда идти? Успеет ли она вернуться в свой район или придется «просыпаться» в незнакомом месте? А что там за Чертой? А что там за страж? Об этом она, конечно, спросит, но вот был один вопрос,

который Света задавать напрямую не хотела, и звучал он так: откуда Лю все знает о Черте, о жуках-могильщиках, о стражах?

Он, что, уже кого-то просил туда ходить? И если просил, то кого и почему не просит его теперь?

Лю появился, как всегда, неожиданно:

– За то время, что нас не было, на заборе появилось еще одно существо. Такое же, как и первое.

– Еще один на заборе? – спросила Света.

– Видно, тот суприм, что обитает в этой местности, их сам в пищу не использует, а уничтожает в назидание другим существам. Возможно, это территориальные конфликты.

– Зато крикуны рады, вон как орут, – произнесла девочка с опаской.

– Вам не стоит их опасаться, они заняты, все особи собрались у забора, вы, Светлана-Света, можете покинуть убежище незамеченной.

«Можете покинуть… А может, я не хочу покидать убежище…»

Тем не менее она встала. Страшно, конечно, но нужно было сделать дело, чтобы Лю и дальше помогал ей. А раз начала, то, как учил папа: взялась – делай. Надела куртку, спрятала монету в узелок, взяла в руки палку и подошла к двери.

– Подождите, сейчас три быстрых существа пробегут к новой вывешенной на заборе особи, я вам скажу, когда выходить.

Она положила руку на засов.

Остатки асфальта были в двадцати метрах от выхода из депошки, но там уже и до забора недалеко. Поэтому Света пошла по мху. Неприятно, ноги проваливаются, но в данный момент так даже безопаснее. И шла так метров сто, пока Лю не сообщил, что поблизости никого нет. Только после этого вышла на твердый грунт. Любопытный рассказал маршрут, и она поняла, что придется опять проходить дом попугаев. Ей бы делать этого не хотелось, но Лю сказал, что если они поторопятся, то попугаев пройдут еще в тумане. Света готова была поторопиться, но у нее от ускорения вдруг стала болеть икра. Вообще некстати. Все равно что травма перед важным соревнованием, где на карту, возможно, будет поставлена жизнь. Это была хорошая причина, чтобы перенести поход к Черте на другое время, но тут Лю произнес:

– Медузы, две большие особи, плывут сюда, вам придется переждать. Уходите в развалины, вправо, но не глубоко, там дальше бродит муходед.

Медузы – хозяйки тумана, сегодня их день. Света притихла за большим куском кирпичного угла здания, ей сейчас не хотелось соревноваться с медузами в скорости. Те прошли метров на сто левее. Но только она вышла, как Лю опять предупредил:

– Еще одна медуза, летит за теми двумя.

Девочка спряталась, сидела тихо. К тому же они уже отошли от забора на значительное расстояние, и появились новые группы крикунов.

Она даже не успела разогреться, как Любопытный останавливал:

– Медузы, две особи, догоняют вас, уходите в развалины.

Свете уже это надоело, захотелось сказать, что сегодня не тот день, что все сегодня не так, но она лишь вздохнула и стала карабкаться на гору битого кирпича, поросшего мелким черным кустарником и растением, похожим на полынь. Сидела, прижавшись к влажному камню, не шевелилась и слушала Лю, который спокойно, в своей манере, говорил:

– Они пройдут близко к вам, возможно, вам придется бежать.

«Придется бежать! Попробуй тут побегай в тумане по развалинам и битому кирпичу. Тут много не набегаешь!»

Она была зла на Любопытного, а он словно не замечал этого:

– Можно продолжать движение, но вам лучше держаться левее, медузы прочесывают развалины.

А потом откуда-то приплыли сразу шесть медуз, и Свете пришлось пробежаться и убедиться, что сегодня она не в форме. В общем, к дому попугаев по туману дойти они не успели, и Лю предложил изменить маршрут: идти дальше на юг, а не сворачивать на запад к церкви с синей крышей. Она и пошла по направлению к станции метро «Звездная», это девочка поняла, когда от тумана уже мало что оставалось.

– Изменение маршрута позволит нам пройти ту точку, в которой вы можете взять себе много жидкости, – сообщил Любопытный.

Да, это могло немного помочь Светлане, так как солнце уже начинало припекать, и вода ей не помешала бы.

– Берите восточнее, там, за этой открытой площадкой, есть здание, одна стена которого цела, у этой стены есть конструкция, в ней много разных видов емкостей с жидкостями.

– Это вон те развалины? – Света указала рукой.

– Да, идите туда.

Как почти на всех открытых площадках, тут рос мох, его было немного. А за ним сразу стена дома-«хрущевки». Три подъезда-входа, над одним из них вывеска «Круглосуточный». Она поднялась на три ступеньки и заглянула внутрь.

Девочка вскрикнула от неожиданности и хотела убежать, но Лю сказал:

– Для беспокойства нет причин. Этот существо находится там длительное время, оно не функционирует.

Света еще раз заглянула в помещение. Это был маленький магазинчик, вернее, его часть, все остальное исчезло вместе со стенами, магазин заканчивался открытым полем мха, на котором росли корявые деревья. Дом словно разрезали ножом, эта часть стояла, а остальная… Просто исчезла, даже битого кирпича от нее не осталось, и в магазин проникали солнечные лучи. За куском прилавка, за кассой, стояла продавщица в бейсболке. Она была жива, ну, на первый взгляд, и стояла абсолютно неподвижно. Не шевелясь, не мигая глазами. Тут же находился открытый холодильник, в котором все мороженое давно растаяло и превратилось в липкую массу вперемешку с обертками. Но вот вертикальный шкаф-холодильник для напитков был цел и невредим. И доверху набит ими: кола, пепси, «Миринда», внизу большие бутылки с зеленой водой, тархуном «Черноголовка».

– Вы употребляете подобную жидкость? – спросил Лю.

– Да. – Но Света смотрела на женщину, не решаясь пройти к холодильнику.

Левая ее часть лица, как и левая рука, были черны, они просто загорели до черноты, так как именно слева на них падали солнечные лучи. С этой стороны даже бейсболка на ней выцвела.

– Она мертва? – спросила Светлана.

– Трудно сказать, распада и изменения структур существа я не вижу. Оно находится в этом положении довольно долго, с тех пор как я его обнаружил, поле уже заросло мхом, а оно все так и находится в неподвижном состоянии.

– Поле заросло мхом? – спросила Светлана. – И как такое может быть? Люди не могут так долго стоять неподвижно. И куда делся весь остальной дом?

– У меня нет четкой гипотезы по этому поводу, – ответил голос. – Но мы должны брать в расчет тот факт, что сам по себе Исток – это место отсчета времени, а значит, и пространства. Полагаю, что тут возможны самые разнообразные пространственно-временные аномалии.

Он опять ничего не мог толком объяснить девочке, и она, все еще косясь на женщину, спросила:

– Интересно, напитки не испортились?

Голос на сей раз не ответил, и она сама решила проверить, подошла к холодильнику и… удивилась. В нем горела лампочка, и он был весьма холодным на ощупь. Свете пришлось приложить силы, чтобы отворить его дверь. О, на нее из шкафа пахнуло приятной прохладой. Она потрогала первую бутылку чая «Липтон» – ледяная. Скорее всего, вода в бутылках не испортилась. Девочка брала одну бутылку за другой, косясь на неподвижно стоящую продавщицу. Света сто лет не пила ничего подобного. Раньше она часто после школы с одноклассницами или после тренировки с девочками из секции могла зайти и поесть в «Макдональдс» или в «Бургер Кинг», а там выпить пол-литра какой-нибудь колы. Но то было раньше. Сейчас же она взяла себе «Липтон», пепси, яблочную фанту – ни разу не пробовала – и большую бутылку тархуна «Черноголовки». И вкусно, и двухлитровая бутылка в придачу.

Первой пошла фанта. Да, удивительно вкусная вещь, еще и холодная. Она пила маленькими глоточками и уже хотела выпить немного тархуна, когда Лю заметил:

– Светлана-Света, у меня кончается время. Скоро я должен буду покинуть вас.

«Стоп… Как это покинуть?» Девочка тут же завернула крышку и стала прятать бутылки в рюкзак.

– Лю, а разве вы не пойдете со мной до Черты?

– Нет, дальше перемещаться я не могу, я уже почти на пределе, еще пару сотен ваших шагов, и ареал моих возможностей закончится. Но солнце уже вышло, дальше вы сможете идти и без меня, дальше безопасно. Сейчас я дам вам инструкции, если будете им следовать, то справитесь самостоятельно.

«Если буду… А если не буду, если вдруг забуду что-нибудь, то что?»

– Справлюсь? – спросила Света.

Она почему-то вспомнила того несчастного, мешок которого нашла у дома с попугаями. «Вот он, кажется, не справился. Так от него лишь грязное тряпье да осколки костей остались».

– Сейчас вы пойдете на юг и примерно через три тысячи шагов свернете на запад, направо, увидите большое количество больших погибших растений, в этих растениях нет никаких угрожающих вам существ. Ну, во всяком случае, не должно быть. Пройдете через эти растения, увидите стену, это и будет Черта. Там вы достанете жука, выпустите его из сосуда, жук полетит к тому месту, где в стене есть проход. Войдете туда, прямо у входа найдете пыль, она черная. Соберете ее в сосуд, в котором был жук, и сразу выйдете обратно. После возвращайтесь к нашему зданию. Когда мы встретимся, я скажу вам, что делать с пылью.

– А страж, как быть со стражем? – сразу спросила Светлана, это ее волновало больше всего. – Какой он, как его узнать? И что он со мной может сделать?

– Вы сразу его узнаете, он медлителен, но хитер, он всегда принимает те формы, что покажутся нарушителю Черты безобидными, все только для того, чтобы приблизиться. Но он всегда выдает себя цветом. Он будет резко контрастировать с окружающим миром. Если увидите его, сразу уходите. Как только у вас появится ощущение опасности, уходите, даже если не набрали пыли.

Глава 26

Вот зачем ей это все? Она просто девочка, у которой в жизни проблем столько, что больше и придумать трудно. Лю выдал инструкции своим красивым голосом и исчез куда-то. Кстати, а куда? Откуда он вообще или хотя бы кто он, как выглядит? Надавал советов и исчез. Это как в папином анекдоте про сову и мышей. А ей теперь искать заросли какие-то, стены, проходы, пыль. От стражей прятаться, а потом еще и возвращаться туда, где припадочная баба развешивает на заборе каких-то дохлых… ну… непонятно кого. Света тяжело вздохнула. Ей совсем не хотелось никуда идти, но что в таком случае она скажет завтра Любопытному? «Ой, Лю, прости, мне было страшно, и я передумала»? Детский лепет. Девочка знала, что ей придется идти. Она положила палку на плечо и двинулась по кучам битого кирпича на юг. Три тысячи шагов? Три тысячи шагов по жаре и опасной местности, хорошо, что в тяжелом рюкзаке теперь у нее есть вода.

Вообще-то они не были похожи на кошек. Худые, горбатые, быстрые, и бегали они скорее как собаки, но вот морды с мощными челюстями, круглые головы и уши были у них совсем не собачьи. И теперь она видела стаю из четырех таких кошек, что, кажется, охотились на крыс в развалинах. Света взобралась на второй этаж полуразрушенного дома и боялась спуститься. От этих тварей не убежать. Никаких шансов, очень они быстрые. Так и сидела бы, дожидаясь, что кошки уйдут, но тут, к ее радости, появилась медуза. И кошек как ветром сдуло. Минут через пять девочка покинула

временное убежище. Она быстро прошла поросшие пятнами мха открытые пространства и свернула направо. И увидела это…

Белый лес. Не такой белый, каким бывает лес, покрытый снегом. Этот мир, в котором не было машин и людей, и так казался местом достаточно тихим. Птицы орут, твари разные тоже, крысы подрались в развалинах, но городского шума, звукового фона города тут нет и в помине. Она шла вперед, погружаясь в тишину, как в вату. Остановилась, обернулась. Ничего, никого. Ни птиц, ни крыс, ни звуков, даже ощущения ветра не было. Воздух висел неподвижно. И солнце другое, уже не такое жаркое. Там, за ее спиной, остались кошки, медузы, муходед, Аглая, но почему-то там ей не было так страшно, как здесь, в этой тишине и спокойствии. Может, потому что эта тишина была мертвой? Но делать-то нечего, она пошла дальше. Поначалу казалось, что лес стоит на полянах серебристого мха. Но это было не так. Вскоре Света поняла, что это не мох, а белые хлопья чего-то легкого. И они падали, падали с неба, словно снег, засыпая все вокруг. А потом она поняла, что цвет этих хлопьев и не белый вовсе, а светло-светло-серый. И падают они не с неба, а с деревьев, на которых вовсе нет листьев. Странные серые деревья, у которых есть лишь стволы и ветки. Лишь стволы и ветки. Она уже подошла так близко, что видела эти деревья в мелочах. Видела их ветки, мохнатые от еще не упавших хлопьев. Но среди этих деревьев был явно виден проход. Аллея, просека, дорога, которая образовалась тут неспроста. Нет, конечно, никаких следов она не увидела, все завалено серыми и легкими, как дыхание, хлопьями с деревьев, но девочка была уверена, что кто-то тут до нее ходил. Чуть постояв и еще раз поглядев по сторонам, затем наверх, она двинулась в глубь леса по просеке.

Тишина. Никогда в жизни она не слышала такой тишины. Тяжелые ботинки не издавали ни звука, когда Света ступала на мягкий ковер из серых хлопьев, поэтому звуки трущихся друг о друга штанин или бульканье в рюкзаке казались оглушительными. А еще становилось душно. Не жарко, а именно душно. Приходилось делать большие вдохи, иначе казалось, что не хватает воздуха. Плечи куртки уже покрылись хлопьями, наверное, и волосы тоже. Она провела по левому плечу рукой, и они вдруг рассыпались в прах, оставив серый след. Это пепел! Она огляделась. Деревья, пепел и тишина. Тишина, как будто заложило уши. Ах да, еще и духота.

Одно небольшое деревце стояло у края дороги, его словно забыли срубить. Света остановилась возле него в одном шаге, рукой могла дотронуться до почти белого ствола. Она видела на нем множество хлопьев, чешуек, они шевелились, подергивались, как будто хотели оторваться. И одна такая чешуйка оторвалась, полетела вверх. Светлана, позабыв про страх, вдруг прикоснулась к стволу дерева рукой. Дерево было горячим. И девочку вдруг озарило, словно подтолкнуло что-то: тут нельзя стоять, это место нужно пройти как можно быстрее. И она сразу пошла дальше, пошла быстро. Хотя чем дальше она шла, тем духота становилась все отчетливее, все сильнее.

Она перешла на бег. Тот человек, мешок которого она нашла, тоже проходил это место, ведь проходил? Девочке приходилось дышать так часто, словно она бежала спринт.

«Проходил или нет?» Света начинала не на шутку тревожиться, а еще и в ушах зашумело. Да, она стала что-то слышать и дышала так, словно пробежала стометровку изо всех сил. Но она и не думала повернуть назад, а лишь прибавила скорости, ведь впереди уже что-то темнело. Темнело, и не в глазах. На фоне белого леса она различила темный выход. И звук все время усиливался. Дышать стало еще тяжелее, сердце… Она уже слышала каждый его удар. Лю, почему он ничего не сказал ей об этом лесе? Воздуха не хватало, сколько ни дыши, но выход уже хорошо виден, и девочка прибавила шаг. Может, Лю не знал про это? Не знал, что тут можно задохнуться. У нее уже кружилась голова, рюкзак становился непомерно тяжелым, а для каждого шага приходилось делать над собой усилие. Но она умела «вкладываться». Это как на соревнованиях, на финише, когда ноги уже не слушаются, легкие готовы разорваться, но ты добавляешь и добавляешь, еще и еще, пробегая последние сотни метров на воле, на ненависти к соперникам, на упрямстве. Она бежала из последних сил, перепрыгивая кочки и бугры, которых тут, уже в конце пути, было предостаточно.

А Белый лес тем временем заканчивался. Белый, горячий, мертвый.

Она наконец выбежала, едва не теряя сознание, из духоты в темную жару, где можно было отдышаться. Она даже не огляделась, а, продолжая хватать воздух широко открытым ртом, скинула рюкзак. Пить! Пить просила каждая клетка ее молодого организма, и девочка

почти залпом выпила всю яблочную фанту, потянула большую бутылку тархуна и стала пить из нее, пока не опустошила наполовину. Какое это было удовольствие, ведь напитки еще сохраняли прохладу. Только напившись, она стала оглядываться по сторонам. В лесу было тихо и заметно светлее, чем тут. И теперь Света понимала почему. Метрах в двухстах от нее возвышалась, уходя в небо, темная полупрозрачная стена, от которой шел гул, но его природу Светлана разобрать не могла. Стена уходила в небо, за темную дымку, и тянулась в обе стороны за горизонт. Солнца было мало, примерно так же, как в пасмурную июньскую ночь в Петербурге. Она смотрела и смотрела по сторонам. Уже и рюкзак за спину закинула, но все еще не решалась двинуться вперед. Если в лесу было страшно, но красиво, то тут было просто страшно. Кажется, тут тоже когда-то были дома, их каменные обломки торчали из вздыбленной земли, но теперь все переломано, а между обломками кирпичных стен резкими черными линиями пролегали овраги. И еще, кроме разрушения и сумрака, тут стоял шум. Непрерывный и насыщенный гул чего-то большого и мощного. Находиться здесь совсем не хотелось. Ну, хоть никаких существ вокруг, и то хорошо. Она вздохнула, да, здесь было чем дышать, но уж очень девочке хотелось вернуться. Даже рядом с Аглаей лучше, чем тут.

Она полезла на один из торчавших кусков каменной кладки, чтобы пробраться поближе к стене. И вдруг ее ботинок соскользнул, и девочка больно плюхнулась на бедро и на локоть, поехала на боку, по наклонной, прямо к краю, за которым начинался овраг или канава… Судорожно цепляясь за камень, сдирая кожу на пальцах, она сумела остановиться на самом краю, едва не уронив вниз свою драгоценную палку, и случайно, не желая того, заглянула сверху в этот овраг, что был под ней. А там чернота, дна оврага она не увидела. Может, оттого что здесь царил сумрак. А может, потому что его и не было.

Чтобы не свалиться, Светлана аккуратно проползла по краю сломанной стены и спустилась на мягкую землю. И пошла дальше, в ту сторону, откуда доносился гул. И гул этот становился все отчетливее. Вскоре девочка поняла, что напоминает ей этот звук. Это был звук завывающего вдалеке ветра.

Обходя руины и стараясь держаться подальше от бездонных оврагов, девочка все ближе подходила к полупрозрачной стене. Она

уже почти разглядела ее.

Стена была из темного стекла, закопченного, мутного. Стекло словно стекало вниз медленными потеками. Тут было очень жарко. Очень. Светлана остановилась перед стеклом и попробовала его палкой. Несильно ткнула в него. Стекло поддалось, и кончик палки вошел внутрь. И тут же по палке скользнул белый дымок. Ого! Она вытянула палку и убедилась, что ее конец обуглился.

«Ах да… Жук!» Девочка стала снимать рюкзак. Но прежде, чем достать оттуда банку с жуком, она еще раз вытянула бутылку с тархуном и, поглядывая по сторонам, отпила немалую часть зеленой сладкой жидкости. Теперь жук. Она взяла в руки банку. Жук не шевелился. Света испугалась: «Эй, ты там не сдох?» Она потрясла банку. Это было бы очень неприятное событие – где девочке в таком случае искать нового? Нет, слава богу. Противное насекомое зашевелилось. Заскользило мерзкими лапками по стеклу. Светлана, убедившись, что все в порядке, стала отвинчивать крышку. Сначала крышка поддавалась плохо, а потом вдруг пошла легко, отвернулась и упала на землю, Света не удержала ее в руках. Она наклонилась, а в это время ловкий жук, зараза, выпрыгнул из банки сначала на руку, а потом, расправив крылья, в одно мгновение перелетел на левую щеку, под глаз. Девочка и смахнуть его не могла, в одной руке банка, в другой крышка, а жук вдруг укусил ее за кожу своими мерзкими жвалами, не так чтобы больно, но уж точно страшно. Света закричала от испуга. А сволочное насекомое, удовлетворившись местью, затрещало крыльями и полетело прочь. Забыв про испуг, Света судорожно схватила рюкзак, кинула в него банку, крышку, взяла палку. И, не закрывая рюкзака, бросилась вслед за жуком, умоляя его не лететь далеко, так как в местном сумраке его почти не было видно. Бежала, надеясь, что перед ней не будет этих адских оврагов, которые придется оббегать. Но все обошлось, жук летел медленно и, не пролетев и пятидесяти метров, просто вонзился в стекло стены. Исчез. Света, приметив место, добежала до него. Остановилась.

«Так, что мне нужно? Банка. Банка есть! Лю говорил, что пыль можно собрать сразу за Чертой. Далеко ходить не нужно. Крышка. Крышка есть! Страж. Я его узнаю сразу. Все. Пошла!» Она на всякий случай проткнула «стекло» палкой. На этот раз палка не обуглилась, дым не пошел. Все равно было очень… волнительно. Но ей и в голову

не могла прийти мысль, чтобы, проделав весь этот путь, в шаге от цели испугаться и уйти. Нет-нет, единственное, что девочка сделала, чтобы оттянуть задуманное, – еще раз попила. Закинула за спину рюкзак, взяла в одну руку палку, в другую банку и с замиранием сердца просунула в «стекло» розовый носок ботинка. И поняв, что ничего не произошло, решилась. Набрала воздуха и как будто нырнула за стену.

Гарь. Жара. Вот что сразу почувствовала девочка, когда оказалась за стеклом. По небу неслись черные облака, больше похожие на негустой дым. А прямо перед ней алел закат, разбрасывая багровые оттенки на местную серость и черноту. Господи, как тут тяжело дышать. Как в бане, на самой верхней полке. Воздух раскален так, что обжигает легкие. Девочка осмотрелась. Ну, насколько это было возможно, все равно дальше тридцати метров ничего не было видно. Казалось, что черная пыль или дым пропитывали, покрывали все вокруг. Она стояла на проселочной дороге в две колеи, с потрескавшейся от жары поверхностью. Она была утрамбована до блеска, до бетонной твердости, а по сторонам от дороги имелись неглубокие канавы, и… в одной из них, в правой, лежал голый человек. Худой, иссохший. Мертвый? Ни обуви, ни одежды. Кожа, ну… не черная, скорее темно-серая. Она видела его ягодицы, ребра, мосластые ноги. Кажется, это мужчина. До него метров двадцать, не больше. Девочка сразу решила, что с той стороны пыль набирать не будет, и пошла к левой обочине, присела, замерла… Ветер, вернее, непрерывные крутящиеся вихри и нескончаемый отдаленный гул не могли перекрыть резкого хлопка во мгле, и сразу после этого полыхнуло пламя – полыхнуло быстрыми языками и покатилось мимо девочки валом. Точно так же быстро прогорал волной тополиный пух, собравшийся у поребриков, когда мальчишки поджигали его. Горящий вал прокатился и по лежащему человеку! А тот вдруг выгнулся, запрокинул голову и беззвучно заорал в небо беззубым ртом. ОН БЫЛ ЖИВ!

Девочка даже не успела подумать, что от огня нужно убегать, когда вал языков укатился вдаль. Все это было ужасно, ужасно, нужно скорее убираться отсюда. Светлана, косясь на корчащегося черного человека, уже открывала крышку банки и бочком, бочком двигалась к обочине дороги, присела и хотела сгрести черной пыли, но, только притронувшись, тут же отдернула руку – пыль была горячей. В ее

рюкзаке лежали толстые резиновые перчатки, но она не хотела тратить время, чтобы их вытащить. Светлана стала, обжигаясь, сгребать пыль в кучку, поглядывая по сторонам. Когда кучка была собрана, она загребла ее в банку и поморщилась от боли. Но продолжила собирать пыль, теперь уже при помощи рукава куртки. Она приготовилась отправить в банку еще горсть пыли, как на нее налетел горячий вихрь. Раскаленная пыль полетела девочке в лицо, она едва успела закрыть глаза, но вот вдох сделала. Горло, полость рта и даже легкие как огнем обожгло, от едкого привкуса гари в горле и носу ее чуть не вырвало. Она стала кашлять, ее буквально разрывало и выворачивало от позывов рвоты и спазмов в легких. Еле прокашлялась, чудом не рассыпала уже собранную пыль. Пора убираться отсюда. И она, отплевываясь, стала собирать новую кучку пыли, чтобы зачерпнуть ее банкой. Глаза девочки были еще полны слез, она почти ничего не видела, кроме… белого пятна. Света стала загребать собранную пыль и одновременно моргала глазами, вытирая их о плечо горячей куртки.

Белое пятно. Когда банка была почти наполовину наполнена – глаза ее были уже сухи. И она уже могла рассмотреть, что пятно движется именно к ней. Света сфокусировала взгляд. И поняла. Белое пятно было СТРАЖЕМ. Лю говорил, что его будет нетрудно узнать. И девочка узнала. Она ни на секунду в этом не усомнилась. Страж на этот раз принял вид привидения, имеющего женский облик, и плыл он прямо к ней, вытянув вперед руки. Дешевое платье до колен, босые ступни, белые волосы развевались, словно их трепал ветер. Лица не различить. Ну и кто это мог быть такой белый в черной, горячей пустыне с багровыми отсветами? Только страж. И опять Лю был прав, страж двигался медленно. Но даже это не заставило бы девочку провести тут лишнюю секунду, она, опять обжигаясь, рукой сгребла пыль, до которой смогла дотянуться, и ссыпала ее в банку.

Все, все, все… Девочка закрыла банку, схватила палку и, оборачиваясь на стража, быстро пошла обратно к барьеру. И пусть банка не была полна. Нет-нет, Светлана тут не задержится, она не хотела, чтобы страж до нее добрался. Ее об этом и сам Лю предупреждал.

Глава 27

В центре огромного и холодного зала, облицованного роскошным мрамором, на невысоком постаменте стоял брус из чистейшего льда высотой в метр. И прямо на льду, не прикрытая никакой материей, лежала молодая женщина. Лежала на спине, в простой, умиротворенной позе. Ее пропорции были идеальны, а лицо прекрасно. Безупречная, почти белая, кожа и богатые, иссиня-черные рассыпанные по льду волосы, глаза… А вот глаза у нее были в контраст волосам, синие и холодные, вернее, ледяные, как небо Арктики. Она только что открыла их. И просто лежала, приходя в себя после долгого сна. Ей не нужно было произносить слов, не нужно было приказывать, чтобы странное одинокое животное, похожее на уродливую, пузатую птицу и сидевшее на палке у стены, начало издавать красивые звуки. Оно с необыкновенной виртуозностью стало подражать фортепьяно. И по залу потекла красивая негромкая музыка. Шопен? Женщина без всяких видимых усилий встала со своего ледяного ложа, причем спина ее была суха, и на ледяном брусе не осталось никакого отпечатка от ее тела. Она лишь только коснулась ногами холодного мрамора, а две огромные, величиной с ладонь, златоглазки уже летели, шелестя крыльями, к ней, неся распахнутое прозрачное одеяние. Этакий халат или неглиже.

Женщина лишь отвела назад руки, чтобы попасть ими в рукава, и одеяние тут же оказалось у нее на плечах. Златоглазки не успели отлететь и на несколько метров, как по мраморному полу к женщине весьма проворно заспешила большая неприятная тварь, отдаленно напоминающая кожистую черепаху с крокодильими лапами. На спине у «черепахи» стояли изысканные сандалии-шлепанцы. Женщина надела их и прошла по залу к большим дверям. Двери при ее приближении

распахнулись сами, и она вошла в другой зал, где стоял стол длиной не менее сотни метров. Стол был массивен и стар, но древнее желтое дерево выглядело на удивление плотным и прочным; рядом находилось всего одно кресло с высокой спинкой. Вихляясь из стороны в сторону и стуча по мрамору когтями, к женщине с подносом спешила удивительно противная, худая обезьяна. Поднос она несла с ловкостью, на нем стояло всего два бокала, один из которых был заполнен красной или, скорее, малиновой густой жидкостью, а другой, судя по всему, простой водой. Женщина еще не успела сесть в единственное кресло, как обезьяна уже поставила перед ней бокалы и, склонившись в поклоне, спиной вперед удалилась от стола. А женщина сразу взяла стакан с красной жидкостью, у нее на лице появилась едва ли не улыбка, она была рада этому напитку, рассматривала его в стакане с предвкушением. И, удовлетворившись видом, начала медленно пить красную жидкость. Выпив, облизала губы, прищурившись и наслаждаясь послевкусием, и, словно захмелев от напитка, бросила бокал на мрамор пола, с удовольствием глядя, как тот рассыпается на красивые осколки. И как к этим осколкам из ниш в стенах кидаются разные гады, чтобы длинными хоботками втянуть в себя раскрошившееся стекло, а своими животами еще и протереть мрамор в том месте, где был разбит бокал. Но это женщину уже не забавляло, она отвела глаза, взяла второй бокал и быстро выпила содержимое, уже без всякого удовольствия. Второй стакан она бить не стала, просто поставила на стол, и существа-уборщики уползли к себе в стены. Женщина встала, подошла к стене, на которой висело огромное зеркало, осмотрела себя, что-то пытаясь разглядеть на лице, но в целом осталась довольна. И пошла в комнату, где с потолка ровной струей лилась вода. Она была чистой и настолько холодной, что по краям, у стен, появлялась ледяная кромка. Женщина, скинув прозрачный халат на пол, в лужу, встала под струю, запрокинула голову, чтобы вода начинала свой бег по ее телу именно с лица, и тут же появилась новые существа, которые стали ее омывать большими мохнатыми щетками. Но мылась она недолго. Вскоре уже вышла из-под воды и, вытираясь, направилась в следующую комнату, в зал, где существа, похожие на худых и вихлястых обезьян, уже раскладывали одежду. Юбка до колен, пиджак, чулки и туфли на невысоком каблуке. Все в тон, все подобрано с исключительным вкусом. Она уселась на пуфик у зеркала, и пока

обезьяны с мягкими бархатными лапками надевали на нее чулки, удивительная тварь, похожая на бурдюк с руками, подползла сзади и занялась ее роскошными волосами. В деле укладки волос бурдюк знал толк, не прошло и двух минут, как волосы женщины были уложены и прилизаны его влажным языком так, что на голове не осталось ни одного неприбранного волоска. Она взглянула на себя – да, все в порядке. Две обезьяны опустили ее юбку почти до пола, чтобы женщине не пришлось высоко поднимать ноги. Юбку подняли и застегнули. А еще одна обезьяна поставила перед ней туфли, одновременно освобождая ее ноги от еще мокрых сандалий. Никому и ничего приказывать нужды не было, все существа в этом доме знали, что, когда и как делать правильно. Она еще раз взглянула на себя. Идеально. Костюм, туфли, чулки, прическа… Не к чему придраться.

Женщина вздохнула. Только тот, кто знал ее давно, мог угадать в этом вздохе волнение. Да, она знала, что предстоит важный разговор. Самый важный из всех возможных. И она прошла в следующий зал, огромного размера, до его центра, где стояло уютное кресло и небольшой журнальный столик, пришлось идти пару минут. За ней бежала одна из вихлястых обезьян. Несла поднос, на котором лежала одна сигарета с желтым фильтром. На сигарете была надпись «Мальборо».

Женщина добралась до кресла, уселась в него. Прямо перед ней, метрах в пятидесяти, от пола куда-то ввысь уходило толстое стекло, отделявшее от бесконечно серой среды, что едва заметно клубилась за стеклом. Пока эта среда была мертва. И она взяла с подноса сигарету. Тут же обезьяна щелкнула пальцами, и на одном ее ногте вспыхнул огонек. Женщина прикурила, сделала затяжку, выпустила дым, сделала еще одну… Закрыла глаза и продолжила курить с неменьшим удовольствием, чем пила красный напиток, небрежно стряхивая пепел в услужливо подставленную обезьяной лапу. Но докурить она не успела. Отшвырнув окурок, поднялась, сделала несколько шагов к стеклу и встала на колени. Она почувствовала ЕГО приближение. ОНО было уже близко. Совсем близко. ОНО никогда не здоровалось и не прощалось, ОНО начинало сразу, переходя к делу. Так было всегда, как и в этот раз.

– Червь точит Поток. – Голос ЕГО был тяжелым, протяжным, раскатистым, как гром. А за стеклом почти ничего не изменилось,

только ей показалось, что клубы серой субстанции на той стороне задвигались чуть быстрее. Стали резче.

– Да, СУЩЕЕ, я проснулась от этого. Я тоже ощутила, что Поток получил червоточину.

– Ты знаешь, что делать? – раскатисто звучал ЕГО голос.

– Да, СУЩЕЕ, ничего нового, я знаю, что делать. Я найду червя. Мне нужно время, и тогда я найду место, где червь рвет ткань. Как только отправная точка для начала поисков будет известна, я быстро его вычислю.

И тут же резкая боль едва не разорвала ей голову, правая часть головы онемела, правый глаз перестал видеть, правое ухо не слышало. Она едва сдержалась, чтобы не закричать от боли. Но сдержалась. Напрягла мышцы на лице, вдыхала воздух носом, пережидая боль, – не хватало еще заорать тут – и, переведя дух, срывающимся голосом произнесла:

– Санкт-Петербург, юг, я поняла. Спасибо, СУЩЕЕ. Это облегчит мне задачу. – Женщина уже начала восстанавливать поврежденные ткани в голове. Ничего, она все поправит: и мышцы, и кости, и нервы, и глазное яблоко, и уничтоженные нейроны, и даже память. Через пару минут все будет функционировать как прежде. Она вздохнула.

Что уж говорить… ОНО умело выдавать нужную информацию так, что ее потом никогда не забудешь. Молниеносно, доходчиво и навсегда.

Женщина продолжила стоять на коленях еще минуту, не меньше, но за стеклом ничего не менялось, и голос больше не звучал. ОНО ушло, как всегда, не попрощавшись. У НЕГО слишком много дел, чтобы быть вежливым. Женщина поднялась с колен, чуть покачнулась, она все еще не привела себя в порядок после того, как ОНО передало ей информацию. Проворная обезьяна, что подавала сигареты, поспешила поддержать ее под локоть. Опрометчивое решение. Она не просила помощи. Не отдавала приказа. И за самоуправство глупая тварь поплатилась жизнью. Женщина одним ударом левой руки, ладонью наотмашь, размозжила ей голову. По залу фонтаном разлетелись брызги и осколки костей. В ее доме никто не будет делать того, о чем его не просят или что не заложено в него программой.

Еще не все капли жидкости несчастной обезьяны упали на безупречный мрамор, как из скрытых ниш в стенах стали выбираться твари-уборщики, похожие на все тех же кожистых черепах с хоботками

и ворсистыми брюшками. Вот они делали все как должно. А она, стряхивая с руки жидкость и кусочки мозга убитого существа, пошла в другую комнату, на ходу снимая и бросая на пол строгий пиджак. Она уже знала, что ей нужно, вернее, кто ей нужен, и собиралась нанести ему визит. И сделать это немедленно. Время не терпит. Никогда не терпит.

Роэ не знал, сколько он проспал, но понимал, что долго, так долго, что начала затекать спина. Но вот сколько? Ему уже пора просыпаться. Он уже чувствовал это. Как бы ты ни привык проводить время во сне, рано или поздно нужно «возвращаться». Иногда надо просыпаться… Чтобы…

Его кто-то схватил за ногу. Крепко схватил. И дернул так, что с ноги слетел дорогой ботинок вместе с носком. Роэман упал с кровати вместе с покрывалом, на котором спал обутый и в плаще. Он больно ударился об пол спиной и, главное, затылком. Зазвенело в ушах. Боль отдалась даже в висках. Он разинул рот, словно хотел заорать, но не смог, спина болит, воздуха не набрать. После долгого сна глаза отрываются не сразу. И, открывшись, еще не сразу начинают видеть.

«Что за тварь?.. Кто решился на это?..» Мышцы его вот-вот начнут работать, и тогда… Тот, кто на это осмелился… Да, кто бы это ни был… Мысль даже не успела выкристаллизоваться в голове, как его пинком перевернули вниз лицом. Он хотел заорать, теперь воздуха хватало, а потом встать и серьезно наказать ублюдка. Но тут он услыхал частое дыхание. Кто это, кто так дышит у него в квартире? Собака? Большая собака? Откуда в его доме собаки? Кто мог додуматься прийти сюда с собакой и так себя вести? Неужели… И у него похолодела ноющая от удара спина. Кажется, он догадался, кто это.

Едва он уперся в пол руками, весь его боевой задор сразу пропал. Он увидел белоснежную кожу женской ноги в красивой сандалии. Нога была прямо перед его носом.

– Ваше появление честь для меня, – тихо произнес Роэ в пол, не осмеливаясь поднять глаза выше. – Чем обязан?

Белая нога убралась, а за ней появились лапы собаки, она прошла перед ним, села совсем рядом, и он почувствовал, как эта псина воняет. И лишь после этого услышал высокомерный и даже заносчивый женский голос:

– В твоем месте появился червь. Он на юге.

Роэ сразу все понял, но информации, которую ему сообщили, недостаточно.

– Тут немало червей, – заметил он и, решив польстить женщине, добавил: – Скажите, богиня, какой это червь?

Тут же его голову прижала к полу тяжелая ступня, так, что он чуть нос не раздавил об паркет. Роэ услышал холодный, не предвещающий ничего хорошего смех:

– Богиня? Надумал льстить мне, глупец?

И тут же собака впилась ему в лодыжку зубами и зарычала с каким-то садистским удовольствием. Острые зубы прокусили кожу. Но не так, чтобы разорвать сухожилия и мышцы. Слегка, чтобы он понял. А Роэ открыл рот, набрал воздуха и, перетерпев острую боль, исправился – больше никакой лести. Произнес:

– Простите меня, госпожа, скажите, кого мне искать?

– Червь воняет гарью, – ответила женщина с заметной неприязнью.

– Я сейчас же начну искать, – пообещал он.

Да, дело нешуточное. Тяжелая ступня перестала давить на голову. И сразу же собака, тварь, отпустила ногу. Несколько секунд он лежал и слушал, как она бежит в другую комнату, как стучит когтями по паркету, а потом и этот звук стих. Гости ушли, как будто их и не было, и Роэ остался в квартире один. Он сел на полу, стал растирать затылок, разглядывать прокусы на лодыжке. Ему не очень хотелось суетиться. Сейчас Виталий Леонидович Роэман хотел бы помыться и, главное, как следует поесть. Да хотя бы просто прийти в себя после сна. Да, кстати! А сколько он на этот раз проспал? Роэ с трудом поднялся, в одном ботинке и плаще сел на кровать. В прошлый раз он торопился заснуть, дело не терпело отлагательств, даже не разделся и с порога завалился на кровать в верхней одежде и обуви. Одежда теперь воняла, была несвежей. Роэман взял с прикроватной тумбы телефон, отключил зарядку и заглянул в меню. Двадцать восьмое сентября. Он проспал восемнадцать дней. Да, ему явно нужна ванна. Но ждать никак нельзя. Если Бледная пожаловала сама, значит, дело серьезное. Вообще с ней шутить – себе дороже. Он достал из комода новые носки, надел их, кряхтя, обулся. И пошел в ванную умыться и почистить зубы.

Глава 28

Тут все еще было жарко, но по сравнению с тем, что творилось за Чертой… Даже сравнивать нельзя. Очень хотелось вздохнуть поглубже. Света сделала большой вздох и… зашлась кашлем. Кашель был сильный, с мокротой, словно от хорошего бронхита. Она стала выплевывать коричневые, едва не черные сгустки. «Пипец! Вот это я надышалась, фу, дрянь какая», – думала девочка. Минуту стояла и дышала полной грудью, потом поспешила отойти подальше от прозрачного барьера и забралась на гору битого камня. Светлана не могла понять, сколько времени она там провела. Девочка подняла руку и вдруг увидела, что край рукава куртки обуглился. Пока она рассматривала рукав, снова накатил приступ кашля. Ей срочно нужно было чего-нибудь выпить. Светлана полезла в рюкзак, достала бутылку и долго пила. Даже теплое питье принесло облегчение. Она вдруг подумала, что времени тут провела немало. Да, скоро ей уже просыпаться. А не проснется ли она, когда будет возвращаться по Белому лесу? Ей стало не по себе от этой мысли. Она пойдет по лесу и проснется, а вечером ляжет спать и снова окажется в лесу, снова будет задыхаться. Пряча в рюкзак пустую бутылку из-под тархуна, она увидела жестяную коробку. Фикус! И не стала долго раздумывать. Сразу достала ее и начала раздеваться. Скинула куртку, развязала пояс, приспустила до колен брюки. Девочка решила как следует смазаться перед дорогой, чтобы под действием фикуса быстро пересечь лес. Бедра и чуть-чуть ягодицы, руки, плечи, живот, потом надела брюки, подтянула штанины и остатками масла натерла икры и голени. И сразу почувствовала то, на что и рассчитывала. Тяжелый рюкзак стал

невесомым. Она закинула его на плечи, как пушинку. Взяла палку и двинулась к лесу, нащупывая в кармане горячую банку с пылью.

Да, фикус – вещь удивительная. Девочка запросто перепрыгивала с камня на камень, взлетала на обломки стен. И буквально через пять минут увидела светлеющий лес. После черноты и копоти он был очень красив. И еще отсутствовал монотонный непрекращающийся гул. Чувствовала она себя в этой белой красоте хорошо, жаль, что здесь почти не было воздуха. Света зашла в лес и, продышавшись, перешла на бег.

Конечно же, папа сразу это заметил:

– А ну-ка… Подожди. Это что у тебя?

– Да прыщ, па… – Света не хотела беспокоить отца.

Но он уже схватил ее, подтянул к себе и развернул к свету:

– Ну-ка, покажи… Не вертись… – Он стал рассматривать щеку девочки. – Да нет, дорогая, это не прыщ, это фурункул, и его нужно вскрывать. Собирайся в поликлинику.

– В поликлинику? – переспросила Света. Она даже ощущала радость, что не нужно будет идти в школу.

– Конечно, тебе нужно к хирургу. Эту дрянь нужно вскрыть. – Отец все еще смотрел на нее пристально. И говорит вдруг совсем некстати: – Какая же ты у меня красивая.

Девочка растерялась. Конечно, мама говорила ей, что она красивая. Но то мама. Все мамы так говорят. А вот от отца она такое слышала впервые. Папа наконец ее отпустил:

– Все, собирайся к врачу.

Она и сама об этом думала, ей братья с утра сказали, что у нее прыщ. Света поглядела в зеркало – и вправду, под левой скулой, здоровенный, алый. А теперь он еще и пульсировать стал, подергивать. Поганый жук. Как он смог так укусить?

Зато не надо в школу… Может, ради этого стоило и потерпеть.

Света оделась и без школьного рюкзака вышла за дверь. До детской поликлиники номер тридцать один на улице Орджоникидзе, в которую она ходила всю свою жизнь, не так уж и далеко, вот только на улице дождь, ветер неприятный. Но ничего, Света не будет тратить деньги на автобус – добежит.

Тем более что она все еще чувствовала необыкновенную легкость во всем теле после фикуса. В общем, добежала, промокла, отстояла очередь в регистратуру, чтобы узнать, что хирург в поликлинике всего один и принимать он будет с четырнадцати часов, то есть через три с половиной часа. Ну не сидеть же все это время среди всяких мамаш и детей. Побежала домой. По пути решила заглянуть в приход. Поздороваться. И там нашла отца Серафима. Он как раз закончил утреннюю службу.

– Промокла? – Он сидел в трапезной с другими священниками за чашкой чая, звал ее к себе. – Иди сюда. Та-ак… дева прекрасная, а что это у тебя с лицом? – Попы все вместе стали ее разглядывать. – Ого, да тут у тебя… это… не шутки. Это надо к врачу.

– Я уже была в поликлинике, – отвечала девочка, стесняясь пристального внимания святых отцов. – Врач будет с двух принимать.

– Та-ак… – повторил отец Серафим, задрал рясу, достал из кармана брюк телефон, стал кому-то звонить: – Сережа? Здорово, это я. Ага… Ага… Слушай, ты сейчас на работе? Ага… Хорошо. Слушай, пришлю к тебе одну деву, прыщ у нее… Поглядишь? Ага… Без очереди? Ага… Операция. Понял, сейчас прибежит, она быстрая. – Поп закончил разговор и спрятал телефон в карман. – Значит, так, беги быстро в пятьдесят первую поликлинику, там сейчас принимает в двести тридцать шестом кабинете хирург Вязьмикин. Он молодой, но руки у него золотые. Там бабки будут сидеть, так ты очередь не занимай, иди без очереди, они все пенсионерки, им все равно делать нечего, как у врачей сидеть. Вот он тебя поглядит. Беги сейчас, у него через час операции начнутся.

Да, да, Света кивала, сейчас же побегу, вот только:

– А где эта поликлиника?

– Проспект Космонавтов, через дорогу от «Окея», – подсказал один из молодых священников.

На входе медсестра меряет у всех температуру и напоминает:

– Маски, перчатки, бахилы. Не забываем.

Народу толпа, от пандемии, наверное, тут такое столпотворение. Очереди в регистратуру. Она узнает, где кабинет двести тридцать шесть. Бежит на второй этаж, ей нравится, что сегодня нет нужды ждать. Девочке кажется, что она особенная, раз ее примут без очереди.

Бабки у кабинета даже возмутиться не успели, когда она проскользнула за дверь.

– Так, значит, давим прыщи на лице? – говорит с укоризной Сергей Владимирович Вязьмикин, осматривая ее щеку. – Мама вам не говорила, что этого нельзя делать?

Сам он молод, у него дурацкая шапочка, вроде и медицинская, но с какими-то машинками, совсем не похож на врача. На руках перчатки, и он начинает сжимать прыщ. И спрашивает:

– Вы еще несовершеннолетняя?

– Что? – не понимает Света.

– Состоите на учете в детской поликлинике?

– А, да. В детской.

– Значит, карточки вашей у нас нет?

– Нет, я тут в первый раз.

– Ясно. – Хирург перестает мять ей лицо, садится на стул в задумчивости и говорит: – Вообще-то вас нужно в челюстно-лицевую… – Тут Света заволновалась – неужели отошлет ее куда-нибудь? Но тут Вязьмикин продолжает: – Хорошо, вроде ничего там сложного нет, надеюсь, что в мышцу он не ушел. – Он встает, еще раз смотрит щеку девочки. – Да нет, вот он весь, вправо и вниз идет… – И кричит в другую комнату: – Раиса Андреевна, первый набор инструмента и обезболивающее приготовьте, пожалуйста! – И снова Свете: – Не волнуйтесь, все сейчас починим и даже шрама постараемся не оставить.

А девочка зря боялась. Самой болезненной частью операции оказался укол, который ей в щеку сделала немолодая медсестра. И все, дальше она вообще ничего не чувствовала. Хирург с одной стороны стола, медсестра с другой, свет в глаза, медицинские запахи, теплые руки.

– Так, не шевелись, буду вскрывать! Тэкс… Ого, сколько гноя! Почему сразу не пришла? Чего тянула?

«Сказать ему, что я пришла сразу? Что и трех часов не прошло, как меня укусил мерзкий жук?»

– Температура была? – продолжает хирург.

– У-у, – мычит Светлана, не открывая рта. Это значит: «Нет».

– Барышня, это не шутки, нельзя запускать нагноения, особенно на лице.

– Дренаж готовить? – спрашивает медсестра, разглядывая рану.

– Пока обойдемся, я вроде все здесь вычистил, сейчас еще вот этот канал вниз почищу и промою все…

Эти добрые люди продолжали копаться в ее лице, а она лежала и видела над собой одним глазом – второй зажмурила – дурацкую шапочку в маленьких машинах скорой помощи. И слушала, как Вязьмикин рассказывал:

– Ну, ничего страшного, хотя канал глубокий… Вот. Так… А это что? Ого! Интересно. Так как вы, девушка, заработали этот фурункул? Раиса Андреевна, а ну-ка пинцетик мне…

Звякают стальные инструменты, которые он бросает в железную чашку. Теперь Светлана слышала в его голосе неподдельный интерес и даже удивление. Что же он там нашел?

– Раиса Андреевна, видите, что тащу?

– Не вижу. За очками лезть надо… А что там? Стержень?

– Да если бы! Тут вон какая забавная… вещь…

Он замолчал, продолжая с интересом копаться в щеке Светланы, а она лежит и терпеливо ждет.

– Ладно, вроде сделали, канал глубокий, гноя было много, я все почистил, но шить не буду, не хочу, чтобы затяжка на лице осталась. Залеплю вам рану лентой. А вы мне скажите, вы недавно за границей были? Были в теплых странах?

А Света не понимает, почему он это спрашивает. А врач не отстает, заканчивает дело, клеит ей на лицо какой-то пластырь и повторяет вопрос:

– Ну так что, в Таиланде были? Вон вы какая загорелая, даже краснота от загара не спала еще.

«В Таиланде? – она теперь уже сидит, а не лежит. – Вот что ему сказать? Сказать, что она во снах бывает в… как его там называет Лю, в Истоке? А там солнце свирепое, там и загорела».

Но вместо этого девочка просто говорит:

– Я нигде не была в теплых странах… Ну, в этом году точно. А что?

– Да вот, – говорит Вязьмикин и поднимает склянку из-под лекарства, а в ней на дне бело-желтый ма-аленький червячок с черной головой. – Это я из вашей щеки достал.

У девочки округляются глаза, она неотрывно смотрит на этого червяка, от страха и неприязни у нее просто нет слов. Она хочет раздавить гадину.

– Первый мой случай, – продолжает хирург, – первый раз я извлекаю паразита. Вы точно не ездили в тропические страны?

– Нет, не ездила, – говорит Света и вдруг добавляет, поглядывая то на хирурга, то на медсестру. – Это меня жук-могильщик укусил, когда я после Белого леса искала проход за Черту.

– Угу, – понимающе кивает хирург. – Ясно. Ну ладно, через два дня приходи, посмотрю, как заживать будет. Я опять в утро буду, можешь, как и сегодня, без очереди заходить, скажешь, что на перевязку. И передавай привет отцу Серафиму.

Она вышла из поликлиники на улицу. Как хорошо, что она пришла сюда, ей даже в самых страшных кошмарах не мерещилось такое. У нее в щеке жила и копала себе ход какая-то тварь. Мерзкая, желтая, копошащаяся. Вокруг которой за короткое время образовалось столько гноя! У Светы мурашки по спине бежали всякий раз, когда она представляла, что у нее в щеке жил червяк. Но теперь все было хорошо. Нужно будет поблагодарить отца Серафима при первой возможности.

А пока она бежала домой, у нее начались судороги. Когда она мазалась соком фикуса, она знала, что так будет. Тогда ей было все равно, а вот сейчас… Начались они, когда девочка еще даже не добежала до подъезда. Ей скрутило мышцы живота. Пришлось притормозить, перейти на шаг. И не понятно, листья фикуса так крутят живот или напитки в холодильнике были испорченные. Очень ей не хотелось скрючиться тут во дворе или подъезде, чтобы ее в таком состоянии увидели соседи. И она пыталась держать себя в руках. Ее прошиб пот, а ведь дома ждал отец. И она поспешила, не сидеть же в подъезде.

– Ну что сказал врач? – спросил папа. И, рассмотрев дочь, добавил: – Да ты вся мокрая.

– Да, он мне его разрезал. Сказал прийти через два дня на перевязку. – Говорила она пока спокойно, но уже ожидая приступа.

– Вскрыл? Больно было?

– Нет, вообще нет. Врач хороший, – ответила Светлана, чувствуя, что боль есейчас и начнется.

– Значит, все нормально?

– Да, па, – ответила девочка, быстро уходя в ванную.

Закрылась там и почувствовала, как судорога схватила левую икру. Она открыла рот и поймала себя на мысли, что может закричать. И опустилась на пол, а потом и вовсе легла. Так и лежала, полчаса, наверное, пока судороги выворачивали ей мышцы. Приходил папа, стучался в дверь:

– Света, тебе что там, плохо?

– Живот болит, па. – Ее пробивал пот от спазмов.

– А что с тобой, ты отравилась? Что случилось?

– Нет, не отравилась, все нормально, па, это по-женски… Я скоро выйду.

Когда судороги стали отступать, девочка почувствовала дикую усталость и еще голод. Она, пошатываясь, прошла на кухню, жадно съела простой кусок хлеба с луком и подсоленным маслом, а потом, не заходя в комнату мамы, чтобы не разговаривать с отцом, юркнула к себе и завалилась на кровать. И, кажется, впервые за год или даже два заснула днем.

Глава 29

Интересно, а тут бывают ночи? Она никогда не видела, чтобы тут было темно. Туман – самое темное состояние здешнего мира. Он такой плотный… Ничего в нем не видно. И погружаться в него совсем не хотелось. Света обернулась. За спиной тишина, в Белом лесу и намека на туман не было. Там все так же беззвучно падали сверху почти невесомые хлопья. Лес только кажется красивым, на самом деле он мертвый, а мертвецы не бывают красивыми. Ноги у нее еще болели и живот тоже, она не была уверена, что сможет бежать в полную силу. А вот руки… Девочка посмотрела на них. На этот раз судороги в руках ее почти не беспокоили, они и приходили реже, да и не были так сильны и продолжительны, как в первый раз. В общем, девочка чувствовала в руках силу и… быстроту? Она легко подбросила свою палку и ловко поймала ее. Да. Кажется, быстроту. А раньше руки никогда не были ее сильной стороной. Света на всякий случай переложила все еще горячую банку с пылью из кармана в рюкзак и двинулась на север. К депошке, к двадцать восьмому дому по улице Гастелло.

Туман – это время медуз. Девочка давно поняла, что они «видят» свою добычу через туман, а вот добыча догадывается об их появлении, лишь почувствовав прикосновение липких жгутов к своему питательному телу. Но у нее уже был опыт, как избегать этих королев тумана. Конечно, ничего не видно уже через десяток шагов, но Светлана поняла их тактику, они почти всегда нападали со спины, а промахнувшись, тут же разворачивалась и кидались на добычу уже в лицо. Просто нужно было помнить про это и все время оборачиваться. Главное их вовремя увидеть, а уж избежать контакта было делом техники, а скорее быстроты и проворности. Света научилась уходить от медуз, а крикуны, которых теперь девочка считала более опасными,

еще задолго до приближения к ним выдавали себя. В общем, для путешествия в тумане нужно постоянно смотреть вокруг себя и слушать. Слушать и смотреть. Но вот чего точно у нее не было, так это навыка ориентироваться. Девочка и в городе, в незнакомом районе, в каком-нибудь Купчино, могла заблудиться и бродить в поисках метро среди многоэтажек. А тут, в тумане…

Уходя от особо приставучей медузы, она не заметила, как взяла чуть левее, чем было необходимо. А так как дорога здесь оказалась получше, она и пошла по ней. И шла так сравнительно долго, пока не уперлась в белую стену, за которой высились синие крыши. Светлана знала это место. Нужно свернуть налево, но там за туманом высился большой дом, в котором жили черные попугаи. Ей бы пройти мимо него и, пока не рассеялся туман, добраться до улицы Ленсовета. Оттуда свернуть ровно на север. Уже через час «дома» была бы, но поскольку страшновато проходить мимо попугаев, она решила идти по дороге, с заметным отклонением на запад. Там должна была быть площадь со стелой Победы, а за ней Московский проспект. Света решила, что найдет дорогу, что не будет проходить мимо дома с попугаями.

Тут было тихо, почти так же тихо, как и в Белом лесу. Крикуны молчали, да и медузы исчезли. Она шла минут пятнадцать и даже теней, что так часто колыхались над туманом, не увидела. Зато вдруг появился неприятный запах. Запах был едкий, наверное, запах здешнего тумана. Тишина, дорога с разбитым до гравия асфальтом, туман, странный запах… Что-то тут не так. Почему крикуны молчат? Где медузы? Что это за запах? Светлана остановилась. И стояла, пытаясь рассмотреть что-нибудь в тумане, услышать. И услышала. Шорох и ритмичное постукивание. Определенно, этот звук приближался к ней. Она все отчетливее слышала его. И уже различала через туман нечто массивное и тяжелое.

Это был ее явный недостаток. Девочке зачастую не нужно было ждать, чтобы узнать, что ей угрожает, нужно всегда уходить, убегать даже при намеке на опасность. А сейчас она стояла и ждала, чем все это разрешится. Из тумана на нее выехала, как ей показалось поначалу, какая-то низкая машинка, а спустя пару секунд она поняла, что это не машинка, а червяк на лапах. Он был огромен, тащил свое пузо по разбитому асфальту, а десятки его сильных лап работали так, что лишь

щебенка летела в разные стороны. На метр он возвышался над землей. А лап у него было под сотню, не меньше. Лапы сильные, быстрые, червяк буквально летел над землей. Ловкий, блестящий, быстрый. И перед девочкой он еще и встал, передняя его четверть взметнулась ввысь и стала на две головы выше Светланы. Серо-розовый, похожий цветом на простого земляного червяка, только с ногами-иглами. Жвала отсутствовали, но был огромный рот, что шел в виде щели с шипами по краям от головы чуть ли не до земли. Узкие, страшные двери лифта с шипами, в которые и входить не нужно, они сами на тебя накатят и сомкнутся за спиной.

А еще этот суперчервяк раскинул свои верхние лапы в стороны: три вправо, три влево. И вышел этакий забор метра в три длиной, который перегораживал Свете проход, забор со страшным входом посередине. Он начал наваливаться своим ртом на Светлану, пытаясь захватить ее сразу с двух сторон лапами, еще и обдав волной едкой вони. Вот, оказывается, чем так пахло!

Дальше ждать она не стала, кинулась бежать в обратную сторону. К церкви с синими крышами. А червяк, опустившись на все свои лапы, заскользил за ней, пополз брюхом по кускам асфальта весьма быстро. Ей же мешали рюкзак и палка; да и ботинки все-таки не совсем подходили для бега. Но даже так она понимала, что уходит от червяка. Пока нога ее не попала в яму с гравием, и она чуть не упала… Полетела вперед, удержалась на ногах лишь благодаря рукам, едва не потеряла палку. И червяк сразу сократил отставание, она это слышала, слышала шуршание десятков лап по грунту.

Найдя равновесие и снова ускоряясь, девочка обернулась через плечо…

– Светланка, ты как себя чувствуешь?

Она открыла глаза, но ничего не увидела, сердце… сердце колотилось в груди бешено. Ей не хватало воздуха.

– Эй, дочка, ты чего? – Кто-то гладил ее по щеке. – Я тебя, что, напугал?

Она стала приходить в себя, ну конечно, это папина рука, папин голос. А мерзкая тварь с пастью-дверью осталась там, в проклятом сне.

– Ну, ты чего? Болит что-то? – спрашивал отец, и она наконец разглядела его лицо.

– Да нет, па, все норм… – ответила, но голос выдал ее.

– Живот… Или щека? Ничего не болит?

– Нет, па… – Света села на кровати. – А что, я кричала во сне?

– Да нет вроде, я просто разбудил тебя, чтобы ты за братьями сходила, время уже. Если тебе плохо, то я сам схожу.

– Нет, нет… Все нормально. – Она посмотрела в окно, а там уже и вправду темнеет, ведь скоро октябрь.

– А что тебе снилось-то? – спросил отец, он и вправду за нее волновался, Света это чувствовала. – Ты проснулась, на тебе лица не было.

Он стоял рядом и гладил ее по голове.

– Да, пап… Муть какая-то, червяк огромный… Ерунда, просто кошмарики. – Она встала, обняла отца. – Сейчас сгоняю за пацанами.

На улице дождь, уже темно, включили фонари. Света идет через пустую детскую площадку в детсад за братьями, площадка хорошо освещена, но все равно тут никого нет, тоскливо. И настроение у нее под стать погоде вечернего Петербурга середины осени. Девочка, вспоминая мерзкого червяка, думает о том, что с этими снами нужно как-то заканчивать. Но как? Как? Этот ужас произвел на нее огромное впечатление, да еще и червяк в щеке, и папа, кажется, начал волноваться. Слишком много впечатлений за один день не очень-то счастливой девочки. Знать бы еще наверняка, что, когда она снова окажется во сне, червяк этот поганый не будет стоять в пяти метрах у нее за спиной. Да… Знать бы. От этой мысли она поежилась и даже против своей воли поглядела назад. Нет, червяка не было, мокрая площадка, темно, холодновато. Хорошо, что навстречу прошла женщина с ребенком. Женщины с детьми на улице – верный признак, что ничего страшного не происходит, все спокойно. Света шла дальше. Нужно поговорить сегодня с Любопытным. Она принесла ему пыль, ну, почти принесла. Пусть он расскажет, как быть дальше, как избавиться от этого наваждения, как перестать видеть эти реальные сны. Эх… Хоть бы он знал. Хоть бы знал.

Туман еще был, а червяк исчез, палка лежала рядом. Она подняла ее.

«Интересно, а как это происходит, в смысле, что видел червяк, когда я испарилась прямо перед его носом, ну или что там у него? Я исчезла сразу или растворялась медленно?» Девочке действительно это было интересно. Впрочем, нет, ничего интересного, все время, что она тут проводила, было временем напряжения, страха и еще ожидания. Ожидания пробуждения. Нет, ничего интересного. Как говорил папин сослуживец: «В гробу я его видал». Вот и Светлана с удовольствием увидела бы там все свои сновидения. Она ненавидела этот туман, жаркое солнце, развалины, мух, этот разбитый асфальт, чокнутую Аглаю, суперчервяка. Да вообще все, что здесь ее окружало. Единственное, что ей нравилось, так это Любопытный. Он стал ей достаточно близок. Это потому, что в реальном мире у нее не было ни одного друга. Даже в интернете. Она бы могла еще постоять и погрустить над своей несчастливой судьбой, да вот только туман скоро рассеется. И ей нужно решить, как двигаться. Первое: продолжить путь отсюда на север. Нет, это она сразу отмела. Вообще никакого желания еще раз увидеть вонючего червяка у нее не было. Свернуть сразу на восток в развалины – тоже не вариант. В развалинах невозможно бегать, а для того, чтобы знать, что за грудами камней никто не прячется, нужен Лю. Значит, бежать назад до церкви, до дома с попугаями, и пробежать мимо него, пока еще стоит туман. Да, это единственный приемлемый вариант.

В общем, надо бежать. Бежать, бежать.

Конечно, она успела, пробежала дом попугаев до того, как туман рассеялся. По дороге с удовольствием поддела башмаком обнаглевшего, кинувшегося ей наперерез крикуна. Тот оглушительно заверещал, улетая в туман, а его собратья на ее пути не появились. Дальше туман таял, но попугаи уже остались за спиной. Вскоре она была уже около темной махины Ленсовета, оббегала большое поле серебряного мха, увидела голого человека, он присел на корточки возле вялого и пустого стебля фикуса. Мужик на нее взглянул, но даже не попытался преследовать. А она побежала дальше. На том же месте, на тех же развалинах, увидела копошащегося муходеда – он попытался поспешить к ней, но Света улизнула. Уже подбегала к розовой Чесменской церкви, двери которой были все так же призывно

распахнуты. А вот и улица Гастелло. Она «дома». Тут девочка чувствовала себя куда спокойнее, чем где-либо еще.

На заборе все еще висели тела двух мальчиков. Вернее, одно обгрызенное тело и одно… Даже и не понять теперь, на что это было похоже. Светлана, по глупости своей, постаралась рассмотреть, что осталось. Ой, лучше бы не смотрела, ни рук, ни ног уже не было, голову объели полностью, теперь серел только обглоданный череп, живот тоже изъели, из него начали вываливаться распутавшиеся из-за жары внутренности… И все это шевелилось. Точнее, шевелились на протухшем мясе сотни черных жуков-кусак. Девочка вспомнила, как она ползали по ней, как ее кусали, так ее чуть не стошнило. Бе-е… Противные твари! Зачем она только на это смотрела? Света отвернулась и быстренько, большими шагами, преодолела мох и скрылась за тяжелой дверью депошки.

Лю был очень рад. Светлана подумала, что он будет спрашивать, мол, почему банка не полная, но, кажется, голос на такую мелочь не обратил внимания.

– Это впечатляющий акт взаимопомощи, признаться, я даже не знаю, чем смогу ответить вам, человек Светлана-Света, – говорил он, когда девочка достала из рюкзака все еще горячую банку с черной крупной пылью.

– Ну… Вы мне тоже как-нибудь поможете, Лю, – сказала девочка.

– Готов, но не знаю, что мне нужно будет сделать, чтобы мое действие было равноценным вашему. Судя по всему, вы даже не понимаете, какую большую услугу вы мне оказали.

– Ну… – Светлана и вправду не знала. – Ну, вы проводите меня к этим… как их… ну, которые меня сюда… приглашают, переносят.

– Приглашают, переносят? К сиренам, – догадался Лю.

– Да, к ним.

– Это не может быть моей ответной услугой, так как я сам очень хотел бы увидать этих существ, – ответил Лю. – Так что подобное путешествие для меня так же важно, как и для вас, Светлана-Света.

– Это что… эти сирены и вас сюда привлекают? – удивилась девочка.

– Нет, я здесь исключительно по своему выбору. Меня интересует один вопрос относительно сирен. Если поток времени и можно

искривить и замедлить, то для этого требуются огромные тела, с гигантскими массами и с астрономическими гравитациями.

«О, ну начал…» – думала девочка, но перебивать будущего попутчика не решалась.

– Как в таком случае, – продолжал Лю, – какие-то незначительные существа могут создавать импульс, который в корне нарушает незыблемые временные величины, как они производят импульс, требующий гигантских энергий? Или у них есть какие-то иные механизмы? Тогда каковы они?

– Так, значит, мы пойдем к этим сиренам? – Это был как раз тот вопрос, который волновал девочку больше всего.

– Да, мы можем отправиться, как только вы сочтете, что готовы.

– Супер, а что мне делать с этим? – спросила Светлана и потрясла банкой с черной пылью.

– О, это будет совсем несложным делом. Я сейчас расскажу. Проходите в ту часть помещения, которое мы, с обоюдного согласия, решили использовать как место для моей концентрации.

Света прошла в комнату, где находились мухи и дохлая птица, где были окна, выходящие на юг, на жгущее солнце, от которого пластиковые жалюзи почти не спасали.

– Поделите мысленно содержимое банки на три части.

Светлана подняла банку и поглядела на содержимое. Не так уж пыли и много, чтобы еще и делить ее. Эх, не вспугни девочку страж, принесла бы полную банку.

– И первую часть, – продолжал Любопытный, – просыпьте в виде линии прямо у входа в помещение, как бы этой линией перекрывая его.

«Магия, что ли, какая-то?» – думала девочка, делая то, о чем просил голос.

А он, словно услышав ее мысли, пояснял:

– Это вещество, что вы добыли, поможет создать барьер, с помощью которого я создам экран, который позволит мне сократить затраты ресурсов и энергии для пребывания в этом трехмере.

– Я правильно сделала? – спросила Света, слегка волнуясь. Ну мало ли, не хотелось бы впустую потратить пыль, которую девочка добыла с таким трудом.

– Да, все так, как и должно быть. Теперь насыпьте такую же полосу, из еще одной трети добытого вами вещества, вдоль проема в

стене, через который сюда проникает свет.

«Понятно».

– Да, – похвалил Лю, когда она закончила. – Все остальное вдоль двух стен, таким образом создавая периметр с четырьмя углами.

– Так? – спрашивала Света, рассыпая пыль вдоль стен с расчетом, чтобы хватило на обе.

– Именно, – произнес Лю. – На сегодня мой ресурс исчерпан, но с завтрашнего дня я смогу уже начать движение на север, туда, куда вам нужно.

– Значит, увидимся завтра? – спросила Светлана.

– Значит, увидимся завтра.

Когда он перестал откликаться, девочка ушла в свою часть депо; дохлая птица и тысяча мух – так себе соседи. Даже тут было жарко. Она достала из рюкзака нагревшуюся бутылку чая «Липтон». Никогда такого не пробовала. Она стала пить почти горячий напиток и, чуть отгибая мягкие от жары жалюзи, посматривать на улицу. Там почти ничего не изменилось. Тела так и висели на заборе, кусаки уже облепили и второе тело, рой мух даже отсюда было видно. Из них что-то уже капало, от жары, наверное. Света поморщилась, закрыла бутылку. Будь этот чай холодным, он был бы вкусным. Она присела возле стены, стала копаться в рюкзаке. Достала коробку с листьями фикуса, узелок с монетами. Еще раз рассмотрела все монетки, включая серебряные.

И опять ей в голову пришла мысль: кусака-то попал в ее комнату. Ей это не привиделось, его братья нашли. Девочка завязала монеты в узелок. Все, кроме одной. Узелок спрятала в рюкзак, а золотую монетку… в рот, положила за щеку. Вздохнула и стала ждать пробуждения.

Глава 30

Конечно, надо было что-то съесть. Да и не что-то, а поесть как следует. Но он только выпил воды из-под крана. Там, во сне, пил всякую гниль. В прямом смысле этого слова. Он последний раз пил из лужи, и вода отдавала тухлятиной. Так что вода из старых труб, давно требующих замены, показалась ему божественной. Виталий Леонидович бросил в стакан зубную щетку, поглядел на себя. Лысоватый, но обаятельный, на вид никто не даст ему больше пятидесяти. И это пока он небрит и не стрижен. А чувствовал он себя на тридцать, не больше. Ни голова, ни спина его уже не беспокоили. Даже прокушенная нога не болела, все было нормально. Если не считать того, что сегодня одна из самых кошмарных… В общем, сегодня его посетила та, о которой он до сих пор думал, что она и не подозревает о его существовании. Сюрприз был неприятный. Мягко говоря. И тут нельзя было тянуть. Не то она опять явится, и не с одной собакой, а с парочкой, а то и с самой ядовитой змеей, которую видело солнце. Роэ вышел из ванной, на ходу, не глядя, выхватил из прикроватной тумбочки стопку купюр, ключи от двери, телефон и вышел из квартиры.

Уже стемнело. Надо было зонт захватить, но дома, кажется, зонта не нашлось. Виталий Леонидович поднял воротник, подставил лицо под холодные капли и пошел за кофе. Он мог бы выйти через проходняк четвертого дома на Малую Садовую. Но там, даже вечером и в дождь, всегда толкутся туристы. А сейчас он не хотел видеть людей. Хотя как их можно не увидеть, если ты ходишь почти по Невскому. Пошел дворами до Караванной, там остановился. Очень захотелось свернуть налево, там в ста метрах от него был итальянский

ресторан «Мама Рома». Кухня вполне приемлемая. Он с удовольствием съел бы две порции макарон, но сейчас не до них. Все после. Он пошел туда, где ему всегда делали самый крепкий кофе. В ресторан «Централь». Не раздеваясь, уселся за стол и у незнакомой официантки заказал три двойных эспрессо с собой. Повздыхал, глядя, как туристы едят что-то вкусное, для него сейчас все было вкусным. Дождался заказа, расплатился и пошел в дождь, с удовольствием отпивая крепкий напиток прямо на ходу. К кофе отлично подходят сигареты. Он предпочитал «Мальборо». И даже дождь не мешал ему смешивать два удовольствия.

Идти недалеко. Пока допил кофе, прошел Караванную, перешел по мосту Фонтанку. Кофе помог прийти в себя. Но он не накурился – только сошел с моста, как взял вторую сигарету. Не доходя до церкви Симеона и Анны, свернул на Моховую. Конечно, он не знал, застанет ли тех людей, что ему нужны, дома. Но он знал наверняка: если позвонить по телефону, он их точно вспугнет. Людишки были ушлые, сразу свалят и затихарятся где-нибудь на дачах в области. Потом не найдешь.

А вот и дом сорок по Моховой. Проходняк. Виталий Леонидович идет во дворы дальше, дальше. Поднимает глаза – да, людишки дома, через портьеры полосами пробивается свет. Еще бы код на двери не сменили, и все было бы прекрасно.

Старый, стертый пальцами электронный замок. Нет, все в порядке, дверь поддалась. Роэ входит в парадную, тут пахнет застарелой сыростью, впрочем, как всегда. Он поднимается на второй этаж. Коммуналка, на двери два звонка, но это для случайных людей. Можно было звонить в любой звонок, хоть обзвонись, – дверь никто бы не открыл. Нужно стучать. Роэ постучал в старую двухстворчатую дверь кулаком.

Ничего – тишина. Но он знал, что его слышат, и поэтому тарабанил дальше.

«Ну, уроды, открывайте, или хотите, чтобы все соседи выглянули посмотреть, что тут происходит?»

Наконец за дверью раздался голос:

– Кто там?

– Открывай, Фисюк, – громко позвал Виталий Леонидович, – это Роэ.

Пауза. Да, ему явно тут не рады. Он усмехнулся.

Сейчас там думают, что нужно было не подходить к двери, но теперь уже поздно. Виталий Леонидович снова несколько раз бьет в дверь кулаком. Наконец замки отпираются, дверь открывается, Роэман хватает ручку и дергает ее на себя, входит, отпихивая хозяина в прихожую, запирает за собой дверь:

– Как жизнь, Фисюк?

– Вашими молитвами, – отвечает хозяин дома. Он одет в майку-алкоголичку, в тренировочные штаны, он лыс, на носу очки, в руках книга.

Петербуржская интеллигенция в двадцатом поколении. Роэ усмехается, не спрашивая разрешения и не снимая грязной обуви, проходит дальше, останавливается у одной двери, распахивает ее. За ней абсолютно пустая комната. Роэ принюхивается. Спрашивает хозяина:

– Что, вы сегодня без гостей?

Тот смотрит без всякой радости:

– Чем могу служить, Виталий Леонидович?

– Можешь послужить, да, чем-то сможешь. – Роэ идет дальше по коридору. – Ну а где же наш мальчик, Фисюк, где он, твоя кровинушка, твой красавчик? А? Дай на него взглянуть. Давно его не видел.

«Кровинушку» он находит в гостиной. Там у стола стоит скособоченный молодой человек, горбун с длинными сальными волосами и ужасным лицом, на которое наложило печать слабоумие.

– А вот и он. – Роэ проходит в комнату и без приглашения садится за круглый стол под низко висящей лампой. Разглядывает горбуна. Улыбается. – Вот он, надежа папкина. Как дела, полудурок?

Молодой человек молчит, поглядывает на отца: мол, что делать? Но тот ничего ему не отвечает. Фисюк-старший глядит на Роэмана поверх очков и спрашивает:

– Так чем мы обязаны вашему визиту?

– Ну что вы за люди такие, интеллигенция? – Роэман вздыхает. – Ни чашки чая не предложат, ни рюмки водки, ни поесть чего-нибудь… Ах да, я же не ем того, что жрете вы. Наверное, поэтому вы мне ничего и не предлагаете.

Фисюк и его уродливый сын молчат, и Роэ понял, что пора переходить к делу:

– Ладно, скучные вы существа. Короче, был гонец у меня. – Виталий Леонидович не стал уточнять, что за гонец, чтобы не пугать этих двоих. – Просил, чтобы я нашел червя.

Фисюки переглянулись. Роэ заметил это и продолжил:

– Он где-то на юге входит. Нужно его найти… Найдете – и сможете сделать с ним все что угодно.

– Он носит вещи? – осторожно спросил Фисюк.

Его осторожность Виталию Леонидовичу была понятна. Фисюки, папка с сынком, сами ходили за вещами.

И он захотел их немного успокоить:

– Нет, червь воняет гарью.

Но у Роэ ничего не вышло, он еще больше напугал их. У отца лицо сразу вытянулось, да и сынок-недоумок тоже все понял. Раскрыл рот и смотрел на отца.

– Что, уже обгадились? – Роэ зло усмехнулся. «Это вам не малолеток ловить, уроды». – Ладно, только найдите, дальше я сам.

– Виталий Леонидович… – Фисюк-отец подошел к столу и положил на него книгу, которую до сих пор держал в руках. – Вы же знаете, мы антиквары, мы занимаемся исключительно вещами. Гарь – это не наш уровень.

– Да знаю я все, – произнес Роэ. Он вздохнул. Конечно, Фисюк прав, это не их уровень. Но это был и не уровень Роэмана. Тем не менее Бледная пришла к нему. Выбрала его. И он не собирался отказываться от дела. Во-первых, потому что оказать услугу Привратнице дорогого стоит. А во-вторых, попробуй не окажи ей услугу. Или не оправдай надежд. Проснешься потом у себя в постели, и последнее, что увидишь, – так это слюнявые пасти псов над своим лицом. Или маленькую, красивую, пеструю и очень ядовитую змейку. Нет, если она снизошла до тебя, нужно обязательно выполнить ее просьбу. Роэ это понимал, а вот эти… родственнички, видимо, еще не осознавали всей важности момента.

– Вряд ли мы сможем помочь, Виталий Леонидович, мы же только по вещам, гарь – это не наш уровень, – вновь покачал головой Фисюк-старший.

– Послушай меня, Жан Карлович, нумизмат и интеллигент, – заговорил Виталий Леонидович, вкладывая всю свою убедительность в каждое слово, – ты даже представить не можешь, насколько важная

для тебя эта просьба. Стоишь тут, дурак, блеешь что-то, пытаешься отползти. Ты и твой сынок, – Роэ взглянул на горбуна, – вы просто вонючие трупоеды, которые живут лишь потому, что кому-то лень ими заниматься. Понимаешь?

– Да я не в том смысле! – Было заметно, что Фисюк заволновался. – Не в том смысле. Мы не сможем найти червяка, если он не носит оттуда вещи. Вы же понимаете? Если он что-то пронесет, то, конечно, мы постараемся.

– Начинай уже стараться, – сухо сказал Роэ, поднимаясь со стула, – носит червь вещи, не носит – неважно. Начинай шерстить своих барыг, я хочу знать, что вещей с запахом гари в городе нет. Так что, Фисюк, ищи.

Разговор был закончен, и он пошел к выходу. Жан Карлович молча за ним. Перед дверью Роэ остановился:

– Да, кстати, не уезжай никуда из города и не спи долго.

Фисюк кивнул. Но Виталию Леонидовичу этого было мало.

– Никуда из города не девайся, пока я не найду червя. Ты должен все время быть тут. Слышишь? Отвечай.

– Да, Виталий Леонидович, я все понял, – ответил нумизмат.

Когда дверь закрылась, Роэ услышал, как Фисюк ее пнул пару раз. Роэман усмехнулся: пусть бесится. Но пусть начинает искать.

Глава 31

Девочка реально захлебывалась во сне, лежа на спине. Вместо воздуха в ее легкие потекла жидкость. Густая и тяжелая, со знакомым, мерзким привкусом. И естественной реакцией на это был резкий спазм, кашель и красный фонтан из мелких брызг. Потом она быстро перевернулась на бок и прямо с кровати выплюнула густую красную струю на пол. Кровь. Она открыла рот и замерла, чтобы дать последним каплям крови со слюной спокойно вытечь на пол. Странно, но никакой боли не было, даже страха не было, а поселилась в девочке унылая усталость вперемешку с апатией. И всего один вопрос кружился, как заезженная старая пластинка, в ее голове: ну что опять? Господи, ну что опять-то?

Светлана поначалу не заметила, что в крови на полу желтеет кругляшок, валяется, поблескивая лишь одним видимым краешком.

Монетка! Она, еще не веря своим глазам, пальцем лезет в кровь. Да, так и есть! Это была та самая золотая монета, которую она прятала за щеку. Кровь во рту, кровь на полу, на пододеяльнике, на подушке, но все это сразу забылось. И вот она уже думает: кому продать монетку? Сколько она стоит? И настоящая ли она?

Взглянула на братьев – те спят – вскочила за тряпкой. А золотой держит в кулачке. Вытерла пол, сняла заляпанный кровью пододеяльник и в ванную. Стала умываться, чистить зубы, тут и щека начала болеть. Щека и еще десна. Снова кровь изо рта. Но на раковине в мыльнице лежала золотая монета, стоило на нее взглянуть, вроде и не так уже болит.

Братьев подняла, одела, быстро отвела в садик, отпустила сиделку и, пока папа не пришел, сразу села за компьютер. Сидела, трогая

языком немного кровоточащие порезы на щеке и на десне, и читала: «Куплю». «Куплю». «Куплю». Желающих купить монетку предостаточно. Это ее радовало. И еще больше радовало, что стоимость подобных монеток начиналась от сорока трех тысяч. Для Светланы это были огромные деньги. Новое белье для себя, одежда для близнецов, деньги для Ивановой. Чтобы она не запугивала папу, что уйдет, если он не повысит ей ставку. Девочка стала читать и читать про монеты, даже позабыв про голод, что донимал по утрам. Но вот что было неприятно: везде, где сайты казались ей серьезными, у продавца просили паспорт. А там, где паспорт не спрашивали, возможно, поджидают мошенники. Вдруг у нее отнимут монетку? Или скажут, что у нее плохое качество? Светлана еще раз осмотрела золотой, не найдя на нем никаких повреждений. Она даже начала склоняться к мысли, что лучше будет просто отдать монетку папе и сказать, что нашла ее. И тут же девочка подумала об остальных монетах, что остались в Истоке. А что она скажет про них? Или так и будет врать всякий раз про находки? Или придется папе рассказать про ее сны. Ну да, только этого ему не хватало. Но было во всей этой истории еще кое-что, в чем девочка не хотела признаваться даже себе.

Когда пришел папа и стал выпроваживать ее в школу, она лишь выпила воды перед выходом. И про монету ему ничего не сказала.

Жаль, что не перекусила, есть девочке хотелось зверски. Раньше она тоже любила поесть, особенно после тренировок, хотя тогда ей приходилось следить за питанием. Теперь же, когда Светлана стала видеть эти сны, она все чаще и чаще чувствовала сильный голод, такой, что было все равно, что есть. Она могла бы сейчас съесть просто хлеб с майонезом. Под урчание желудка она добежала до школы, уже соглашаясь с тем, что придется потратить деньги в школьном буфете.

Добежала как раз к перемене на второй урок, и тот, кого она искала, уже был в школе. Он сидел один за четвертой партой у окна. Звали его Митяй Глушков. Он считался самым умным и сведущим мальчиком в классе. Глушков и учился хорошо, и знал много всего полезного. Света подошла к нему:

– Привет, Митя.

Митяй оторвал взгляд от телефона, вытащил один наушник из уха:

– Чего тебе, Фомина?

В его голосе этакое дружелюбное безразличие, он всегда с ней так разговаривает. Это совсем не грубость, но и хорошим его отношение к ней не назвать. Кстати, это он придумал для нее такое на первый взгляд нейтральное, а если вдуматься, то вполне себе обидное прозвище, как Спортивная. В устах одноклассников это всегда звучало как Тупая.

– Мить, можешь узнать, сколько это стоит? – Девочка достает монету и протягивает ее однокласснику.

Он сначала небрежно берет монету в руки, но затем удивляется.

– Ого! «Николашка»! – Он выдергивает из уха второй наушник. – Где взяла?

В помещении народа немного, полкласса, не больше – пандемия. И их разговор привлек внимание, заинтересовал, мальчишки начали сползаться со всех окрестных парт, чтобы поглядеть что там приволокла Спортивная для классного умника.

– Ого, это что – золото? – спрашивает кто-то из класса.

– Да нет, это фигня, это цыги на вокзалах впаривают лохам, – говорит другой.

– Ни фига, не, – отвечает умный Митяй, – по весу сразу чувствуется.

– Дай глянуть, – просит третий.

Света училась с ними с первого класса, знала всех уже много лет, но тут заволновалась: вдруг монетка вот так вот пойдет по рукам, да и пропадет. А пацаны смотрели монету, вертели ее в руках, соглашаясь с тем, что она и вправду тяжеленькая. На эту суету и девочки пришли. Позабыли про свое высокомерие. Тоже стали смотреть монету. А тут Митяй и повторяет свой вопрос:

– Фомина, а ты где ее взяла-то?

Вот она, та секунда, ради которой она и принесла монету в школу. Да. Именно из-за этого и несла. Девочке до смерти надоело быть пустым местом в этом классе. Надоело! Девочки ее уже давно за свою не считают, а мальчишки… Ну что с них взять? Грубые всегда. Фома, Спортивная, Фомина в лучшем случае. Все вечно ее так и звали, наверное, не смогли бы вспомнить ее имя. А тут – раз, и благодаря монетке все собрались вокруг нее. И все ждут ответа! Когда такое

было в последний раз? Светлана и не вспомнила бы. И, видя, что все одноклассники на нее смотрят, она говорит нарочито небрежно:

– Да нашла. Митя, а ты можешь узнать цену монетки?

– Сейчас узнаю. – Глушков лезет в телефон.

А Светлана стоит почти счастливая, ведь никто, даже девочки, не расходится, всем тоже интересно, сколько стоит монетка. Митька ловко шевелит пальцами, в его телефоне все грузится быстро:

– Короче, самый серьезный в городе аукцион – это… «Конрос»… Так, вот. Он еженедельный. Ого… Золотых монет мало. Ну вот. Царские червонцы начинаются от сорока тысяч. О! И до ста восьмидесяти бывают.

– Машину можно купить! – доносится голос, от которого Свете становится не по себе.

Ну, конечно, это Пахом, придурок.

– Какой там у тебя год? – продолжает копаться в телефоне Митяй.

– Тысяча девятьсот одиннадцатый, – отвечает Светлана уже чуть настороженно, так как к ней протискивается Пахомов.

– Фома, дай-ка глянуть.

И пока она думала, что ответить, он своими крепкими, как пассатижи, пальцами вырвал у нее монетку. Осмотрел и констатировал радостно:

– Тяжелая. ЗэБэЭс. Где взяла?

А Светлана волнуется, пытается забрать у него монету.

– Пахомов, дай сюда.

– Да чего ты вибрируешь, Фома, отдам, – говорит он, глядя на девочку с презрением.

А Митя в это время произносит:

– Месяц назад червонец одиннадцатого года продали за сорок семь тысяч рублей.

– О! – удивляется Пахомов. – Нормальная лавэха. Можно покуролесить некисло недельку.

– Ага, – соглашаются пацаны и смеются.

«Мамочки, он, что, хочет забрать монету?»

– Отдай, Пахомов! – Света вцепилась ему в руку, она уже готова отнимать золотой у этого огромного парня. Но девочка понимает, что не сладит с ним, у него рука как из железа. Она даже согнуть ее не сможет. Света уже думает, что придется пожаловаться классному.

– Да угомонись ты, долбанутая… На-на, – говорит он снисходительно и небрежно возвращает монету, – успокойся только. Чего ты такая дикая? Ты вообще пипец, Спортивная.

В его устах это звучит как оскорбление, мол, полная дура.

Но девочке плевать, она чуть успокаивается, лишь зажав монетку в кулаке. И тут же спрашивает у Глушкова:

– Митя, а можешь взглянуть, тысяча девятьсот четвертый год сколько стоит?

– Фомина, ты, что, клад нашла? – спрашивает тот и снова заглядывает в свой телефон.

Света молчит, волноваться нечего, внимание половины класса приковано к ней – маленькое счастье, никто не вспоминает, что она в трениках и рваных кроссовках.

– Да нет, – отвечает она скромно. – Не клад, пару монет. Случайно.

– О! Ого! – Митяй удивленно глядит на Светлану. – «Николашка» девятьсот четвертого года улетел два месяца назад за сто семьдесят одну тысячу.

– ПэПэЦэ! – восклицает Пахомов. – Это уже реальные лавэ!

– Крутой скутер можно купить, – говорит один из мальчишек.

– Одеться можно реально на такие деньги, – добавляет одна из девочек.

«Помочь папе закрыть кредит, вот что реально на такие деньги! – думает Светлана. – И оплатить повышение зарплаты Ивановой до самого марта».

– Правда, надо учитывать, что аукцион длится неделю и после продажи вычтет у тебя десять процентов, – резюмирует Митя, не отрываясь от телефона.

Неделя – это ерунда, она потерпит, а вот проценты… Светлана быстро прикинула, считала она хорошо, до шестого класса была почти отличницей:

– Десять процентов? Ну… Я согласна…

– Только твоего согласия маловато будет, – огорчает ее Митя. – Там еще и паспорт требуют.

– Паспорт? – Света сразу погрустнела, паспорта ей ждать еще месяц.

– У меня есть паспорт, – заявил Пахомов.

Это все знали, он знатно напился, когда шестнадцатый день рождения весной праздновал. У него на даче собралась большая туса на два выходных дня. Там такое было… Об этом вся школа говорила.

«Да, конечно, ищи дуру!» Даже и речи про это быть не может. Из всех ее знакомых Пахом будет последним человеком, которому она доверит такое дело.

– Нет, спасибо. – Она качает головой. И, кажется, этим расстроила Пахомова.

– Во ты тупая! – говорит Пахомов.

Он точно что-то задумывал сделать с ее монеткой.

А Митяй предлагает:

– Слышь, Пахом, а ты отведи ее к Валяю, он точно монету купит.

– О! – сразу загорелся Пахомов. – Точно, Митяй! Ее к Валяю надо. Пошли, Фома, продадим твою монету.

«Он хочет долю, что ли, получить? – думает Светлана. – Иначе чего он так суетится?»

– Да успокойся ты, – словно догадался о ее сомнениях Пахомов, – я себе ничего не возьму.

Девочка не очень-то в это верит. Но спрашивает у Глушкова:

– Митя, а что это за Валяй?

– Барыга, – отвечает за Митю один из мальчиков.

– Самый реальный барыга на «Парке Победы», – подтверждает Митяй, – вон Пахом его хорошо знает. Он у него траву берет. Он почти что брат его.

Все смеются, а Пахомов, как дурачок, важничает, указывая на себя большими пальцами обеих рук – да, детки, я такой. А потом поворачивается к Светлане:

– Ну, че, Фома, погнали к Валяю, пока училка не приперлась?

Света растерялась, в общем, она не хотела бы идти с ним.

– Иди, Фомина, – напутствует Митя. – Валяй самый реальный барыга на районе, говорят, что он на все реальную цену дает, не жадничает, как цыгане.

Все ребята и девочки согласились с Митяем. Светлане было очень приятно, что все так заинтересовались ее делом. Но это было странно – Пахом и она? Он недавно ее рюкзак порвал, он обзывал ее по-всякому и вообще был уродом. Но все как-то так само собой вышло, что она… согласилась. И, схватив рюкзак, уже после звонка, пока

учительница еще не пришла, выскользнула из класса вслед за Пахомовым.

Глава 32

А ходит Пахомов быстро, не будь Света тренированным человеком, наверное, не успевала бы. А еще он все время рассказывал что-то. Как он бухал, курил и оттягивался всякими другими способами. Он словно хвалился. Только вот на Свету его похвальба производила обратное впечатление.

«Я и так знала, что ты тупой!» – думала она, слушая, когда и сколько Пахом покупал у этого самого Валяя разных наркотиков.

– Он хрен с кем будет иметь дело, если чела не знает, – рассказывал одноклассник. – Так-то он только через закладки работает. Но если какой товар ему приносишь, то, конечно, говоришь с ним лично. Короче, все будет о’кей. Деньги у него всегда есть, сольем мы ему твою монету.

Но Светлана все равно волновалась. Она и Пахому не очень-то доверяла, а тут еще какой-то Валяй-барыга. Девочка слушала глупые и пустые рассказы одноклассника, а сама языком трогала рассечения на щеке и десне. Странно, но боль прошла, и привкуса крови она не чувствовала. Утром такие фонтаны были, а теперь ничего. Шли они по Варшавской улице и, не дойдя до Кузнецовской, перешли Варшавскую и за большой «Пятерочкой» свернули во дворы.

– Короче, это… – продолжал бубнить Пахомов, – как монету продадим, давай по шавухе заточим?

«Съесть по шаверме?» – девочка не могла знать, сколько стоит шаверма, но думала, что не очень дорого. А еще думала о том, будет Пахомов платить за себя или хочет, чтобы она из вырученных денег заплатила за него.

– Я знаю на Московском одну крутую рыгаловку, там делают кайфовую шавуху, – продолжал ее спутник.

Но она так и не ответила ни да, ни нет. Потому что они пришли.

– Стой тут, я сейчас, – велел Пахомов у одного из домов и пошел к подъезду.

Он встал у домофона, набрал код и целую минуту что-то говорил. Потом подошел к Светлане и сказал:

– Давай отойдем чуть-чуть, чтобы он нас из окна увидать мог. Ну, он тебя не знает, чтобы не думал, что я мусоров привел или еще кого. Он знаешь, какой осторожный.

Света, конечно, не знала, но отошла подальше. Пахомов не умолкал, он стал рассказывать про разные случаи покупки наркоты, про закладки, про кидки, про то, какой нынче барыга пошел гнилой, клиентов кидает постоянно. Так и болтал, пока из подъезда не вышел мужчина с собачкой.

– Вот он, – довольно сказал Пахомов. – Сейчас все порешаем.

Валяй был высокого роста, с самого Пахомова, кажется, но значительно крупнее. Он вел рыженького шпица на поводке и зачем-то прятался под раскрытым зонтом, хотя дождя не было.

– Здарова, – коротко бросил Валяй, подходя к ребятам. Руки не протянул, а на Светлану и не взглянул даже. – Ну, чего там у тебя?

– Покажи, – велел одноклассник Светлане.

Она достала монету и протянула барыге, ладошки вспотели, сейчас девочка сильно волновалась, и немудрено, речь-то шла об огромных деньгах. И этот большой человек, взрослый мужчина лет двадцати восьми-тридцати, казался ей очень серьезным. И опасным. Ну, не таким опасным, как Аглая или черныш из «Радуги», но все-таки…

Она так и держала монету на руке, но Валяй ее не брал, а уставился на Пахомова и чего-то ждал.

– А! – Пахом хлопнул себя по лбу. – Понял!

Он взял у Светланы монетку из руки и протянул ее барыге. И только после этого Валяй взял монету. Света подумала, что сейчас он начнет сомневаться в том, что это золото, но барыга лишь подбросил монету, взвешивая ее. И все. Он спрятал ее во внутренний карман куртки. Девочка напряглась: ну а деньги? Она взглянула на одноклассника. А Валяй тем временем полез в боковой карман и

достал оттуда огромную, толщиной в два пальца, пачку денег. Там были и сотенные купюры, и двухсотенные, и тысячные, и пятитысячные. И он одну за другой вытягивает из пачки две пятитысячные купюры и протягивает их Пахомову.

Пахомов берет их, руку не убирает, но Валяй пачку денег прячет обратно в карман. Это все! Света и так была на взводе, а тут она даже дышать перестала. Что? Что это такое?

Десять тысяч за монету, которая стоит сорок семь? Она смотрит на Пахомова: ну скажи же ему. Но Пахом и сам знает, что делать:

– Э… Э… Валяй, погодь…

– Чего? – спрашивает тот, а сам уже поворачивается, чтобы уйти.

– Да чего-чего, денег-то мало дал. Тут всего десятка, вот чего. Монета сорокет стоит на аукционе.

– Я тебе не аукцион, – бросает Валяй.

«Десять тысяч вместо сорока семи, ну ладно, проценты там и все прочее, это понятно, но все равно пусть сорок, но не десять же!»

Светлана очень волнуется.

– Все равно, Валяй, так не делается, это беспредел.

– Че ты метешь, бычара! – И так не очень доброе лицо барыги становится и вовсе злым. – Ты мне двуху уже две недели должен, какой еще беспредел?

– Не двуху, а тысячу восемьсот, – поправляет его Пахомов, – и это наши дела, а монета, – он кивает на девочку, – это ее.

– Нет, не ее, – твердо говорит Валяй. – Я ее знать не знаю и видеть не видел, монету ты мне подогнал, а ты мне лавэ должен. Че тебе не ясно?

Вот теперь всем, включая Светлану, все стало ясно. И девочка с ужасом поняла, что денег она уже не увидит, хорошо, если те десять тысяч, что ее одноклассник держит в руке, ей достанутся.

Но Светлана все-таки недооценивала Пахомова. Одноклассник вдруг хватает барыгу за рукав куртки, крепко так хватает, и говорит ему очень даже резко, борзо:

– Слышь, Валяй, наши дела – это наши дела, а монету девке верни.

Света смотрела на это почти с ужасом: злое лицо барыги перекосила ненависть вперемешку с удивлением:

– Ты че, торчила, офигел? Вообще края потерял? А? – И теперь в его голосе слышались такие нотки, от которых у девочки ноги стали подкашиваться. Все шло к драке.

А вот у Пахомова ноги, кажется, совсем не подкашивались, и драки, кажется, он не боялся, он не выпустил рукав куртки барыги и повторил все с той же твердостью:

– Монету девке верни.

Ну а дальше… В ответ он получил удар в лицо. Кулак Валяя, может, из-за того, что он был медлителен, а может, из-за того, что сжимал поводок с собачкой, до лица Пахома долетел совсем не так быстро, чтобы сбить парня с ног.

«Ну вот и началось», – с каким-то глупым спокойствием думала Светлана, глядя на то, как дрались двое высоких мужчин. Валяй пытался Пахомова бить, а тот, вцепившись в его одежду, вдруг на удивление ловко затащил тушу барыги себе на бок, а потом подсек его ноги, и они вместе, грузно и тяжело, рухнули на грязную и сырую после дождя землю. Хрустнул зонт, завизжала собачка, кто-то из мужчин крепко задел ее ногой. А одноклассник Светланы, несмотря на то что был значительно легче Валяя, вдруг оказался на нем и, правой рукой приобняв за шею, левой пытался бить и бить тому в огромную рожу. Но самое главное, что сейчас волновало девочку, так это деньги. Толстенная пачка денег почти выпала из кармана барыги, часть купюр уже валялась рядом с дерущимися в грязи. В другой раз она даже и не подумала бы о таком… Впрочем, девочка и сейчас не долго раздумывала. Ей просто нужны были деньги, и все. Она подбежала и вытащила торчащую пачку из кармана Валяя, еще и подняла те купюры, которые выпали, и после этого закричала:

– Пахомов, деньги у меня.

Странное дело, но он ее расслышал и сразу ответил:

– Беги! Я сам…

У него были разбиты в кровь губы.

Она не побежала. Света никогда такого не делала раньше. Но оставлять одноклассника один на один с этим боровом девочка не хотела. Светлана не спеша обошла дерущихся, выбрала удобное место и… с оттяга, со всего размаха, врезала ногой прямо по лицу Валяя, сильно врезала, так что у того челюсть клацнула, а у нее нога заболела.

Он закатил глаза, а Пахом еще добавил в рыло два раза кулаком. И тут заорала какая-то бабка с балкона на втором этаже:

– А ну… Что делаете? Наркоманы! Убивают, убивают! Люди…

Пахом уже вскочил, крикнул:

– Погнали, чего стоишь?

Еще и за руку ее дернул, и побежал сам. Ну уж бегать Светлану заставлять было не нужно. Она сразу сорвалась за ним, а через сотню метров перегнала. Бежала, крепко сжимая в кулаке большой ком из купюр. Теперь пусть попробует этот Валяй ее с денежками догнать!

А Пахомов бежал сзади и орал, орал громко. Только не разобрать что. Света даже повернулась посмотреть, может, кто его преследует, но нет. Пахомов, придурок, просто бежал и орал:

– А-а-а-ха-ха-ха… А-а-а-а-ха-ха!..

Светлана остановилась. Женщина с коляской, бабулька, другие прохожие смотрят на него, а он все не унимается. Вот придурок, честное слово!

– Пахомов, чего ты орешь? – спрашивает она строго, когда он догоняет ее.

А этот идиот лыбится своими разбитыми в кровь губами и говорит:

– Ваще ништяк! Давно хотел какого-нибудь барыгу шваркнуть!

«Давно хотел? С садика или с младших классов, что ли? Он конкретно тупой».

Они дошли до Кузнецовской, быстро пошли по ней к Московскому проспекту, а он ей говорит сбивчиво, еще не восстановив дыхания:

– Слышь, Фома, а ты молодец! Офигенно поддела его, у него аж лупыдры после твоего пинка закатились, я его уже спящего добивал! – Он закидывает голову, смеется. – А-ха-ха…

– А он не будет нас искать? – спрашивает девочка, этот вопрос ее и вправду волнует, она, честно говоря, побаивается.

А Пахомов бросает небрежно и беспечно:

– Тебя-то точно не будет.

«Нет, что ни говори, а Пахомов стопроцентный болван, вообще у него башка не варит!»

Они уже дошли до Московского, он и говорит девочке:

– Ну че, шавуху-то я заработал? – и при этом… вдруг… обнимает прямо на ходу Свету за плечи, притягивает к себе и заглядывает ей в глаза. – Давай заточим по шавухе? Угощаешь?

Он, конечно, большой, но не очень красивый парень, несуразный какой-то, румянец на щеках, как у маленького мальчика. Прическа дебильная. Нет, не очень… Да еще и дурак. Но Светлана не может ему отказать, хоть ей и жалко денег. Она произносит:

– А где твоя шаверма?

– Да тут недалеко, не доходя до «Электросилы». – Он показывает на другую сторону проспекта.

– Ну давай… – соглашается Светлана. Она волнуется. Вдруг Валяй сейчас собирает каких-то там своих подручных, чтобы искать их. Чтобы отнять деньги и наказать оборзевших малолеток.

Девочка смотрит на одноклассника, но тот весел и беззаботен, ее удивляет его настроение. И свое тоже: помимо страха и волнения, ей очень приятно думать о том, что у нее сейчас куча денег.

Это очень, очень странные ощущения: она и Пахомов, шваркнув барыгу, идут на вырученное лавэ есть шавуху.

«Мы гопники с районов? Правда, где тут на „Парке Победы“ настоящие гопники?»

Девочка тайком косится на одноклассника. Нет, Пахом все-таки не очень… ну, не очень он красивый парень, хоть и сильный.

Смелый, конечно, тут ничего не скажешь, сильный, но все равно… не очень…

Глава 33

Забегаловка в сто семьдесят шестом доме по Московскому проспекту оказалась весьма чистенькой, уютненькой. Музычка приятная. Столики опрятные. Давно Светлана не была в подобных заведениях, хотя раньше, когда папа имел бригаду промышленных альпинистов и много зарабатывал, она часто бывала в ресторанах.

Пахом поставил перед ней литровую бутылку пепси, кинул рюкзак, плюхнулся на стул:

– Это я за свои купил. А это твое.

Он выложил деньги на стол. Точно! У него же остались те деньги, что Валяй ему дал в самом начале. Смятая пятерка, тысячные купюры, мелочь – Света сразу сгребла их.

А Пахомов, пока они ждали свои шавермы, говорит:

– А сколько ты вообще лавех нахватила у барыги?

Да, точно. Света достала пачку из внутреннего кармана олимпийки, сложила их с теми, что ей дал сейчас Пахомов, и начала считать.

– Ну и че?

– Тридцать три тысячи семьсот, – отвечает она.

«ППЦ, – она еще не поверила, что эта куча купюр принадлежит ей, – целая куча деньжищ!»

– Блин, мало взяли, – говорит Пахом и идет за шавермами, они уже готовы.

«Ничего не мало, нормально». Света уже прикидывала, что этих денег хватит, чтобы решить все проблемы на пару месяцев.

Шаверма – это очень вкусно. Может, оттого, что девочка давно ее не ела, а может, оттого, что не позавтракала. В общем, это было так вкусно, что хоть бумагу ешь. К тому же ей все время подливал пепси-

колы ее новый товарищ, которого она еще вчера ненавидела. Все это было странно.

Девочка вышла из забегаловки голодной. Пахомов предложил идти в школу, чтобы классная не стала звонить родителям, но Света отказалась, сказав, что у нее дела. Тогда Пахом сказал, что пойдет с ней. Но девочке этого не хотелось, и она отказала ему. И как он ни навязывался, Света от него ушла. Пусть в школу идет. А сама побежала домой, по пути заглянув в магазин. Накупила много всего вкусного и себе, и папе, и близнецам, аж на полторы тысячи набрала. Пришлось соврать отцу, что нашла две тысячи. Он поверил и не ругал за то, что она не пошла в школу. Хотя и высказал ей, что надо было поэкономить деньги, но сделал это без особой строгости.

Папа вечером ушел на «салаты», а Света с нетерпением ждала. Ей очень хотелось решить один вопрос. Самой решить, без папы, и так, чтобы больше этот вопрос не всплывал.

И вот пришла на смену Иванова. Она еще не разулась, как Светлана спросила:

– Вы просили у папы денег? Ну, чтобы он вам больше платил.

– Я у отца просила, ты тут при чем? – как-то зло отвечала сиделка.

Этот ответ сразу встряхнул девочку, и в первый раз за год знакомства она произнесла серьезно:

– Раз спрашиваю, значит, нужно.

Иванова хотела пройти из прихожей в комнату, но Светлана загородила проход. Первый раз девочка была с ней так непочтительна. Сиделка удивленно остановилась, уставилась на нее, но Света не отошла, да еще и смотрела сверху вниз. И Ольга Александровна сдалась, смирилась и произнесла:

– Я просила повысить мне зарплату… Добавить триста рублей за смену. И мы с отцом…

Она не договорила. Светлана подняла руку, в которой держала деньги. Света помнила, сколько просила Иванова:

– Тут вам за следующий месяц, больше у папы не просите и даже не напоминайте ему, и не говорите, что я вам плачу.

– Откуда у тебя деньги? – спросила сиделка не очень дружелюбно.

– Работу нашла, – ответила девочка.

– Что же это за работа такая? – ехидно поинтересовалась Ольга Александровна. Тем не менее деньги взяла.

– Не ваше дело, – сухо ответила Светлана, сама себе удивляясь. – Отцу ничего не говорите.

– Как скажешь, – буркнула Иванова.

И только после этого Светлана освободила ей дорогу. Сиделка прошла в комнату к маме, а Света в ванную. Там, закрывшись, она встала перед зеркалом. Она была очень горда собой. Да, сегодня очень хороший день. Она заработала денег, пнула в морду барыгу и одержала маленькую победу над суровой сиделкой. Да, сегодня она молодец!

Он ехал в такси и смотрел на темный петербургский дождливый вечер, что проплывал за окном автомобиля. Огни, огни за мокрым стеклом. Красные фонари стоп-сигналов, белые фонари фар. Машина сворачивает на набережную Карповки. Приехали. Виталий Леонидович дает водителю шесть сотен рублей, выходит. Вот нужный дом. Набережная Карповки, восемнадцать. Он не торопится перебраться на нужную сторону, стоит над водой, закуривает сигарету. Ему не очень-то хочется туда идти. Он просто тянет время, хотя смысла в это нет никакого. Все равно придется. Холодные капли падают ему на лицо, на сигарету. Роэ собирается и, дождавшись «окна» в потоке машин, переходит улицу.

Мрак. Фонари почти не дают света. Он заходит в темную подворотню. Так и есть, он заранее знал, чем тут будет вонять. Моча и крысы. На другие запахи тут не следовало рассчитывать. После подворотни сразу узкий двор-колодец, где вместо светлого квадрата неба над головой чернота и холодный дождь. Роэ поднимает голову. Грязные окна черного колодца. Какое ни возьми, все страшные. Их не мыли много лет, поэтому в квартирах не выключают свет даже днем. Его интересует второй этаж. То окно, что ему нужно, завалено до половины мусором, черная рама почти сгнила. Значит, хозяева не сменились. Роэ заходит в подъезд, у него есть ключ от входа. Давно сделал, как и ключ от двери нужной ему квартиры. Темень, древняя лампа под высоким потолком еле светит. Кошки. К запахам улицы прибавляется запах кошек. Здесь, в подъезде, он особенно сильный, до тошнотворного. Виталий Леонидович поднимается на второй этаж по заляпанным стертым ступеням. Останавливается у одной двери, прислушивается. Кнопка звонка – бутафория. Никогда не работала. Роэ слышит, что в квартире кто-то есть. Впрочем, по-другому и быть не может. Он, тихо позвякивая ключами, аккуратно, чтобы не шуметь,

отпирает старую дверь. Дверь, зараза, скрипит, когда он ее раскрывает. А почти на пороге, в полумраке прихожей, его встречает… голый ребенок не старше одного года. Ребенок грязен и чумаз, его голова в два раза больше положенного. Он улыбается Виталию Леонидовичу, тянет к нему грязную руку. Роэ, придерживая полы плаща, чтобы, не дай бог, не прикоснуться к грязному ребенку даже одеждой, тихонечко закрывает входную дверь и идет по темному коридору на свет к кухне.

Вонь, кошачью вонь ни с чем не спутать, его дорогие ботинки на кожаной подошве прилипают к полу, тут что-то липкое, везде грязь. А вот и они. Кошки сразу две. И это не все, что тут обитают. Роэ уверен в этом. Хозяевам квартиры кошки необходимы для того, чтобы забивать запах. Роэ давно заметил: там, где живут кошки, эти ублюдочные животные, высока вероятность встретить еще более мерзких тварей.

Роэ беззвучно встал в проходе двери, он любил появляться неожиданно, любил заставать врасплох, и это у него получалось хорошо. За черным от грязи столом сидела черноволосая, с давно немытой башкой, костлявая и широкоплечая баба, она вылупила на него водянистые глаза. Баба явно не ожидала его увидеть. Она что-то прохрипела. А сидевший на отвратительном полу у раскрытого и давно размороженного холодильника парень открыл рот, широко открыл и запищал:

– Ты не должен так к нам заходить, Роэ! – Причем слова он не произносил, они вылетали из его глотки сами, ни губы, ни челюсть, ни язык не шевелились. Нудный, монотонный звук просто шел из его горла. – Мы тебя не звали!

– Вы бы хоть раз в десять лет делали тут уборку. Помойте хотя бы стены и стол, раз уж на все остальное вас не хватает, – Виталий Леонидович морщится.

– Ты здесь нежеланный гость, Роэ! – все так же не шевеля губами выдает этот чудной парень. – Матушка уже недовольна тобой. Мы тебя не приглашали!

– Плевать я хотел на твои приглашения, Рузик, заткни свой рупор и позови сюда мамашу, – холодно бросил Виталий Леонидович, по рассеянности прислоняясь светлым плащом к грязному косяку. К нему направилась молодая кошечка, хотела понюхать его брюки, но Роэ откинул ее ботинком. Брысь, мерзость.

Костлявая баба смотрела на него неотрывно, а Рузик, не вставая со своего места у холодильника, произнес:

– Коготь говорит, что распорет тебе брюхо, если ты не уберешься.

– Да-да. – Роэман помахал рукой костлявой бабе. Он, конечно, храбрился, но на самом деле с этой уродиной нужно держать ухо востро. – Хорошо, распорет, но сначала я поговорю с мамашей.

Баба вращала своими тупыми зенками, пытаясь нагнать на Виталия Леонидовича страху. А Рузик попыхтел раздраженно и спросил:

– Матушка хочет знать, о чем ты хочешь говорить?

– Дело обычное. Надо найти червя, – не стал тянуть Роэман.

– Ты дурак, Роэ, матушка сказала, что ты жратва жуков-могильщиков, вонючая крыса и что она не будет искать для тебя червей. Матушка сказала, чтобы ты убирался, – пропищал юноша.

– Скажи старухе, что я тоже ее люблю, а еще скажи, что червь входит где-то на юге… – начал Виталий Леонидович, словно не слышал последних слов Рузика.

– Ты, что, не слышишь меня? – Рузик раззявил свою пасть еще шире и пищал уже весьма громко.

– Да слышал я тебя, придурок ущербный, – небрежно сказал Роэ и продолжил: – Скажи старухе, что червь воняет гарью. Ирра его быстро найдет.

Да, он знал, что это произойдет.

Одно упоминание гари все изменило. И Коготь, и Рузик замерли, Роэ понял: сейчас они оживленно разговаривают с мамашей. И разговор был недолгим. Виталий Леонидович услышал, как за его спиной скрипнула дверь.

Ну вот, теперь начнется настоящее дело. Старая тварь выползает из своей вонючей берлоги. Он поморщился, когда у его ног, одна за другой, пробежали три кошки и жирный, кажется, собирающийся подохнуть кот. Хозяева этой очаровательной квартирки зашевелились. В темном коридоре шумно засопел, задышал большой мужичара, судя по всему, один из мужей-трутней старухи. Хлопнула дверь. Кто-то стал подвывать.

«Ожили? Как я вас всколыхнул! А вы как думали, уроды? Разговор будет про гарь. Иначе стал бы я мараться, не будь дело серьезным?» – думал Роэ, отходя от прохода, чтобы впустить на кухню инвалидное

кресло со скрюченной старухой и толкающей его здоровенной бабой в старом халате с отечными ногами и еще более отечной мордой.

Старуха затрясла башкой, подняла на него глаза, пытается поймать его взглядом, а зенки мутные, на первый взгляд безумные. Но это на первый взгляд. Она заговорила сама, без помощи Рузика. Руки скрючены древним артритом, сама кособокая, башка едва не лысая, вся в старушечьих пятнах, давно не меняла себя. Старуха трясется и трясется, но говорит твердо, голос ровный:

– Нет мне дела до твоего червя, Роэ. И зря ты к нам ходишь, засну я, не угляжу, а Коготь тебя разорвет. Жратвой нашей станешь.

Сама рухлядь древняя, а зубы у нее, как у молодой. Ну, зубы ей нужны для дела. Пожрать, тварь, не дура.

– Подавитесь, – сухо отвечает старухе Виталий Леонидович, это было лишнее, не нужно их провоцировать. Просто не сдержался, но слово вылетело, и он продолжает: – Мамаша, ты, видно, не расслышала, что я говорил. Так я повторю. Червь воняет гарью. Червь ходит за Черту. Его нужно найти. Или ты думаешь, что не нужно?

Старуха сморит на него мутными глазами, трясет башкой, долго молчит и наконец отвечает:

– Ирра занята, мне нужно новое сердце.

Могла бы не говорить, это Виталий Леонидович и сам видел. Старуха давно не свежая. Ей нужно обновление.

– Ирра ищет мне сердце, – повторила старая, – и корм моим детям. Ей не до червя.

Да, конечно, конечно, он на другое и не рассчитывал. Но у него был козырь в рукаве. Он резко наклоняется к старухе, так резко, что Коготь, та костлявая бабища, что сидела за столом, вскакивает во весь свой двухметровый рост. Роэ знает, что она уже и когти выпустила, но он даже не глядит в ее сторону, он смотрит на старуху, чувствует, как от нее воняет, и продолжает говорить прямо ей в лицо:

– Это не моя прихоть, мамаша, не моя. Ко мне приходила Бледная, собственной персоной, приходила с огромным псом. Это она приказала искать червя. И она придет опять, и когда придет, – он трясет пальцем перед носом старухи, – я скажу ей, что ты не захотела мне помочь выполнить ее приказ. Тебе ясно, старая?

Только договорив, он выпрямился и с презрением взглянул на костлявую бабу. Ну, конечно, дура уже прятала свои черные когти.

Еще бы. По сути, он сейчас являлся проводником высшей воли.

Даже самые безмозглые, самые отбитые твари теперь не рискнули бы причинить ему и малейшего вреда.

Теперь все молчали. Но Роэ знал, что сейчас они бурно обсуждают его слова. Впрочем, эта тишина длилась не долго.

– Пожелание Рогатой Госпожи, – заговорила старуха, как только Роэ собрался еще что-то сказать, – будет исполнено. Ирра сейчас же начнет поиск.

– Отлично. – Виталий Леонидович одобрительно кивнул, он был уверен, что как только произнесет нужное имя, дело сразу разрешится. – А ты роди себе еще одну Ирру. Пусть ищет тебе новое сердце.

– Матушка не сможет больше никого родить, пока не сменит сердце! – тут же разинул свой рупор Рузик.

Едва успел произнести, как тут же получил тяжелую затрещину от Когтя. Баба так ему врезала костлявой лапой, что тот, зашипев, покатился по полу. И правильно, это дело секретное. Никто чужой не должен знать, что творится в семье.

– Пусть Ирра найдет меня, и побыстрее, мой телефон у вас есть. – Дело было сделано. Виталий Леонидович вышел с кухни.

В полутьме длинного коридора на него из-за кучи какого-то хлама кинулся большеголовый карапуз. Затопал ножками, оскалился, зубы острые, пальцы согнул на манер звериных. Охотиться учится, ублюдок. Намеревался вцепиться в ногу Роэ этими зубами. Но Виталий Леонидович успел его встретить хлестким пинком в здоровенную башку. Ребенок полетел и с размаху ударился в косяк двери. Упал, заплакал совсем по-детски. Как настоящий ребенок. Роэ усмехнулся и довольный пошел дальше, сожалея лишь о том, что удар получился несильный.

Глава 34

Раньше она всегда ждала Любопытного, а в этот раз, лишь только осознала себя и свое место, тут же услыхала его голос:

– Человек Светлана-Света, я рад вас видеть.

– Привет, Лю, – ответила она почти радостно.

Так было лучше, обычно первые минуты сна, когда липкий туман окутывал все вокруг, а голоса она не слышала, девочку поедала тоска вперемешку с безнадегой, а тут как будто тебя встречают. Рады тебе. Да, и учитывая, что у нее еще остались монетки, а в перспективе они отправятся к каким-то сиренам, настроение ее заметно улучшилось. И было еще кое-что. Отец Серафим и папа, ну еще близнецы – вот все, с кем она могла поговорить. А тут есть Лю… Он всегда был к ней расположен, может, чуть прохладен, чуть отстранен, но все равно настроен к ней положительно. Поэтому и приятен.

– Я сегодня, пока ждал вас, Светлана-Света, был там, где никогда до этого не бывал. И все благодаря вам.

– О, отлично, что вы видели, Лю?

– Я был на той большой территории, к северу отсюда, что обнесена железной оградой, на которой произрастает много разной растительности и где в грунте есть резервуары с жидкостью.

– Вы имеете в виду парк Победы, – предположила Светлана.

– Я не знаю его топографического обозначения. Но место это для вас непроходимое из-за огромного количества существ, что живут в жидкостях. Хотя кое-что безусловно интересное для вас там есть.

– Я не поняла, мне туда нельзя, но там есть что-то, что мне может пригодиться? – уточнила девочка.

– Да, именно, там есть то растение, что вы используете для смазки ваших внешних покрытий. Вы его зовете «фикус». Я видел не менее десятка высоких и сильных единиц этого растения.

«Прикольно! – Света, если бы не знала его, могла бы подумать, что Любопытный издевается. – В чем смысл этого рассказа? Фикус там и процветает, потому что никто до него добраться не может».

– А какие любопытные формы жизни существуют в той жидкости! Поистине, они совершенные убийцы.

«Ага, очень приятно, – решила Света. – Но, с другой стороны, лучше узнать о смертоносных тварях парка от Лю, чем наткнуться на них самой». Девочка уже понимала, что парк стоит обходить стороной. Она подошла к окну, раздвинула пальцами жалюзи и в щелку посмотрела на улицу. Туман уже почти растаял. И на улице ничего не изменилось. Разве что тела на заборе. Их уже доедали, первое тело разваливалось, второе еще было относительно целым, но черный рой мух, что кружился над ними, и сплошной шевелящийся ковер из кусак ясно давали понять, что через пару дней от тел останутся одни кости. Девочка передернула плечами: это было отвратительно.

– А еще я дошел до той крупной магистрали, что ведет на север, – продолжал Любопытный, – и надо констатировать, что ваше продвижение по ней будет сопряжено с большой опасностью и в тумане, и при светиле.

– Что? – Света бросила рассматривать гниющие тела. Замерла. – Но ведь именно так мы собирались передвигаться к сиренам.

– Да, я рассчитывал, что эта магистраль приведет вас на север, и это будет несложный путь. Теперь я считаю иначе.

– Почему? Там много животных?

– Животных много, и ваших соплеменников я тоже там видел. Это длинная и широкая магистраль, место весьма оживленное. Намного более оживленное, чем наша с вами локация, – закончил рассказ Лю.

Светлана расстроилась. Да как так, кажется, все условия для похода выполнены, и тут вдруг проблемы.

– И что же мне делать? Жить в этом сне, что ли?

– Нет, но вам придется искать себе хорошие убежища на всем пути следования. Убежища, в которых вы сможете переждать туман, солнце и другие события. Я буду вам помогать. Выбирать направление движения, определять зоны супримов. Таких, как здешняя Аглая,

которая так вас беспокоит. Может, путь наш и не будет быстрым, но пусть он будет безопасным. Как вы считаете, Светлана-Света?

А что тут считать? Конечно, безопасность – это главное. А Лю тем временем продолжал, сегодня он был особенно разговорчив:

– Светлана-Света, все мои новые познания и ощущения я получил лишь потому, что вы создали для меня точку концентрации, в которой я могу остановиться и пережить временную декомпрессию, точку, где временной поток не разрывает меня. И это огромный прорыв в моих возможностях. Я перед вами в большом долгу.

– Спасибо, – зачем-то сказала девочка. Впрочем, она была рада тому, что смогла помочь Лю. Но эта радость не сильно улучшила настроение. – Лю, так мы пойдем сегодня?

– Конечно, мы можем выходить, как только вы посчитаете, что готовы. Я думаю, что лучше то место, которое вы назвали парк Победы, обойти не с запада, со стороны магистрали, где много опасных существ, а с востока. Там тоже магистраль, но, кроме медуз, я ничего опасного там не видел.

Света сразу полезла в рюкзак, выбросить лишнее. Ну а что могло быть лишним? Пустые бутылки из-под напитков. Ну, они большого веса не дают. Все остальное, включая перчатки из толстой резины, могло пригодиться. Особенно последняя, распухшая от тряски и жары, твердая от внутреннего давления бутылка фанты. Света застегнула рюкзак, спрятав заветный узелок с монетами в отдельный карман.

– Лю, а мы еще сюда вернемся? – спросила она.

– Мое пребывание в Истоке теперь навсегда связано с этой точкой, – сказал Любопытный. – А на ваш счет я ответить затрудняюсь, может, в этом убежище отпадет необходимость. Может так случиться, что вы будете с каждым днем уходить все дальше и дальше на север. В таком случае какой смысл в возвращении?

Да, никакого смысла. Девочка закинула на плечи рюкзак, взяла палку, огляделась напоследок. И пошла к двери.

Девочка вышла и, чтобы не проходить рядом с растерзанными останками, аккуратно ставя ноги, пошла по серебру лужайки к проспекту Гагарина. По всей лужайке были кочки, Света пыталась их обходить, она вспоминала торчащие белые ребра какого-то существа, которые видела уже на этом красивом мхе. Лю начал рассказывать про дорогу, по которой им придется идти мимо парка Победы, как вдруг в

сантиметрах от левого уха что-то прошелестело, пролетев немного вперед, ударилось в землю, вырвав кусок мха, и покатилось дальше. Светлана вздрогнула и остановилась.

– Лю, а это что?

Она не могла рассмотреть укатившийся предмет. А Любопытный с присущей ему невозмутимостью объяснил:

– Это здешний суприм, вы зовете его Аглая, он бросает в вас предметы.

– Что? – спросила Светлана, обернулась… и получила страшный удар. Камень величиной с немаленькое яблоко ударил ее точно в грудину, так ударил, что запершило в горле, а на глазах навернулись слезы, Света едва удержалась, чтобы не упасть. Еле успела вспомнить, что она стоит на лужайке мха, что тут лучше не падать.

– Вам нужно двигаться, Светлана-Света, – посоветовал Любопытный. – Так вы уменьшите вероятность попадания в вас следующего предмета.

Она слышала его как издалека, голова кружилась, от слез ничего не видно, но она нашла в себе силы и, развернувшись, пошла. А тут еще один камень пролетел рядом с головой.

– Используйте свое средство для переноски вещей, чтобы прикрыть верхнюю часть вашего тела.

«А, он предлагает укрыть голову рюкзаком?»

Нет, сейчас это было невозможно, но голову Светлана пригнула, прикрыла затылок левой рукой и ускорила шаг. Еще один камень догнал девочку, когда она, уже почти отдышавшись, добралась до края поляны. На излете или с отскока камень ударил ее в правую икру. Ерунда. Светлана добралась до нормального грунта. Мох закончился. Только тут она остановилась и обернулась назад. И на том краю поляны увидела ее. Аглая стояла, одну руку упирая в бок, а во второй держа камень. Она встала так, что повешенные на заборе тела были как раз за ней. Плечи у Аглаи были широки, как у мужчины. Руки, ноги, пресс – все как у спортивного мужика, грудь висящая и маленькая, лобок и часть бедер заросли густой черной растительностью. Она смотрела на девочку неотрывно и пристально. И на сей раз ее взгляд был не безумным, а вполне осмысленным. Черные волосы немыты, растрепанны, а под ними – жгучие от ненависти глаза. Ужасная, ужасная мужебаба. Даже смотреть на нее

было страшно. Хотелось уйти побыстрее. Тем более что Лю в своем стиле необыкновенного хладнокровия заметил:

– Он обнаружил наше место, но мне кажется, что пока этот суприм не найдет средства для сбережения ног от здешней хищной растительности, подобных тем, какими пользуетесь вы, он нам не очень опасен.

«Лю, ты дурак?» – едва не вырвалось у девочки. Она даже думать не хотела, что было бы, попади камень ей в голову или в лицо. Света просто упала бы на мох, потеряв сознание. И ей совсем не казалось, что куртка и брюки – достаточная защита от мха. В общем, она, то и дело оглядываясь, побежала прочь от поляны, через проспект к развалинам. Потирая ушибленное камнем место, обиженно думала, что не так уж Лю и глазаст, раз не увидел эту чокнутую до тех пор, пока она не стала швырять камни. И что ей даже с ним нужно быть настороже.

Она побежала вдоль проспекта, внимательно глядя, нет ли у обочин мохнатых «столбов»-марабу. Так и есть. Один такой притаился у перекрестка. А Лю его не заметил. Девочка заметно отклонилась, чтобы оббежать его.

– Медузы, – говорит Лю, – четыре в стороне конструкции.

Света видела трех, что летали над зданием СКК, но они далеко, высоко в небе. Солнце – не их время. Девочка чуть успокоилась. Все время, что она бежала, приходилось озираться, она боялась, что Аглая может догонять: пока не кончились моховые поляны, долбанутой было где спрятаться. А тут, между густыми зарослями парка Победы и громадой СКК, большое открытое пространство. Тут Аглая не смогла бы подкрасться незамеченной.

Было жарко, пот заливал лицо, руки так вспотели, что на сухой и гладкой палке от пальцев оставались черные следы, но Света почти не снижала темпа. И причина этой поспешности одна: убраться подальше от Аглаи. Возможно, девочке придется искать себе новое место. Надо попросить об этом Лю, пусть поглядывает по сторонам.

Глава 35

Дерево. Проспект Гагарина закончился перекрестком с Кузнецовской улицей, точнее, кучей битого кирпича высотой с двухэтажный дом. Каменистый холм зарос черным кустарником и обычным лопухом.

– Опасности не вижу, – произнес Лю. – Хотите обойти завал? Справа от вас большая открытая местность.

Но Светлане захотелось взобраться на этот холм, чтобы сверху посмотреть дорогу.

– Нет, полезу вверх. – Она подумала о том, что уже не в первый раз отвергает предложения Любопытного. С одной стороны, девочка боялась, что он обидится, а с другой – была даже горда собой: она чувствовала себя взрослой и самостоятельной.

Девочка полезла на вершину холма и прямо на первых шагах чуть не поплатилась за самоуверенность. В последний момент она увидела небольшую жабу под лопухами. Поставила перед мордой животного ногу, жаба приподнялась на передние лапки, глаза тупые, ничего не выражающие, смотрели на ботинок. Но девочка заметила ее и отпрянула назад.

– Ишь ты, – сказала Светлана зло, – сидишь, зараза, притаилась.

«А глазастый Лю ее, конечно, не увидел. – Да, ей придется полагаться на себя больше, чем на него. – Случись что, умирать-то тут придется не ему».

Но девочка все равно решила залезть на этот холм, она обошла жабу справа, чуть поднялась выше и… едва не наступила на другую жабу. Которая опять пряталась под лопухом.

– Эта местность ими изобилует, – заметил Лю. – Вы, Светлана-Света, все еще не рассматриваете смену направления?

А вот эта фраза почему-то девочку разозлила. Умник Лю считал, что он прав, а она нет. Видимо, поэтому Светлана демонстративно ткнула палкой притаившуюся жабу, собираясь согнать ее с места и пройти дальше. Конечно же, жаба сразу плюнула в ответ, бесцветная слюна животного попала на палку. А Света еще раз ткнула ее, и еще, и все это глупое поведение Любопытный, конечно, видел, но благоразумно не комментировал. Либо у жаб было плохое зрение, либо девочке везло, но вся ядовитая слюна попадала только на палку, а Свете эта забава поднадоела, и она, изловчившись, поддела жабу палкой и откинула ее в сторону. Удовлетворившись победой, девочка полезла дальше наверх. А Любопытный продолжал молчать. «Ну и фиг с ним».

Холм из ломаного бетона и битого кирпича, поросший всякой растительностью, был прекрасным обиталищем для мелких гадов. И те две жабы оказались не единственными. Теперь Светлана поднималась вверх осторожнее и до того, как взошла на гребень холма, обнаружила еще одну жабу. И эту жабу она тоже отбросила с пути. Просто хотела показать Лю, что была права, когда не стала обходить холм, а полезла через него, и что какие-то жабы ей вовсе не помеха.

Наверху холма девочка замерла. Ее поразило увиденное: насколько хватало глаз, тянулись развалины, плоские бугры, переломанные куски бетона, кучи битого камня, тянулись и тянулись вдаль, и надо всей этой белой от яркого солнца разрухой темным пятном возвышалось широкое, приземистое, кряжистое дерево с ярко-красной кроной. Дерево впечатляло даже с большого расстояния. Оно было величественно и колоритно.

– Дуб, – сказала девочка восхищенно.

Она хотела услышать комментарий от Любопытного, а тот с бесстрастностью и говорит:

– Вам следует уходить отсюда с максимальной для вас скоростью.

– Что? – не сразу поняла Света. – Уходить?

– Вам следует уходить отсюда в обратном от предыдущего направлении. И при всей возможной для вас скорости, – вот теперь показалось, что даже он, вечно спокойный голос, взволнован. И она поняла почему. Мелькая среди холмов и обломков, то тут, то там показывались странные животные. Казалось, что все вздыбленное

пространство не представляет для их движения никакого затруднения. Кучи битого кирпича они, благодаря своим четырем конечностям, преодолевали очень легко – так легко, что Свете становилось страшно, ведь двигались они именно к ней.

– Вам следует начать движение и развить максимальную для вас скорость, – продолжал бубнить Лю.

Светлана полетела вниз, позабыв про жаб и про возможность попасть ногой в яму. Через репейники и лопухи она неслась с холма прочь, большими шагами. Не упала, не наступила на жабу, соскочила на ровную поверхность и побежала обратно, к своему двадцать восьмому дому, к депошке, к своей жабе. Она надеялась, что Аглая уже ушла куда-нибудь. Взяв хорошую скорость, девочка обернулась на мгновение, твари уже спускались с холма. Она, кажется, узнала их… Кажется, поняла, кто это… Света еще не успела даже удивиться, как услышала слова Лю:

– Боюсь, что ваше положение становится критичным, две особи преследуют вас слева.

Девочка послушно взглянула налево, так и есть, бегут наперерез. И да, теперь она точно знала, что это за твари, это были мальчики. Точно такие же мальчики, как те, что висели в виде растерзанных туш на заборе напротив депошки. Мальчики! Серые, быстрые, ловко бегающие на четырех конечностях.

Те, что слева, быстро настигали ее. Одного взгляда было достаточно, чтобы понять очень неприятную для себя вещь – эти серые твари бегали быстрее, чем она.

Мальчики неслись длинными прыжками, чуть зависая в воздухе, догоняли слева, сокращая и сокращая расстояние.

– Желательно увеличить скорость вашего перемещения, – говорил Любопытный. – Они вас догоняют.

«Ну, он точно дурак!» – Девочка уже выкладывалась, как на спринте. Быстрее она могла побежать, только скинув рюкзак, мешковатую одежду, тяжелые ботинки и бросив палку.

Гортанно и мерзко заорал марабу, вдруг из столба превратившийся в птицу. Девочка даже испугаться не успела, как птица, захлопав крыльями для ускорения, быстро кинулась прочь, видно, увидела стаю мальчиков, что бежали за Светой.

А Света думала не о мерзкой птице, ей нужно было пробежать триста-четыреста метров до того места, где начинается поляна мха. Эти серые твари не должны бегать по мху, мох для девочки был укрытием.

Или придется сворачивать направо, в темную и густую зелень парка Победы. Нужно просто добежать до любого проема в красивом заборе, что огораживал парк. А пока она изо всех сил топала ботинками по разбитому асфальту, задыхаясь от жуткой жары под курткой, прикидывала, как ей сбросить рюкзак так, чтобы не снизить скорости, и глазами искала дыру в заборе. Быстрее, быстрее, быстрее… Жара такая, что все уже плыло перед ней, было смазанным, а дыр в заборе нет, она уже слышит шлепки лап за своей спиной, слышит частое дыхание, до мха еще двести метров, а дыр в заборе нет, ровная полоса его тянется и тянется… Но ведь тут был проход…

– Одна из особей у вас за спиной уже близко, – констатирует Лю. – Возможно, он попробует вас остановить, пришло время использовать свое оружие.

«Использовать свое оружие… Как?»

Света почти сразу остановилась, затормозила так, что подошва проскребла по асфальту, и, быстро перехватив палку двумя руками и повернувшись к преследователю, занесла ее. Она ни о чем не думала и почти не боялась, она просто хотела врезать этому гаду, что находился всего в пяти метрах от нее. А глаза у него большие и серые, яркие, он, кажется, был рад, что догнал девочку, он летел к ней возбужденный и довольный. Быстрые лапы-руки несли его тонкое худое тело… О господи! Его рот! Пасть, конечно, пасть, а не рот. Тонкие губы, а за ними – желтые, кривые, длинные шипы-иглы. Ужас! По тем двум, что висели на заборе, девочка никогда бы не подумала бы, что они… настолько страшные. «Ни фига он не веган». И этот… мальчик, с зубами, от вида которых становилось дурно, летел к ней с оскаленной пастью и уже собирался прыгнуть, уже группировался для этого. И Светлана от страха, от злости, с размаху ударила наотмашь ему навстречу. Справа налево. Надеясь попасть уродцу по его круглой голове, по зубастой морде. Удар был весьма сильный… Жаль, что он только рассек воздух, хитрая серая тварь просто прижалась к земле, поднырнула под палку, вся сила оказалась вложенной в рассечение воздуха. Девочку даже занесло вслед за движением ее оружия. А ловкий мальчик подпрыгнул вверх и кинулся к ней. Света отпрянула,

видя краем глаза, что еще один такой же летит к ней. Нужно спешить, и она ударила ближайшего еще раз. Но удар получился еще хуже. Этот гад, такой ловкий и быстрый, просто поймал палку белой ладошкой. Поймал и дернул на себя. Сильно дернул, так, что Светлана едва не выпустила оружие из рук. И девочке показалось, что тварь еще и улыбалась при этом. Поймала палку за самый конец и от ловкости своей расцвела: на, мол, смотри, каков я. И тут же его детское лицо перекосило. Только что скалил зубы, и вдруг… Ужас мелькнул в его глазах. Ужас! Он выпустил палку, схватил свою руку и вдруг подпрыгнул, перевернулся в воздухе, мальчик был адски ловкий, но тут он упал на землю и стал подвывать, баюкая свою руку. Потом вскочил, снова подпрыгнул, упал, покатился по земле, при этом пронзительно вереща и прижимая к себе руку. Света, не отрываясь, смотрела на все это, позабыв про остальных мальчиков. К ее счастью, они тоже про нее позабыли, они уже прибежали, но с опаской останавливались, садились по-кошачьи чуть поодаль и с интересом наблюдали за выкрутасами сородича.

– Светлана-Света, вам лучше уходить! – донеслось до девочки. – Они, наверное, уже не решатся преследовать вас.

Да-да, верно-верно… Девочка стала отходить спиной назад, держа палку двумя руками, как копье. А тварь все визжала и крутилась на земле, видно, боль в лапе не собиралась утихать. Отойдя метров на тридцать, Светлана повернулась и побежала, снова как следует вкладываясь; теперь она уже не искала глазами проход в парк, не собиралась сбрасывать рюкзак, теперь нужно просто добежать до спасительных моховых полян.

– Лю, а Аглаи там не видно? – на ходу спрашивала она.

Да, про эту опасность, от которой у девочки еще болела грудь, не стоило забывать.

– Я не вижу ни ее, ни признаков ее присутствия, – отвечал Любопытный.

И вот он, долгожданный мох, первая лужайка, а за ней целое серебристое озеро, тянущееся вдоль проспекта, только тут она остановилась. Обернулась. Мальчики так и торчали там, вдалеке; разглядеть, что они делали, было невозможно.

Она перешла на шаг, нужно быть осторожной. Впрочем, Светлана оглядела свою палку: острый ее конец был… Нет, не влажный, скорее,

он был жирный.

– Я думаю, что вы не зря своим орудием передвигали жаб, судя по всему, вы испачкали палку в токсине, что выделяют их железы. Это и привело к такому неожиданному эффекту. То существо, которое было поражено этим токсином, своими звуками и движениями предостерегло всех своих сородичей от контактов с вами.

Да, наверное, так оно и случилось. Света опустила палку: главное, теперь самой за темный конец случайно не схватиться. Оглядываясь на каждом шагу – уж больно не хотелось получить камнем по голове, – она прошла до самой депошки.

Никого, кроме пары стай больших крыс да одиноко висящей вдалеке медузы, она не увидела. Но случай с мальчиками ее напугал. Оказывается, она недостаточно быстра, чтобы чувствовать себя в безопасности. Тут мало быть быстрой. Мало.

Забравшись в укрытие, она заперла на запор железную дверь. Она боялась, что Аглая найдет себе обувь. Впрочем, какой смысл иметь железную дверь с крепким засовом, если в доме есть огромные окна без решеток. Девочка скинула рюкзак и подошла к окну. Приподняла пластину жалюзи. Никого, жара, солнце. На заборе висят черные останки. Вот теперь Светлане совсем не жалко их, пусть Аглая хоть весь забор ими завешает. Она вспомнила оскал того мальчика, что догнал ее, и поежилась. Поежилась и почувствовала жажду. Ну а что, так бежать на жаре и в верхней одежде – ничего удивительного. Светлана полезла в рюкзак, думая о том, можно ли использовать палку с жабьим жиром против Аглаи. Наверное, она взбесится от этого. И девочка пришла к выводу, что если столкнется с чокнутой, то применит палку. Она достала бутылку фанты. Аккуратно и медленно отвернула крышку, чтобы сладкая жидкость из распухшей бутылки не залила все вокруг. Потом пила, пила, пила – ну и что, что фанта была почти горячей, ничего холодного тут не найти. А когда остановилась, чтобы сделать перерыв между глотками, вспомнила про Любопытного, давненько его не было слышно:

– Лю-у…

Раньше Любопытный отвечал секунд через десять после вопроса, теперь, когда девочка сходила за Черту и принесла пыль для периметра, уже через три-четыре секунды. Светлана подождала секунд пятнадцать и повторила:

– Лю…

Но никто не ответил. Она сделала еще пару больших глотков, ей хотелось есть. Закрыла бутылку, спрятала в рюкзак и… услышала шорох сверху. Она подняла глаза к потолку и застыла. Кто-то ходил по крыше депошки, как будто крался, как будто не хотел шуметь. И шагал он прямо над ней. Ну а кто это мог быть? Уж точно не птица. В помещении было жарко, душно, Света одета в куртку, но по ее спине пополз холодок. Она подтянула к себе палку, стараясь не шуметь.

«Какой дурак проделал в стенах такие огромные окна? Как мне их теперь защищать?» Она прислушалась: тот, кто ходил по крыше, затих. Ну и кто это мог быть, кроме долбанутой? Что делать? Что делать? Она лезет в карман. Нож! Достает его – да какой это нож? Он в нераскрытом состоянии помещается в ладошку. И лезвие болтается. Смешно говорить. Палка! Но Аглая сильнее, она сможет отобрать ее. Попробуй жабьим концом еще попади по этой чокнутой.

И снова шаги по крыше. «Мамочки!» Она опять глядит в потолок.

Девочка судорожно лезет в рюкзак, но там пустые бутылки, резиновые перчатки, узелок с монетками… Ничего, что может помочь. Разве что… Коробочка жестяная. Фикус! Точно. Света раскрывает коробку. Да, он придаст ей сил и быстроты. Она достает большой лист растения. О, он, кажется, чуть-чуть подвял. Уже не такой тугой, как тот, которым она пользовалась в прошлый раз. Света начинает быстро скидывать с себя одежду. Куртка, ботинки, штаны, майка – все летит на пол. Сок фикуса жирный, он напоминает по ощущениям детское масло, но это только сначала, а потом, когда кожа впитывает сок, на ней появляется ментоловая свежесть, именно этот «ментол» и придавал ощущение легкой невесомости, быстроты и силы. Все, до чего могли дотянуться руки, было смазано жирным соком удивительного растения. Девочка сразу почувствовала себя лучше, уже и жара не так доставала, и страх, что точил изнутри, поутих. Света уже не надеялась сегодня услышать нужный ей голос, она оделась, взяла в руки палку, закинула за плечи рюкзак – вдруг придется быстренько уходить отсюда – и присела у окна, выглядывая на улицу через жалюзи. Да, с фикусом было заметно легче. Вот только теперь ей очень хотелось есть. Она стала смотреть на потолок и ждать, что будет дальше, в принципе она готова была… подраться с Аглаей.

Глава 36

– Света-а…

«Господи, я что, зря потратила листок фикуса?» Девочка открывает глаза.

– Света, ты опять вся грязная, – замечает Колька. Он пальцем водит по синей руке старшей сестры.

– Вы умылись? – строго спрашивает она.

– Умылись! – с вызовом кричит ей в лицо братец.

– И зубы почистили! – добавляет Максим.

Ей тоже пора вставать. За окном еще не рассвело. На улице дождь, в квартире холодно. Еще не включили отопление. Раньше вставать утром для нее было целым преодолением – вылезать из-под одеяла в утренний холод. Но сейчас ничего подобного.

В ней были и силы, и энергия, чтобы допрыгнуть до потолка. Это все из-за фикуса. Но перед этим нужно выгнать отсюда братьев.

– Идите обувайтесь.

Они что-то болтали, когда уходили, а девочка вылезла из-под одеяла, вся синяя, в одних трусах, но холода совсем не чувствовала. Почти без разбега, всего с одного шага, легко и просто допрыгнула до потолка. Дотянулась фиолетовыми пальцами до старой побелки. Фикус! Фикус – это круто. Вот только есть очень хочется.

– Мартышка… – Виталий Леонидович стоял в нише торгового центра, там, где улица Восстания упирается в Невский, и говорил в телефон. – Ты мне нужен. Через час жду тебя, как всегда.

Он отключил телефон, не стал слушать, что ему отвечали, пусть ноет что хочет, Роэ не волновали его дела. Этот ушлепок должен

делать то, что ему велят. Гена Мартынов долгое время был подручным Виталия Леонидовича. Его шнырем и должником. Роэ нашел его на улице, на Литейном: тогда Мартынов был молод, зелен, пил пиво со взрослыми алкашами из трехлитровой банки, воровал, играл в картишки, в те времена таких называли бродягами. Когда Виталий Леонидович его взял к себе, он был расторопен и старателен. Теперь же всякий раз, когда Роэман ему звонил, он начинал что-то ныть про свои дела, про то, что у него своя жизнь, и прочее и прочее. Мартышка стал крутым, ну, он так полагал. Стал забывать, гнида, благодаря кому из уличного босяка превратился в «человека».

А на Невском зонты, зонты. Как всегда, толчея. Туристы. Курьеры со своими коробами. Непрерывный поток машин. Дождик. Петербург. Он любит это место, эту круглосуточную суету. Здесь много женщин. Молодых женщин. Молодые женщины для него всегда символизировали жизнь. А Роэ очень любил жизнь.

У него есть время попить кофе и съесть что-нибудь. Но нужно было сделать еще один звонок. Он пролистал список почти до самого конца: «Уродина». То, что нужно. Включил вызов. Ему ответили так быстро, как будто ждали. Вернее, не ответили, просто пропали гудки и появился фон помещения, на том конце его слушали. Но ни одного слова ему не сказали и не скажут.

– Выходи через полтора часа, я приеду, отвезу тебя на место.

В ответ тишина. Так было всегда. Он к этому привык и отключил связь. Роэ знал, что на том конце все поняли.

Теперь можно и поесть. На пятом этаже торгового комплекса располагался фудкорт. Там было много разной еды, но ему все равно, он мог есть самую дрянную пищу. Здоровье позволяло. Еще он хотел выпить три двойных эспрессо. В общем, собирался получать удовольствие.

Бургер, большая картошка, соусы, большой кусок пиццы, кока-кола в литровом стакане, пива пол-литра, хинкали, сет суши с лососем.

Все это он съел весьма быстро и запивал теперь крепчайшим кофе. Единственное, что раздражало, – здесь нельзя было курить. Но зато, в отличие от ресторанов с официантками, никто ему в тарелки не заглядывал, и он мог съесть столько, сколько хотел. Там сожрать на глазах у какой-нибудь девицы шесть блюд было нельзя. Эти дуры и так

шушукались между собой, что он такой… не толстый, а всегда заказывает обеды или ужины из четырех блюд с десертом.

Виталий Леонидович направился вниз, ожидая момента, когда он, выйдя на улицу, прикурит сигарету и сделает первую затяжку.

Но он еще не вышел из парадной, когда телефон в его кармане зазвонил. Мартышка.

– Да, – говорит Виталий Леонидович.

– Это я, – слышит он в телефоне, – жду на месте.

– Иду.

И пока Роэман не отключил телефон, услышал еще:

– Роэ, давай побыстрее, я тут ряд перегородил.

«Роэ, давай побыстрее!» Ублюдок охамевший, совсем потерял уважение. Виталий Леонидович выключил телефон, чтобы ненароком не сказать пару ласковых. Мартышка, конечно, многому научился там, в Истоке; он вырос, взял себе хорошую территорию, вот теперь и здесь корчит из себя того, кем не является. Конечно, он поставит его на место, никуда Мартын не денется… А если вдруг вздумает корячиться, то…

Виталий Леонидович вышел на улицу и сразу закурил. Дождь не кончился. Улица Восстания всегда битком забита машинами, а тротуары – людьми. Метро рядом, Невский тут же – ничего удивительного. Роэман сразу увидел, на чем приехал Мартынов.

«Это просто тупой, понтованный дебил». Роэман всегда говорил Мартышке, что нужно быть скромным, не бросаться в глаза, избегать показухи, а этот дебил приехал на новеньком, сверкающем «гелендвагене». Сколько такой стоит? Миллионов десять? Больше? «Да еще перегородил одну полосу и так забитой улицы! Да, скромный и не бросающийся в глаза дебил!»

Виталий Леонидович быстро просачивается сквозь спешащих под дождем пешеходов и припаркованные автомобили к мигающему аварийкой «гелендвагену». Открывает дверь, лезет на заднее сиденье.

– Слушай, Роэ, – Мартынов поворачивается к нему с водительского сиденья, – не кури в машине.

«Господи, это просто воплощение моды и понтов, раньше был босяк с трехлитровой банкой пива, теперь тот же босяк, только на „гелике“ и в тряпках с подписями. Клоун без вкуса, но при деньгах».

Виталий Леонидович закрывает дверь, не выбросив сигареты, и прямо перед носом Мартынова стряхивает пепел на пол. И произносит тоном, не допускающим возражений:

– Поехали за Иррой.

Но возражения последовали: Мартышка обнаглел настолько, что начал откровенно буреть:

– Пока сигарету не выкинешь, мы никуда не поедем.

Он серьезен, крут, он будет настаивать на своих правилах в своей машине. Да, будет… Вот только Виталий Леонидович левой рукой без размаха, но очень сильно, самыми костяшками, бьет его в нос. Голова Мартышки отлетает назад. Капли крови по всему молочному салону, даже на потолок попали. Он хватается за нос, кровь ручьями, прямо через пальцы, на одежду, на дорогую обивку, в глазах Мартынова удивление, переходящее в ненависть:

– Да ты охерел, урод?

Кажется, он собирается драться с Роэ; да, Гена заматерел и там, в Истоке, и тут набрал силы, но Роэ не боится: во-первых, у него хватит сил выдавить этой дешевке глаза, ну, во всяком случае, тут, а во-вторых… Он смеется, выпускает Мартынову в лицо струю дыма и говорит спокойно:

– Ко мне приходила Бледная, сказала найти червя. – Роэ с удовольствием наблюдает, как меняется взгляд Мартынова. – Так что давай, отверни от меня свое разбитое рыло и езжай на набережную Карповки. Ирра уже ждет нас.

Мартынов думает, кровь заливает его одежду, он все еще смотрит на Роэ с ненавистью, но это уже ненависть бессильная. А Виталий Леонидович его добивает, снова пускает в морду струю дыма, снова усмехается и предлагает:

– Ну, давай, гавкни что-нибудь, гавкни. Ну? Нет? Нечего сказать по существу? Тогда отворачивай свое тупое рыло и крути руль.

– Мог бы сразу сказать, что дело важное, а не бить, – наконец произносит Мартышка, достает из кармана платок. «Ну хоть платком стал пользоваться, а не рукавом». Вытирает лицо и еще липкими от крови руками берется за руль.

– А в торец ты получил не за то, что быковал, – вдруг говорит Роэман. Он доволен тем, как все сложилось.

– А за что? – спрашивает Мартынов.

– Просто уродам, занимающим один ряд движения из двух, ну, потому что им срочно «надо» остановиться, всегда хочется дать в рыло.

Гена Мартынов молчит, смотрит на него через зеркало заднего вида и выезжает на светофор перед Невским проспектом.

Уродина. Время перевалило за полдень, долго ехали, из-за дождя пробки по всему городу. Девочка лет одиннадцати, может, двенадцати стояла у дороги в какой-то старой кофте, платье, колготках, сандалиях и со старым грязным медведем в руках.

Она вся мокрая от дождя.

– Иди сюда! – кричит Роэ, открыв дверь машины.

Она, шлепая по асфальту, идет, влезает на сиденье рядом с ним. Вся мокрая, вся. Так и плюхается на молочную кожу дивана. Кидает своего грязного медведя рядом. Дверь не закрывает. Мартышка опять глядит зло, все еще жалеет машину. Полудурок. Роэ тянется через девочку, закрывает дверь и говорит:

– На Московский. До парка.

Машина тронулась и быстро влилась в общий поток.

Виталий Леонидович достает следующую сигарету, закуривает:

– Ты вся мокрая, ты что, все это время ждала нас?

Он не ждет, что девочка ему ответит. Она вообще плохо говорит. Не то чтобы плохо, но ей приходится модулировать голос, чтобы нормальные люди не пугались. У нее что-то с небом, а еще ужасный лоб, нависающий прямо над носом, она отвратительно курноса. Одним словом, уродина. Но Ирра не так проста, как может показаться. Это она тут и сейчас так уродлива, по желанию тварь может принимать вид очень миловидной девочки. Ей для этого нужна всего пара минут. Лицо ее становится таким милым, что даже старая одежда и вечно грязные волосы не портят общего вида. Заметная грудь, попа, стройные ножки, искусственное личико – и она вполне соблазнительная конфетка для мужчин со специфическими запросами. На самом деле это не простой ребенок, да и вообще не ребенок. Это охотник, пола которого Роэ и предположить не мог. Скорее всего, оно было бесполым существом, тварью из отвратной семейки уродов. Но ему Ирра нужна, потому что у нее уникальный нюх. Ирра могла

почувствовать запах человека, прошедшего по улице, на которой она была пару дней назад.

– Червь ходит за Черту. Ты легко найдешь его, – говорит Роэ, все знают, что запах гари, которую червь приносит из-за Черты, не перебить ничем.

Девочка смотрит на него неодобрительно из-под уродливого лба, а потом костяшками пальцев стучит по боковому стеклу. Сначала Роэман не понимает этого жеста, а потом, взглянув на стекло, видит, как по нему беспрестанно катятся капли дождя.

«Дождь! Ну конечно! Для поиска по запаху нет ничего хуже дождя». Он кивает понимающе и говорит:

– Это не моя прихоть, это повеление Бледной.

Ирра не собирается с ним спорить: повеление так повеление. Она молча отворачивается к окну. Роэ думает, что видок у нее еще тот, когда она в своем естественном обличии. Так, больше не разговаривая, они доехали до пересечения Московского и Благодатной, остановились напротив университета МЧС. Роэ снова потянулся через девочку, открыл дверь.

– Начни отсюда. Червь входит на юге, может, нам повезет, и мы найдем его быстро.

Ирра покосилась на него все так же неодобрительно: «Быстро найдем по дождю? Ты будешь искать?» Посмотрела и вылезла на улицу.

«Ну, дело запустилось». Он был уверен, что рано или поздно Ирра найдет червя. Виталий Леонидович мог еще кое-кого подключить к поискам, но пока этого не требовалось. Он посмотрел на одиноко стоявшую под дождем Ирру и небрежно бросил Мартышке:

– Домой.

Глава 37

Утром она съела много, едва остановилась, чтобы не съесть то, что хотела оставить на завтрак папе. На улице дождик, пока отводила близнецов, промокли кроссовки. Стала искать себе одежду и обувь. И ничего. Все было ей мало. Светлана полезла в рюкзак и с волнением достала пачку денег. Да, это очень приятное чувство – держать в руках столько денег. Но, с другой стороны, ей нужно столько всего купить. В прихожей запищал домофон – папа вернулся. Она делит деньги на неравные части, не считая их, большую часть прячет под матрас, вторую – в рюкзак. Вскакивает и идет открывать.

До школы добежала, вся промокла, но под эффектом фикуса ни холода, ни усталости не чувствовала. Влетела в класс за пару секунд до звонка, бросила рюкзак на стул.

– Всем привет.

И вдруг в ответ.

– Здарова, Фомина! – кричит Мурат Сабаев на весь класс.

И другие пацаны тоже с ней здороваются:

– Здарова, Фома!

Девочка даже растерялась. Когда такое было, чтобы кто-то откликался на ее «привет» таким образом? Теперь все одноклассники смотрели на нее.

– Фомина, ты все-таки ходишь в солярий? – замечает Люба Бельских.

«В солярий?»

– Да нет. Я просто… Ну…

Люба трясет головой, закатывает глазки: господи, ну что ты тут пытаешься скрыть? Это же очевидно.

– Какой солярий, это обычный петербуржский загар конца сентября, – ерничает Ксюха, самая высокая девочка в классе.

Звенит звонок, в класс с хохотом вваливается пара ребят, и за ними Пахом. И он вдруг идет к ее парте, небрежно кидает свой рюкзак, падает с шумом на стул рядом с ней:

– Здарова, Фома.

Он тянет руку, и Свете потребовалось несколько секунд, чтобы понять: он здоровается с ней. Девочка аккуратно прикасается к его руке. От Пахомова пахнет сигаретами. Кажется, он никогда не причесывается. И всегда… грубый.

– Я сейчас пацанам рассказал, как мы вчера барыгу шваркнули, все заценили, как ты ему накатила в табло с носка. – Пахомов смеется.

«Господи! Какой же он дурак! – Светлана открыла от удивления рот, она старалась об этом не думать, даже не вспоминать. – Ведь это опасное дело, ведь барыга – это… криминал, ну, мафия там всякая, ведь он будет их искать, чтобы отомстить, а этот идиот еще и хвалится, всем рассказывает».

Она хотела уже высказать ему, но тут пришла учительница химии, все встали. И Света полезла в рюкзак за тетрадью и ручкой. А весь класс, девочка это чувствовала кожей, смотрел на них. Смотрел и недоумевал: это что такое творится? С чего это первый хулиган и задира школы теперь трется с этой зачуханной спортсменкой?

А фикус есть фикус. Девочка удивлялась и тому, что Пахом что-то шептал ей весь урок, и тому, что на следующем уроке он опять сел к ней за парту, и тому, что теперь другие пацаны подходили и садились перед ними, чтобы послушать, как Пахомов рассказывает про Валяя. В общем, было много удивительного, пока ей в самом начале четвертого урока не свело мышцы на животе. Это было очень неприятное чувство. Света подняла руку, чтобы отпроситься.

– Фомина, ты чего? – сразу спросил Пахомов.

– Надо, – коротко бросила она и, получив разрешение, вышла в туалет. А там, как и положено, ее начало крутить. Разрывать мышцы и сухожилия, но… Эти ощущения были уже не такие острые, как в предыдущие разы. Судороги скручивали пальцы и руки до плеч уже не так яростно, длились намного меньше, но все равно было больно.

Просидев в туалете весь урок, она на перемене сбежала из школы.

Все еще чувствуя себя неважно, пошла домой. Именно пошла, несмотря на нудный дождик, так как бежать, когда то и дело крутит мышцы, она не могла. А еще она начинала волноваться, ей зверски хотелось есть. Желудок еще на третьем уроке начал урчать, и ей было неудобно из-за сидящего рядом Пахомова.

Девочка решила заскочить в приход и поесть со святыми отцами. Нет, она не забыла про то, что в рюкзаке есть несколько тысяч рублей, на которые она могла позволить себе целый пир не только в забегаловке с шавермой, но и в любимом мамином ресторане «Мама Рома», что находился на Московском проспекте недалеко от станции метро «Парк Победы». Но, конечно, она не пошла в ресторан, благоразумно полагая, что бесплатно накормят в приходе Чесменской церкви. А деньги можно потратить на более нужные вещи.

Когда машина отъехала, Ирра осталась под дождем одна. Ничего страшного, она привыкла. Даже дома в кругу семьи она оставалась одна, сидя в самом темном углу их вонючей и грязной квартиры. Только кошки приходили к ней, ложились и грели, кошек Ирра любила. А пока она сделала себе лицо, такое, чтобы глупые люди не косились на нее все время. И пошла к пустующей автобусной остановке. Нет, девочка не особо надеялась сразу взять след. Она просто хотела для начала «разнюхаться», нагнать к пазухам и лобным долям своего странного мозга побольше крови. Она начала понемногу брать воздух. И уже через пару-тройку секунд Ирра могла сказать, кто был на этой остановке пять минут назад.

Молодой мужчина, у него в сумке ручки для письма; мужчина, который пах побелкой и строительной пеной – у этого были проблемы с зубами; молодой мужчина, что курил вэйп, у него несвежее белье; еще мужчина, который имел дело с машинным маслом, стоял прямо на том месте, где сейчас она. Он вообще потливый. Она подошла к лавочке. Тут сидел старый мужчина с гнилью на теле, жрущий пачками мерзкие лекарства, и рядом с ним сидела молодая женщина, разгоряченная желанием, думавшая о совокуплении, и еще одна молодая была, промокшая, с резким парфюмом, а здесь стояла немолодая женщина с критическими днями. Курящая. Да, все это она угадывала безошибочно. Запахи свежие, четкие. И тут же Ирра выходит под дождь. Вот и все, нужного запаха нет: машины, урна

воняет, прибитая пыль, червяки на клумбах, растения, курьер вез какую-то еду недавно. И все…

«Роэ, ублюдок, ты просто глупая жратва, которая еще не знает об этом, попробуй сам тут поищи. Попробуй найди хоть что-нибудь под этой бесконечно падающей с неба водой».

Да, гарь имеет запах, который не спутать ни с чем. Запах крепкий, стойкий, но даже он не вечен. Тем более в дождь. Ирра редко злилась, но сейчас она была зла. Вместо того чтобы искать матушке новое сердце, она должна разыскивать червя.

Сколько их было и сколько еще будет, любой червь рано или поздно обнаруживается. «Роэ, ублюдок, мог бы и подождать». Она побрела вдоль Московского проспекта в сторону площади Чернышевского, останавливаясь через каждые сто метров и принюхиваясь.

Света дошла кое-как до прихода, мокрая шагнула внутрь. Обалдеть, как тут пахнет из трапезной.

Молодой священник, имя которого она забыла, встретил на пороге, поздоровался:

– Здравствуй, чадо. Ты к отцу Серафиму?

– Здравствуйте, отче. Угу, к нему, – кивнула Светлана.

– Он у отца Александра, я сейчас позову его, иди пока в трапезную.

Там был один поп и десяток самых разнообразных бабушек: от тех, кто носит платки, до тех, кто красит голову в фиолетовый цвет и носит шляпы. Всех их кормили… борщом, кажется. Света пожелала всем приятного аппетита и села на самый краешек лавки.

Тут же появился отец Серафим, громкий, веселый.

– Та-ак, красавицы, чем тут сегодня кормят?

– Щами, батюшка, щами, – отвечали ему старушки.

А он сразу пошел к Светлане.

– Здравствуй, дева моя. – Света встала, он обнял ее, поцеловал в висок. – Ну, чадо богохранимое, как ты? Справляешься?

– Я нормально, – ответила девочка. – Справляюсь.

– Матушка как? Батюшка? Братья как?

– Мама без изменений, врач приходил недавно, сказал, что хочет попробовать новую рецептуру. Папа работает без выходных, все, как

обычно. Я… Ну, я, как всегда, – норм…

– Молишься? – спрашивает поп.

– Молюсь, молюсь, – врет Светлана. Она уже и забыла, когда молилась.

– Причаститься, исповедаться не хочешь?

– Исповедаться? – Света, кажется, удивлена. – Да мне особо и не в чем. На братьев только злюсь… Ну, еще человека ударила.

– Человека? Женщину? – интересуется отец Серафим.

– Нет-нет. – Светлана машет головой. – Мужика.

– Что? Лез к тебе? Кто таков?

– Ну, бычил, вот я его и ударила… На улице дело было.

– А он тебя не ударил? – интересуется отец Серафим. – Он не хилый был, не пьяный?

– Нет, он был огромный и злой, и я убежала.

– Ну и ладно тогда, если он был больше тебя, то греха в том нет. – Священник крестит Светлану. – Но ты все равно не связывайся ни с кем, не забывай – ты единственная опора отцу, на тебе весь ваш дом, ты берегиня.

– Кто? – не понимает Света.

– Хозяйка дома, хранительница очага. Так в старину женщин звали. И так будет, пока мамка твоя не поправится. – Он берет ее за плечи. – Ну что, кушать пойдем? Сегодня у нас день не постный, и будет нам с тобою настоящая русская еда. Знаешь, какая?

– Борщ! – догадывается Света.

Отец Серафим морщится:

– Я ж тебе говорю – настоящая, а борщ – это для слабаков. Щи! Щи, конечно. На говядине, с фасолью, с картошечкой, на квашеной капусте. С заправочкой, со сметанкой, с зубчиком чеснока и черным хлебушком, ух! Объеденье! Будешь щи?

Зачем он только спрашивает?

Глава 38

До дома еле дошла, так наелась. Стала переодеваться, увидела, что треники уже расходятся сзади по шву. Не то чтобы они были старые, нет, просто за последнее время она стала много есть. Попа, плечи, бока, грудь – все вырастало. Странно: кажется, она продолжала бегать – попробуй не побегай и тут, и там, – но вес набирала п теперь могла попробовать себя в спринте. Надо было что-то делать с питанием. Но это после, а пока ей нужна новая одежда, все вещи малы, включая недавно купленные трусики, которые ей так нравились. Ведь зима начнется уже через пару-тройку месяцев. Да и мальчишки росли, как грибы. Ну ладно, на них можно взять ношеную одежду в приходе, прихожане часто сдают одежду для нуждающихся, когда дети из нее выросли. Но вот ей нужна одежда… не спортивная. Девочка подумала, что, возможно, захочет купить что-нибудь этакое. Даже, возможно, то, что не носят ее одноклассницы.

Короче, если раньше проблема была в деньгах, то теперь проблема в том, как сказать о них папе.

«Скажу, что нашла, – думала она, отправляя мокрые и пахнущие потом вещи в машинку, – но что я нашла? Деньги? Или монеты?» Это надо было решить, а пока можно перетащить сюда остальные монеты. И узнать их ценность.

Папе перед ночной сменой на резке требовался отдых, а Светлана стала готовить ему ужин, заодно забегая к маме, чтобы поговорить с ней. Ну, хоть кому-то она могла рассказать про то, что у нее есть более тридцати тысяч рублей. Девочкам всегда нужен человек, который их выслушает, а с мамой можно было делиться всем, тем более что лишних вопросов она не задаст. Вчера Света купила близнецам

леденцы «Холс», побаловать – сейчас, когда чистила картошку и резала сало для папиного ужина, взяла себе одну конфетку. Но даже не успела ее развернуть, позвонили в дверь. Это был курьер, он ошибся. А потом папа проснулся, поужинал, она ходила за братьями, пришла Нафиса, папа ушел, близнецы опять поругались за компьютером. И Света уложила их спать. Пошла в ванную сама, мыться перед сном. И только тут полезла в карман и нашла ту самую конфетку, которую не съела днем. Девочка положила ее на раковину рядом с мыльницей, еще раз осмотрела себя в зеркало. Да, она заметно поправилась. То, что грудь увеличилась, – это супер, но вот плечи. Чего они такие… крепкие. Еще бы, ту жареную картошку с салом, что папа не доел, она смела с хлебом и соленым огурцом. Даже щеки у нее появились. Если тренер ее сейчас увидит, загонит на диету и измучает сушками.

Света берет конфетку и идет спать. Спать! Угу, поспишь там. Девочка хочет поговорить с Любопытным еще раз про Аглаю. Она разворачивает конфету несмотря на то, что уже почистила зубы. И словно проваливается.

Светлана не могла поверить своим глазам. У нее в липкой ладони лежала розовая конфетка, которую она не успела положить в рот! Как, как ей это удалось? Ведь раньше она ничего не могла с собой сюда взять. Даже одежду. Это было что-то новенькое и приятное, она сразу закинула конфету в рот. И стала думать о том, что обязательно попытается пронести в Исток еще что-нибудь.

Туман, в депошке еще не очень жарко. Лю не отзывался, хотя после того, как она сделала ему периметр, он появлялся тут раньше нее. А во дворе начался какой-то шум. И сразу перерос в звуки ожесточенной грызни, а затем в вой и скулеж. Девочка моментально приникла к окну, отогнув пластину жалюзи. Это Аглая – даже в тумане девочка ее сразу узнала. Чокнутая дралась с тремя горбатыми, пятнистыми и весьма немаленькими кошками. Да и не совсем дралась, она просто поймала одну из кошек, схватила ее за голову и сворачивала ей шею, кошка визжала, била Аглаю задними лапами, распарывая кожу на левом бедре на полосы, а две другие кошки пытались укусить сумасшедшую за ноги. Но все эти попытки были смешны, ни у схваченной кошки с ее страшными когтями, ни у ее сородичей с их острыми зубами никаких шансов против долбанутой

бабы не было. Аглая свернула шею одной из них, да так, что голова провернулась на целый оборот. Убила и небрежно бросила на остатки асфальта. Две другие кошки сразу убежали в туман. А чокнутая села рядом с дохлым животным, помочилась. И тут же встала – страшная, мощная, с растрепанными волосами, залитая собственной кровью, стояла и смотрела на депошку, словно знала, что из большого окна здания за нею наблюдают. Свете показалось, что она смотрит ей прямо в глаза, девочка перепугалась едва не до смерти. Сползла на пол, подтянула к себе палку, а за ней и рюкзак. Пипец. Отсюда надо убираться. Быстрее бы появился Любопытный. Она очень хотела с ним поговорить.

А он появился, когда туман почти ушел.

– Человек Светлана-Света, – раздался ожидаемый, такой же ровный и красивый голос, – рад, что вы уже тут.

– Лю, где вы были так долго, еще вчера пропали, я думала, что мы вернемся с вами вместе. По крыше кто-то ходил, мне кажется, это была Аглая, – сразу все высказала девочка. Она даже подумала, что сделала это слишком резко.

Но Лю не обиделся, Светлане показалось, что в ровном голосе она уже научилась угадывать нотки настроений, и сейчас, судя по всему, он был доволен:

– Я, увидав, что синие стайные существа от вас отстали, остался посмотреть, что будет дальше. Мне было интересно, что будет с тем существом, которого вы поразили ядом жабы.

– Ну и что, он умер от яда? – с надеждой спросила девочка.

– Косвенно от яда. Он еще мучился, когда один из его сородичей подошел и укусил в ту часть организма, которая соединяет корпус с самой верхней, выделенной частью.

– Корпус? С выделенной частью? – И тут Света догадалась. – Он укусил его между телом и головой, в шею, что ли?

– Возможно, эта часть тела так и называется, я это запомню. В шею. После чего его стали кусать и другие сородичи и отделять от него фрагменты, потом пришли еще, они тоже принялись это делать, пока не поглотили его полностью.

– Очень интересно! – с сарказмом заметила Светлана. «Мог бы со мной побыть, я тут едва не умерла со страха, пока долбанутая ходила по крыше».

– Нет, это было событием заурядным, но вот что мне показалось действительно интересным, так это то, что у дерева, которое вы видели с жабьего холма, живет еще один представитель вашего вида. Судя по его габаритам, он тоже суприм, как и ваша Аглая.

– По его габаритам? – переспросила девочка. Но это был скорее вопрос вежливости, сейчас ее интересовала совсем другая тема.

– Да, на первый взгляд его вес на полпорядка превышает ваш. Или даже раз в шесть.

– В шесть раз – это… триста килограммов, – прикинула девочка. – Возможно, это тот великан, которого я видала у торгового центра, тот вообще был огромный, как… – Она не нашла сравнения, которое понял бы Лю.

– Самое удивительное, это крупное существо хранило во внутренней полости своего корпуса такое же существо, как и то, которое было отравлено вами.

Света не совсем поняла, о чем говорит голос.

– Оно хранило в полости корпуса… В себе? Внутри себя мальчика?

Как кенгуру, что ли? Или как?

– Я видел, как оно полезло своей рукой в отверстие, которое находится внизу его корпуса, и достало оттуда того, кого вы называете мальчиком, только заметно меньшего размера. Я уже такое видел у других видов существ, мне кажется, этот феномен можно интерпретировать как воспроизводство.

– А, – произнесла Светлана и, чуть подумав, продолжила, – понятно, то большое существо родило синего мальчика при помощи своей руки?

Она уже хотела закончить эту тему и обсудить с Любопытным дела, но тот еще не наговорился:

– А еще у меня есть информация, которая вас порадует, Светлана-Света.

– И что это за информация?

– Я возвращался через местность, которую вы называете «парк», смотрел, какие там обитают существа, и обнаружил растение, которые вы зовете «фикус».

– Фикус? – Не то чтобы это обрадовало Светлану очень сильно, тем не менее новость была хорошей. Только вот… – Вы же говорили,

Лю, что в парк лучше не соваться, что там вообще жуть кто живет.

– Да, но это растение произрастает совсем рядом с оградой, я думаю, что можно рассмотреть вероятность безопасного сбора частей этого растения. Его части, уверен, вас порадуют.

– Я побаиваюсь туда ходить, – произнесла девочка. – Листья мне, конечно, нужны, но синие мальчики очень быстрые, мне от них не убежать. Вдруг опять на них нарвусь.

– Мы будем осторожны, все взвесим и просчитаем, думаю, нам удастся добыть листья при самых низких рисках. Следующим шагом будет Дерево. Мы изучим его и обитающих там существ. Исследуем вероятность пройти по той местности дальше. И если все будет складываться благоприятно, мы опять предпримем попытку двинуться на север. К сиренам.

– Да, это хорошо. – Света была согласна с таким планом, но хотела включить в него один момент. – Лю, я уже говорила с вами насчет этого… В общем, я хочу сменить это место… – И она, боясь, что Любопытный не дослушает, быстро продолжила: – Понимаете, Лю. Аглая – она больная, безумная, очень страшная, очень сильная, сегодня она убила большую кошку руками, одними руками, просто взяла и свернула ей голову. Кошка там лежит, у забора. Под этими… Под телами. А вчера она чуть не убила меня камнем. – Света потрогала грудину сразу под горлом, там еще побаливало. – Потом она как-то взобралась на крышу, может, это была не она, но я думаю, что она. Ну… Я не смогу с ней тут ужиться, рано или поздно… Я не успею убежать в мох, и она меня схватит. Понимаете, Лю. Я хочу поменять место… Может, поищем другое, может, у вас есть что-нибудь на примете? Квартира какая-нибудь или еще что? Лю, мне тут страшно.

Света замолчала, и он ответил ей, и опять девочка угадала с его тоном, едва Любопытный начал, она уже знала, что все будет непросто.

– Светлана-Света, вы мне уже об этом говорили. И тогда, в тот раз, я мог согласиться поискать новое место, но сейчас, когда вы сами создали для меня периметр, в котором я могу укрываться от пронизывающего потока времени, мне не кажется это разумным. Просто я ценю усилия, что вы предприняли для меня, и мне не хотелось бы покидать это место и искать себе новое.

– Но… В смысле… То есть вы не хотите? Искать новое место? – Света была почти убита его ответом.

– Я здесь себя очень хорошо чувствую, но даже не это главное. Мои возможности ограниченны, даже если мы и сменим место, все равно я не смогу продвигаться дальше моих возможностей. Здесь точка моего входа в Исток. И здесь вы создали для меня безопасное место, в которое я всегда могу быстро вернуться.

– А как же вы собирались идти со мной на север, к сиренам?

– Я и сейчас готов идти с вами до пределов своих возможностей, – твердо сказал Любопытный. – Но пока я еще не нащупал этих пределов. Созданный вами периметр значительно расширил мои возможности, но они вовсе не беспредельны.

– Вот как? – Светлане в голову пришла мысль, и девочка очень хотела, чтобы она смогла реализоваться. – А если я принесу вам еще пыли из-за Черты, вы сможете поменять место?

Голос завис, он раздумывал, а Света сжала кулаки: «Ну, ну, давай, скажи, что это возможно. Ну, что ты молчишь, Лю?»

И Лю наконец ответил:

– Да, это вариант из рабочих, но я не хочу, чтобы вы еще раз шли за Черту.

– Что? Почему? – удивилась Светлана. – Я смогу сходить туда еще раз и наберу пыли побольше. Наберу целую банку.

– В прошлый раз я не стал говорить вам, но это дело не совсем безопасное… – начал голос.

«Вообще-то ты говорил, что оно почти безопасное, – вспомнила девочка. – Я, между прочим, чуть в Белом лесу не задохнулась». Впрочем, она понимала, что Любопытный, скорее всего, ничего не знал про лес. Знал бы – предупредил бы. А Лю продолжал:

– И теперь я уже не думаю, что вправе подвергать вас подобной опасности вторично.

– А чокнутая? – закричала девочка, указывая пальцем на окно, за которым на заборе еще висели какие-то ошметки от тел синих мальчиков и валялась дохлая кошка. – Лю, чокнутая – это не опасность для меня? Взгляните, что она делает со всеми, до кого добирается!

– Тем не менее я считаю, что вы переоцениваете ее возможности и ее опасность. Тем более что для вторичного похода за Черту нужно

будет поймать жука-могильщика, а я, при том, что знаю, где он обитает, не знаю, как его ловят.

– Я как-нибудь поймаю его. Лю, я поймаю этого жука, – в запальчивости пообещала Светлана.

– Хорошо, но перед тем, как мы примем решение о повторном путешествии за Черту, вы найдете в своем трехмере этого суприма Аглаю. Вы объясните ему, что просто желаете пройти к сирене и не претендуете на его территории. Может, вам удастся договориться с этим существом. И тогда не будет необходимости вашего повторного похода за Черту.

Света молчала. Да, он был прав, но даже там, наяву, она не очень хотела встречаться с этой припадочной.

– Ну, вы согласны с моим планом, Светлана-Света? – настаивал Лю.

– Согласна, – нехотя ответила она.

Глава 39

– Ее нигде не видно, – произнес Лю, – можете выходить.

«Ты ее и в прошлый раз не увидел, а я потом камнем в грудь получила». Света выглянула из депошки, убедившись, что вокруг никого, вышла и закрыла дверь.

Она пошла по лужайке из мха вдоль проспекта Гагарина, а на улице Гастелло свернула налево. Сошла на асфальт.

– Нам лучше и дальше двигаться на север, к парку, – предложил Любопытный.

«Сама знаю, что лучше», – думала Светлана, ее очень злил тот факт, что Лю не согласился с ней сразу. Но она оправдывала его, ведь он просто не понимает ее опасений насчет Аглаи. Девочка вздохнула и произнесла:

– Зайду в двадцать восьмой дом, проверю жабу. И пойдем к парку.

А жаба после того, как Светлана ушла из удобного угла двадцать восьмого дома, снова вернулась на свое место. Снова ловила, травила своим ядом всякую мелочь на стене. Она, кажется, стала еще больше. Девочка, уже имея опыт «общения» с этим замечательным животным, сначала подразнила ее палкой, помахала перед глазами, даже по носу слегка постучала, пока жаба не выплюнула на нее весь свой яд.

– Этого недостаточно, – сказал Любопытный, глядя, как Света рассматривает конец палки, мокрый от жабьей слюны. – У нее за глазами железы, бугры, видите? Мне кажется, там находится самое эффективное вещество этого существа.

Светлана палкой придавила животное сверху, прижала посильнее; и вправду, сразу из-за глаз и еще из одного бугра появилось вещество, похожее на желтоватый крем.

– Вот об этом я говорил, – произнес голос. – Мне кажется, именно этим вы поразили то существо, что называете мальчиком.

Света и сама так думала, слюна жабы похожа на воду, а это вещество было жирным, как сливочное масло. Девочка стала проворачивать палку и водить ею по спине жабы туда-сюда, чтобы равномерно распределить «крем» по острому концу. Вот, теперь дело сделано. Конец палки был черен от страшного яда. Пусть только сунутся ко мне. Она была довольна.

«Спасибо тебе, добрая жаба».

Света вышла из развалин и, часто останавливаясь, всматривалась во все, что казалось ей подозрительным; на все заверения Лю, что никакой опасности поблизости нет, она почти не реагировала. Выйдя на проспект, девочка побежала к парку. Ей пришлось оббежать одного марабу, что прикидывался старым деревянным столбом. И вскоре она выбежала на перекресток Гагарина и Бассейной. Тут Любопытный опять сказал, что все спокойно. Ну, кажется, так и было. Над СКК висела всего одна медуза. Недалеко улицу быстро перебегала семейка огромных крыс. Вдалеке, на Бассейной, бродили две горбатые кошки. Но это совсем вдалеке. Птицы пролетели медленно и спокойно. Только после этого Светлана побежала дальше.

Вот она, ограда парка. Девочка раньше не приглядывалась особо, а теперь стала рассматривать растения, что сплошной стеной росли за оградой. Странные растения, южные. Кусты с длинными острыми листьями, обвитые яркими, цепкими вьюнами. Деревца с мясистыми стволами. Еще растения, похожие на большие каллы, с огромными листьями. И куча других насаждений.

– Нам надо пройти еще немного в северном направлении, – сказал голос. – Двести ваших шагов. Фикус там.

Света молча кивнула и пошла быстрым шагом. И почти сразу заметила движение, повернула голову.

Все-таки марабу большие мастера прятаться на самом виду, перед глазами. А ведь Света осматривалась, стоя на перекрестке. А теперь эта противная птичка, с огромным клювом в виде очень острого угла, неслась к ней почти беззвучно, быстро переставляя свои страшные, почти страусиные ноги и помогая себе короткими, но широкими крыльями.

– Опасность! Опасность! – сигнализировал Лю.

«О, заметил наконец, – иронично подумала Света, – ну, слава богу».

Можно повернуться и убежать. Но девочка вдруг поняла, что ей надоело все время убегать. А потом прятаться и ждать, пока опасность отступит. Бегать, прятаться, ждать. Бегать, прятаться… Хватит уже. Не побежит она сейчас от какой-то тупой птицы. Девочка встала к опасности левым боком, чуть выставила вперед ногу, а свою «жабью» палку занесла над правым плечом.

«Ну, давай, уродец!»

А птица быстро приближалась, уже и глаза ее круглые, глупые видно. Света же так и замерла с поднятой палкой. Двадцать метров, пятнадцать… Девочка удивлялась сама себе, но у нее и тени страха сейчас не было. Она ждала и предвкушала удовольствие, с которым врежет по страшной птичьей башке. Десять метров… И вдруг тупая птица оказалась… не такой и тупой. Нет чтобы подлететь к девочке, получить палкой и кинуться в драку. Ничего подобного, марабу вдруг затормозил, захлопав крыльями. Поглядев на смелую девочку круглым глазом, вдруг развернулся и пошел прочь, покачивая головой в такт шага, мол, не очень-то и хотелось. Пошел не спеша, на всякий случай поглядывая назад. И этим даже чуть-чуть разочаровал Светлану. Впрочем, она обрадовалась, потому что знала: она победила уродца. Девочка даже засмеялась, опуская палку:

«Иди-иди пока и не лезь ко мне больше. В следующий раз я тебя так не отпущу».

Довольная собой, Света пошла дальше, пока голос не сказал:

– Вот, напротив этого места, в ста шагах в парк, и растет фикус.

Света еще раз поглядела вслед уходящему марабу и свернула к заграждению. Да, там сплошная стена зеленой растительности. И она даже не успела дойти до ограды, как из зеленой массы прямо перед ней на забор плюхнулся здоровенный… кузнечик, только без задних ног, но зато с огромными жвалами. Он был длиной с руку девочки, только раза в три жирнее, насыщенного коричневого цвета, и так как голова этого мутанта со страшными жвалами через решетку не пролезла, он вытянул в сторону Светланы метровую коленчатую лапу, усеянную страшными и острыми крючьями.

Девочка отпрянула, скривилась от отвращения, но в ней еще жил дух победы над марабу, и она, сжав жабью палку покрепче, отбила ею

колючую лапу, а после загнала острый ее конец кузнечику в грудь, в место, откуда у него вырастали лапы. Загнала с хрустом и даже не поморщилась. Уродец, провисев пару секунд на ограде, соскользнул с палки и свалился вниз.

– Прекрасная работа! – услышала Светлана привычный спокойный голос. – Кажется, вы начинаете обживаться в Истоках.

Да. Светлана и сама так думала.

– Но сейчас было бы благоразумно вернуться к себе. Или временно отступить к полям мха, – продолжил Лю.

Света и сама так думала – еще до того, как расправилась с кузнечиком, она видела, что с севера, от жабьего холма, в ее сторону тащатся две медузы.

В прошлый раз она забыла про это. Но теперь, вернувшись в депошку и заперев на засов дверь, девочка скинула куртку, поглядела в окно и, убедившись, что никого на улице нет, достала из рюкзака новую майку и при помощи ножа вырезала из нее небольшой кусочек ткани пять на пять сантиметров, достала узелок с монетами, из него вытащила золотой. «Десять рублей 1904 г.». Она спрятала остальные монеты обратно, а эту завернула в вырезанный из майки лоскуток. И уже этот маленький сверточек спрятала, как в прошлый раз, за щеку. Она вдруг подумала, что раны на щеке и десне очень быстро зажили. Это было удивительно. А еще она потрогала щеку, из которой недавно хирург вытащил какую-то личинку. Но даже места вскрытия не смогла нащупать. Она даже на другой щеке поискала, думала, что перепутала щеки. Но и там не было ничего, что напоминало бы ей про жука-могильщика. Как следует обдумать это она не успела.

Зонт был сломан, но еще мог как-то защищать от дождя. Правда, как только она вышла из парадной, дождь прекратился. Отлично, а то бежать с зонтом неудобно. Девочка свернула в арку и сразу перешла на легкий разминочный бег. Ну и почти сразу почувствовала, как промок левый кроссовок. Когда отводила братьев в садик, то смогла не промочить ног, а тут… Осень. Ей и впрямь нужна была новая обувь. И новые треники. И новая куртка. А может быть, даже и туфли с юбкой, она лет сто уже не носила юбки. И колготок целых у нее не было. Она еще не добежала до детской площадки, а второй кроссовок тоже

промок. Ну и ладно. Света чуть ускорилась, на ходу пробуя языком рваную ранку во рту. Теперь она перенесла монетку со значительно меньшим ущербом; да, повреждение было, но на этот раз все обошлось без кровавых фонтанов изо рта. А монетка – вот она. Света уже посмотрела цены. Это вдохновляло: на одном из московских сайтов такую же предлагали за сто восемьдесят тысяч рублей! Сто! Восемьдесят! Тысяч! Да пусть у нее какой-нибудь ненормальный купит хоть за сто шестьдесят. Она бы сразу согласилась. Главное, никому не говорить об этой монетке, особенно Пахому. Она не хотела снова буцкать какого-то барыгу. Уж лучше найти кого-то с паспортом и выставить монету на аукцион, как он там называется? «Конрос», кажется. Вот только кого? У кого, кроме папы, есть паспорт?

– Фома-а! – услышала она сзади. – Погодь, Фома!

Понятно, кто орет на весь двор. Девочка и не думала сбавлять скорость, но убегать от него, как раньше, как-то неудобно.

– Фомина, да погоди ты! – кричал одноклассник, топая сзади.

И тут девочка так разозлилась, что даже остановилась и, не поворачиваясь, стала ждать его приближения, пока не услышала совсем рядом:

– Здарова, Фома!

Она повернулась и, глядя с неприязнью, очень зло сказала через сжатые в нитку губы:

– Пахомов, у меня вообще-то имя есть! Ты хоть знаешь, как меня зовут?

– А-а… Ну, это, знаю… – Пахом даже растерялся. – Света.

«Света! Света! – Она отвернулась от него и быстро пошла прочь. – Господи, как он это произнес! Фу, противно. Лучше бы не слышала».

Этот его вечный тон, полный грубостей и насмешек, ее смущал. Или голос. Или и то и другое. В общем, из уст Пахомова ее простое имя звучало… странно, как минимум.

– Чего делала вчера? – спросил Пахомов, топая рядом.

Света взглянула на него: непричесанный, у дорогой куртки ворот надорван, она еще и грязная, видно, как с Валяем сцепился, так даже и не подумал почиститься, безалаберный какой-то. Посмотрела девочка на одноклассника и зачем-то сказала небрежно:

– Ночью на меня марабу наехал, раньше я от таких бегала, а вчера лень было, решила врезать ему палкой, так он подбежал, а драться побоялся, ушел.

Пахомов посмотрел на нее то ли с подозрением, то ли с опаской, а после спросил осторожненько:

– А марабу – это кто?

– Пахомов, – Светлана уничтожила его взглядом, – пора бы тебе знать, это птица такая большая.

– А! Птица. Понял.

– После него я убила огромного кузнечика, – продолжила удивлять одноклассника девочка. – Проткнула ему грудь палкой с жабьим ядом.

И тут Пахомов расплылся в улыбке:

– Гамалась? – Он засмеялась. – А я думаю, что она несет, сразу и не допер, что ты играла. Во что играешь?

– В Истоки, – ответила Света.

– И что, норм игра?

– Жуткая, пипец!

– Надо посмотреть, – говорит Пахом.

– Не надо, тебе не понравится.

– А ты раньше анимешки смотрела, сейчас смотришь? Или разлюбила?

– Некогда, очень хотела бы посмотреть что-нибудь, но времени нет.

– А я в детстве тоже смотрел. «Наруто».

– Ты смотрел «Наруто»? – Светлана даже обрадовалась, с этого мультфильма началась ее любовь к аниме.

– Все девятьсот серий или сколько там. Не помню уже, – сказал Пахомов, словно похвастался. – Только филлеры пропускал. Нудные.

– И я тоже филлеры пропускала, – Светлана остановилась. Замерла.

И одноклассник встал, посмотрел на девочку выжидательно.

– Слушай, Пахомов… – начала она, – мне нужно найти одного человека в городе. Я знаю только ее имя и фамилию.

– Да легко! – сразу ответил Пахом. – Лавэ есть? Если есть, найдем. У меня есть корефан, он в этой теме рубит. Ну, не то чтобы корефан, но я его хорошо знаю. Раскуривались как-то в одной общаге.

Он достал телефон.

– Ну так что? Звонить?

Света подумала, что деньги у нее есть. И Аглаю надо бы найти. Она ведь обещала Лю, что поговорит с ней тут.

– Звони, – произнесла девочка.

– Супер, школу задвинем, – предложил одноклассник, копаясь в длинном списке номеров. – Только денег на метро у меня нет, мамка лишила подаяний.

– У меня есть, – ответила девочка.

Глава 40

– Короче, я сейчас подъеду, – договаривался Пахомов по телефону. – Куда? Ага, понял. А там? Ага… Все, еду. Подъеду – позвоню. Выйдешь или мне зайти? Ага, все… Еду.

Он спрятал телефон и сказал Светлане:

– Нам на «Дыбенко», он там в «бонче» учится. Погнали.

И они погнали к станции метро «Парк Победы». Это прикольно – прогуливать уроки, когда у тебя есть дело, есть деньги и есть с кем прогулять.

Дождь закончился. Ирра вышла из-под веранды какого-то ресторана, остановилась, раскрыла пазухи, стала принюхиваться. Вдыхать, вдыхать, вдыхать этот едкий воздух большой улицы, по которой непрерывном потоком едут и едут машины, бегут и бегут люди. Выхлопные газы, аккумуляторы самоката, человеческая пища, вокруг куча всяких булочных и павильонов с кофе, рестораны. По улице плывет сладкий смрад современных сигарет, вейпов, размоченных окурков. Специфический запах водорослей – от фонтана напротив большого здания библиотеки. Все не то, все не то. Запаха червя тут нет. Если и был, его смыло дождем. На другой стороне улицы – станция метрополитена. Внутри всегда ходит воздух, он выдувает запахи, да и само место имеет свой сильный оттенок, слишком пахнет людьми, но это лучше, чем дождь.

Она идет к переходу. Спускается, чтобы перебраться на ту сторону, в переходе свои запахи. Гниль, сырость, моча, кровь… Она принюхивается. Да, мужская кровь. Подтухшее мясо курицы.

Нет, ничего интересного. Поднявшись, она сразу пошла ко входу в метрополитен. Зашла, постояла у касс. Постояла у турникетов, вбирая в себя запахи, что приносил поток воздуха снизу. Нет, тут тоже было пусто. Она уже второй день искала, но это не смущало, Ирра ела три дня назад, так что была не голодна, ночью она отдыхала, а искать… Ей даже нравилось.

И тут она уловила, нет, не запах, намек, пару молекул, и это был воздух, что влетел с улицы. Ни секунды не раздумывая, она бросилась к выходу. Ирра очень боялась потерять его. Выскочила – точно. Это он. Еще несколько молекул, она их узнала. Теперь взять направление, откуда ветер. Север. Она пробежала метров двадцать к парку. Стала вдыхать и вдыхать носом, при этом вертя головой туда-сюда, как сумасшедшая. И было наплевать, что спешащие в метро прохожие косятся на нее, ей нужно было взять след. Но тут, у мокрых кустов, ничего. Нет, нет, нет, она не могла ошибиться, запах был, был. Ирра побежала к проезжей части и там нашла еще несколько молекул. И пошла, пошла, вдыхая воздух, на север по Московскому проспекту, находя новые и новые молекулы запаха. Все, она взяла след, теперь Ирра в этом не сомневалась.

Они вошли на станцию, встали в очередь к кассам, Светлана достала из рюкзака тысячу рублей.

– Он в «бонче» учится, – с уважением рассказывал Пахомов о своем знакомом, – он в сетях знаешь как шарит? Супер.

Девочка слушала и надеялась, что это так и есть. Она купила четыре жетона, они прошли на эскалатор, и она спросила:

– А куда ехать? Далеко?

– На «дыбу» (станция метро «Улица Дыбенко»), – ответил Пахом. – Он после универа в ФСБ собирается.

– Круто, – сказала девочка для поддержания разговора.

Они доехали до нужной станции, причем Пахомов почти не умолкал, нес околесицу, иногда смешную, когда нужно было, даже перекрикивал шум метрополитена. Света слушала. Сама говорила мало. Поднялись по эскалатору и вышли на улицу. Пошли по проспекту Большевиков. Одноклассник достал телефон и стал звонить. Поговорив, сообщил:

– Короче, он сейчас выйдет. Будет нас ждать у входа в универ. Только ты это… Не стремайся.

– А что такое? – насторожилась Света.

– Ну, он немного кринжовый, но чел нормальный.

Никакой он оказался не кринжовый. Простой парень, может, просто невысокий, чуть толстенький, в очках и небритый, он, наверное, хотел отпустить бороду по моде, но щетина росла у него так себе. Борода была не очень…

– Здарова, Петя. – Пахомов протянул руку. – Это Света, вот ей нужно найти одного чела.

– Твоя тянка? – сразу уточнил Петя, внимательно разглядывая Светлану через очки.

– Не, – отвечал Пахом, – мы так… Общаемся.

– Александр, – представился Петя и протянул Свете руку.

– Светлана. – Она пожала влажную, чуть липкую руку и подумала: «Петя? Александр?»

– Короче, Петя, Светке нужно одного чела найти, поможешь? – перешел к делу Пахомов.

– Помогу, без базара, – согласился Петя. Сейчас он был вальяжен и крут – а как иначе должен разговаривать студент университета со школьниками? Обвел девочку взглядом с головы до ног и уточнил: – А что заплатите?

Девочка сразу посмотрела на одноклассника: а сколько надо? И, поняв ее взгляд, Пахомов произнес:

– Э, Петя, ты только не борзей, у нее не много денег.

Александр-Петя еще раз оценил Светлану и заискивающе произнес:

– Ну она кайфовая, стройная… Может, натурой? – И расплылся в улыбке: якобы шутка. И тут же добавил: – У меня хата свободна, можем еще и раскумариться.

«Что? Натурой? Какой натурой? – не сразу поняла девочка. А когда поняла, что он имеет в виду, то… – Щетина клочками, неспортивный, волосы сальные, руки липкие». Ей стало неприятно, едва она подумала, что он этими руками будет к ней прикасаться. «Фу!» Девочка сразу хотела отказаться от подобного предложения, но Пахомов опередил.

– Э, Петя! Хорош! – сказал он твердо, даже с угрозой в голосе. – Завязывай давай. Говори, сколько денег надо?

Светлана была Пахомову благодарна. Тот даже не стал говорить, что она школьница, что ей еще нет шестнадцати, просто сказал

«хорош» и «завязывай». Учитывая, что Пахомов был почти на голову выше Пети, тому этого оказалось достаточно.

– Ну, ок. Тогда с нее пятерочка.

– Хорошо, – снова ответил одноклассник за Свету. – Деньги у нее есть, но вперед она даст только пару косых. Остальное после работы.

– Ну, ок! – согласился студент. – Кого ищем?

Девочка полезла в рюкзак за деньгами. А сама думала о том, что Пахомов умеет быть твердым, вон как договаривается обо всем за нее.

– Ее зовут Манана Гванца, – сказала Света, протягивая Пете две тысячных купюры, она отлично запомнила настоящее имя Аглаи. – Сможешь ее разыскать?

– Нерусская? Гражданство есть? – спросил студент, пряча деньги в карман рубашки.

– Не знаю, – ответила девочка.

– Прописка, регистрация? Машину водит? Сколько лет? Фамилия мужа? Дети есть? Кем работает?

– Нет, ничего не знаю. – Светлана даже начала бояться, что Петя откажется от поисков. – Она взрослая, лет тридцать ей или тридцать пять.

– Ну хоть что-нибудь еще о ней знаешь?

– А, – вспомнила девочка, – она чокнутая, на таблетках сидит. Кажется.

– Ок… Ок… – задумался Петя. – Попробую поискать так. Ладно, запиши мой номер.

Света достала свой убогонький кнопочный телефон, стала записывать в него цифры, что диктовал студент, а тот косился на ее гаджет с непониманием, затем добавил:

– Александр.

Света кивнула, но записала «Петя», нажала на «Вызов».

– Через пару дней, а может и раньше, я тебе позвоню, – сказал он. И когда она уже кивнула в ответ, он спросил заискивающе: – Слушай, а у тебя подруг каких-нибудь нет?

– Нет у нее никаких подруг, – опять за Светлану ответил Пахомов. – Не дружит с ней никто.

Света шла по улице и косилась на Пахомова зло: все-таки он дебил. Грубый и тупой.

Виталий Леонидович зашел поесть. Он хотел простых и недорогих гамбургеров. На улице Восстания, в двух сотнях метров от станции метрополитена, было место, где делали недорогие, но вполне съедобные гамбургеры. Называлась забегаловка «Сити Гриль Хаус». Он взял себе «Бронкс Биф» и острый «Ред Булл», большой стакан пива, две картошки «Айдахо», три сырных соуса. И все это стоило чуть больше тысячи рублей. Дождался заказа, начал есть. Роэ был доволен, Ирра делала свою работу, и ничего, что уже пошел второй день, пусть хоть неделю ищет, она должна найти червя. Фисюки, папаша с сынком, по своим каналам тоже искали. Если через пару дней результатов не будет, у него был еще один вариант. Последний. К этим существам он обратится только в исключительном случае. Пока в них нет необходимости.

Полудурок Мартышка не захотел с ним есть дешевую еду, пошел в ресторан, что находился на шестом этаже в соседнем ТЦ. Скорее всего, он обижается за то, что Виталий Леонидович дал ему вчера в торец. Роэ берет большой гамбургер, это «Ред Булл», в нем куча перца халапеньо и, кажется, соус табаско. Виталий Леонидович любит острое, особенно с холодным пивом. Он с удовольствием кусает гамбургер и думает о том, что с Мартыновым навсегда отношения испорчены. Так испорчены, что, возможно, придется их выяснить. Не здесь, конечно, там… И возможно, что их придется выяснить… окончательно. Но это не пугало Роэ, он был уверен в своих силах и по ту, и по эту сторону реальности. Уже жирными пальцами взял одну картошечку и, обмакнув ее в желтый соленый соус, отправил в рот. Да, еда – это большое удовольствие. Особенно если ты почти всегда чувствуешь голод. И тут в кармане начал трястись и попискивать телефон.

«Интересно, кто это?» Он вытер пальцы салфетками и достал аппарат.

Все, приятная обеденная расслабуха окончена, на мониторе высветился абонент: «Уродина».

– Да, – произнес он и услышал знакомое шипение, которое едва мог разобрать. «Ленивая страшила, даже не хочет настроить голос, вот догадывайся, что она там шипит». – Не понял, повтори.

Опять шипение, но на сей раз он разобрал, вернее, додумался до той информации, которую ему передавали:

– Новорощинская улица?

Ирра опять что-то прошипела.

– Рощинская и Новорощинская. Я понял. Будь там, стой на перекрестке, еду.

Жаль бросать такую вкуснятину. Дело, кажется, налаживалось. Если честно, Виталий Леонидович волновался. Он давно так себя не чувствовал. Что ни говори, а оказать услугу Рогатой Госпоже значило очень и очень сильно повысить свой статус, и Роэ не собирался упускать эту возможность.

Он набрал Мартышке.

– Слушаю, – почти сразу ответил тот. Будто сидел и ждал звонка.

– Подавай машину, – велел Роэ.

А в ответ пауза. А пауз быть не должно.

– Мартышка, ты меня слышал? – В голосе Виталия Леонидовича появились нотки холодного раздражения.

– Мне еще еду не принесли, – ответил Мартынов недовольно или обиженно.

– Мне плевать, – закончил разговор Роэман и отключился.

Ему и вправду плевать, а может, он даже и рад, что Мартышка не успел поесть.

Глава 41

Мартынов остановился, чуть проехав за светофор. И пальцем указал на улицу:

– Вон она.

Виталий Леонидович и сам увидел Ирру, вышел из машины и двинулся к ней. Видок у нее, конечно, так себе, космы то ли засаленные, то ли мокрые, нечесаные. Это существо и так было уродливым, а сейчас его уродство просто бросалось в глаза. А еще от нее воняло потом и кошками. «Дура, могла бы принять нормальный вид, чтобы прохожие не шарахались. Но ей, безмозглой, лень». Ее дурацкий медведь был грязен, она его, кажется, не раз роняла на мокрый асфальт.

– Ну, порадуйте меня, милочка.

Ирра разевает рот, сипит. Он качает головой. Ему не хочется быть с ней грубым, но он не понимает:

– Ты взяла след? Говори по-человечески.

Она снова разевает рот, шипит, шипит, помогает себе руками.

– А, след обрывается здесь?

Ирра кивает.

– Почему?

Она показывает ему, как прячет что-то в карман.

– Червь спрятался.

Нет. Ирра качает головой. И что-то шипит.

– Что? – спрашивает Виталий Леонидович, он начинает раздражаться и наклоняется пониже, чтобы лучше слышать.

– Эщщ, – шипит существо.

– А! Вещь! Вещь? – Он понял. – Это не сам червь, это вещь червя?

Ирра кивает: да, так и есть.

– Кто-то до этого места донес его вещь, а потом спрятал ее куда-то, и больше запаха нет?

Она кивает два раз подряд.

– Ясно. – Роэ лезет в карман за телефоном. Он знает, что делать. Ну, во всяком случае, в каком направлении теперь работать.

Вещь. Вещь, которая воняет гарью, которую червь приволок оттуда. Что это может быть? Конечно, что-то ценное. Он находит в списке нужное имя: «Фисюк». И сразу делает вызов.

На том конце долго не отвечают, Роэ улыбается, он знает, что этот подонок специально игнорирует. Тянет время, а может и вообще не взять, сказав потом, что был не у телефона. Ничего, ничего, Виталий Леонидович ему это припомнит. Но тут связь установилась.

– Алло, – говорит Роэ, – петербуржская интеллигенция?

– Это я, – отвечает Фисюк-старший. – У меня для вас, Виталий Леонидович, пока ничего нет. Я работаю над вашей проблемой.

– Молодец, работай, работай, а пока скажи-ка мне, есть ли кто-нибудь из коллекционеров, нумизматов или знахарей, что работают с артефактами на улице Новорощинской или на Рощинской?

– Рощинская – Новорощинская? – Кажется, Жан Карлович Фисюк не знает, где эти улицы.

– Это между «Электросилой» и Лиговским.

– А… А, ну, понял. Там есть один человечек, сейчас точно скажу адрес. Подождите, Виталий Леонидович.

Роэман ждет, и через минуту Фисюк снова «на проводе»:

– Заставская, двадцать четыре. Желтенький домик, трехэтажный, кажется. Вход с улицы. Дверь на домофоне. Коля Ковальков. Это тип острожный, незнакомым не откроет.

– Барыга? Или лекарь? – спрашивает Роэ.

– Не лекарь, скупщик краденого, не брезгует ничем, покупает все, кроме телефонов, – велосипеды, одежду, все что угодно, работает с наркоманами, с барыгами, с ворами.

– Квартира? – интересуется Виталий Леонидович.

Жан Карлович Фисюк диктует номер квартиры и сообщает:

– Если повспоминать, у меня еще пара адресов будет, на Лиговском один тип есть, еще на Верейской улице мутный человек.

– Всех, всех вспоминай, а я пока этого Колю Ковалькова отработаю, – говорит Роэ и, не прощаясь, прерывает связь.

Он не прячет телефон, Ирра и Мартышка смотрят на него в ожидании, но он на них внимания не обращает. Виталий Леонидович находит нужное имя. «Лелик». Сразу запускает вызов.

И когда на том конце отзываются, просто говорит три слова:

– Ты мне нужен.

– Я на совещании, – почти шепчут ему в ответ.

Но Роэ это не останавливает, плевать ему на всякие совещания:

– Дело срочное.

– Понял, – звучит из телефона. – Где вы?

– Заставская, двадцать четыре.

– Далеко. По пробкам буду через час.

– Жду.

Он отключил телефон и пошел к машине. Мартынов уже сел за руль, а Ирра осталась стоять. Она смотрела на Виталия Леонидовича: «Я все сделала, что тебе еще нужно?» Он сразу понял ее взгляд:

– Нет. Я тебя не отпускаю, ты мне еще нужна.

Конечно, теперь она смотрела на него с ненавистью, но это его не пугало. Да, со всей этой нечистью нельзя забывать о безопасности, но бояться их тем более нельзя.

– В машину, я сказал.

Ирра покрепче взяла медведя и, все еще глядя на Роэ с ненавистью, залезла внутрь.

Мартышка вернулся в машину.

– Нужная квартира вон в той парадной. Отсюда нужно отъехать, мы тут на виду.

Он был прав. Виталий Леонидович локтем толкнул Ирру:

– Зайди в парадную, узнай, дома ли хозяева, сколько их, вещь червя там или нет.

Ирра молча вылезла из машины, пошла к нужной двери, встала около нее, стала ждать.

Мартынов перегнал свой «гелик» чуть дальше от дома и, повернувшись к Роэ, спросил:

– Чего ждем?

– Человека, – коротко ответил Виталий Леонидович.

– Мусора твоего, что ли? – уточнил Мартышка.

Роэ не ответил. Он пытался разглядеть, что делает Ирра.

– Слышь, Роэ, пока время терпит, может, пожру схожу, жрать охота.

Виталию Леонидовичу и самому хотелось есть, но он мог терпеть голод, если надо будет, хоть неделю, хоть две. «И этот потерпит».

Гена Мартынов, подождав несколько секунд и поняв, что ответа не будет, отвернулся к рулю.

Сотрудник оперативно-разыскного отдела № 18 Управления МВД Петроградского района капитан Митрохин, которого знакомые звали просто Леликом, был единственным человеком из всех, кого знал Виталий Леонидович, кто носил кожаную куртку. Коричневая потертая куртка, оттопыренный скрытой кобурой левый бок, короткая стрижка и крепкая фигура. У людей специфических профессий сомнений не возникало – это полицейский.

– Что за дело? – сразу спросил он после рукопожатия.

– У местного барыги вещицу нужно забрать, – отвечал Виталий Леонидович, отсчитывая десять оранжевых купюр по пять тысяч рублей и протягивая их полицейскому.

Лелик взял купюры, спрятал их во внутренний карман куртки и продолжал интересоваться:

– А что за вещица?

– Пока сам не знаю. – Роэ достал телефон, вызвал Ирру, которая давно уже была в нужной парадной. И как только она ответила, сказал: – Открывай нам дверь, мы входим.

Капитан Алексей Митрохин и Гена Мартынов быстро прошли к открывшейся двери. Причем Мартынов нес мощные ножницы для перекусывания висячих замков и монтировку.

– Он дома? – спросил Роэе.

Ирра кивнула.

– Он один?

Ирра опять кивнула. И все пошли вверх по лестнице. Роэ поднял руку, остановил всех и произнес:

– Он осторожный, нам не откроет. Ирра, давай ты.

Она поднялась на пролет выше, встала у двери и, едва дотягиваясь до звонка, начала нажимать кнопку. Ирра звонила усердно, нажимала и

нажимала кнопку, но хитрый владелец квартиры не спешил открывать. Она взглянула на Роэ – что делать? А тот в ответ показал кулак: стучи погромче. Ирра начала тарабанить в железную дверь, причем не кулаком, а ногой, продолжая звонить в звонок. Конечно, так продолжаться долго не могло, уж очень было шумно в парадной, поэтому скоро дверь приоткрылась, ровно на длину цепочки, и из квартиры послышался голос:

– Эй, ты, слабоумная, тебе чего?

Ирра сразу вставила ногу в появившуюся щель и вцепилась в дверь руками, чтобы она не закрылась, а по лестнице, прыгая через три ступени, кинулся Мартышка с ножницами.

– Э, э… – заорал хозяин квартиры. – Вы чего? Милиция, милиция… Соседи, позвоните кто-нибудь в милицию!..

Он пытался захлопнуть дверь, но Ирра только на вид была слабым ребенком: она крепко держала дверь, да и Мартынов уже просовывал ножницы в щель, уже перекусывал цепочку. Раз! И все. Ирра отскочила в сторону, Мартынов вошел в квартиру, заталкивая хозяина в комнаты, а за ним уже спешил капитан. Роэ шел последним, он пропустил вперед Ирру и закрыл за собой дверь.

– Ми-милиция… – запричитал хозяин, валяясь на полу возле дивана. Он был почти лыс, на вид далеко за пятьдесят.

Капитан подошел и сунул ему под нос удостоверение. Сунул и быстро убрал.

– Вы не полицейские, они так не входят, – не поверил Ковальков.

Роэ осмотрелся: мебель старая, но телевизор и ноутбук хорошие. Бедненько, но чистенько. Мартышка уселся у стола, а Ирра шныряла по комнатам и вынюхивала в прямом смысле этого слова.

– Вещь тут? – спросил у нее Роэ.

Она не была уверена, поморщилась: кажется, тут.

– Недавно вы приобрели одну ворованную вещь… – начал Виталий Леонидович, присаживаясь на корточки рядом с Ковальковым.

– Какую еще вещь? – огрызнулся тот.

«Знать бы какую», – подумал Роэ и произнес:

– Отдадите по-хорошему, мы сразу уйдем. Уйдем, ничего не тронув больше.

– Скажите, что за вещь, – настаивал скупщик краденого, – я много чего покупаю.

Ирра вбежала в комнату, она что-то нашла, Роэ дал знак Мартышке пойти с ней.

– Вспомните, что покупали за последние два-три дня.

Ковальков посмотрел на него недружелюбно, но, кажется, его больше интересовало, что происходит в той комнате, где скрылись Ирра и Мартынов. А там двигали мебель.

– Ну, – напомнил о себе Роэман и похлопал Ковалькова по лысине. – Покупали вещи, вспоминайте какие.

– Не помню я, – вдруг неожиданно грубо ответил тот.

– Не помнишь? – уже с угрозой в голосе переспросил Роэ.

И тут в комнату вбежала Ирра, подошла к Ковалькову, принюхалась и бесцеремонно полезла к нему в карман брюк.

– Ну, куда, уродина! – Тот попытался остановить ее руку, но Ирре на помощь пришел Виталий Леонидович. Он думал, что вещь в кармане скупщика, но оттуда вывалилась связка ключей, Ирра схватила ее и быстро ушла в другую комнату.

– Тварь! – заорал ей вслед Ковальков. И тут же с претензией, обращаясь уже к Роэману, заключил: – Никакие вы не менты. Не менты.

Роэ согласно кивнул, ожидая. И ждать ему пришлось недолго. Вскоре Мартынов положил на стол пачки денег и жестяную банку, а Ирра торжественно продемонстрировала маленький целлофановый пакетик. Поднесла и отдала его Виталию Леонидовичу. В пакетике лежала желтая монетка.

– Вещь червя? – тихо спросил Роэ, вытряхивая монетку на ладонь.

Ирра кивает, она довольна.

– Ты нашла сейф и догадалась, что она там?

Ирра кивнула.

– Твари, беспредельные твари, – захныкал Ковальков, видя пачки денег и коробку с ценностями. – Я всю жизнь это копил.

По его щекам текли слезы: барыге былло жаль своих накоплений. Роэ подвинул к Ковалькову деньги и сказал:

– Оставлю все тебе, если скажешь, у кого купил это. – Он кивнул на золотой царский червонец тысяча девятьсот одиннадцатого года.

Ковальков поспешно подгреб под себя денежки и коробочку, которую он, видимо, ценил, и сразу признался:

– У одного барыги местного, что дурью торгует, купил за тридцать восемь тысяч.

– Погоняло? Адрес? – спросил Роэ.

– Адреса не знаю, телефон есть, зовут Валяй, Женя Валяй, – сказал Ковальков и тут же полез в карман, достал телефон и принялся диктовать цифры. Он очень торопился услужить, вдруг и правда у него ничего не отнимут, если он будет… сотрудничать.

А капитан Лелик, который до этого момента просто стоял и молчал, уже звонил куда следует:

– Дежурный, Митрохин. Валер, глянь по базе: Женя Валяй, барыга, есть у нас такой? Могу телефон его продиктовать… Есть? Отлично. Адресок дай.

Капитан отключился:

– Адрес есть. Сейчас поедем?

– Конечно, сейчас. – Виталий Леонидович поднялся, спрятал монету в карман плаща, направился к выходу.

– А я за монетку-то деньги заплатил, – напомнил ему Ковальков.

Роэ даже не оглянулся, а вот Мартынов, проходя мимо все еще лежащего на полу скупщика краденого, врезал ему по ребрам. Чтобы не борзел.

– О-о, – застонал Ковальков, а сам рукой денежки к себе прижал.

Ирра засмеялась, ей стало смешно, как он стонет, и, быстро наклонившись к Ковалькову, она укусила его за руку выше локтя. Один по-змеиному быстрый укус маленькой девочки, а по руке заструилась кровь. Барыга заорал, пытаясь отбиться от нее, а Ирра уже устремилась за всеми к выходу, ее губы были в крови, и она довольно хихикала.

Глава 42

Со вторым барыгой все сложилось еще легче. Как только Валяев понял, что пришли не по его делам, сразу начал отвечать. Стоило капитану Лелику позвонить, так он сам вышел. Так хотел посодействовать органам.

– Я с наркольгами дел не имею, лично почти никого не знаю.

– Как же ты работаешь? – удивился Виталий Леонидович.

– Только через закладки и интернет.

– Ну, ясно. – Роэ достал из кармана монету. – А это у тебя откуда, тоже через закладки получил?

Валяй монету сразу узнал и отпираться не стал:

– Нарик один приволок. Пахомом зовут.

– Наркоман, значит? – спросил Виталий Леонидович.

– Ну, не то чтобы конченый, так – плановой. Он школьник еще. Траву брал пару раз. Нас, гашиш. Все легкое.

– Как зовут, телефон, адрес?

– Не знаю. – Наркоторговец замотал своей здоровенной башкой.

– Как не знаешь? И телефона его нет?

– Не знаю, клянусь, я наркольгам свой телефон не даю, задолбают. А Пахом – он мой адрес знает, пришел, сказал, что товар есть, сказал, рыжье, я вышел, он с бабой, говорит, вот, мол, ее монета.

– Что за баба? – уточнил Роэ.

– Да малолетка какая-то, – вспомнил барыга. – Гопница районная, как и Пахом. Школьница, лет шестнадцать-семнадцать, но высокая.

– Школьница?

– Ну да, вроде того, так и Пахом тоже, кажись, школьник, он как-то брал у меня кое-что, прятал в рюкзак, там учебник был какой-то.

Он, Пахом, высокий, но все-таки школьник.

– То есть твой Пахом и эта девка, что была с ним, школьники? А какая тут школа поблизости?

– Да их тут штук пять или десять.

Роэ посмотрел на капитана Лелика, а тот кивнул:

– Я завтра с утра займусь.

– Сейчас займись. – Больше у него вопросов к наркоторговцу не было, они с Мартышкой двинулись к машине.

Ирра ждала, что он скажет, надеялась, что для нее поиски закончены, но Виталий Леонидович так не считал:

– Ты не стой, не стой столбом, между прочим, червь мог быть в этом дворе, ищи давай, ищи, попробуй взять след.

Ирра посмотрела на него с ненавистью, но он даже не обернулся.

Светлана подошла к окну. Папа собирался на работу, резать салаты. А девочка хотела взглянуть, не идет ли дождь. Конечно, дождь шел. За окном темно, капельки на стекле, в свете фонаря рябь на лужах, прохожие торопятся домой, машины с красными стоп-сигналами паркуются. В Петербурге обычный осенний вечер, плавно переходящий в ночь. Ей показалось, что звонит ее телефон.

– Светка, я пошел, – кричит папа из прихожей.

Она бежит к нему – поцеловать. Выпроводив папу, хотела посидеть с мамой, пока сиделка не пришла, но нет… Телефон звонит. И теперь ей не кажется. Номер незнакомый – это странно. Девочка уже и забыла, когда ей звонил кто-нибудь, кроме папы, близнецов или сиделок. Она смотрит на телефон, думая, принимать вызов или нет, а телефон все трясется в руке, не унимается. И все-таки решается:

– Да.

– Здарова, Фомина.

«Блин, это Пахомов. Придурок заставил волноваться».

– Откуда ты узнал мой номер? – спрашивает Светлана.

– У Пети спросил, ты же ему оставила. – Пахом явно доволен своей находчивостью.

– Понятно. – Света не знает, что ему еще сказать.

– А ты что делаешь? – Пахомов уж точно найдет тему для болтовни. – Аниме смотришь?

– Нет, не смотрю. – У девочки странные чувства: с одной стороны, ей не о чем с ним говорить, а с другой – она рада, что хоть кто-то ей звонит.

– А чем занимаешься? – не отстает одноклассник.

– Ну, проводила папу, посижу с мамой, потом уложу братьев спать.

– Понял, а завтра что делать думаешь?

– Не знаю.

– Я в смысле того, что, может, у тебя еще дела какие есть, может, опять школу задвинем?

– А ты вообще в школу ходить не думаешь? – спрашивает Светлана.

– А что, ведь пандемия, полкласса не ходит, да и все равно я в институт не поступлю, я туда хожу так, для мамки. Ну так что, есть у тебя дела на завтра?

Девочка засомневалась, но подумала немного и сказала:

– Я завтра… может быть, кроссовки купить пойду.

– О, офигенно, поедем в «Галерею». Там и «Адидас» есть, и «Найк», и все остальное. И пожрать там есть что. Давай в половине девятого на детской площадке встретимся.

Нет, не так… Это как-то слишком… Слишком странно. Света еще не решила все до конца.

– Нет, – сказала она, – давай в школе встретимся.

– Ок, давай в школе. Ко второму уроку приходим?

– Угу, – ответила она и закончила разговор.

Пришла сиделка Нафиса, вся мокрая, у нее зонта нет, что ли? Братья опять спорили за компьютером. Девочка подошла к окну. Рябь на лужах, последние прохожие. Не то чтобы Пахомов ей нравился, но больше с ней никто никуда ходить не собирался. А кроссовки ей и вправду нужны. И деньги на это были. Ну а папе она найдет, что потом сказать.

Она вышла из депошки, когда туман еще и не думал рассеиваться.

– Аглаи поблизости нет, – заявил Любопытный. – Над магистралью справа висят две медузы. А по развалинам бродит один ферокс.

Она уже не так доверяла ему, он все-таки ошибался, не замечая реальной опасности. Поэтому переспросила:

– Ферокс слепой? – Светлана полагала, что это один из дедков, с которым она познакомилась в самом начале своих приключений в Истоке.

– Скорее всего.

– Сначала зайду к жабе, – решила девочка. Желтый жир, который она собрала с жабы вчера, подзапылился, Светлана не хотела лезть через забор парка, пока ее главное оружие не будет эффективно на все сто.

– Это разумно, – согласился Лю.

Крикунов она никогда не боялась, и теперь их вопли в тумане заставляли просто быть осторожнее. Она быстренько прошла к двадцать восьмому дому, к своей «личной» жабе. И снова, немного помучив животное, собрала с его спины желтый секрет, как следует размазав его по острому концу палки. Светлане даже было немного жаль жабу и чуть стыдно за то, что скинула на нее огромный камень. «Хорошо, что не убила», – думала Света, рассматривая темный от жира конец своего оружия.

– Лю, Аглаи точно нет? – спросила она перед тем, как выйти из развалин.

– Не вижу, ферокс и пара крикунов, больше никого не наблюдаю.

«Вот и отлично». Девочка собиралась сегодня добраться до фикуса, что рос в парке за забором. Невдалеке звонко заорал крикун, но девочка не замерла, как прежде, а спокойно, положив палку на плечо, пошла к полям серебристого мха, к проспекту. После легкой победы над марабу, после трудной победы над синим мальчиком, после убийства гигантского кузнечика она стала заметно увереннее в себе и в своей офигенной палке. Теперь если кто и мог ее действительно напугать, так это сумасшедшая Аглая.

– Ферокс слышит ваши шаги, – заговорил Лю. – Он слева, впереди, прислушивается.

– Интересно, – негромко произнесла Светлана, – а где эти слепые прячутся, когда выходит солнце?

Но Лю не ответил, он предупредил:

– Ферокс вас слышит, движется к вам.

Она на всякий случай ускорилась и быстро добралась до первых проплешин мха. Дошла и остановилась. Теперь она разглядела в тумане приближающуюся тень.

«А он тихий!» – отметила девочка.

Так и есть, это был слепой дедок, только чуть поменьше того, которого Света видела в первый раз. Он остановился и стал принюхиваться. И чтобы ему легче было сориентироваться, Светлана дважды легко ударила палкой по куску вздыбленного поребрика. Дедок сразу оживился и смелее пошел к ней. Пасть с редкими зубами, белый пушок на животе и в паху. Он был уже рядом, но она его не боялась. Совсем не боялась. Весь из мышц, лапы когтистые, ушастый, вместо носа длинная щель, но глаза… Девочка через туман прекрасно видела его белесые мертвые глаза.

Она еще раз ударила палкой по поребрику, чтобы он не терял ее, и сделала еще один шаг назад, в мягкий мох: мол: ну давай, иди сюда, уродец. Но он не был совсем уж тупым, подойдя ближе, вдруг наклонился и стал принюхиваться. Он учуял ее, но почувствовал и другой запах. Нет, он не пойдет дальше. Конечно, он отлично знал запах мха.

Раньше девочка такой не была, но сейчас она не хотела просто так отпускать этого ферокса. «Нечего тут бродить! Нашел себе место для охоты, что ли?» Девочка даже не осознавала того, что это место, которое она считала своим, ее «домом» не являлось. Светлана тут была на птичьих правах и пряталась, как могла, от настоящей хозяйки. Она просто сделала шаг и, неплохо вложившись, врезала дедку по морде «жабьим» концом палки, чтобы не вынюхивал тут ничего. Дедок чуть не перевернулся от неожиданности, озлобился, оскалился. Света едва успела отскочить на мох подальше, как он стал размахивать когтистыми лапами, рассекая воздух, но потом начались проблемы. Он заверещал, сначала зло, а потом и жалобно, остановился и, почесав рыло, повернулся и заковылял прочь, разрывая туман гнусными завываниями.

– Привет от моей жабы, – сказала Света и улыбнулась. Она никогда не была злой девочкой, но тут, во сне, ей никого не было жалко.

Лю никак не прокомментировал ее маленькую победу. Он должен был похвалить ее, но молчал. Может, ему она не понравилась? Света

насторожилась. И решила узнать:

– Лю, вы все видели?

– Да, видел, вы стали демонстрировать хладнокровие, которое я раньше за вами не замечал.

По его тону Света не поняла, одобрил ли он ее поступок или нет.

Глава 43

Справа СКК, слева забор и буйная зелень парка. Над головой синее небо с белым солнцем. Где-то вдали почти неподвижно висят несколько медуз. В двух сотнях метров от девочки, у поребрика, рядом с большим кустом репейника, притворяется столбом марабу.

Все тихо. Но девочка вспоминает огромного кузнечика с хищными жвалами и говорит:

– Лю, а точно там никого нет? – Ей совсем не хочется, чтобы подобное насекомое прыгнуло на нее, когда она перелезет через забор.

– Я повторно все огляжу, – обещает Любопытный.

Только после этого Светлана сходит с асфальта и медленно приближается к забору. Забор невысокий, его нетрудно будет перелезть.

– Я никого не обнаружил, – слышит она голос Любопытного. – Растение от ограды в двадцати шагах, вам будет несложно до него добраться.

Боязно, конечно, но фикус ей нужен. Она собиралась еще раз идти за Черту, а значит, дважды пересечь Белый лес. И лучше это делать «на фикусе». Все-таки Света не очень рассчитывала на то, что удастся договориться с Аглаей, даже если Петя и найдет ее наяву.

Она приставила палку к ограде, чуть подождала, приглядываясь к буйной зелени, и лишь потом поставила ногу на фундамент ограды и взялась за нее. Ничего сложного, секунда, и она уже, перекинув одну ногу на ту сторону, сидит верхом на заборе. Еще раз, теперь сверху, все оглядела. Нет, ничего подозрительного. Она берет свою палку и, присмотрев место для приземления, спрыгивает.

– Двигайтесь ровно на запад от ограды, – координирует Лю. – Вы дойдете быстро.

До недавних пор девочка и за деньги не смогла бы показать, где запад, а где юг, а тут, общаясь с Любопытным, уже набралась и знаний, и навыков. Она лишь мельком взглянула на небо: где солнце? И пошла ровно на запад. Прямо на стену насыщенно-зеленой листвы. Это был кустарник с крепкими и длинными ветками, и лишь приблизившись к ним вплотную, девочка… отпрянула. Все растение усыпано насекомыми, серенькими, крепенькими, мерзкими, каждое из которых сидело на своем листике и тянуло две длинные передние лапки, что больше напоминали крючки репейника.

«Пипец! Это же… клещи! Ну конечно же, Лю их не заметил. Он вообще хоть что-нибудь может заметить?»

Хорошо, что у нее есть куртка. Света надевает капюшон и застегивает молнию до самого конца. Куртка чуть великовата, поэтому она прячет руки в рукава поглубже и втягивает края рукавов внутрь. Вроде запаковалась, конечно, будет очень жарко, но лучше так, чем выковыривать из себя этих тварей, которые переносят какую-то там опасную болезнь. Еще она несколько раз бьет по веткам палкой, в надежде, что часть клещей ссыплется на землю, и лишь после этого, аккуратно и стараясь лишний раз не прикасаться к растению, начинает движение в глубь парка. А помимо клещей, на растениях сидели длинные тараканы с красными брюшками, которых дети в лагере звали пожарниками, и, конечно, мухи, которые так и норовили залететь под капюшон и пристроиться на лице или шее. В общем, эти двадцать шагов дались ей совсем не так легко, как предполагал Лю. Отбившись от мух, девочка вышла из зарослей на малюсенькую полянку. И тут она увидела его. Это был прекрасный образец фикуса. С крепким ровным стволом метра два в высоту и большим количеством красивых, крупных, мясистых листьев. Девочка, отряхивая с одежды клещей и краснобрюхих тараканов, которые пытались грызть рукава куртки, подошла к растению и огляделась.

– Собирайте листья, я контролирую окрестности, – сообщил Лю.

И Света сразу стала откручивать самые большие и толстые листья от стебля. Они прочно крепились, приходилось прикладывать усилия, чтобы сорвать их. Она срывала и не глядя закидывала их за спину в рюкзак. При этом следила, чтобы какой-нибудь клещ не перелез с

рукава куртки на кожу руки. Она не считала, сколько собрала листьев, десяток, не меньше, когда услышала голос:

– О вашем пребывании уже известно, к вам движется агрессивное существо, предлагаю покинуть эту локацию.

Повторять ей не нужно, Света не собиралась выяснять, что за существо к ней движется; дернув с силой, она оторвала последний лист, схватила палку и быстрым шагом пошла обратно.

Снова продравшись через заросли кустарника, девочка быстро добралась до забора.

– Продолжайте, но имейте в виду, за оградой два существа, которых вы называете мальчиками, – говорил Лю.

– Да как же так, их только что не было! – воскликнула Света, уже карабкаясь на ограду.

Она уже сидела на заборе, когда увидела их: точно, два синих мальчика бежали к ней, как обезьяны, на четырех лапах. Это было неприятно, но их всего двое, и поэтому девочка не побежала сразу к моховым полянам, а стала стряхивать с одежды клещей, которых особенно много оказалось на джинсах и рукавах куртки.

– Они приближаются, – напомнил Лю.

Девочка подняла глаза, мельком взглянула на мальчиков. Взяла палку и хотела уже побежать, но заметила, что один из них сел по-собачьи на асфальт, а второй, не добежав до нее сотни метров, встал во весь рост и поднял к небу передние лапы. И так застыл.

– Что это, Лю? – спросила Света. – Чего он хочет?

– Думаю, что он хочет привлечь ваше внимание, – ответил Любопытный.

«Ну, это ему удалось, а что дальше?» Светлана сбила еще одного клеща с полы куртки, раздавила его ботинком.

А мальчик, поняв, что Светлана на него смотрит, снова встал на четыре лапы и побежал к ней.

– Лю, никто ко мне не подбирается через парк? – Девочка стала оглядываться.

– Животное, что двигалось к вам, видимо, вас потеряло, теперь остановилось в зарослях. Больше я никого не вижу.

Светлана и сама никого, кроме приближающегося мальчика, не видела, а тот, подбежав метров на тридцать, остановился, склонился к

земле, буквально уткнувшись носом в асфальт, и вытянул руки в сторону девочки.

– Лю, это что? Чего он? – настороженно поинтересовалась Светлана.

– Рискну предположить, что он демонстрирует миролюбие, – произнес Любопытный.

«Ах вот оно что!»

– А зачем это? – Удивление девочки не проходило.

– Есть два варианта: первый – он хочет установить с вами отношения. Второй – он признает ваше верховенство над этой территорией и просит не трогать его и его сородичей.

– Ну хорошо, я не буду их трогать, если они не будут ко мне лезть. А как ему это сказать?

– Для меня вопросы коммуникаций всегда были сложными, – ответил Лю. – Мне не всегда понятны причины и мотивы поступков некоторых здешних существ. К тому же я плохо понимаю вербальные символы, принятые у вас. Поэтому я не могу ответить, Светлана-Света, на ваш вопрос.

«Господи, как же он занудно разговаривает иной раз. Как училка по химии. Вроде что-то говорит, говорит, а в итоге я ничего из сказанного не понимаю».

Тем временем мальчик встал во весь рост и стал махать ей рукой.

– Мне кажется, он зовет вас за собой, – произнес голос.

Она посмотрела на мальчика, машущего рукой, а после на того, что сидел вдалеке на асфальте… Посмотрела, подумала и покачала головой: нет. Может, она и не самая умная девочка в классе. Но не такая уж и дура. Света не пойдет за этим серым чудиком, по повадкам смахивающим на обезьяну, так как, скорее всего, он попытается заманить ее в ловушку. Света молча повернулась и побежала прочь, на ходу говоря:

– Лю, поглядите, нет ли у нашей депошки Аглаи.

Она только один раз обернулась. Синий мальчик стоял на месте и смотрел ей вслед.

Капитан Алексей Митрохин по кличке Лелик служил в полиции уже одиннадцать лет, и для него в его работе секретов не было. Не вставая из-за стола, он еще вечером того же дня знал, что гопник

Пахом, балующийся анашой и прочей дурью, – это ученик десятого «А» класса пятьсот девяносто четвертой школы Владислав Пахомов, проживающий в доме на улице Гастелло.

– Они начинают учиться с восьми тридцати, – докладывал он Виталию Леонидовичу по телефону. – Можем взять его у школы или в школе. Там все и выяснить. Или я один с ним поработаю.

Роэ, отставив большую чашку с тремя двойными эспрессо, сделал большую затяжку и ответил:

– Нет, мы будем обязательно. Но у школы, наверное, не нужно его брать. Мало ли, еще начнет рогатиться, придется убеждать… Нет, возьмем по дороге.

– Хорошо, – согласился Лелик, – тогда я подъеду к половине восьмого, буду его пасти у дома, вы подъедете, пойдете за мной, он выйдет – по дороге найдем тихий уголок и поговорим.

– Да, это правильная мысль, – согласился Роэ, выпуская дым.

А еще капитан Лелик был человеком ответственным, особенно когда ему хорошо платили, поэтому прибыл на место затемно. Он сразу обошел дом – нет ли черных выходов, установил подъезд, в котором проживал объект, и сел напротив него ждать Роэ.

Вскоре приехал черный «гелик» Мартышки. Виталий Леонидович, опустив тонированное стекло, сделал знак капитану: привет. На диване сзади, рядом с ним – страшная девочка. У Лелика хватало ума никогда не спрашивать, кто она и почему Роэ иногда появляется с ней. Может, это его дочь.

И теперь они стали ждать вместе, но гопник не спешил в школу. Уроки начинались в половине девятого, он не вышел ни в восемь, ни через полчаса, хотя уже рассвело.

– Этот Пахом дома ночевал? – спросил Виталий Леонидович.

– Не знаю, – честно признался капитан полиции. – Поедем в школу, проверим там.

Однако Пахомов вышел из дома в начале десятого.

– Он? – спросил Роэ.

– Судя по всему… Да, похож, я его фотки из соцсетей видел, да и барыга говорил, что он высокий, – ответил капитан. – Я поеду за ним через дворы, а вы давайте по улице.

– Хорошо, – согласился Виталий Леонидович и повернулся к Ирре. – Выйди понюхай – это червь?

Ирра открыла дверь и пошла к парадной, из которой только что вышел долговязый парень. Хватило всего секунды, она повернула уродливое лицо к машине и отрицательно помотала головой: нет, это не червь.

– Ищи червя! – крикнул ей Виталий Леонидович через опущенное стекло и сказал Мартышке: – Выезжай на улицу, мент сказал, что поедет по двору.

Но ни Лелик, ни Мартышка не знали, что этот район с утра оккупировали ученики автошколы. Ученица, сидя за рулем машинки, обклеенной буквами «У», заняла одну полосу дороги, вторая полоса которой была заставлена припаркованными автомобилями. И как ни мигал фарами, как ни сигналил Мартынов, машинка с буквами «У» еле ехала и, как и положено, встала на светофоре, включив поворотник.

– Курица тупая, их с каждым днем все больше на дорогах, – злился Мартынов. – Овцы, блин!

Виталий Леонидович молчал.

– Он перешел улицу, идет к Московскому, – сообщил ему капитан. – Где вы там, тут хорошее место, тихое, можно с ним поговорить.

– Едем, – зло ответил Роэ, матеря девицу, что сидела за рулем учебного автомобиля.

Когда они наконец смогли ее объехать, Пахомов ушел далеко вперед, и Мартышке пришлось поднажать, но, нарушая правила дорожного движения, он догнал Пахома, когда тот уже прошел мимо бани.

– Тут? – спросил Мартынов. – Давай тут его тормознем.

– Людей много, – ответил Роэ. – Поехали дальше.

Они проводили школьника до самого Московского проспекта, а когда Пахомов остановился на переходе, ожидая зеленого сигнала светофора, Виталий Леонидович выскочил из машины, кинув на ходу:

– Припаркуйся и догоняй.

Он двинулся вслед за Пахомом, который уже переходил проспект. Долговязый, разбитной, модный, рюкзачок на плече рваный, кроссовки крутые. Этакий король района, царь местных асфальтов.

У суши-кафе «Кидо» Пахомов свернул под арку, и там его почти нагнал Виталий Леонидович. Местечко было отличное: прямо во дворе, за мусоркой, узкая асфальтированная дорожка, скамейки, кусты в человеческий рост, урны с пивными бутылками и, главное, никого вокруг, а дорожка скрыта от посторонних глаз еще не облетевшей до конца листвой деревьев. Впереди уже ждет капитан Лелик, закрывая путь, если гопник решит бежать от Роэ. Капитан молодец, свое дело знает. Сзади уже топает дорогими начищенными туфлями на кожаной подошве Гена Мартынов. Отлично, можно начинать.

– Пахом, – окликает Виталий Леонидович.

И с удовлетворением отмечает, что школьник сразу оборачивается. Да, Лелик был прав, это он и есть. Парень смотрит на Виталия Леонидовича, а тот принимает суровый вид, нужно сразу дать гопнику понять, что он влип. И с этим суровым видом Роэ идет к Пахому.

– Ну, что надо? – Гопник не боится и ведет себя дерзко.

– Вопросики у меня к тебе есть, – поясняет Виталий Леонидович.

– А ты мент или завуч новый? – борзеет гопник. – Если мент, так повесточку присылай, а если новый завуч, так ты меня в кабинет должен вызвать с матушкой.

Тут подлетает Мартышка и одновременно хлопает его с силой по плечу и хватает за куртку. Дергает на себя так, что Пахомов едва не роняет рюкзак.

– Ты че, баклан подъездный, края потерял? А? Будешь быковать, я тебе прям здесь и прям сейчас твой ливер на кол намотаю. Понял?! Спросили тебя, бычара, ответил по-резкому.

Казалось бы, пацан должен напугаться, а этот долговязый только ухмыляется и глядит нагло. Роэ не хочет устраивать балаган, он достает монету, подносит ее к носу гопника.

– Откуда это? – Он неправильно сформулировал вопрос.

А тот, лишь бросив на монету быстрый взгляд, снова смотрит на Виталия Леонидовича и отвечает:

– Э, дядя, откуда мне знать, откуда у тебя это?

Мартышка бьет пацана по затылку:

– Ты че, урод? Беду ищешь?

– Сам ты урод, не трожь меня! – огрызается Пахом. Смотрит на Мартынова зло. И отвечает зло, совсем не чувствуя опасности.

А Роэман понимает, что сейчас этого гопника придется паковать, вывозить куда-то, а это все долго, и поэтому он делает знак Мартышке, мол, погоди, и решает еще раз спросить:

– Валяй сказал, что эту монету продал ему ты. Откуда она у тебя?

– Валяй сказал, а, ну понятно. – Пахомов ухмыляется. – Да у него мозги прокурены, он под планом все время, он что-то перепутал, я ему ничего такого не продавал.

Он просто издевался, тупой подросток совсем не понимал, с кем имеет дело, это начало выводить Роэ из себя. Гопника придется вывозить в тихое место для серьезной беседы.

А вот Мартынов был намного проще Виталия Леонидовича, этот дурак размахнулся левой рукой и отвесил пацану звонкую оплеуху.

Пацан взбесился и, скинув рюкзак с плеча, недолго думая ответил Мартынову кулаком в морду. Да так хорошо, что опытный и отлично приспособленный к поединкам Мартынов едва не пропустил удар. Конечно, он рассвирепел, а Виталий Леонидович не успел его остановить. И Мартышка кулаком справа снизу пробил гопнику в корпус. Пробил со всей дури, пацан содрогнулся и, выпучив глаза, схватился за бок. А Мартышка уже замахивался, чтобы ударить еще раз, Роэ едва успел перехватить:

– Хорош! Не тронь…

Он успел отвести кулак Мартынова. Но было уже поздно, пацан с закатывающимися глазами падал на влажный осенний асфальт. Рядом с лавочкой, на желтые листья. Он стал кашлять, с красными брызгами, вытирать рот, пачкая руку в крови.

– Полудурок, – резко сказал Роэ Мартынову и пошел к проспекту, потом остановился и крикнул капитану Лелику, который ждал в конце дорожки: – Ищи его девку, барыга говорил, что он приходил с девкой.

Глава 44

Светлана прибежала в школу. Она захватила с собой деньги, шесть тысяч, накрасилась по мере сил, найдя кое-что еще пригодное в остатках старой маминой косметики. Не то чтобы для Пахомова, вот еще, просто раз они собрались куда-то, то, конечно, ей нужно быть накрашенной. У них половина девочек в классе уже красились.

Она долго после похода в парк укладывала листья фикуса в коробочку, теперь коробка была полной, заодно попросила Лю осмотреть себя, боялась, что клещ куда-нибудь заползет. Слушала Любопытного, его мысли насчет того, зачем синий мальчик ее куда-то приглашал, но все это время, даже там, во сне, она думала о том, что утром они с Пахомовым пойдут в огромный и модный торговый центр покупать ей кроссовки. И вот она входит в класс:

– Всем привет.

– Привет, Фомина. – Мурат Сабаев оценивает ее. – О!

– Привет, привет. – Девочки тоже. Лиза Марфина смотрит на Свету, от внимательных женских глаз ничего не скрыть. – Фомина, ты, что ли, осветлилась?

– Я? – Светлана удивлена. – Нет.

– Осветлилась, – сразу высказывает свое мнение Люба Бельских. – В солярий ходит, краситься стала.

– Пацана себе завела, – констатирует Ксюха Катаева.

– О, Фомина завела себе куна, – говорит Мурат с каким-то сожалением. Мол, ДАЖЕ Фомина нашла кого-то.

– Да никого я себе не заводила. – Света краснеет, судя по всему, от удовольствия, садится за свою парту.

– Да-да, – соглашается Ксюха, – только вот в солярий зачем-то ходишь и красишься зачем-то.

Света удивлена, но, с другой стороны, ей даже нравится, что одноклассники о ней так думают. Пусть думают, что и у нее может быть парень. Только вот Пахомова нет, впрочем, он всегда опаздывает. Хорошо бы он пришел до начала урока. А пока она будет получать удовольствие от внимания одноклассников, это ведь и в самом деле приятно.

Но вот уже и звонок прозвенел, уже началась литература, а Пахомова, придурка, все нет. Вот и договаривайся с ним. Светлана достает под партой телефон. Номер Пахомова. Нажать на вызов? Еще чего, она не будет ему звонить, Светлана уверена, что, когда кончится урок, он объявится, будет вонять сигаретами и делать вид, что ничего не произошло. А опаздывать – это невежливо. Но что парень вообще знает о вежливости?

Урок литературы закончился, но Пахом не появился. Очень, очень Света не хотела ему звонить, но телефон сам лез к ней в руку. И она решилась. Уже думала, что будет говорить, хотела напомнить про вежливость, но на ее мысленные упреки телефон отвечал длинными гудками и переключением на автоответчик. Это вообще было наглостью, впрочем, чего еще ждать от этого придурка? Света злилась и минут через десять, когда закончилась перемена, набрала его снова, но и на этот раз он не взял трубку.

«Пипец, ненавижу таких людей!» – подумала девочка и пошла на урок.

Она просидела до конца пятого урока и лишь после этого направилась домой, за кроссовками не пошла – это было странно, но ей не хотелось идти за покупками одной. Она подумала, что может позвать с собой Мурата, он стал все чаще разговаривать с ней, вот и сегодня говорил, в основном об уроках. Сам первый начинал. Тем не менее ей почему-то не захотелось его звать, может, потому, что она настроилась идти с Пахомовым.

Папа в этот день ходил на резку, на охрану он пойдет завтра, значит, завтра Света в школу не идет, остается при маме. Если Пахомов и объявится, то даже завтра она себе новые кроссовки не купит.

А на улице закапал дождь, девочка перешла на бег, бежала домой в своих старых и рваных кроссовках. «Пахом придурок».

Папа уже ушел на работу, а Иванова пришла на дежурство. Света отварила рис, она расщедрилась и купила в магазине банку кукурузы и окорочка. Кукуруза пошла в рис, отлично, красивое блюдо получилось, а три окорочка пожарила с чесноком. Вкуснятина. Близнецы обычно приходили из садика сытые, но тут в квартире стоял такой запах, что прибежали на кухню. Света выдала им один на двоих окорочок, рис с кукурузой они есть не стали. Ну и ладно, она себе положила хорошую порцию и большую куриную ногу. Отрезала хлеб и уже собралась есть, но тут в домофон позвонили.

«М-м… – Она недовольно сжала губы. – Конечно, это ошиблись квартирой, для отца Серафима уже поздно, врач сегодня приходить не обещал». Девочка поглядела на уплетающих курицу братьев, вздохнула, отложила кусочек хлеба и пошла отвечать.

Она взяла трубку и поняла, что это не курьер, который ошибся номером квартиры.

– Светлана, это Анна Владимировна, мама Владика.

– Владика? – переспросила Света. «Какого еще Владика? А! Пахома, что ли?» – Да, я поняла. А что вам нужно?

– Мне нужно тебе кое-что передать, Владик просил. – В голосе женщины послышались слезы. – Поверить и передать.

«Она там плачет, что ли?»

– Да, конечно. – Света нажала на кнопку, открывающую дверь в парадную.

Девочка была удивлена, мать Пахома, кажется, плачущая, хочет поговорить и что-то передать? Что все это значит?

Она так и стояла в растерянности, пока Анна Владимировна не позвонила в дверь.

Конечно, высокая – а то с чего бы Пахому быть такой дылдой, накрашенная, приятная женщина в дорогой одежде и с заплаканными глазами, она заговорила, как только переступила порог:

– Владик попал в больницу, его очень сильно избили.

В голове девочки все сложилось само собой: «Это Валяй. Он же наркоторговец, а у них там какая-нибудь мафия или, может, организованная преступность». Света оцепенела. Ведь все это из-за

нее. Она просто смотрела широко раскрытыми глазами на эту приятную женщину и почти не дышала, а та продолжала:

– Ему сломали четыре ребра, одно из ребер проткнуло легкое, ему делали операцию, он только недавно пришел в себя. Я от него приехала. – Она вытаскивает мятый и влажный платок, прижимает его ко рту. – Он говорит, что втянул вас в неприятности. Какие это неприятности? Можете мне сказать? Мне нужно это знать, понимаете?

– Я… Я… Не знаю… Я… – мямлит девочка, понимая, что правду говорить не нужно, раз Пахом сам ничего ей не рассказал. – Я честно не знаю, что случилось… Мы не очень дружим с Па… с Владиком.

– Да? – Женщина ей не верит, Светлана это чувствует сразу. Анна Владимировна лезет в сумочку и достает оттуда клочок бумаги и ключи. – Это он просил передать вам.

– Мне? – Мало того, что Светлана напугана, теперь она еще и удивлена. – Это мне?

– Это ключи от нашей дачи, а это адрес, Владик сказал, что не может вам звонить, и просит вас ему не звонить, он просил передать, чтобы вы ехали на нашу дачу и пожили там недельку или дней десять. – Она протягивает ключи и записку. – На такси вы туда доедете за две с половиной тысячи, у вас есть деньги?

Светлана машинально, конечно, она никуда не поедет, берет предметы и кивает:

– Да, деньги у меня есть.

– Езжайте, там есть и интернет, и горячая вода, спать можете на любой кровати, что вам понравится, белье везде свежее. Еда там есть какая-то, а завтра я еще привезу.

– Хорошо, – кивает Светлана. «А у Пахома мама норм, хотя сам он придурок, конечно».

– Раз вам угрожает опасность, уезжайте сейчас. А я буду держать вас в курсе, – продолжает женщина и вдруг опять начинает плакать. – А вы точно не знаете, кто избил Владика? Из-за чего его избили?

Теперь девочка даже ответить ей не может, она просто трясет головой. Она давно не чувствовала себя так плохо, давно. Она уверена, что избил его Валяй с дружками, но как сказать Анне Владимировне? Ведь это означало признаться в том, что Пахом общается с наркоторговцами. Нет-нет, Света трясет головой, она ничего не знает, ничего.

Слава богу, гостья не стала дальше пытать Светлану, и вскоре после того, как девочка пообещала, что обязательно поедет на дачу, мама Пахома ушла.

Глава 45

– Света-а! – Колька сразу заметил перемены в ее настроении. – Ты чего? Света?

Он лезет к ней обниматься. Колька вообще всегда все прекрасно чувствует, или, может, на ее лице так легко прочитать эмоции.

– Ну-ка, куда? Руки жирные. – Света не дает себя обнять, сама обнимает брата. – Так, кости в мусорку, тарелки в мойку, руки мыть и спать.

– Света! А в компьютер поиграть? – возмущается Макс.

– Да, мы еще сегодня не играли! – поддерживает его Колька.

– Ладно, – соглашается сестра, – но недолго, часик и спать.

Братья убегают, а девочка начинает мыть посуду и поглядывать на связку ключей и листочек с адресом. Да бред это, конечно. Мама, братья, папа – куда она от них уедет? Но ей не по себе. Зря они тогда пошли к этому Валяю. Зря она согласилась с Пахомом. Пахом придурок. Но теперь ей было его жалко, ему ребра сломали, легкое прокололи. Не шутка. Сейчас почему-то ей стало одиноко. Девочка пошла туда, куда всегда ходила, когда ей становилось плохо.

– Все в порядке, пульс в норме, давление тоже, – сказала Иванова, как только она вошла.

Света лишь кивнула в ответ, подошла к маме и взяла ее прохладную ладонь двумя руками. Лицо мамы было немного желтоватым. Доктор говорил, что это всегда так. Свете хотелось рассказать маме о своих злоключениях, но тут была сиделка. Иванова продолжала что-то говорить девочке.

«Завтра расскажу, когда будем одни», – решила она.

Лю сразу спросил:

– Человек Светлана-Света, вы виделись с Аглаей?

– Нет еще, – ответила девочка, она сразу припомнила, сколько уже денег отдала Пете и сколько еще нужно будет отдать. – Думаете, ее так легко найти в пятимиллионном городе?

– Пять миллионов? – Лю помолчал. – Это значительное количество. – И тут же начал новую тему. – Я уже трижды посещал место у красного дерева.

– Там логово синих мальчиков? Их там много.

– Да, много, и еще я видел там нового суприма.

Девочка сразу насторожилась. Еще одна Аглая?

– Это был суприм не такой, как Аглая, – тут же успокоил ее Любопытный. – Тот суприм по объему раза в три превышает ее. Он вовсе не такой быстрый, как она.

Ну хоть так.

– Там, возле дерева, из грунта течет вода, – продолжал Любопытный. – А еще я видел, как большой суприм, что там живет, вытаскивает из себя существ поменьше. Таких же, как и те, которых вы называет мальчиками.

– Что? – не поняла Светлана. – Как это?

– Внизу корпуса того суприма есть технологическое отверстие, он запустил внутрь свой манипулятор и вытащил уменьшенную копию мальчика.

Девочка ничего не понимала, но внимательно слушала его, а голос продолжал:

– Мальчики живут рядом с тем супримом без какой-либо видимой конфронтации, как единое сообщество. И вот что я подумал. Аглая убивает мальчиков, вешает их тут на ограде, значит, отношения у них с ней враждебные. А вчера один из них пытался вступить в контакт с вами, Светлана-Света.

Только тут до девочки стал доходить смысл начатого Лю разговора, но она не перебивала.

– Думаю, что можно начать с ними диалог, возможно, они помогут вам, разрешат ситуацию с Аглаей, и тогда у меня отпадет необходимость менять точку концентрации, а у вас отпадет необходимость еще раз идти за Черту.

Да, да… Конечно, он был прав… Решить вопрос с Аглаей было бы просто прекрасно. И тогда не придется ходить к Черте, через Белый

лес, дышать гарью. Но это на первый взгляд. А вдруг мальчики хотят заманить в ловушку? Девочка сомневалась:

– А вдруг, Лю, они захотят захватить меня?

– Этот вариант я не исключаю, – согласился Любопытный. – Но, не попытавшись, мы не узнаем ничего наверняка.

«Конечно, не узнаем, хорошо ему предлагать, он-то ничем не рискует, если со мной что-то случится, он просто найдет себе нового… Как он там меня называл? Симбиотом, кажется?»

Тем не менее в словах Любопытного был смысл, впрочем, в его словах всегда был смысл.

– И как же мы с ними установим отношения?

– Полагаю, единственный способ начала диалога – это сближение, нам нужно выйти к их территории для установления контакта.

«Ну да, а как еще? Кажется, придется идти. Идти к парку».

– Я буду наблюдать за окрестностями и предупрежу вас о любой опасности, – заверил Любопытный.

«Ну да, конечно», – Света уже давно поняла, что он не такой уж и внимательный, она знала, что лучше ей полагаться на себя.

– Хорошо, пойдем. – Она подошла к окну, поглядела на улицу, а там туман. – Вы посмотрите, Лю, нет ли там где Аглаи.

– Хорошо.

А Светлана так и стояла у окна и, отогнув жалюзи, смотрела в туман.

Она не забыла заскочить к своей жабе за свежим ядом на палку и лишь после этого перешла большую поляну мха и вышла на проспект Гагарина, когда туман еще не рассеялся.

– Сзади две медузы, – предупредил Любопытный.

Девочка из озорства подумала, что неплохо бы выяснить, как медузы среагируют на жабий яд, но решила не испытывать судьбу и побежала от выплывающих из тумана огромных теней. Побежала по проспекту на север, к жабьему холму и Красному дереву.

Хоть и говорил ей Лю, что никого поблизости нет, но она нашла себе местечко, чтобы дождаться солнца. В тумане девочка не решалась лезть на гору бетонных обломков и битого кирпича, где под огромными лопухами навалом толстых, лоснящихся от ядовитых выделений жаб. И только когда солнце стало топить туман, девочка

потихоньку, останавливаясь на каждом шагу и заглядывая под каждый лопух, стала подниматься на холм. Потом остановилась. Она позвала Лю, но он ответил не сразу. Ответил, когда она уже начинала волноваться:

– Я был у дерева. Большой суприм под деревом, с ним девять мальчиков. Но все мелкие. Другие ушли на восток, кажется, они там охотятся.

«Девять? Девять – это много, даже если и мелкие».

Девочка встала. Ну, торчать тут, в репейнике, дальше смысла не было, зря она, что ли, шла сюда?

Солнце грело все больше, от тумана уже и дымки не осталось, когда девочка взобралась на самую вершину холма. Да, вид отсюда великолепный. Открытая местность без обломков стен и домов, с прекрасным деревом с густой и плоской красной кроной.

– Они бегут к вам, – произнес Лю.

Света и сама видела, шесть или семь мальчиков, ловкие как обезьяны, легко передвигались по обломкам кирпича в ее сторону. Она вздохнула и поудобней взяла палку. Ей было страшно, но она не уходила, даже не думала бежать. Да, они и вправду были мелкие, совсем не такие длиннолапые, как те, что висели на заборе напротив депошки, или те, что пытались на нее напасть.

Девочка была напряжена, скажи ей сейчас Лю: «Беги» – и она бы побежала, но тот молчал, а мальчики стали останавливаться, вставать на задние лапы, а передние поднимать вверх, словно сдаваясь. Один встал, второй, третий. Ей показалось, что они не агрессивны… Или очень хитры.

– Думаю, что они демонстрируют миролюбие, полагаю, что вам можно спускаться. Пойти к дереву и поговорить с местным суприм.

Легко давать советы, когда ты в полной безопасности. Но раз уж пришла… Света стала спускаться с холма. Мальчики начали верещать радостно, стали прыгать перед ней, даже кланяться, но все равно ей этот путь давался нелегко. Но она шла к дереву, к роскошному, кажется, дубу. Под которым Света уже видела солидную рыхлую фигуру. Судя по всему, это и был местный суприм, он смотрел, как приближалась Светлана, поднеся ладонь к глазам, чтобы защитить их от солнца.

Это оказалась по-настоящему огромная женщина; когда девочка вошла в тень кроны, она смогла разглядеть ее. Баба была на целую голову выше Светланы, которая и сама немаленького роста. А к этому росту женщина имела двести пятьдесят, а может, и все триста килограммов сала. Сало свисало с боков, с брюха, с подбородка, отвисало с рук, когда она их поднимала. Даже колен женщины не было видно под складками жира. А ее голова была огромна и лишь слегка поросла волосами.

– Пойди сюда, пойди. – Толстуха поманила девочку рукой. – Мама Тая поглядит на тебя.

«Мама Тая». Имя подходило этой женщине.

Света всегда была девочкой вежливой, мама ее учила прислушиваться к старшим и уважать их, но тут… То ли из-за того, что за спиной попискивали мальчики, то ли эта огромная баба была слишком фамильярна, в общем, девочка не сдвинулась ни на шаг. Лишь продолжала разглядывать все вокруг, покрепче сжав свою жабью палку.

– Ладно. Ладно, стой там, стой там, если хочешь, – сразу согласилась баба. – Мама Тая не против, просто я хотела предложить тебе воды, вот, вот он, родник, пей, если хочешь, если надумаешь, в жару так охота пить, и я тебе всегда буду позволять пить из родника.

Только теперь девочка увидела ручеек, что вытекал почти из-под дерева, а еще дупло в дереве, такое огромное, что эта жирная женщина без всякого труда могла туда пройти, даже не склоняя головы. Наверное, так оно и было, она пряталась там, используя дерево как дом, так как по обеим сторонам дупла лежали, как львы перед воротами петербургских дворцов, два огромных черепа. Очень похожих на человеческие. Нет, не человеческие… Любой из них был девочке выше колена. А вокруг вся земля завалена красными листьями до состояния ковра. А там, куда попадают лучи солнца, растут яркие одуванчики. Здесь красиво, не жарко, хорошо. Светлана хотела бы тут остаться. Жаль, что мальчики и Мама Тая занимают это прекрасное место. Света смотрит на толстуху. И слышит от Лю:

– Светлана-Света, спросите, приглашал ли вас этот суприм.

– Вы меня хотели видеть? – спрашивает девочка.

Теперь Мама Тая плюхается прямо на землю недалеко от ручья. Очередной красный лист медленно падает с дерева прямо рядом с ней.

Она уже лежала, а жир еще колыхнулся на ней разок. Она глубоко дышит, смотрит на Свету мутными глазами, поднимает упавший листок, крутит его в пальцах и начинает:

– Мои сынки охотятся на больших дураков. – Мама Тая указывает на черепа, что стоят перед дуплом. – Мои сыночки умелы и ловки, они любого великана загонят и забьют, они всякую живность смогут добыть, но…

Светлана слушала внимательно.

– Мои сыночки не могут ходить на юг, там живет больная тварь. И ты ее уже знаешь, уже знакома с ней.

«Больная тварь… Больная тварь… – Света не могла сначала понять, кого имеет в виду эта гигантская бабища, но, чуть поразмыслив, догадалась. – Аглая!»

– Аглая? – спросила она у Мамы Таи.

– Да, такое дурацкое имя выдумала себе, умная никогда не стала бы себя так называть, – согласилась та. – Да? Вот ты как себя зовешь?

– Меня зовут Светлана.

– Вот, Светлана, нормальное имя, – назидательно сказала толстуха. – А та крыса выдумала себе – Аглая. – Мама Тая сплюнула. – Даже произносить такое противно. Умом-то она скорбная, вот и придумывает всякую дурь.

– Она не для того вас пригласила, чтобы обсуждать имена, – произнес Любопытный. – Спросите, что ей нужно от вас, но сначала выразите солидарность с ней. Покритикуйте Аглаю.

– Аглая чуть не убила меня недавно, камни кидала… – начала девочка, видя, что Мама Тая Аглаю не любит.

– Вот и я о том, – оживилась толстуха, даже привстала на локте. – Бешеная убивает моих сыночков, убивает и убивает. Убивает просто так… Есть их невозможно, я их такими специально рожаю, чтобы их мясо было несъедобным, а она все равно их убивает, чтобы мне нагадить. Я сама ее догнать не смогу, а сыночки с ней не справляются… – Женщина вздохнула.

А Света начала понимать, зачем ее сюда позвали. И уже обдумывала, как помягче отказать Маме Тае.

– Я тебя позвала, чтобы ты убила бешеную, – закончила толстуха. – Думаю, она и тебе надоела. Она всем тут как кость в горле. Многие будут тебе благодарны.

«Многие? – Светлана старалась не делать удивленные глаза. – Аглая, женщина-сумасшедший качок, ты, бабища, рожающая синих полуживотных, сколько вас тут еще?»

Девочка посмотрела на нее с укором, взгляд выражал мысль: «Тетя, где я и где Аглая? Как я ее убью?»

Нет, Тая не была глупа, она сразу поняла:

– Мои мальчики сказали, что ты научилась вырабатывать яд. Это полезное умение, полезное… Одного моего хорошего сыночка ты убила своим ядом. Сыночки тебя побаиваются, так и зовут тебя Ядовитая девка. Уважают тебя.

– Не говорите ей, Светлана-Света, что это яд жаб, пусть они думают, что вы его сами вырабатываете. Скажите ей, что Аглая сильная, что пока ваш яд начнет действовать, Аглая сможет и вас убить, скажите, что это очень опасное дело, – посоветовал голос.

«Как хорошо, что у меня есть Лю».

– Яд не убивает сразу, – говорит Светлана, – а Аглая сильная. Для меня это будет опасно.

– Да, она сильная, – соглашается Мама Тая, кивая своей огромной головой. – И что еще хуже, она быстрая. Не будь она быстрой, я бы ее сама убила. Но я не могу ее схватить. Не могу, сколько ни пробовала. – Она подняла руку со свисающим с нее салом. – Но если ты ее убьешь… – Толстуха сделала паузу и рукой обвела местность вокруг: – Тогда ты сможешь всегда приходить сюда ко мне, пить воду из моего родника, проходить через мои земли в любую сторону. Мои сыночки никогда больше не вздумают напасть на тебя, а территория Аглаи будет твоей. Все с этим согласятся, я всех уговорю.

– Это интересное предложение, но пока не соглашайтесь, думаю, что она вам еще что-то предложит, – снова посоветовал Любопытный.

И Светлана, выслушав Маму Таю, не ответила ей. Девочке было жарко в куртке, даже в тени дерева, она хотела пить, косилась на прекрасный ручеек, что протекал в каких-то десяти шагах от нее. Но Света не хотела пить при толстухе и тем более по ее разрешению.

Она решила потерпеть, а Мама Тая, видя, что Светлана сомневается, продолжила:

– Да. Здесь она опасна, но ты сможешь убить ее не здесь, а там, пронеси свой яд туда… Там твой яд будет так же опасен, но на тебя никто не подумает. Просто найди ее там и все реши с ней.

«Пронеси! Как пронести туда жирный яд жабы? Во рту, что ли?» – подумала Светлана.

Тут Мама Тая и говорила:

– Если ты это сделаешь, то я дам тебе редкое сокровище.

– Вот мы и добрались до главного, – прошептал Лю.

– Что вы мне предложите? – спросила Светлана.

Мама Тая достала что-то маленькое, почти невидимое:

– Вот. Смотри. Подойди, подойди, не бойся, это настоящее чудо.

Света сначала оглянулась: за ее спиной, развалившись у ручья, сидели с десяток мальчиков, все смотрели на нее. Все-таки они не совсем безмозглые, их взгляды осмысленны, в глазах интерес, сейчас они не расположены к действиям, расслабленные. В них нет напряжения. Это успокаивает. Девочка, немного опасаясь какой-либо неожиданности, все-таки делает шаг к толстухе, чтобы рассмотреть что-то в толстых, как сардельки, пальцах Мамы Таи.

«Пипец! Ее сокровище – это кусочек медной проволоки, скрученной в виде кольца? Она, что, дура?» – Светлана начала сомневаться в нормальности толстухи.

Два конца проволочного кольца скручены между собой грубо и некрасиво. Но Мама Тая смотрела на эту ерунду едва ли не с благоговением, а потом сказала:

– Ты сейчас думаешь, что я сумасшедшая, да? – Она ухмыльнулась. – Да вижу, вижу, что думаешь… Ладно… Сейчас ты сама все поймешь.

Своими пальцами-сарделькаами она сжимает кольцо до половины его диаметра. И вдруг гаснет свет!

Почти гаснет. Даже под кроной красного дерева только что было светло от слепящего солнца, что заливало все окрестности, и вдруг полумрак, вечер за полчаса до ночи. Света почти нет, а тот, что есть, стал серый. Да и вообще все вокруг стало серым. Серым и застывшим. Все замерло: ни тихого журчания ручья, ни естественного шума – тишина давила на уши не хуже, чем в Белом лесу. А мальчики, что сидели за ней и хоть и чуть-чуть, но шевелились, теперь превратились в истуканов, в пластиковые фигуры, которые даже не дышали. И лист! Красный лист, который только что оторвался от одной из мощных веток дерева и падал кружась, вдруг повис в воздухе, неподвижный и

мертвый. И только Мама Тая могла шевелиться, от ее туши тянулись белые нити то ли дыма, то ли пара, и она при этом говорила:

– Ну, как тебе? – Она улыбалась толстыми губами. – Чувствуешь? Тебя сейчас обжигает, так и должно быть. Не бойся этого.

У девочки и вправду горело лицо, она подняла руку и увидела, как от края рукава ее куртки идет тонкой струйкой дым. Она вдохнула горячий воздух, хотела закричать на толстуху, а может, ткнуть ее палкой с жабьим жиром…

Но тут же все вернулось в обычное состояние, и лист падал куда положено, и зажурчал ручей, и синие мальчики зашевелились, а Светлана, переводя дух, услышала:

– Человек Светлана-Света, что это было? Что произошло? Вы выпали из поля моего видения, и я не слышал вас. Выясните у нее, что это было, – кажется, фокус Мамы Таи очень заинтересовал Любопытного.

Света слышала, что он возбужден. Это не удивляло, девочка сама едва не тряслась оттого, что еще чувствовала горящую кожу лица и рук. Но она, в отличие от Любопытного, кажется, догадывалась, что произошло.

Но спрашивать у толстухи не пришлось, она была довольна произведенным эффектом и рассказывала сама:

– Это колечко останавливает время для того, кто находится рядом с ним. Я сдавила его всего до половины, и ты видела, что случилось? Все вокруг остановилось на пять секунд. Сожмешь полностью, так все замрет секунд на восемь.

– Спросите у нее, как это работает, что это за материал? Как этот артефакт концентрирует энергию, возможен ли повтор эффекта или артефакт одноразовый? – быстро говорил Лю.

Вот теперь Света узнала, каким тоном говорит голос, когда он действительно взволнован. Но все эти вопросы она не смогла задать Маме Тае, потому что та сказала:

– Когда кольцо выпрямится обратно, а это случится через пару дней, его можно будет снова сжать.

– Спросите ее, Светлана-Света, – тараторил Лю, – можно ли ускорить этот процесс.

Но девочка опять молчала, она слушала толстуху:

– Ты сможешь всегда ходить через мою землю, ты сможешь всегда пить из моего родника, ты получишь это кольцо, если убьешь Аглаю. Ты согласна взяться за дело?

– Соглашайтесь, Светлана-Света, соглашайтесь, мы что-нибудь придумаем, мы найдем способ решить эту задачу. – Лю торопил девочку. – Скажите ей, что согласны.

Но Света приняла решение сама. Она ответила Маме Тае:

– Я подумаю.

Глава 46

До сих пор девочка никогда не слышала, чтобы Любопытный говорил так много. Пока они шли обратно, он просто не умолкал:

– А что вас во время того эффекта обжигало: воздух, или лучи, или, может быть, поле? А свет был такой, как обычно, не было ли спектральных искажений? А падающий лист висел совсем не шевелясь или имел оси вращения? А вы могли спокойно двигаться во время эффекта, не чувствовали ли вы эффект преодоления?

Голос не отставал от девочки, задавая абсолютно непонятные для нее вопросы. Ей не один раз пришлось пересказывать, что она чувствовала и что видела, когда выпала из поля его зрения.

– А вам не показалось, что время там внутри течет медленнее, чем здесь, в естественном его состоянии?

– Нет, – отвечала Света, – она что-то говорила, это было недолго. А потом вернулся нормальный свет, и листок с дерева стал нормально падать.

– Пять секунд? – уточнял Лю.

– Наверное, – отвечала девочка.

– А вы не почувствовали тяжести, вас не пригибало к земле? Не было ли ощущения, что вам тяжело дышать и двигаться?

А вот на этот вопрос Светлана не ответила, если честно, она не могла с точностью вспомнить, испытывала ли подобные ощущения.

– Не помню. А почему вы про это спросили, Лю?

– Во Вселенной есть всего одна космогоническая потенция, неподвластная времени.

– Это вы про что?

– М… Вы, конечно, слышали о гравитации.

– О гравитации, это в смысле… О притяжении?

– Да, гравитация, в отличие от энергии и материи, никоим образом не зависит от времени, а зависит лишь от массы. Вот я и хотел узнать, не изменилась ли ваша масса в тот момент, когда время было замедлено?

Но это совсем не ее стихии, она и в школе почти все прослушала или вообще не была на тех уроках: энергия, гравитация, время… Какое отношение к ней имеет вся эта муть? Девочку интересовали совсем другие вопросы:

– Лю… – Он опять что-то говорил. Она, кажется, оборвала его на полуслове.

– Светлана-Света?

– Если у этой толстой есть такое волшебное кольцо, почему она сама не убьет Аглаю?

– Это очень правильный вопрос, рискну предположить, что возможности Мамы Таи не позволят этого сделать даже при наличии подобного артефакта.

– Угу, – саркастично заметила Света, – а мои возможности, значит, позволяют убить припадочную, даже если у меня такого колечка нет?

– Мне кажется, они из-за недостатка информации переоценивают ваши возможности, Светлана-Света, – произнес Любопытный, чуть подумав, и продолжил: – Но я считаю, что нет необходимости доводить до них истинное положение дел. Думаю, что их неосведомленность играет вам на руку. Пусть они думают, что вы сами синтезируете токсины.

– Да, а когда толстая узнает, что у меня нет никакого токсина, кроме того, что я собираю с жаб? Что будет?

Голос не ответил. И Света продолжила:

– Лю, я по-прежнему думаю, что мне лучше сменить место, все равно мне не сладить с Аглаей.

И опять голос ей не ответил. И это огорчило девочку, а может быть, даже и напугало.

Сторож лишь открыл дверь школы, а капитан Митрохин, которого знакомые чаще называли Леликом, уже был тут, рядом, сидел в машине. Он любил начинать дела пораньше. Пока пробок нет, пока не все еще проснулись. Он вышел из автомобиля и пошел к дверям. Сразу

показал сторожу в черной форме с надписью «Охрана» удостоверение. Спросил, где висит расписание уроков и когда приходит директор. Сторож все рассказал, не забыв предупредить, что младшие классы сейчас почти все не посещают школу, а в старших едва половина ходит. Пандемия. Полицейский понимающе кивнул и подошел к стенду с расписанием.

«Десятый „А“… Десятый „А“. Вот он, сегодня первым уроком история. Кабинет „306“».

Он повернулся к сторожу:

– Триста шестой кабинет на третьем этаже?

– На третьем, на третьем, – согласился тот. – Вон лестница.

Капитан понялся по лестнице, нашел нужный кабинет, попробовал дверь. Она оказалась открыта, но в кабинете никого не было. Впрочем, как и во всей школе. Только-только начинали приходить учителя и ученики. Митрохин отходит от двери кабинета, он будет наблюдать за ней издали. Дети не очень хотят учиться в эти ковидные времена. Из десятого «А» к первому уроку пришли всего две девочки.

Этих Лелик решил пока не беспокоить, хотя кто, как не девочки, могли рассказать, с кем крутил отношения Пахомов. Капитан дождался еще одного человека. Когда какой-то парень уже после звонка хотел войти в класс, полицейский окликнул его:

– Молодой человек.

– Вы меня? – удивился парень.

– Да, вас. – Капитан двинулся к нему. – У меня к вам пара вопросов.

– У меня урок, – попытался увильнуть школьник, сразу понимая по виду Лелика, что эти вопросы, скорее всего, будут не очень приятные.

– Ничего, учителя еще нет, да я и не задержу вас, – произнес капитан, доставая удостоверение и показывая его школьнику. И, видя, что тот рассмотрел его фамилию и должность, спросил: – А вас как зовут?

– А разве вы не должны меня допрашивать в присутствии родителей? – продолжал отнекиваться школьник.

Лелик улыбнулся, его тон сразу изменился с холодно-нейтрального на слегка агрессивный:

– А, ты так просто говорить не хочешь, ты хочешь допрос с протоколом? Ну что ж, я тебе это устрою, доставай телефон, звони мамке, я расскажу ей, как доехать до моего отделения, после тебя я задержу, а телефон у тебя заберу. Давай звони.

– А что я сделал-то? – Такая перспектива парня никак не привлекала.

Капитан хватает его за рукав, притягивает к себе почти вплотную и шепчет:

– Имя, быстро!

– Ну, Глушков Дмитрий.

– Пахом твой дружок?

– Да не то чтобы… Мы-то с ним не особо…

Лелик не отпускает его, шипит:

– Откуда у Пахомова золотые монеты?

Дима Глушков еще ничего не ответил полицейскому, а тот уже знал, что идет по верному пути, он по глазам школьника все видел, это у полицейских скил такой, кожей чувствовать, когда они рядом с раскрытием дела:

– Ну, давай, говори, говори, я ведь не шучу, поедешь со мной в отделение, пойдешь как соучастник, и мамка не заступится.

– Да никакой я не соучастник! – воскликнул Дмитрий. Он был уже изрядно напуган. И никак не хотел влезать в это дело с монетами.

– Раз не соучастник, так говори, откуда у Пахома монетки и что за девка с ним была? – Капитан, не отрывая взгляда, смотрел на школьника. – Ну, что за деваха с ним была?

– Это Фомина, – почти крикнул Дмитрий.

– Так, с Пахомовым трется Фомина, – догадался Лелик. – А монета откуда у него?

– Говорю же, монету принесла Фомина, спрашивала сначала у меня, куда ее деть, а Пахомов сказал, что знает, кому монету сдать. Потом они ушли, вот и все. Я тут ни при чем, у нас тогда монету полкласса видело.

– Фомина? – Капитан выпустил школьника и даже расправил ему складки на одежде. – Ваша одноклассница? Как выглядит? Зовут ее как?

– Зовут Света, кажется. Да, Светой звать. Сама высокая, худая, бегом занимается.

– Волосы, особые приметы?

– Блондинка, стрижена коротко. Примет никаких нет. Ну… Загорелая.

– Сейчас покажешь мне ее.

– Она никогда к первому уроку не приходит, а может и вообще не прийти. Она не дура задвигать уроки. Говорю же, она спортивная.

– Спортивная и загорелая, значит? – Капитан все запомнил. – Адрес ее знаешь?

– Да откуда, я с ней не дружу. Она за проспектом живет где-то.

– Ладно, Глушков, иди на урок, хотя учителя все равно еще нет.

Митяй был рад спрятаться в классе, а Лелик, никуда уже не торопясь, направился в кабинет директрисы. И, застав ее там, просто показал удостоверение и попросил адрес Светланы Фоминой из десятого «А». И уже через пять минут он, выходя из школы, говорил в трубку:

– Монета не Пахомова. Монета той девки, которая была с ним у барыги. Зовут ее Светлана Фомина. Живет на проспекте Юрия Гагарина. Приметы есть, еду делать фото.

– Лечу, жди меня там, – ответил Виталий Леонидович, залпом допил кофе и стал вызывать Мартышку.

Глава 47

Все складывалось не очень хорошо, ни там, во снах, ни тут, дома. Лю почти не разговаривал с ней остаток дня, кажется, он отлучался и на этот раз «уходил» куда-то далеко, туда, где не слышал девочку. Да, кольцо Мамы Таи очень его заинтересовало. В этом Светлана ничуть не сомневалась. Теперь она боялась, что он захочет пересмотреть все их договоренности, а ей придется решать свои задачи одной, без помощи Любопытного. А еще, странное дело, она спросонья вспомнила про Пахома, дурака. Чел хотел ей помочь, ему сломали ребра. Операцию сделали. И маму его девочке было жалко. Может, позвонить ему, телефон Пахомова у нее сохранился. Но сейчас, наверное, еще рано.

Она вылезает из-под теплого одеяла в прохладу спальни. Братья спят, еще есть время, пусть поспят. Светлана идет в ванную. Там разглядывает себя в зеркале. Что там ей говорят девочки? Что она загорела? Ну да, есть чуть-чуть. Она смотрит на себя и думает, что загар ей к лицу. Девочки правы, волосы выгорели от солнца, это тоже неплохо смотрится, но вот брови, брови стали белыми. Светлана вспомнила, что брови можно покрасить. «Интересно, сколько это стоит?» Ко всему этому она замечает, что ее плечи, как бы это сказать, округлились. Девочка поднимает руку, напрягает мускулы. Светлана и раньше не была хилой, она отжималась двадцать раз от пола, спасибо ОФП, но теперь бицепс заметно выделялся. Рассмотрев себя как следует, она остается довольной. Она стала плотнее, фигура, попа и особенно грудь заметно прибавили. Жаль, что времени больше у нее нет, кажется, пришел папа, ему сегодня на охрану. Девочка начинает

быстро умываться и чистить зубы. Сегодня ей сидеть с мамой, в школу она не пойдет, но ощущение тревоги не покидает ее. Пахом.

Его мама принесла ключи от дачи, хотя сам он в больнице. Это хорошо, что она сегодня не пойдет в школу. Она выскакивает из ванной, обнимает и целует папу, будит братьев. Быстро, быстро, все быстро, собирает их в садик, в который раз убеждаясь, что близнецам нужна новая одежда, нужно не забыть попросить отца Серафима, чтобы разрешил поискать одежду в пожертвованиях, там иной раз бывают приличные вещи. Она вытаскивает братьев на улицу, и, так как идет дождь, почти бегом они выскакивают из подъезда. Она торопится еще и потому, что сама хочет есть. После того как с ее мамой и папой случилась беда и она перестала ходить на тренировки ежедневно, Света почти никогда не хотела есть так сильно, как в последнее время. «Наверное, еще расту», – думала она, когда, проводив братьев в садик, бежала не домой, а в магазин.

Покормила и проводила папу на работу, сама как следует поела. Потом сделала маме массаж. Светлана знала, что Иванова работает честно, она и переворачивает маму, и массаж конечностей делает, когда нужно, и полость рта обрабатывает каждое утро, но девочке самой хотелось помочь маме. Вот она еще раз размяла маме суставы. Поменяла белье. После протерла приборы и провода – они очень быстро пылятся, – закинула белье в машинку, еще раз сменила маме позу, ввела ей инъекцию, села в кресло, включила телевизор. Думала чуть посидеть и начать мыть полы. Но тут запищал домофон, она с некоторым волнением идет к двери. Кто это? Слава богу – это отец Серафим, он с мокрым зонтом и опять с какой-то книгой под мышкой. Священник кстати, девочка поговорит с ним об одежде для близнецов и еще об одном важном деле.

– Ну, как ты, чадо? – спрашивает священник, снимая дурацкие туфли в прихожей. Носки у него промокли, и он, оставляя влажные следы на полу, идет к ванной.

– Я? Я нормально, – отвечает девочка.

Священник обнимает ее, крестит:

– Нормально? Да ты просто кремень. Я иной раз устаю так, что сил нет, люди ко мне с бедами своими идут, с глупостями, с дурью, с боязнями, приходят и жалуются. И жалуются, и спрашивают, чего Господь с ними так немилосерден, а я всю их дурь должен слушать,

должен наставлять их, вразумлять, ободрять. Иной раз так устаю, что хочется плюнуть, послать их по матушке, просто сил нет. А я тут сразу про тебя вспоминаю. И думаю: «Что разнылся, старый дурень, чего Бога гневишь, вон дщерь чистая Светлана взяла на себя тягот больше, чем какой взрослый выдержит, и ничего, не ропщет. Несет крест свой». И ты знаешь? Помогает. Я тебя многим нытикам в нашем приходе в пример ставлю.

Он обнял Светлану и не выпускает. От него пахнет потом и дождем, и борода его ей не нравится, но девочке не противно. Она удивлена, что святой отец ставит ее другим в пример. Она вдруг решила поговорить с ним насчет Пахомова, насчет того, что он из-за нее так пострадал, но священник вдруг и говорит:

– Ну, давай мне чай и можешь идти по делам. Три часа подежурю у твоей мамки. Вот, посмотрю партии Алехина.

Он показывает книжку про шахматы, но она на нее даже не глядит.

– Три часа? – Света даже немного растерялась. А потом обрадовалась: точно! Нужно купить новую обувь. У нее промокают ноги за первые сто шагов по улице, а ведь дожди будут идти до конца ноября. – Да, спасибо, отче, мне очень нужно это время.

– Ну и слава богу, – говорит отец Серафим.

А Света, подумав, вдруг решается:

– Отец Серафим, тут у меня дело одно есть, а папе я о нем сказать не могу, сразу не сказала, а теперь не хочу…

– Что же это за дело, что отцу сказать нельзя?

Света быстро уходит и возвращается к священнику, протягивает ему монету:

– Вот, нашла, папе не сказала, думала, что заставит искать потерявшего и вернуть ему. Продала одну сама, но купил ее барыга, дал всего десять тысяч, а потом я узнала, что она стоит сорок, а вот эта, – Светлана ткнула пальцем в ладонь святого отца, на котором лежал золотой, – а эта, девятьсот четвертого года, стоит сто семьдесят на аукционе.

– Сто семьдесят? – удивленно воскликнул поп.

– Да, но лоты не принимаются без паспорта, – продолжала Светлана. Она сделала паузу. – Может, вы мне поможете, святой отец?

– О как? – Поп подбросил монетку на ладони. – А где этот аукцион?

– Я все выясню, – сказала Светлана. – Все вам расскажу.

Поп смотрит на нее проницательно:

– Но ты мне честно, дева, скажи, ты точно нашла ее?

– Клянусь здоровьем мамы, – отвечает Светлана и добавляет: – Узелок с монетами на улице лежал, а хозяин его умер.

– Умер?

– Умер, – кивает Светлана. – Я точно знаю. Но папа мог бы не поверить в это и стал бы ко мне приставать и приставать. Вот я и решила без него сама сделать, а ему сказать после. Я уже часть зарплаты Ивановой выдала, а как эту монету продадим, так кредит выплатим, папе меньше придется работать.

– Ну ладно, раз так, то все сделаю. – Отец Серафим поверил ей. – Это дело богоугодное. Выясняй, куда мне ехать. Поеду хоть завтра, завтра с утра у меня служб нету.

Вот так иногда бывает: только что у нее было плохое настроение, дурацкие мысли в голову лезли, а еще и одиннадцати нет, и все уже наоборот, настроение приподнятое, она проверяет деньги в рюкзаке. Они на месте. Девочка собирается покупать себе обновки, с монеткой так удачно разрешилось, у нее и мыслей нет грустить. А про Пахома и угрозы девочка уже и не вспоминала, так же как и про Любопытного и про страшное предложение Мамы Таи.

– Думаю, что это она, – сказал Лелик в телефон, когда девочка вышла из подъезда, – по описанию подходит.

– Сделай фото, – отозвался Роэ, который тоже видел девицу. Честно говоря, ему не очень в это верилось. К тому же он что-то чувствовал. Что-то нехорошее. Он оглянулся, но не увидел ничего подозрительного. У него давно выработалось чувство опасности, которое никогда Роэ не подводило. Да еще и вид этой девчонки… Разве такие ходят за Черту?

«Школьница десятого класса, сколько ей, шестнадцать-семнадцать? Чушь! Не поверю, чтобы такая… могла ходить за Черту. Туда самый матерый народец, и тот без острой необходимости не пойдет, Черта – это не шутка. Если она и рискнула, то только по незнанию, или уговорил кто-то ушлый сопливую дуру».

Он продолжал смотреть вслед быстро убегающей девочке.

И дело здесь было даже не в раздражении Бледной. И не в стражах, что охраняют линию.

«Нет, конечно, это ошибка. Она почти ребенок. А дети не ходят за Черту, дети в Истоки попадают все больные, только как корм для Старейшин».

И опять, опять чувство тревоги накрыло Роэ, и что было самое неприятное, он не понимал природу этого волнения. Смотрел по сторонам через стекла, но ничего не видел. Роэ вздохнул.

И тут дверь машины отворилась, на задний диван влетел влажный грязный игрушечный медведь, а за ним Ирра. Едва взглянув на нее, Виталий Леонидович засомневался в своих умозаключениях. Ее глаза совсем потеряли человеческий вид, они круглые, желтые, с маленькими зрачками. Кажется, она возбуждена. Он никогда не видел ее в таком виде.

– Что? Ну, говори!

– …Хээе… – прошипела Ирра, ее физиономия неприятно и противоестественно вытягивается.

– Что? Ты можешь сказать по-человечески? – Он начал раздражаться. Когда нужно, эта тварь легко может говорить, и речь ее осмысленна, как у двенадцатилетней девочки. Но чаще всего она просто ленится.

– Щщиее… – продолжала шипеть она.

Тут до него стало доходить:

– Червь? Вот эта девка, что вышла из подъезда, червь?

Ирра сразу кивает: да!

Тут даже Мартышка к ним повернулся.

– Ты уверена?

Она опять кивнула. Да, уверена, и у Виталия Леонидовича нет причин сомневаться. Это существо никогда не ошибается.

– От нее пахнет… – уточнил он.

– …хаа…

– Гарь? Эта девка воняет гарью?

Ирра в который раз кивнула: да.

Роэ откинулся на спинку сиденья, вздохнул почти удовлетворенно. Дело почти сделано. На девяносто девять процентов, ведь самое сложное – это как раз найти червя. Черви, они очень осторожные,

хитрые. Осталось только нанести последний штрих, и это будет не трудно. Будь это мужик за пятьдесят или какая-нибудь горбатая бабка с клюкой, он бы стал готовиться, но тут… У этого подростка нет и не может быть опыта, а значит, и сил, а значит, и возможности защитить себя. Вот только тревога его не отпускала. Роэ опять стал оглядываться в надежде заметить хоть намек на опасность.

А Мартынов сказал:

– Роэ, разреши, я сделаю это прямо сейчас.

Он достал из-под модной куртки красивый нож.

Но Виталий Леонидович все еще не чувствовал себя спокойно. Что-то здесь не так. Было бы неплохо закончить все тут и сейчас. Девка только свернула за дом, не ушла далеко. Но…

Нет, Мартышка ничего делать не будет. Перебьется. Много чести. Роэман достал телефон, набрал номер:

– Фото сделал? Скинь мне.

– Да, сделал, – отвечал Лелик. – Сейчас.

Виталий Леонидович отключил связь и посмотрел на Ирру:

– Ты свободна, передай матушке мою благодарность; если Бледная спросит, я скажу ей о вашей семье.

Ирра схватила медведя, вылезла из машины и хлопнула дверью. А Гена Мартынов так и остался, как дурак, с ножом в руке. Глядя на Роэ, ждал разрешения.

– Убери это, – коротко велел Роэ. – Поехали в Красное село.

Мартынов неохотно спрятал нож. Глаза колючие. Так бы и воткнул лезвие в брюхо Роэ. Он сейчас ненавидел Виталия Леонидовича и даже не скрывал этого. Гена думал, что Роэ специально не дает ему проявить себя, а ему так хотелось укрепить свою репутацию.

Виталий Леонидович не стал говорить ему про свое чувство тревоги. Зачем Мартышке знать? Это чувство, большое и тайное, – его преимущество перед другими, Роэ о нем никому никогда не говорил. И теперь он просто велел довольно грубо:

– Ну, ты, что, глухой? Я сказал, заводи колымагу, поехали в Красное.

Глава 48

В торговом комплексе «Радуга» куча обувных магазинов, в том числе и спортивных. Там есть что выбрать. Но в торговый центр Света не попала. Едва девочка свернула за угол, как зазвонил телефон. «Папа? С мамой что-то случилось, звонит отец Серафим? Близнецы? Может быть, Пахомов?» Нет, она не угадала. На дисплее телефона появилась надпись: «Петя».

– Да, – ответила девочка. – Привет.

– Здарова, Светка, – послышался голос студента. – Как там жизнь у тебя?

Кажется, он хотел поговорить, но Светлана занята, ей не до этого.

– У меня нормально. Тебе чего?

– Ну, это… Я все сделал, у меня есть информация по твоему делу.

– Информация?

– Угу, полная. Давай встретимся, я тебе все расскажу.

Девочка, честно говоря, не хотела с ним встречаться без Пахомова.

Но Пахом в больнице.

– Слушай, а ты не мог бы по телефону все сказать, а то я занята, – предложила Светлана.

– Не, ни фига так не прокатит, ты тянка хитрая, – сразу сказал студент, – только лично, и сначала деньги.

– Три тысячи? – уточнила девочка.

– Ага, три. Когда будешь?

– Сейчас выезжаю. Куда?

– Через час на «Дыбе».

– Хорошо.

Вот так, и покупка кроссовок снова откладывалась, Света сменила направление и побежала к станции метро «Парк Победы».

Встретились они прямо у эскалаторов. И у него опять была влажная рука. Почему он вообще здоровался с девушками за руку? Петя сразу сделал знак: гони денежку. Девочка достала заранее приготовленные купюры. И студент, не пересчитав, засунул их в карман рубахи.

– Твоя Манана Гванца конкретно больная, – сразу начал он. – Собственности нет, стоит на учете в психдиспансере, на попечении, ей платят пенсию по инвалидности, да и то не ей, а папаше-опекуну, номер пенсионного нужен?

– Номер? Нет, – Светлана покачала головой.

– Ок. Прав, естественно, нет, телефон есть, вот номер. – Он показал девочке цифры. – К телефону она подходит не всегда, я с разных номеров проверял, из четырех звонков ответила всего на один. На имя отозвалась. Номер перекинуть тебе?

– Да, перекинь. А живет она где?

– На Петроградке, Большой проспект Петроградской стороны. Дом сто четыре. Дом Дидерихса. Знаешь его?

Светлана снова покачала головой.

– Большой серый красивый дом, там у ее отца квартира. – Петя назвал номер. А потом чуть наклоняется к девочке и говорит тихо, почти шепчет: – Я поставил ей трекер на телефон, это дело незаконное, за него могут натянуть, сегодня сниму, но два дня, что я за ней наблюдал, она почти все время дома сидит, но около двенадцати выходила на улицу, ходила по набережную реки Карповки, а потом в парк Попова, он там рядом. Короче, торчала на улице часа два оба дня. Выходит где-то в двенадцать, гуляет, сидит в парке до двух.

– А сейчас сколько? – Девочка посмотрела время в телефоне. – Двенадцать семнадцать. Я, наверное, тогда пойду. Какая там станция метро ближе всего?

– Петроградская. Каменноостровский проспект… Слышь, Свет, – внезапно перевел он тему разговора, – я так и не понял, а вы с Пахомом мутите или как?

Светлана не хотела ему врать, но и давать повод для продолжения разговора тоже.

– Пока все сложно, – сказала она, вспоминая его имя. – Пока, Саша, ты мне помог.

И сразу направилась к турникетам. Уже на эскалаторе оглянулась. Петя смотрел ей вслед.

Откуда в ней столько решительности, она и сама понять не могла. Но девочка была серьезно настроена на разговор с Аглаей.

Она очень, очень надеялась, что разговор этот у нее сложится так, как надо. Что она сможет уговорить Аглаю не конфликтовать. Тем более что у нее была информация о том, что Мама Тая обещает кучу всего хорошего, включая какое-то волшебное кольцо, за смерть Аглаи. Правда, Света еще не понимала, говорить об этом Аглае или нет. Ведь расскажи она об этом, то о дружбе с Мамой Таей речи уже, наверное, не будет. Но ей не давал покоя вопрос: а как теперь поведет себя Любопытный? Раньше он настаивал, чтобы Светлана договорилась с Аглаей, чтобы не менять удобное для него место концентрации, а теперь он, конечно же, будет за то, чтобы выполнить просьбу толстухи. В общем, все непросто, она даже не знала толком, о чем говорить с этой Мананой Гванцей. Просто ехала, и все. Вдруг дело как-нибудь сложится. Вдруг с Мананой удастся договориться о мире. И она не будет больше ей угрожать. И Свете не придется… убивать ее! У девочки даже мурашки по спине побежали. «Убивать ее!» От одной этой фразы становилось не по себе. «Нет, с ней обязательно нужно договориться, обязательно». С этими мыслями Светлана выскочила из вагона и быстро пошла к эскалатору. Сейчас тринадцать ноль семь. Она успевала. Лишь бы Манана была в парке.

Мартышка знал, куда ехать, а ведь Роэ даже не назвал адрес. Ясно было, что Гена разжился связями, крепчал, матерел на глазах. Виталий Леонидович видел это, отмечал для себя и молчал.

Частные дома с претензией, а заборы кривые, борщевик по обочинам трехметровый, старые раздавленные пластиковые бутылки, белые россыпи сигаретных фильтров, все вокруг утлое, включая убитые машины. Вот она, вотчина героиновых королев Санкт-Петербурга. Мартынов остановился как раз там, где нужно. Он специально не спрашивал у Роэ адрес, хотел показать, что всех и все уже знает.

– Жди тут, – бросил ему Виталий Леонидович и пошел к облупившимся, некогда красивым воротам.

Позвонил в звонок у двери в заборе, но дожидаться приглашения не стал, пошел во двор. На крыльце дома уже ждали две женщины. Колоритные, старая и молодая, одна простоволосая, в нормальной одежде, а старая в огромном платке с бахромой, все передние зубы из золота, усы над губой, на подбородке большая родинка с растущими из нее седыми волосинками.

– Э, Зола, гляди, какого орла нам ветром надуло, – говорит старая, и по ее тону не угадаешь, то ли с неприязнью говорит, то ли с сарказмом.

Молодая ухмыляется.

– Добрый день, Эсмеральда, – отвечает Виталий Леонидович нейтральным тоном. – Как поживаешь?

– Гляжу я на тебя и думаю, что живу я похуже твоего, – отвечает старая. – Не скажешь, как так?

– О чем ты, Эсмеральда, посмотри, сколько золота у тебя во рту, – шутливо замечает Роэ. – Не прибедняйся.

– Ладно, чего ты приехал?

– Ты, значит, сразу к делу переходишь? Даже в дом не пригласишь? Может, кофе попьем?

– Э-э… В какой еще дом тебя приглашать? Вор, варнак! – вдруг резко говорит молодая. – Кофе ему захотелось. Совсем обнаглел.

И старая ее не одернула, не шикнула на нее. Видно, дуры все еще обижаются, да и хрен с ними, пусть хоть лопнут от своих обид, поэтому Роэ продолжает как ни в чем не бывало:

– Дело есть, Эсмеральда.

– А есть ли мне дело до твоих дел, Роэ? – спрашивает старая с вызовом, а молодая еще и на ухо ей что-то нашептывает.

– А это не совсем мое дело, – продолжает Виталий Леонидович спокойно, – это Бледная велела червя найти.

– Бледная тебе велела? – почти кричит ему Зола. – Тебе велела, так ты и ищи, чего к нам приперся. Уматывай, не то людей соберу.

Но Роэ не слушает, смотрит только на старуху: «Ну, что скажешь?»

– Эсмеральда, я червя нашел. Осталось немного. Сделаешь – Бледная будет довольна.

– Плевать нам на твоего червя и твое дело, – не унималась молодая. – И на твою Бледную. Сами возитесь со своими червями.

«Отлично, отлично. – Виталий Леонидович про себя улыбается. – Как раз то, что нужно».

– Это опрометчивые слова, Эсмеральда, опрометчивые. Мне сказать Бледной, как вы ответили на мою просьбу?

Старуха смотрит на Золу, и та все понимает, только что кипела, чуть с крыльца не спрыгивала, а тут заткнулась.

– Так ты говоришь, нашел червя? – спрашивает Эсмеральда, старуха поняла, что им теперь не отвертеться.

– Да, это молодая девка, дело простое, – говорит Роэ.

– Простое? – Старуха помолчала, потрясла своей уродливой родинкой. – Вон у тебя шнырь твой в машине, отчего он не сделает этого простого дела?

– Надо все по канону, это не просто червь, за него сама Бледная просила, – говорит Роэ, но он не чувствовал себя комфортно с этим червем, поэтому не поручил дело Мартышке, поэтому приехал сюда.

– А что ты нам дашь за это? – снова завелась Зола.

«Тупое животное, ты все не успокоишься, ну, давай, скажи еще что-нибудь». Роэ проигнорировал вопрос.

– Ладно, – произнесла наконец Эсмеральда, – я пошлю туда своего.

– Пусть он будет с ножом, – напомнил Роэ, – пусть все будет как положено.

– Хорошо, он будет с ножом, – пообещала старуха.

Виталий Леонидович полез в карман и достал телефон:

– Вот ее фото, вот адрес, она должна вонять гарью, кому переслать все это?

Зола молча достала свой телефон.

Глава 49

Вышла из метро, а тут вдруг солнце. Для начала октября событие редкое. Это даже чуть воодушевило, ей всегда нравилось солнце, девочка любила юг и море. Ей пришлось спрашивать, где находится сквер Попова. Одна бабулька указала направление, и девочка пошла по Каменноостровскому проспекту. Она очень волновалась. Все думала и думала, что будет говорить Аглае. Думала, как начать, с чего начать. «Главное – не разозлить ее, она ведь чокнутая, с ней нужно аккуратно, ну а если ее начнет колбасить – убегу», – думала Светлана. И самое удивительное в том, что она была уверена, что эта встреча произойдет именно сейчас, а не когда-либо в будущем. Мало того, чем дальше она шла, тем увереннее становилась. Девочка сама не заметила, что идет так, будто знает этот проспект, этот сквер, а ведь она тут впервые. Она шла, словно корабль в бурю, нашедший сигнал радиомаяка. А вот и сквер. Тут хорошо, деревья мокрые, потерявшие половину листьев. Мокрые дорожки, еще не убранная с них пестрая листва, редкие прохожие. Здесь почти не слышно машин, хотя проспект рядом. А еще солнце. Редкое и совсем не горячее солнце осеннего Петербурга. Тут тихо, спокойно и хорошо. Не зря Аглая выбрала этот сквер для прогулок.

Света издали увидела скамейку и сидящую на ней женщину в вязаном пальто. Поначалу Светлана думала, что та торчит в телефоне, но, зайдя сбоку, поняла, что женщина держит в руках книгу. Вот теперь сердце девочки билось так, будто она финишировала после десяти тысяч метров. Света даже остановилась на секунду, собираясь с духом. Она уже могла рассмотреть женщину.

Это не Аглая. У этой маникюр, она причесана и опрятна. Носила сапожки на каблуке, а рядом с ней лежал зонт. Это Манана Гванца.

Ноги подкашивались от волнения. Стоять дальше смысла не было, она понимала это и, пересилив себя, прошла последние двадцать метров и села на край скамейки. Она еще раз подумала о том, что сейчас скажет, уже произнесла про себя первую фразу, когда услышала вдруг:

– Я уж подумала, что вы не решитесь начать.

Девочка от удивления раскрыла рот. Аглая, то есть Манана Гванца, заговорила первой, не поднимая глаз от книги. Все, что Света придумала, тут же вылетело у нее из головы. И все, на что ее хватило, было:

– Здравствуйте.

– Здравствуйте-здравствуйте, – тихо отвечала женщина, в ее речи слышался едва уловимый акцент.

Говорила Манана медленно, она показалась Светлане какой-то… сонной, что ли.

– Вы пришли меня убить? – спросила Манана.

– Убить? – удивилась Светлана. – Я? Нет. – Она растерялась. – Я просто… поговорить пришла, ну, пообщаться.

– Пообщаться? – Манана подняла на нее глаза. Они были чуть прикрыты, она и вправду казалась сонной. – Я сумасшедшая, о чем вы собирались говорить с сумасшедшей? Может, об Ольге Бузовой?

– О Бузовой? – Вопрос поставил Свету в тупик. – Нет, не о Бузовой. – Она немного подумала. – Я пришла поговорить о наших с вами делах.

– О наших делах? О каких еще наших делах?

– Ну, о том, что я там… ну, на вашей территории… обитаю… – начала Светлана. – Ну, это вам не нравится, но я…

– Да плевать мне на территорию, – оборвала ее Манана, она говорила это так лениво, словно собиралась зевнуть. – Дело не в территории, дело в том, что ТЫ – зло.

Она первый раз обратилась к девочке на «ты». И это обращение Светлане показалось очень резким, грубым. Девочка даже растерялась: «Что за бред? Она, кажется, и вправду больная. Точно! У нее кукушка уже покинула скворечник!»

– Я? – удивилась девочка. Она собиралась объяснить Манане, как обстоят дела. Может быть, вспомнить Маму Таю, но вместо этого лишь спросила: – Я - зло?

– Ты – зло! – на сей раз четко и совсем не сонно произнесла Манана.

– Вы ошибаетесь, – возразила Света мягко, она все еще надеялась, что может договориться с этой чокнутой. – Я никакое не зло, я пришла с вами просто поговорить.

– Да? Вы пришли поговорить? – Манана перешла на «сонный» голос. – Просто поговорить? А гнилую зачем с собой притащили? Для устрашения? Или для охраны?

– Кого? – не поняла Светлана. – Какую гнилую?

Манана не ответила, она смотрела куда-то мимо Светы, и девочка, чуть повернув голову, скосила глаза… И УВИДЕЛА ЕЕ!

По скверу с парой больших желтых листьев в руке прогуливалась Элегантная Дама. Она, как и всегда, была в бежевом плаще, черных сапогах, черных перчатках, черной антиковидной маске и больших солнцезащитных очках. На голове у нее был красный платок. Дама медленно шла по скверу метрах в тридцати от беседующих Светы и Мананы.

Когда девочка повернулась к Манане, та уже взяла зонт, закрыла книгу и встала.

– Может, ты и не знаешь этого, но ты зло. Я бы убила тебя прямо сейчас, но гнилая мне не даст этого сделать. Но там… – Манана сделала паузу и чуть наклонилась к Свете, – но там ее не будет, и я убью тебя при первой возможности. При первой возможности.

Она опять говорила Светлане «ты», не улыбалась, от ее сонливости и следа не осталось. Свете стало не по себе, девочка поняла, что Манана… – да никакая это уже не Манана, это была настоящая Аглая – что Аглая не шутит. Вообще не шутит. Девочка некоторое время растерянно глядела ей вслед, а потом решила взглянуть на Элегантную Даму, которую чокнутая называла «гнилой». Однако Дама исчезла, словно ее и не было. Судя по всему, договориться с Аглаей не вышло. Та убьет ее при первой возможности. Света так и сидела на лавочке, удивленная и немного подавленная, а тут еще пошел дождик.

Она вернулась домой, поблагодарила отца Серафима за то, что побыл с мамой. Стала готовить себе обед. Света так расстроилась после разговора с Аглаей, что позабыла про еду и ничего себе не купила, хотя деньги у нее имелись. Она варила макароны, а сама думала об Элегантной Даме. Кто она, почему стала так часто ей встречаться и

почему Аглая решила, что это Света ее с собой притащила в сквер? Она поела маскароны с кетчупом, потом кусочек булочки с маслом и чай. И даже с грустными мыслями эта незамысловатая еда показалась ей очень вкусной. Девочка была готова съесть еще столько же, ну или хотя бы выпить еще чая с булкой, но побоялась. Она и так заметно… Нет, не потолстела, а покрепчала. Ей теперь точно нужны не только новые кроссовки, но и новые штаны.

Нафиса пришла пораньше, чтобы Светлана смогла сходить за близнецами в детский сад. А в этот вечер они как с цепи сорвались.

Воспитательница на них пожаловалась, сказала, что дрались и обзывали других детей. Светлана стала проводить расследование по пути домой, и все прояснилось. Затевал, как всегда, все Максим, а Колька выступал в роли исполнителя. Чувствуя неприятности и зная, что сестра им дома устроит, может ведь и от компьютера отлучить, братья стали переругиваться, спихивая вину друг на друга, потом все перешло к обзывательствам. Это тоже было делом привычным, ну а дальше по обычной братской программе, Колька, шедший слева от Светланы, чуть притормозил, забежал сзади и пнул Макса. Макс кинулся мстить, и это как раз тогда, когда они шли через детскую площадку, на которой было много детей и мам. Два балбеса не могли потерпеть до дома и затеяли драку прямо на улице. Света разозлилась, схватила одного за руку, другого за руку, хотела их развести, но вместо этого подняла обоих в воздух, говоря сквозь зубы:

– А ну-ка… прекратили быстро, получите дома оба!

– Отпусти! – заверещал Колька больше от обиды, чем от боли.

– Успокоился, я сказала, – шипела Света, – дома я с вами поговорю еще.

Хотела обоим под зад дать, но постеснялась, и так мамаши смотрели на них. Опустила братьев на землю и поняла, что держала каждого в руке и даже не чувствовала тяжести, будто несла два пакета туалетной бумаги. А на самом-то деле они ребята не тощие, каждый килограммов двадцать с лишним.

Она напрягла мышцы под одеждой и незаметно попробовала свои руки выше локтя. Да, у нее были хорошие мышцы, с такими хоть в десятиборье записывайся. При этом она полна сил и энергии, прекрасно себя чувствовала, и случись сейчас соревнования, она бы прямо с места пробежала и сто метров, и четыреста, и десять тысяч.

Осознание крутой спортивной формы отвлекло ее от неприятных мыслей, и в этот вечер тучи, сгущавшиеся над головами Кольки и Макса, прошли стороной, и братья благополучно засели за компьютер. А девочка не могла понять, как и когда набрала и вес, и силу, ведь она почти не тренировалась, а если и бегала, то только для того, чтобы форму поддерживать. А тут вон как все. Может, это возрастное? А еще у нее голова шла кругом, столько событий, столько происшествий. Ее переполняли мысли, эмоции, доставали сомнения. Но ей не с кем было всем этим поделиться. Папе лучше вообще ничего не говорить. А кому? Отцу Серафиму? Ну, может быть. Лю? Да, с Лю она многим могла поделиться, но Любопытный там, а не здесь. Кстати, нужно будет у него обязательно спросить, почему Аглая считает ее злом. И кто эта женщина, которую Аглая назвала «гнилой». Хотя откуда ему знать? Он, конечно, умный, но… Светлана взяла телефон.

Опять близнецы ругаются, Нафиса пошла на кухню за чаем. А Светлана стала прокручивать список абонентов, впрочем, он был у нее не такой и большой.

«Пахомов». Нажать? Не нажать? Она не решалась. А что она ему скажет? «Привет, Пахомов, как твои ребра? Кто тебя избил? А знаешь, я стала сильной и в следующий раз смогу заступиться за тебя. А еще меня называет злом одна баба из моих снов, ну, не то чтобы из снов, ты не подумай, она и в реале существует, она же грозится меня убить при первой возможности. Как ты думаешь, мне взять на нее заказ? За нее мне обещают одну крутую фигню, которую очень хочет получить мой воображаемый друг из какого-то не нашего времени или еще там откуда-то».

Опять этот сарказм, и все на ту же тему. Ну, так хоть повеселее. Да, она по-прежнему никому не могла рассказать про все, что стало частью ее жизни. Причем большей частью. Ее отвлекают. Опять ругаются.

– А ну прекратили! – закричала она братьям. – Если еще раз услышу, что ругаетесь, – пойдете спать!

Те замолчали, покосились на сестру, потом продолжили играть. Света все-таки не стала звонить. Спрятала телефон. А то вдруг Пахомов еще и в классе про нее разболтает. Мало что зовут «спортивной», так еще будут называть «разговаривающей с духами». Нет. Этого девочке точно не нужно.

Она уже знала, что хочет обсудить Любопытный. Едва он начал свое обычное «человек Светлана-Света», девочка поняла, что дальше речь пойдет о том, чтобы тут остаться.

– Я думаю, что нам пока лучше остаться на этом месте. Да, вы не сможете окрепнуть для дальнего пути, пока как следует не разведаем дорогу на север. А вот когда мы будем готовы, так и начнем движение.

Света не торопится отвечать. «Мне интересно, а что ты теперь скажешь про Аглаю?» – думает она и наконец произносит:

– Я встречалась с Аглаей.

– Любопытно, вы пришли к какой-нибудь договоренности с ней?

– Угу! Договорились, что она убьет меня при первой возможности. Она была очень серьезна, не шутила.

Голос отвечает почти сразу; если бы у него было лицо, Света была уверена – сейчас бы оно сияло:

– Что ж, своей бескомпромиссностью она не оставила нам шансов на мирное разрешение вопроса. Теперь нам придется ее деструктурировать.

«Деструктурировать». Красивое словечко, намного лучше, чем «убить». Девочка, конечно, рада, что он пришел к этому выводу, но деструктурировать, убить… Пока это только слова.

– И как же я ее… деструктурирую? Вы видели ее, она здоровая, как мужик, она меня… Даже не знаю, что она со мной сделает, если я не убегу.

– Жабы маленькие, но их никто не ест, – произнес Лю. – Мы найдем способ разрешить эту проблему. И тогда у нас будут основания просить у Мамы Таи артефакт, который, несомненно, будет нам очень полезен в дороге.

«Да, кажется, он очень тебе нужен, этот артефакт, наверное, аж кушать не можешь», – подумала Светлана, но решила сейчас не заострять на этом внимания.

– Отравить ее? Жабьим жиром?

– Надо попытаться. Я буду наблюдать за ней некоторое время. Выясню, когда она приходит, когда уходит из Истока. Где обычно бывает, что делает, какими предметами пользуется. Главное – выяснить, где ее место. Когда все будет ясно, мы попытаемся ее деструктурировать.

«Попытаемся! Боюсь, что у нас будет всего одна попытка!»

А Любопытный, словно услыхав ее мысли, продолжил:

– Учитывая вашу ценность для меня, я, со своей стороны, предприму все, чтобы снизить долю риска до минимума.

– Ну и что будем делать? – Эти его слова Светлане понравились.

– Я думаю провести исследования Аглаи со всей тщательностью. Мы должны быть готовы к тому, что это может занять некоторое время, не знаю, сколько точно. Но вам придется подождать.

– Подождать, но не знаете сколько? День, неделю… Сколько?

– Вы, Светлана-Света, оказали мне большую услугу, создав для меня такую удобную точку для отдыха, но даже с ней я все равно не могу находиться в Истоке столько, сколько мне бы хотелось. Поэтому наблюдение за Аглаей и займет какое-то время, по вашему пониманию, может быть, и продолжительное.

– То есть не знаете?

– Я не могу сказать определенно, я не располагаю вводными для анализа. Это дело для меня новое. Я еще никогда не собирался здесь кого-то деструктурировать. Но я сегодня же начну наблюдать. И готовиться.

– Просто пока вы, Лю, собираетесь за ней наблюдать и готовиться, она будет на меня охотиться, – сказала девочка и поежилась от своих слов, так они были убедительны.

– Да, это так. Но я пока не знаю, как можно ускорить процесс.

– А если я еще раз схожу за пылью, вы сможете находиться тут дольше, или как там у вас это работает?

– Да, это увеличит мое время пребывания тут, но я бы…

Девочка затрясла головой, ей не хотелось снова слушать про то, как он ей благодарен, она хотела слышать другое:

– Если достать еще черной пыли, вы сможете больше следить за ней и закончить все быстрее?

– Я не вправе просить вас об этом, – отозвался Любопытный. – Думаю, мы обойдемся и без этого. Я постараюсь ускорить процесс.

Светлана начала раздражаться от его неуступчивости, она видела, что голос почему-то не хочет, чтобы она ходила за Черту, но также девочка понимала – слова Аглаи нужно воспринимать всерьез. Чокнутая не шутила. И Свете нужно было либо уходить отсюда подальше, либо быстрее… решить вопрос с Аглаей раз и навсегда. Очень и очень не хотела девочка сидеть тут, в депошке, когда рядом

лазит эта больная и страшная баба. И если для ускорения дела нужно еще раз сходить за Черту, она сходит. Она сбегает.

– Лю, если я принесу еще пыли, вы сможете быстрее все выяснить про Аглаю?

Ей нужен был ответ только на этот вопрос. Только на этот! И Любопытный, судя по всему, понял:

– Безусловно, укрепление защитного периметра точки концентрации при помощи вещества из-за Черты увеличит мои возможности концентрации и возможность накопления нужных мне для существования в здешних условия ресурсов. А это, в свою очередь, естественно увеличит как длительность моего пребывания здесь, так и радиус моего наблюдения. А возможно… Возможно, и даст мне доступ к взаимодействию с другими обитателями этого места. В общем, лишняя банка пыли ускорит процесс, но не думаю, что это будет значительное ускорение.

«Господи, Лю, ну какой же ты нудный, иногда приходится вдумываться в каждое твое слово, чтобы понять, что ты сказал! Неужели нельзя просто сказать „да“ или „нет“. Вот сиди теперь и думай: что он имел в виду?»

Впрочем, главное Светлана уловила:

– Значит, банка черной пыли увеличит ваши возможности? И ускорит дело?

– Безусловно. – Лю, кажется, все еще был против. – Вот только я еще раз попытаюсь довести до вас мысль о том, что это будет дело небезопасное для вас. К сожалению, я не со всеми особями вашего вида могу устанавливать контакт, но один индивид сообщал мне о своих наблюдениях. Он тоже ходил за Черту и уверял меня, что каждый следующий поход становится опаснее предыдущего.

Теперь Светлана внимательно слушала, а Любопытный продолжал:

– Он рассказывал, что страж появлялся с каждым разом все быстрее и искал его все осознаннее. Как будто страж учится. Это он рассказал мне как раз перед последним своим походом за Черту.

Да-да, опять страж. Но эта светлая субстанция ну никак не казалась Светлане опасной. Ерунда. Однако ее заинтересовало кое-что другое:

– Лю, а этот, как его там, индивид, он тоже ходил за пылью?

– К сожалению, нет, – отвечал голос, – у меня не было того, что он счел бы для себя ценным, а взаимодействие со мной он ценным не посчитал. Он не стал приносить пыль, сказал, что там, за Чертой, у него не так много времени, чтобы еще собирать вещество, которое не даст ему заметной выгоды.

– Интересно. А зачем же он туда ходил? Да еще и не раз!

– Мне он об этом не говорил, а сам я понять не смог, слишком мало данных для анализа. Но уверен, что там есть что-то ценное, раз он готов был ради этого неоднократно рисковать своим собственным существованием.

Светлане стало еще интереснее. Но сейчас ее больше волновал евопрос с Аглаей, и девочка произнесла:

– Я схожу за пылью, Лю. Чокнутая, после нашего разговора, про меня теперь не забудет. Надо разобраться с ней побыстрее. Она сказала, что я – зло. Лю, что значит «зло», что она имела в виду, как вы думаете?

– «Зло»? Это всего-навсего субъективизм, примитивный мировоззренческий термин. Упрощенное понимание какого-либо явления, рассматриваемого всего с одной точки зрения. Полагаю, что никакого объективного «зла» как абсолютного феномена не существует. Для Аглаи, с ее точки зрения, ваше пребывание в контролируемой ею области – безусловное зло. А с точки зрения Мамы Таи ваше пребывание в той же локации – безусловное добро, так как, возможно, ваше пребывание здесь ослабляет Аглаю. Резюмируя, могу сказать: никакого зла не существует. Тем более неуместно распространять понятие «зла», даже в виде субъективизма, на вас, Светлана-Света. Вы, насколько я могу судить, абсолютно бесконфликтный индивид, не готовый по своей воле применять к окружающим деструктивные действия без крайней на то необходимости.

– Да-да. – Света, может, и не все поняла, но уловила главное: зло не всегда и не для всех таковым является, и еще то, что она, Света, хороший человек. – Аглая сама напрашивается. Я тут ни при чем.

Ее мучил еще один вопрос. И она задала его:

– Лю, а кто такая «гнилая»?

– «Гнилая»? – Лю, кажется, обдумывал ответ. – Исходя из семантики, это некто или нечто, подверженное процессу гниения. Судя по вашему вопросу, в котором вы упомянули слово «кто», предположу, что это особь вашего вида и вашего пола, которая подвержена

воздействию гнилостных бактерий и поражена продуктами их жизнедеятельности.

Да, Лю явно не мог рассказать, кто такая «гнилая». И секрет Элегантной Дамы для Светланы так и остался секретом. Ладно, девочка решила, что рано или поздно она и сама это выяснит.

Она встала:

– Лю, может, пойдем уже? Проводите меня хотя бы до Белого леса, я принесу по-быстрому баночку пыли, и вы начнете наблюдение.

– По-быстрому? – Любопытный сделал паузу. – Я хочу напомнить вам, Светлана-Света, что для проникновения за Черту вам сначала надо найти жука.

– Ах да, я и забыла, – произнесла девочка, застегивая куртку и беря рюкзак. – Но вы же знаете, где его найти?

– Знаю, тот индивид, что ходил за Черту, сказал, где они водятся в большом количестве. Нам нужно идти на юго-восток, на танцы.

Света, которая уже взяла в руки палку, остановилась от удивления:

– Куда? На танцы? На какие еще танцы?

– Тот индивид называл место, где водятся жуки, «танцами», – пояснил голос.

– Офигеть, – только и смогла сказать девочка.

– Я там не был, у меня тогда еще не было возможности отходить отсюда так далеко, как сейчас, но направление я знаю точно. Если вы готовы, Светлана-Света, мы можем идти, пока Аглаи нигде поблизости нет.

– Хорошо, только сначала забегу к жабе, – произнесла Светлана.

– Это разумно, – согласился Любопытный. – В этих опасных местах всегда нужно быть во всеоружии.

Развалины, что тянулись по восточной стороне проспекта Гагарина, были обширны.

– Там слишком много разнообразных существ. Туман уже кончается, они скоро активизируются, и нам лучше обойти этот массив; пойдем по магистрали и на первом повороте свернем на восток, – предложил Лю.

Так и поступили. Она быстро добежала до пересечения Гагарина и Типанова и повернула налево к проспекту Славы. Тут водились круглоголовые кошки, их было много; чтобы не встречаться с ними, пришлось чуть-чуть уйти в сторону к высоким целым домам. А там

пришлось уклоняться от встречи с муходедом, который бродил по парковке, забитой машинами. Света пробежала мимо «Окея» и побежала вниз к проспекту Славы.

И вскоре почувствовала запах фекалий. Несильный, но вполне отчетливый. Откуда пахло канализацией, она поначалу не понимала. «Фу, блин, что это?»

Но, пробежав еще метров двести, увидела перед собой в низине под железнодорожным мостиком, который шел поверх автомобильной трассы, огромную желтую лужу. Вернее, это было маленькое озеро, обойти которое не представлялось возможным. А уже пересекать преграду, непосредственно соприкасаясь с желтой жидкостью, ей и вовсе не улыбалось.

– И как я тут пройду? – Светлана остановилась, оглядываясь и морща нос от мерзкого запаха.

– Я не подумал об этом, – ответил Любопытный. – Сейчас погляжу, где вам лучше пройти.

И уже через минуту, пока Света искала место, где спрятаться, голос уже говорил:

– Берите на юг и до насыпи, а потом снова на восток, на саму насыпь, там жидкости нет, за насыпью она опять протекает, но вы идите поверху, дальше будет конструкция, которая позволит вам перейти поверх жидкости.

«Конструкция, которая позволит перейти поверх жидкости? Что он имеет в виду?»

Обошла огромную воняющую лужу справа, поднялась на железнодорожную насыпь. Осмотрелась. Сразу за насыпью, даже под ней, – небольшая вонючая речка из желтой жидкости, ее берега заросли черными колючками. Солнце печет, и, наверное, поэтому даже тут, на ветреном месте чувствовалась вонь. Странно, на севере медузы болтались, на западе пара висела, а на востоке ни одной. Зато там что-то темнело, большое, как облако. А может, шлейф дыма от пожара. И было видно, как над этой темнотой кружит дикое количество птиц. Места там явно неприятные.

– Нам туда? – спросила Светлана, надеясь, что это не так.

– Да, как раз туда, – огорчил Любопытный. – Именно ту локацию индивид называл танцами.

«Танцы?» Девочка вздохнула и быстро пошла по железнодорожной насыпи на юг, она уже видела мостик без перил, который висел над желтой жидкостью. Светлане пришлось пройти не менее двух сотен метров, пока она поняла, что это не мостик, а большая труба, выходящая из насыпи и уходящая в землю за рекой. Ну, что ж, придется пройти по трубе. Девочка спустилась к ней, вспугнув стаю существ, которых называла крысами. Она осмотрела трубу. Слава богу, сухая.

– Вам стоит быть внимательной, в этой жидкости обитают неприятные живые организмы, – произнес Лю.

Словно в подтверждение там шевельнулось что-то большое, длинное, дернулось так, что даже в тягучей жиже получился всплеск. «Крокодилы? – Света, уже поставившая ногу на трубу, остановилась. – Офигеть».

И к месту всплеска потянулось еще одно животное, изгибаясь при движении всем телом, круглая бугристая голова и пилообразный хвост были видны на поверхности.

«Мамочки! Да он метра три, не меньше!»

Девочка не стала дожидаться, пока под трубой соберется этих крокодилов побольше, и, стараясь не терять равновесия, пошла на другую сторону. Благо труба была и сухой, и широкой. А за Светой, словно ждали приглашения, побежали крысы, целая стая, штук десять. Кажется, крокодилы смотрели на них из жижи.

– А что там горит? – спросила она у Любопытного, глядя на юго-восток.

– Не знаю, – ответил тот. – Я тут впервые, сейчас пойдем и посмотрим.

Местность от реки и дальше была исковерканной, ухабы на сером и коричневом грунте, повсюду куски бетона и арматуры, и до самого темного облака – черные колючки среди небольших пятен серебряного мха. Особо тут не разбежишься, и девочка пошла быстрым шагом.

Она недолго шла, пока не услышала низкое и глубокое шипение.

– Лю, вы еще не рассмотрели, что там?

– Пытаюсь, но пока не могу разобрать.

Она стала вглядываться в большие клубы дыма, но, судя по всему, он был еще далеко, запаха гари она не чувствовала. Зато все отчетливее ощущался другой запах. Однажды она в магазине «Лента» купила уцененную курицу в герметичной упаковке, радовалась, что купила ее

за полцены, а когда пришла домой и распаковала птицу, в нос ударил сильный запах тухлятины. Вот и тут воняло так же. Тухлятина и все усиливающееся шипение. И еще мухи… Огромные, как цикады, красноглазые мухи докучали все больше и больше. Их тут было немало. Светлана прямо на лету сбила одну из этих уродин, что пыталась присесть на лицо, а Лю в это время и говорит:

– Облака впереди – это насекомые.

– Насекомые? – Девочка даже остановилась. – Это они шипят?

– Да, этот шум издают они, их там очень много. Но я видел среди них и нужного нам жука.

– Офигеть!

Но ей нужно идти дальше. Светлана застегнула замок куртки до конца, подняла воротник, натянула капюшон, затянула на нем шнурки. Хорошо, что куртка была чуть велика, она легко смогла спрятать руки в рукава. Открытыми остались лишь нос и глаза. Хорошо упаковалась. Так лучше. И только после этого она пошла дальше.

Мух становилось очень много. Когда девочка сделала еще пять сотен шагов, мух в воздухе стало столько, что ничего другого, кроме их отвратного жужжания, не было слышно. Каждый раз, когда Света взмахивала палкой, она обязательно сбивала одну или двух мух. Так и шла девочка по колдобинам, отмахиваясь от мух, оглохнув от их жужжания и стараясь не дышать носом, так как вонь усиливалась с каждым шагом.

Глава 50

Вихри. Сначала она подумала, что это столб перед ней. Столб, уходивший в небо и шевелящийся, все время меняющий форму. Света уже ничему не удивлялась, просто шла дальше, а когда подошла ближе, поняла, что это никакой не столб, а огромное количество мух, медленно кружащихся вместе в одном направлении. А потом она вдруг поняла, что… мухи были, кажется, мертвы, они просто плавно крутились в медленном вихре, как чаинки в стакане с раскрученным ложкой чаем.

Девочка остановилась, а Любопытный сказал:

– Отнеситесь к этому явлению с максимальным вниманием. Мне кажется, это не завихрения краев воздушных масс, рискну предположить, что это какая-то гравитационная аномалия. Мне она представляется очень интересной, но для вас может быть опасна.

– Пипец, гравитационные аномалии… – Светлане приходилось кричать, иначе она даже сама себя не слышала. – Лучше их обходить подальше?

– Думаю, именно такое поведение будет наиболее разумным.

– Лю, а вы там жуков-то нигде не видите? – Светлане уже не хотелось идти дальше.

– Я ищу их, ищу. Как только замечу, я вам сразу дам знать, – пообещал голос. – Но мне кажется, что нам придется пройти еще немного.

Девочка вздохнула и, прикрывая ладонью нос от десятка кружащихся мух, пошла дальше.

Еще один «столб»: она прошла всего метров пятьдесят и увидела черное, мертвое дерево с раскидистыми ветками, на дереве сидели

похожие на уродливых чаек птицы из породы тех, с одной из которых Светлана встречалась в заброшенном доме. Птицы были необычайно крупны и жирны. Как они только могли летать с такими телами?

А сразу за деревом кружился столб. На этот раз он был не такой темный. Мух в нем было мало. Зато там кружился вокруг своей оси… Голый, пузатый, распухший мужчина. Голова закинута, лицо вверх, словно он смотрел на небо, получая от вращения удовольствие. Ноги сплетены и вытянуты, а руки раскинуты в разные стороны. На одной из рук лейкопластырем закреплен медицинский катетер с обрывком капельницы. Мужик так и кружится, и кружится. Теперь Света поняла, почему знакомый Лю индивид называл это место «танцами». Наверно, это казалось ему остроумным. Вот только кружащийся в танце мужчина был давно мертв, он уже и посерел весь, и на его теле виднелись почти черные трупные пятна.

Девочка отвернулась и двинулась дальше, в еще большую темноту, куда идти ей совсем не хотелось. Хорошо, что Лю сказал, когда она не успела пройти и сотни шагов:

– Светлана-Света, я нашел жука. Поворачивайте направо. Вон, справа от вас еще одна аномалия, а рядом с ней останки. На них есть жук.

«Слава богу». Светлана прибавила шаг. Она почти оглохла от нескончаемого звука жужжащих мух, уже плохо разбирала дорогу, даже палку один раз выронила, но все равно шла туда, куда вел Любопытный. Следующий «танец» исполняла старая голая женщина, она висела, выгнувшись животом вверх, широко раскинув ноги и руки в разные стороны, только ее седые волосы свисали вниз, она вращалась так же медленно, как и пузатый мужчина. А над ней, синхронно с ней, вращалась большая дохлая птица. Вонь тут стояла невыносимая: даже прячась за воротником куртки, Светлана едва не задыхалась от запаха тления.

– Вот, справа от вас корпус существа, – произнес голос.

Девочка и сама уже разглядела, она бы поняла, что это, еще раньше, не будь труп усыпан блестящими и крепкими кусаками и мухами, среди которых белели мощные и клыкастые личинки с черными головами.

– Видите жука? – спросил Лю.

Да, он выделялся из всего живого месива яркими оранжевыми пятнами на панцире. Девочка уже скинула рюкзак, уже доставала из него банку.

Ей пришлось задержать дыхание, чтобы подавить рвотный рефлекс. Она развела крышку и банку в разные стороны и, старясь не зачерпнуть лишних насекомых, подтолкнула жука в банку. Мерзкий жук пытался цепляться за гнилые ткани трупа, не хотел лезть, но Света затолкала его и сразу завернула крышку. Попался, ублюдок. Банку в рюкзак, рюкзак за плечи, палку в руки.

– Все, Лю, он у меня. – Девочка дернулась от сильнейшего рвотного спазма.

Все, бежать отсюда, бежать быстрее.

Это было просто невыносимо: жара, выворачивающая наизнанку вонь, и, главное – мухи, мухи, мухи, которые садились на нее, сколько бы она их ни отгоняла. А еще эти люди, медленно кружащиеся в танце смерти в метре или двух от земли. Голые, распухшие, серые, страшные. Если бы не Лю, который нашел жука, если бы не его спокойный голос, который, как маяк, давал ей надежду в этом гудящем полумраке, она точно повернула бы обратно. Но теперь в рюкзаке, в стеклянной банке скребет своими мерзкими лапами большой черный жук с оранжевыми пятнами и уродливой головой. Дело сделано.

Отвела братьев в сад, покормила папу, отсчитала шесть тысяч рублей на кроссовки – надо же их, наконец, купить – и побежала в школу. Скоро день рождения, и Света считала, что заслужила пару обновок.

А в школе произошло вот что. Перед вторым уроком вошли классный руководитель Данила Сергеевич и завуч Марина Евгеньевна. И они с серьезными лицами стали рассказывать про Пахомова, мол, он вел неправильную жизнь – «Вы все знаете, какую», водил знакомства с опасными людьми, и вот чем все закончилось, он лежит в больнице в реанимации. Жизни его ничто не угрожает, но пусть для всех этот случай послужит уроком.

– А в какой больнице он лежит? – спросил Мурат Сабаев.

– Да, кстати, ребята, его нужно навестить. Он в «двадцатке» на Гастелло.

– Навестим, – пообещал Мурат.

– Только после уроков, – строго потребовала завуч.

А у Светланы в кармане олимпийки как раз лежали ключи от дачи Пахомова. И она подумала, что это будет хороший предлог для визита. Ведь она хотела поболтать с ним, выяснить, что все-таки произошло. С этого урока девочка, конечно, сбежать не смогла, но на третий урок она уже не осталась.

И через пятнадцать минут Света поднималась на четвертый этаж больницы, в отделение, где лежал Пахомов. В палате, кроме него, находилось еще двое мужчин. Девочка поздоровалась.

– Фома! – радостно произнес или, скорее, прошипел Пахомов, поднимая руку, чтобы она его увидела. – Я тут!

«Дурак!» Она подошла к кровати, бросила на пол рюкзак и сказала с претензией:

– Пахомов, у меня вообще-то имя есть.

– Ага, я помню, Света, а мне сказали не ходить и сильно не орать, не курить, короче, лежать и молчать, а я уже озверел видосики смотреть. По телефону говорить не могу, меня не слышат, Ютубом и игрухами спасаюсь. – Он показал девочке планшет.

Кажется, у него была забинтована грудь, Светлана толком не могла разглядеть, и еще он вроде как похудел. Но веселый, как всегда.

– А что с тобой произошло? – спросила девочка и без приглашения села на край его кровати.

– А, это… Короче, слушай. Короче, иду в школу, а тут двое ко мне, оба модные такие, на прикиде, показывают мне монету и говорят: «Где взял?» Я такой: «Знать не знаю. Че цепляетесь?» Я поначалу думал, что это их Валяй послал, деньги вытрясти обратно, но ни фига, мужики были серьезные. И деньги их вообще не интересовали. Только одно спрашивали: «У кого взял монету?»

Бред какой-то, Света ничего не понимала. Она нашла эту монету бог знает где, у себя во сне, между прочим, зачем каким-то серьезным мужикам выяснять, откуда она? А Пахом стал шептать:

– Короче, я ничего про тебя не сказал, говорю: «Отвалите», а там один стал буреть, ну я ему и накатил пару раз. Но их было двое… А они, сразу видно, крутые мэны. Ну вот они мне ребра и поломали. – Пахомов уже хвастался, сейчас он походил на маленького мальчишку.

Но Светлане это не казалось глупым. Она видела, что он ждет благодарности, и вдруг, сама себе удивляясь, прикоснулась к руке

Пахомова, что лежала поверх одеяла:

– Спасибо тебе, Владик.

Пахомов покраснел и прошептал сконфуженно:

– Не зови меня так. – Но взял руку Светланы.

– Почему? – удивилась Светлана.

– Стремно себя чувствую, меня так только мама называет. Остальные Пахомом. Или по фамилии.

– Ну ладно, – согласилась девочка.

Ей было немного неловко. Вот так сидеть, когда парень держит тебя за руку, как-то… неудобно, но в то же время и круто, волнительно. И все-таки больше неудобно, чем круто, и она вытащила свою руку из его теплых пальцев. А то мужчины подумают чего. Хотя они даже и не смотрели в их сторону.

– Может, тебе купить чего? – спросила девочка.

– О! Точно, – обрадовался Пахомов. – Шавуху с пивом принеси!

– С пивом? – переспросила Светлана язвительно. – А еще что принести?

– Ну, с фантой тогда, – согласился одноклассник. – А шавуху из той забегаловки, в которой мы с тобой ели, помнишь?

Она все помнила.

– Вот, отдай маме и скажи ей спасибо. – Девочка положила на одеяло ключи от дачи. – Я пойду.

– Свет?

– Что? – Она уже встала.

– А ты еще придешь?

Опять он выглядел как маленький мальчишка. Девочка кивнула:

– Ну, шаверму-то я тебе обещала. Конечно, приду. Завтра.

Домой еще рано, пришлось бы опять что-то врать папе. Конечно, можно было остаться поболтать с Пахомовым, но она чувствовала себя неловко. Завтра принесет ему шаверму и еще поговорит. А сейчас, чтобы не идти домой, она вышла из больницы и повернула в обратную сторону. Света решила обойти квартал и зайти в Чесменскую церковь, к отцу Серафиму. Она хотела узнать, отвез ли он монету на аукцион.

Девочка уже свернула на Авиационную улицу, которая всегда немноголюдна. И машин здесь немного. Мельком увидела, как через дорогу бежит мальчишка. Она бы не обратила на него внимания, если

бы он переходил дорогу в положенном месте, как раз недалеко была «зебра». А так ему посигналила проезжавшая машина, и Света повернула голову в ту сторону.

Это был чернявый паренек лет тринадцати-четырнадцати, одет не очень, вещи на нем были грязные, а еще он нес что-то с собой. Нес то, что не хотел никому показывать и прятал под старой майкой на животе. Перебежав улицу, он пошел Светлане навстречу.

Мальчик был чумаз, словно не умывался несколько дней. Лицо перекошено болезненной гримасой, он выглядел каким-то ущербным. Девочка даже подумала, что от него нужно держаться подальше, бог знает, что он там прячет под майкой. Но она не останавливалась, а когда до него оставалось всего пять-шесть метров, вдруг из-за спины девочки кто-то вынырнул, и бежевый плащ оказался между ней и этим мальчишкой. Светлана была ошеломлена – прямо перед ней шла Элегантная Дама. Дама чуть наклонилась и, как шлагбаум, выставила вбок правую руку в черной перчатке. Она будто знала, что чумазый мальчишка выхватит из-под майки нож с длинным черным лезвием и с этим ножом и со своей перекошенной рожей кинется вперед. Светлана остановилась и уже хотела бежать, но этого делать не пришлось…

Одним движением Элегантная Дама перехватила мальчишку за талию. И с необыкновенной легкостью закинула его себе на плечо. Он заорал, стал сучить ножками, но она его не выпускала; тогда он своим ножом стал наносить ей удар за ударом по спине и по правому боку, протыкая красивый плащ и продолжая истошно визжать. И тут Элегантная Дама сделала то, чего Светлана ожидала от нее меньше всего. Она подкинула мальчишку вверх, ловко перехватила его, взяв покрепче и чуть задержав на поднятых руках, и с размаха, по большой амплитуде, шваркнула об асфальт. Так, что пыль слегка взметнулась из-под тела мальчишки. Его черный нож заскользил по асфальту вперед.

Больше всего девочку поразил звук удара головы мальчишки об асфальт. Этот звук трудно было воспроизвести и еще труднее забыть. Чернявый застыл, его глаза выпучились и смотрели в небо. А под его головой асфальт уже почернел влажным пятном. Элегантная Дама на удивление спокойно подошла к Светлане, взяла ее под руку, как будто старая знакомая, и сказала довольно холодно:

– Здесь не нужно стоять. Пошли.

Платок, маска, очки, перчатки. Полоска лба, больше ничего не видно. Она была загадочной и страшной. Тем не менее девочка послушно пошла с ней. А Дама, не останавливаясь, подняла с земли оружие мальчишки.

– Вы… Вы его убили…

– Это десса, их не так уж легко убить, – ответила Дама все так же холодно.

– Десса… – повторила Светлана растерянно.

– Ублюдки, не знающие уважения, их еще зовут непочтительные, – продолжала Дама.

Девочка обернулась. Мальчишка был жив, от его головы на асфальте осталось мокрое пятно, но он, хоть и с трудом, вставал. Сел, чуть посидел и уже после этого поднялся на ноги. Его затылок был такой же плоский, как асфальт, от которого его оторвали, но мальчишка все равно встал и, пошатываясь, пошел через дорогу. А Элегантная Дама, придерживая Светлану под руку, повела ее в другую сторону. У девочки было много вопросов, но Дама опередила:

– Ни при каких обстоятельствах не смей задавать мне вопросы. Если задашь хоть один вопрос, я… выдавлю тебе для начала зуб. Поняла?

– Да, – согласилась девочка, хотя ничего не понимала.

Не спрашивать так не спрашивать. Сомневаться в том, что Элегантная Дама сможет выдавить зуб, Светлана и не думала.

– Все что нужно, я расскажу тебе потом. Когда придет время, – продолжала Дама.

Они дошли до перекрестка Авиационной и Ленсовета, и тут Элегантная Дама протянула девочке нож:

– Ценная вещь, может тебе пригодиться и хорошо послужить. Но имей в виду, за ним обязательно придут хозяева. И они тебе не понравятся… – Женщина сделала паузу. – Решай сама, брать или нет.

Нож был из старого черного железа, длиной в локоть Светланы. Рукоять из такого же старого дерева, обмотана какой-то тканью или тряпичной изолентой. Все в ноже было древним и темным, кроме белоснежной полосы бритвенно-острой заточки по одному краю лезвия. Красивая вещь! Зловещая…

– Ну, берешь или нет? – поторопила Дама.

Света, хоть и не собиралась, но отказаться не смогла, взяла в руки страшное орудие. Как-то само оно вышло. Взяла, и рука будто прилипла к крепкой рукояти. И ей это понравилось, она почувствовала себя вооруженной. Девочка уже и позабыла про мальчишку-дессу. Бог с ним. Теперь она разглядывала нож.

– Я так и знала, что ты его возьмешь, – произнесла элегантная Дама. – Ты очень храбрая или очень тупая.

Элегантная Дама повернулась и пошла к светофору. А Светлана осталась стоять, она снова взглянула на нож. Да, он впечатлял. Хоть ей и запретили, но у нее была целая куча вопросов. Она оторвала глаза от оружия. Удивительное дело: Элегантной Дамы уже нигде не было.